

ПОДРОЖНИК

ВЫПУСК 14

Татьяне Венгеровне спасибо
с глубоким уважением за великий
труд сохранения семейной памяти
и благодарности за участие
в альманахе.

В. Белоусов

6 мая 2017 г.

ПОДРОЖНИК

Краеведческий альманах
Выпуск 14

Редактор-составитель
В. К. Белобородов

Ханты-Мансийск
Принт-Класс
2014

ББК 63.3 (2Рос-6Хан)

П 44

П 44 **Подорожник** : Краеведческий альманах / сост. Валерий Белобородов. — Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2014. — Вып. 14. — 300 с.

© Государственная библиотека Югры,
издание, 2014

© Белобородов В.К., составление, 2014

© ООО «Принт-Класс», оформление,
печать, 2014

ISBN 978-5-4289-0084-2

IV Лопаревские чтения

Конференция проходила в актовом зале Государственной библиотеки Югры 24 октября прошлого года. Доминантой чтений, как и прежде, была тема жизни и деятельности Х. М. Лопарева. За два года, прошедшие после третьих чтений, были разысканы и сообщены новые материалы в докладах кандидата исторических наук Л. С. Рафиенко «Уроженец села Самарово Х. М. Лопарев — выдающийся российский учёный», профессора Нижневартковского гуманитарного университета В. В. Цыся «Сотрудничество Х. М. Лопарева с Императорским Православным Палестинским обществом». Оживление в зале вызвал рассказ заведующей отделом краеведческой литературы и библиографии Государственной библиотеки Югры Т. В. Пуртовой об археолого-этнографической экспедиции в Сибирь барона де Бая по материалам фонда Лопарева в Российском государственном историческом архиве. Различные стороны жизни учёного были высвечены исследователями Е. В. Шуляк, Л. Г. Пуртовой, И. Н. Ефимовой. Предметом одного из сообщений стала переписка Хрисанфа Мефодьевича с тобольскими родственниками.

В особую группу можно выделить доклады местных историков и краеведов А. В. Кенига и Е. А. Зайцевой, М. Ф. Ершова и Д. В. Филипчука, А. А. Сивкова, О. А. Спиридоновой по истории Ханты-Мансийска и Ханты-Мансийского района. Заместитель директора Музея Природы и Человека О. И. Приступа впервые представила публике подробные сведения о деятельности краеведческого общества г. Ханты-Мансийска (тезисы доклада публикуются в этом выпуске альманаха). Вполне органичным для чтений и, можно сказать, давно желанным был обзор сведений о проходящих в других городах и районных центрах округа краеведческих чтениях — Меншиковских, Бахлыковских, Цехновских и прочих, представленный библиографом Е. В. Танковой. Его удачно дополнила устроенная в атриуме книжная выставка «Краеведческие чтения Югры: попытка анализа». Много интересного об одном из крупных краеведов Тобольского Севера 20-х и 30-х гг. С. А. Куклине рассказал доктор исторических наук Е. И. Гололобов. Репрессиям 1930-х гг. был посвящён доклад кандидата исторических наук из Тюмени Н. А. Лискевич.

В аудитории и кулуарах участники чтений говорили о необходимости продолжения начатых поисков в архивах других городов, в особенности Санкт-Петербурга, для подготовки к изданию более полного, тщательно комментированного собрания писем к Х. М. Лопареву, хранящихся в архиве Российской академии наук. Было предложено исполняющееся в 2018 году 100-летие со дня смерти Хрисанфа Мефодьевича отметить изданием юбилейного сборника всего нового, что было найдено за минувшее десятилетие и ещё будет разыскано. Часть таких новых текстов печаталась в последних выпусках «Подорожника».

Во всём этом организатор чтений — Государственная библиотека Югры — рассчитывает на содействие администрации города Ханты-Мансийска. Пока что её сотрудники, ведающие вопросами культуры, в чтениях никак не участвуют.

То, что главная тема чтений — лопаревская — имеет большие перспективы развития, подтверждается новыми находками. К примеру, уже в начале этого года с помощью сотрудницы Государственного архива Югры Л. М. Завьяловой удалось встретиться с живущей в Ханты-Мансийске Натальей Васильевной Ланых, находящейся в отдалённом родстве с Лопаревыми. Её дед, представитель широко известного шеркальского рода Василий Деомидович Новицкий, был женат на дочери самаровского крестьянина Матвея Николаевича Кузнецова — двоюродного брата Х. М. Лопарева (к роду Кузнецовых принадлежала мать Хрисанфа Мефодьевича Дарья Афанасьевна). Этот брак зарегистрирован в Покровской церкви 6 июля 1907 г. Матвей Николаевич был заметной в Самарово личностью — хорошо рисовал, пробовал писать стихи. С большим интересом читаются его письма к брату, опубликованные в книге «Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х. М. Лопареву».

Материалы конференции изданы отдельным сборником в начале этого года.

В настоящем выпуске «Подорожника» публикуются письма к Лопареву его племянницы Феозвы Никитичны Завадовской, хранящиеся в фонде № 107 Петербургского филиала архива Российской Академии наук и заказанные летом 2013 года заведующей отделом краеведения библиотеки Т. В. Пуртовой. Обзор содержания их также вошёл в программу чтений.

Из обширного дела № 171 библиотекой получены копии всего лишь 19 писем, но и они дают богатую информацию. По ним видно, что изо всей семьи у Феозвы Никитичны были наиболее близкие отношения с Хрисанфом Мефодьевичем. От племянницы он получал подробные, доверитель-

ные письма, адресованные действительно родному и любимому человеку. Для неё важно было общение, возможность поделиться сокровенным, а вовсе не ожидание какой-либо помощи. Она даже отказывалась от предлагаемых дядей денег и подарков. Как доброго и отзывчивого человека Феозву характеризует и то, что в письмах она сообщала много подробностей жизни её братьев, племянников, с которыми переписывалась. Видно, что её всегда интересовала жизнь близких.

Феозва Никитична выучилась на учительницу и работала в школах сёл Куминового, Самохвалово и Куларово Тобольской губернии. В письмах к дяде она рассказывала о школьных заботах, о своих детях, муже. Замуж она вышла в 1907 г. за Михаила Александровича Завадовского, служившего волостным писарем. Судя по письмам, это была счастливая семья.

Публикация в этом сборнике статьи Х. М. Лопарева «Мои первые шаги в Обществе» — также прямое следствие четвёртых чтений. О ней мы впервые узнали из доклада Л. С. Рафиенко, присланного из Москвы. Библиотекари-краеведы смогли быстро разыскать её, благодаря им статья и вошла в этот выпуск. Кроме того, в «лопаревскую» подборку вошла статья научного сотрудника Музея Природы и Человека Н. Н. Корнеевой.

Лопаревские чтения

Мои первые шаги в Обществе

Я чрезвычайно счастлив, что в первых же строках настоящих воспоминаний могу сказать хотя бы несколько слов о своем дорогом и незабвенном учителе, проф. В. Гр. Васильевском. Память о нем будет здесь тем более уместна, что покойный академик имел близкое отношение к Обществу Любителей Древней Письменности, состоя его членом-корреспондентом. Мое личное слово о нем есть вместе с тем и слово, быть может, не лишнее там, где он занимал высокое, подобающее ему, место.

Проф. всеобщей истории В. Гр. Васильевский овладел моим вниманием с первых же шагов моей университетской жизни, то есть с осени 1882 года. Его лекции, полные содержанием, продуманные и прочувствованные, произвели на меня чарующее впечатление. Я усмотрел в профессоре тонкий и пронизательный ум, ясный взгляд на явления истории, а в частных беседах с ним изумлялся доброте и чуткости его к положению мало обеспеченного материально собеседника.

Но не все лекции Василия Григорьевича одинаково привлекали меня. Его курсы всеобщей истории, то есть истории Западной Европы после падения Римской империи, мною выслушивались с почитательностью, со вниманием, но они не трогали меня, не воодушевляли. Совсем другое дело было, когда Васильевский начал нам читать курс, посвященный истории Востока — Византии и Мусульманства. С первых же лекций моего учителя, когда шла речь об «History of the declin and fall of Roman Empire» Гиббона, я увидел, что здесь, именно в области Византии, которую, кстати сказать, он первый у нас в России научным образом поставил, представляется обширнейшее поле для деятельности молодых сил. Васильевский не скрывал, что изучение Византии особенно у нас в России имеет особенное, так сказать, жизненное значение, что понимание даже самой Русской истории, ее литературы и пр. во многом зависит от правильного понимания истории и судеб Византийской империи.

Он первый заронил во мне искру любви к Византии, и он же первый направил меня на изучение ее истории. Сам он очень высоко ставил византийскую цивилизацию, особенно в отношении ее к славянским народам, и это уважение сумел он передать и мне.

Еще на университетской скамье я стал интересоваться научными вопросами и следить за текущею литературою; пробовал даже и сам делать сообщения в существовавшем тогда при Университете Филологическом Обществе, и даже писать статьи по вопросам церковным, из области византийской церкви. Однако умные мои наставники-руководители, В. Гр. Васильевский и И. Е. Троицкий, сдерживали мои молодые порывы, мое желание «летать».

1886 год был до некоторой степени поворотным пунктом в моей начинающейся деятельности. Когда я оканчивал курс в университете и готовился выйти в жизнь, я не имел решительно никаких средств, за исключением лишь десятка книг, собранных мною за университетские годы на те гроши, которые я мог уделить на покупку из 20-рублевой стипендии. Тот же Васильевский, близко к сердцу принявший мое безотрадное положение, озаботился устройением меня при Палестинском Обществе, в качестве сотрудника при издании текстов наших древних паломников. Я отправился в Москву для занятий в архивах и монастырских библиотеках. Полный одушевления и горячей любви к делу, я с благоговением и восторгом перелистывал, перечитывал и переписывал ветхие хартии. В Москве, этой сокровищнице старины, я невольно объят был пламенным рвением знакомиться с литературным наследием старого времени; я, можно сказать, бредил, видя рукописи во сне и наяву. Продавались ли на Сухаревой площади свитки XVII века, я с жадностью прочитывал их и несказанно огорчался, когда узнавал, что они уже проданы. Продавал ли разносчик на улице ягоды, я видел у него за поясом бумажные кульки, и мне чудилось, что эти кульки сделаны из бумаги XVII века и содержат памятники, быть может, еще неизвестные, быть может, важные для русской истории, но предназначенные к уничтожению. Мое знакомство здесь с людьми науки не только не могло охладить во мне пыла, — оно его усугубляло. Проф. А. С. Павлов, с которым я познакомился через посредство В. Гр. Васильевского, познакомил меня с проф. Н. С. Тихомировым; сам я имел удовольствие познакомиться с И. Е. Забелиным, графинею Пр. С. Уваровой, Е. В. Барсовым и вообще со многими истинными археографами, у которых имелись свои собрания рукописей. Я свел знакомство с разными букинистами и антикварами и, увлеченный страстью к старине, стал собирать и свою библиотеку старых рукописей и книг. В Казани я познакомился с И. Я. Порфирьевым, в Ростове — с А. А. Титовым и т. д. Вообще мое пребывание в Москве в 1886 году было решающим моментом, когда я, заронив в себе искру любви к Византии, сочетал её с искрою любви к родной старине, и где же? — в Мос-

кве, где ступала не одна нога византийских духовных лиц и представителей светской власти. Я был в том городе, где все-таки многое напоминало мне Византию; и даже такие особенности, как причудливые названия городских местностей, я ставил в связь с топографическими данными самой Византии. Сладко дышалось мне в Москве среди пыльных улиц, в обществе ветхих рукописей!

По возвращении в Петербург я продолжал начатое дело по изданию паломников. С русскими рукописями XVI и следующих веков я уже освоился совершенно достаточно.

По делам Палестинского Общества и через секретаря его В. Н. Хитрово я познакомился здесь с Председателем Ученого отделения этого Общества, в то же время временно исправлявшим обязанности Председателя Императорского Общества Любителей Древней Письменности, Д. Ф. Кобеко. Основатель этого последнего Общества князь П. П. Вяземский после постигшего его недуга посещал склад Общества уже очень редко, еще реже появлялся на заседаниях. Во главе стоял теперь Д. Ф. Кобеко, который в описываемое мною время был и председателем, и секретарем Общества. Он открыл мне двери Общества, предоставив возможность заниматься здесь рукописями паломников. Я стал посещать его древлехранилище, получил понятие о деятельности Общества и увидел, что дело его — то же, к чему я уже пристрастился в Москве. Интересуясь им все более и более, я обратился к Д. Ф. Кобеко с просьбою не отказать мне в посещении заседаний Общества. Отказа я не встретил и с большою любовью стал посещать его заседания.

Заседания Общества Любителей Древней Письменности происходили, по заведенному князем П. П. Вяземским обычаю, еженедельно по пятницам, и нельзя сказать, чтобы всегда отличались большим многолюдством. Я, например, помню одно собрание, когда нас было всего четыре человека: председатель Д. Ф. Кобеко, докладчик П. В. Владимиров (одна из глав его диссертации о Франциске Скорине), слушатели А. Н. Пыпин и я. Мало-численность аудитории нисколько, впрочем, не мешала делу — напротив, чувствовалась какая-то особая семейность, интимность в ученых беседах, и, не знаю, как другие, а я выходил из склада удовлетворенным, серьезнее настроенным. Я все реже и реже стал обращаться к вопросам средневековой истории, которою я занимался в университете по преимуществу; родная старина стояла передо мною; я не мог остаться равнодушным к ней — и променял на нее сокровищницу умственных богатств, приобретенную мною за университетские годы. Мои познания по Западной истории

стали мне представляться чем-то искусственно привнесенным и не имели под собою почвы; напротив, родная старина давала себя чувствовать на каждом шагу: рядом с теоретическим изучением, здесь всегда находился под руками и вещественный материал старого прошлого, — тем глубже запечатлевались сведения о родной старине. Но постепенно отставая от занятий средневековой историей, я с тем большим рвением занимался византийскою историею, которая в уме моем едва отделялась от истории отечественной. Рукописные богатства московских и петербургских книгохранилищ в этом отношении давали обильный материал для занятий вопросами старой русской литературы и той обширной ее области, которая называется переводною, преимущественно византийскою, письменностью. Материал был под руками, — тем заманчивее представлялось поле деятельности. Слушая в университете горячие лекции по литературе проф. О. Ф. Миллера, я, однако, оставался равнодушным к переводной письменности: она меня не занимала и казалась мертвою. Но теперь, когда я сам стал вращаться среди рукописных собраний, ветхие хартии заговорили со мною своим, им присущим, языком; я вошел в святая святых старины и понял этот язык, а поняв, не мог его не полюбить...

Привыкши в Москве видеть в архивах и библиотеках рукописные каталоги рукописей, я однажды спросил у Д. Ф. Кобеко, имеется ли в Обществе Письменности каталог рукописей, и если его нет, то составляется ли он, кем составляется и скоро ли будет доступен для пользования?

Председатель, помню, ответил мне отрицательно. Казалось бы, все этим и кончилось? Напротив, вышло дело, которого я никак не ожидал. Мой вопрос, как я думаю, дал определенное направление мыслям Д. Ф. Кобеко. Вероятно, в уме его давно существовал план описания рукописей председательствуемого Общества; он и сам было взялся за такое описание, и уже описал несколько рукописей листового формата. Но занятый другими работами, он не имел достаточно времени посвятить себя делу, польза которого представлялась ему несомненной. Мой вопрос снова заставил председателя вернуться к задуманному им предприятию и натолкнул его даже на практическое осуществление мысли. Однажды он пригласил меня к себе и от имени Общества и от себя предложил мне работу по описанию рукописей Общества. Полюбив всюю душою книжное дело древней Руси, я увидел, что для меня открывается теперь та сфера деятельности, о которой я позволял себе иногда только мечтать, и то не без робости... Я принял предложение с живейшею готовностью.

С тех пор склад Общества обратился в мой рабочий кабинет, в котором я ежедневно проводил добрую половину дня. На первых порах наставником моим был Д. Ф. Кобеко, сумевший сразу же ввести меня в курс дела и не оставлявший меня различного рода указаниями и впоследствии. Другим важным руководителем моим в деле описания было «Описание рукописей Императорской Публичной Библиотеки», труд академика и почетного члена Общества А. Ф. Бычкова, долго служившее мне настольною книгою при занятиях. По этой книге я знакомился и учился для специальных работ по древнерусской литературе. Нет нужды, что я часто испытывал в эту пору материальные лишения, — я горел пламенною любовью к делу, я был молод телом и духом, значит легко переносил невзгоды, которые не могли охладить во мне юношеского пыла и увлечения.

Однажды утром, когда я сидел за обычную работою, в склад вошел основатель Общества князь П. П. Вяземский, уже страдавший тогда тяжелою болезнию. Представляясь ему, я доложил, что по поручению Общества занимаюсь описанием принадлежащих сему последнему рукописей. Князь Павел Петрович посмотрел на меня долгим, серьезным, тем испытующим пристальным взглядом, которым он, казалось, хотел оценить выбор Общества для подобного дела. Когда он прошел мимо, я почувствовал, что у меня на душе стало легко: мне показалось, что князь остался доволен мною. Помню еще заседание Общества, в котором он присутствовал. В то время доклады делали И. А. Шляпкин и, в первый раз, я — об одном новом литературном памятнике XVI века.

Довольно часто в то время приходил в склад Общества проф. И. В. Помяловский, который, при издании им жития св. Саввы Освященного, держал корректуру по рукописи, принадлежащей Обществу. Он уже знал, чем я занимаюсь, и интересовался моею работою. Если в университете мне не пришлось сблизиться с ним, то теперь между нами стали мало-помалу завязываться те добрые и крепкие отношения, которые обещали долговечность.

В таком положении настал 1888-й год. Граф С. Д. Шереметев, окончивший тогда второе трехлетие в качестве Московского губернского предводителя дворянства, переехал совсем на житье в Петербург и был избран председателем Императорского Общества Любителей Древней Письменности. При мысли о секретаре Общества он остановил свой выбор на проф. И. В. Помяловском, которого и просил принять на себя эту должность. Иван Васильевич, в принципе принявший это предложение, тем не менее находил, что ему, как человеку, обремененному разнообразны-

ми занятиями, будет трудно отправлять все обязанности, связанные с его новым положением, и просил графа С. Д. Шереметева о назначении ему помощника. Председатель Общества, дорожа ученою репутациею проф. Ивана Васильевича, поспешил изъявить согласие на это. Тогда секретарь Общества письмом пригласил меня к себе и просил меня принять должность помощника секретаря и библиотекаря Общества, с жалованием 30 р. в месяц. Знакомый с текущими делами Общества, я и без того считал себя близко к нему причастным. В предложении И. В. Помяловского я усмотрел новый знак внимания ко мне со стороны людей науки и с радостью его принял. После долгого неопределенного положения моих финансов это было моим первым шагом, которым я становился на почву прочно.

С этого времени ежедневными посетителями склада были редактор изданий Общества П. Н. Тиханов и я. Секретарь И. В. Помяловский приходил сюда раз или два в неделю. Продолжая описание рукописей Общества, я, вместе с тем, исполнял должность помощника секретаря и состоял библиотекарем Общества. Сведения по греческой палеографии, полученные мною еще в университете под руководством проф. В. Гр. Васильевского и особенно проф. (позже академика), ныне покойного В. К. Ернштедта, пригодились мне и здесь.

Когда секретарь Общества задумал издать греческий текст жития св. Феодора Едесского по Московской Синодальной рукописи и выписал ее из Москвы, он поручил мне списать копию с нее для типографии и впоследствии издал этот памятник. Издание это было столь же важным для византийской агиографии, сколько и для самого Общества Письменности, которое перед тем издало старый славянский перевод этого жития. И затем, когда покойный проф. Новороссийского университета (в описываемое время — Казанской Духовной Академии) Н. Ф. Красносельцев обратился к И. В. Помяловскому с просьбою, не может ли он попросить кого-либо списать для него несколько листов греческой рукописи литургического содержания из собрания преосв. Порфирия (Успенского) в Императорской Публичной Библиотеке, Иван Васильевич обратился по этому делу прямо ко мне. Вместо вознаграждения деньгами я пожелал получить от Н. Ф. Красносельцева два тома описания рукописей Казанской Духовной Академии.

Наша дружная совместная работа в Обществе, Ивана Васильевича, Павла Никитича и моя, таким образом продолжалась до начала 1892 года. Заседания под председательством гр. С. Д. Шереметева шли своим чередом. Все трое мы делились своими сообщениями в собраниях. Ученый вес

и авторитет И. В. Помяловского придавали заседаниям тот блеск и ту серьезность, которые отличали и оттеняли пятничные собрания. И если и ранее того, уже при самом князе П. П. Вяземском, Общество Любителей, в сущности, стояло довольно высоко и в глазах ученых, то теперь, когда душою его стал Иван Васильевич, привлечший в виде необходимого подспорья к старославянским текстам и литературу византийскую, на Фонтанку 34 обратились взоры и Западной Европы.

Общество оценило заслуги И. В. Помяловского избранием его, по оставлении им должности секретаря, в свои почетные члены. При мысли о преемнике ему, председатель Общества, гр. С. Д. Шереметев остановил свой выбор на мне. Полюбив рукописные занятия и совершенно освоившись с делами Общества, я, однако, боялся, что могу оказаться не в силах сколько-нибудь достойно продолжать дело Ивана Васильевича и позволил себе с своей стороны указать г. председателю на некоторых лиц, которые, как мне казалось тогда, имели более заслуг перед Обществом. Однако гр. С. Д. Шереметев не внял моим представлениям... В ноябре 1891 года я уже официально считался секретарем ИМПЕРАТОРСКОГО Общества Любителей Древней Письменности.

Хрисанф Лопарев

Письма Ф. Н. Завадовской (Анисимовой)
к Х. М. Лопареву

№ 1

1904 г., ноября 21

с. Куминовское

Милый и дорогой дядя!

Сейчас только пришла от утрени и сажусь писать вам. Всею душой благодарю вас за деньги и за письмо, но зачем вы шлете мне их, разве для того я делюсь с вами своей школьной жизнью! Не надо, дядя, пишите мне только письма. Я только их жду от вас. Вот как раз мы ёлку-то и не будем делать, нынче по случаю войны не многие соглашаются на подписку. Но раз у меня есть деньги, то я вот что хочу сделать своим ученикам; у меня многие учатся бедные, есть сироты, я хочу купить им кому по теплому шарфу, кому на рубашки и подарю им к Рождеству — мне кажется, это будет еще лучше и ёлки. Прошу вас, дорогой дядя, не посылайте мне денег, ведь у меня, слава богу, есть, а вам самим пригодятся. До каких же пор вы будете жить все для других да для других, надо же и о себе подумать; у меня еще много силы, а вам надо беречь свое здоровье. Вот к Пете¹ поедете, ведь опять расход. А я думаю, удивится же он, если, бог велит, на будущий год вы прикатите к ним. В самом деле, как вы хорошо придумали; как поедете на родину и нас не забудете.

Я удивляюсь Таисьи Михайловне², куда она будет странствовать и где совет себе прочное гнездо? Знаете, дядя, мне кажется, между мной и ей нет родства, так далеки мы во всем друг от друга.

Погода здесь стоит очень хорошая, река стала в двадцатых числах октября, снег глубокий, тепло стоит необыкновенное, градусов 5. У нас в ближних селах есть много заболеваний тифом, вообще везде погуливают простудные болезни.

¹ Пётр Ильич Лопарев, двоюродный брат Ф. Н. Завадовской.

² Таисья Михайловна Фарафонтowa, выпускница словесного отделения высших женских Бестужевских курсов в Петербурге, педагог и общественная деятельница, двоюродная сестра Ф. Н. Завадовской.

Из Тобольска я получаю письма совсем редко. Там недавно умер скоропостижно Садков³; это патриот в полном смысле этого слова, всю жизнь прослужил в Тобольске и посвятил много времени для улучшения аудитории.

Право, жаль таких людей! В Тобольске сейчас идут спектакли, недавно шла пьеса «Сестра милосердия», публики было очень много и многие плакали, видя перед собой картины, напоминавшие им и о настоящей войне.

С каким бы удовольствием сходила я на спектакль... да, впрочем, что и думать о том, что невозможно.

Ну, до свидания, дорогой дядя! Крепко, крепко целую вас с Паной. Желаю вам силы душевной.

Ваша Феозва

№ 2

1905 г., октября 2

с. Куминовское

Милый и дорогой дядя!

Ия счастлива за Патю⁴; я рада не менее Вашего, что он выдержал Экзамен. Я здесь всегда молилась за него. Ведь потом — получив образование — он будет человеком, а это так хорошо. Милый мой дядя, если бы Вы знали, как я жалею о том, что меня и воспитали-то плохо, да и образование-то я получила небольшое. Я глубоко сознаю это, а помочь ничем не могу.

Только что кончила и, не собравшись с силами и умом, принялась за самое только близкое для меня, но трудное дело, ведь у меня не было призвания к учительству, я хотела учиться еще дальше, но планы разрушены: Матю⁵ жаль, у него уже не достанет сил, а Митя⁶ умер, значит пришлось покориться. Как мало я развита, я это хорошо сознаю, но где и как я по-

³ Садков Алексей Михайлович — активный участник общественной жизни Тобольска, один из деятельнейших членов драматического и музыкального обществ. По выходе в отставку служил смотрителем губернского музея и Народной аудитории.

⁴ Платон Ильич Лопарев, двоюродный брат автора письма.

⁵ Матвей Никитич Анисимов, брат Феозвы Никитичны, получил образование в Омской учительской семинарии.

⁶ Дмитрий Никитич Анисимов, выпускник Омского механико-технического училища.

лучила свое воспитание, Вы теперь только можете представить, ведь так было всегда. Да, дядя, я Вам никогда не говорила и не писала, как мне жилось. Я рано начала жить: с 8-го года я работала всё — прислуги не было. 4 а иногда 5 братьев съезжались. На всех вымою, почию, вычишу, и на реку ходила, и двор зимой мела. Всё делала. А одеть-то так только Лизина старая шуба была, а новую-то сшили, как я училась в последнем классе. Отец наш постоянно ворчал да бранился, мать никогда не заботилась о нас — она и сейчас такая же. Михаил⁷ выпивал всё. Нас никуда не водили, и я, так сказать, боялась людей. За чтением книг никто не следил. Я читала сказки, повести, романы. Ну что же еще нужно? А так ли бы я стала воспитывать своих детей? Неужели не сказать им никогда тёплого слова, не приласкать их, не расположить их к себе. Неужели так оставить без надзора — нет, это слишком пагубно для ребенка.

Вот и сейчас я жила целое лето дома, да разве мать когда-нибудь спросила меня, как мне живется, трудно ли, легко ли? Она всем рассказывает, что я у ней хуже свекрови; правда, я ей часто говорила, чтобы она не пила, а ей это не по нраву. Или поехала я, да разве она спросила, есть ли у меня деньги на дорогу. Благодаря им я заняла 10 руб., теперь скоро вышлю последние, немного осталось. Ведь целое лето я жила и все им покупала на своё. Еще поехала, так и муки, и чаю, и сахару, и мяса оставила после себя, а она даже на пристань не пришла проводить. Как же после этого к ним относиться? Какую благодарность я должна чувствовать? Вот, дядя, Вам частичка моей серенькой, будничной жизни. Это только в коротких словах я хочу Вас познакомить с той средой, где я жила, с тем углом, который 16 лет томил меня. А разве теперь я не мучусь долгие ночи без сна, разве легко мне читать письма из дома, разве не болит сердце о детях Алеши⁸? Дай Бог, чтобы они никогда не увидели того, что я видела и вижу теперь. Поймете ли Вы, дядя, меня, поймете ли, что так меня мучит? Здесь, в Куминовой, все говорят: какая Вы счастливая, всегда весела. Никто не думает, что, может, я переживаю в эти минуты, благодаря моему характеру, под улыбкой ничего не заметно.

Здесь меня, кажется, все любят, все относятся с уважением пока, не знаю, что будет дальше. Но уже давно бы кончить о своих горьких минутах.

Нынче у меня новеньких 20 человек, а в старшем 9 человек. Занимаюсь я с 9 до 2 и 3-х часов. А когда стряпня, то встаю часа в 3.

⁷ Михаил Никитич Анисимов.

⁸ Алексей Никитич Анисимов (1870—1913).

Дядя, Вас Маня благодарит за внимание и шлет свой привет.

Вы пишете про карточку, Дуня права, даже здесь у нас так многие заключили.

Милый дядя, пишите мне чаще. Я буду ждать с нетерпением.

*Любящая Вас, Ваша племянница
Феозва*

№ 3

1906 г., февраля 8

с. Куминовское

Милый и дорогой дядя!

Получила от Вас письмо, за которое благодарю от души. У нас здесь прямо свирепствует корь, так что 26-го января занятия в училище по распоряжению фельдшера прекращены. Много случаев заболевания scarlatinной, а в двух верстах от нас в деревне на одной неделе и в одном семействе умерло трое детей. Не берегутся, стыдятся — вот и осложнения; сама по себе корь ведь не опасна и только надо беречься, а ребят где же заставишь сидеть дома; вот теперь масленица подходит, еще больше больных прибавится. У меня одна забота: вдруг да училище еще долго не откроют, а ведь ребята многое перезабудут, а там уж и экзамены над головой. Что-то будет? Один Бог знает.

Милый дядя, получила я на этой неделе письмо от Паны⁹, которая пишет мне о болезни своей мамы: оказывается, Танечка¹⁰ скинула маленького, а потом простудилась, да еще и работала не под силу, и теперь слегла: звали доктора и священника. Но что определил доктор, не знаю. Я написала письмо ей, в котором прошу ее поберечь себя ради ребятшек, которым она так нужна. Куда они без неё? Положим, я не оставлю их. Я так люблю каждого из них, что никогда не решусь отдать их кому-нибудь чужому, и лучше перенесу лишения, но позабочусь о них, насколько могу. На лето я собираюсь домой, соскучилась о всех своих, а особенно о Мате, ведь уже 2 года не видала его.

Милый дядя, скажу теперь кое-что о своих чувствах: да, я люблю сына о. Константина¹¹, и он, как говорит мне, отвечает взаимностью, но я плохо

⁹ Павла Алексеевна Анисимова, в замужестве Благодравова, племянница автора письма.

¹⁰ Татьяна Михайловна Анисимова, жена Алексея Никитича.

¹¹ Евгений, сын священника с Куминовского Туринского уезда Константина Зубова.

пока доверяю этому; он еще молодой, он, может быть, только увлекается и увлечение считает любовью; Я об этом говорила ему, но разубедить его не могла.

Как батюшка, так и матушка, — это такие добрые милые люди, каких я еще мало встречала. Батюшка получил образование небольшое — только кончил в духовном училище, но, благодаря его усердию в службе, его посвятили в священники. Матушка тоже немного училась, но она имела брата-доктора — образованного и неглупого человека, который все время старался развивать её, читал ей более полезные книги, много беседовал с ней, и благодаря ему матушка может понять каждого человека, она утешит, успокоит, приласкает каждого, кто только нуждается, она умеет со всяким поговорить и никогда никого не обидит. Бывало, приедут ребята на вakat¹², привезут товарищей человек пять, и она всех их накормит, постели-то им наготовит и с каждым-то поговорит, а как уезжают — так и завязывает-то их шарфами, одеялами закрывает да еще и проводить их едет верст за 6. Зато и они говорят, что таких матушек они никогда не встречали. Да и сам Евгений Константинович говорит: «У меня мама-то ангел!». Как батюшка, так и матушка, по-видимому, ко мне относятся хорошо, так же и я к ним.

Только вот что, дорогой дядя, благодаря своими товарищам Евгений Константинович иногда выпивает, конечно, с гостями же, не один, и при этом всегда говорит: теперь пью, потом не стану. Милый дядя, если бы Вы знали, какой он добрый, какой он простой, и я от души верю, что он изменится. Недавно я получила письмо от него: пишет, что занятия у них начались, что все требования их удовлетворены, но зачислится ли этот год, еще не знает, так-то ему остается только 2 года. По окончании курса он сразу думает идти в духовные, т.к. у них семья большая, еще 4 сына останется учиться, а средства небольшие. Да ему необходимо идти в священники, для диакона или псаломщика у него слабый голос. Только у него к музыке есть особое стремление, он очень хорошо играет на скрипке и немного на гитаре, мы часто, когда он к нам приходил, играли на двух гитарах, если бы Вы послушали, как хорошо иногда удавались нам некоторые мотивы. Я ведь очень люблю музыку, а тут еще он играет — ну и расчувствуешься и сыграешь так, что плакать хочется, как говорят присутствующие.

Ну да что это я надоедаю Вам такими разъяснениями, я лучше вот что добавлю: зачем это, дядя, вы упоминаете о приданом — мне ничего не нужно. Если он искренно любит, так и без приданого возьмет, все необходимое можно завести потом. Вы, дядя, берегите для себя, кто знает, что будет впереди, у Вас вообще много расходов и без меня. Спасибо Вам, что Вы

¹² Каникулы.

раньше мне много помогали — у меня ведь, когда я поехала учительницей, почти ничего не было, а теперь я помаленьку и завожу и белья, и одежды. Вот нынче скопила 37 рублей, съездила в Ирбит, купила жакет, одеяло, ботинки и кое-чего по хозяйству.

Вот, кажется, и всё о себе, теперь буду ждать от Вас известий.

Желаю Вам здоровья и всего, всего хорошего.

Любящая Вас племянница

Феозва.

А ведь, милый дядя, правда, что молодые годы — золотая пора?!

№ 4

1906 г., апреля 15

с. Куминоовское

Милый дядя!

Большое Вам спасибо за книгу, которую я получила еще постом. Это очень полезная и необходимая мне вещь, и я из нее пользуюсь многими советами.

Милый дядя, Вы пишете о Пате, да, я также соглашусь с Матей и посоветую отправить его в Омск. Во-первых, учительская семинария расширит еще более его кругозор, прибавит знаний, а во-вторых, даст ему полное понятие о жизни учителя, о его целях, а самое главное — ведь Патя пока еще молод, а годы, проведенные в семинарии, дадут ему возможность окрепнуть, развиться, чтобы потом уже с полными силами приняться за труд. А учиться ведь он может и на казенном — тогда жить ему придется в корпусе, а если он будет жить на хлебах, то о хозяйке не беспокойтесь, ну проживет — узнает, не понравится — может по совету старших воспитанников перейти к другой. Да в крайнем случае у моей подруги-тоболячки в Омске сестра за священником, я даже могу к ним за советом обратиться через нее. Вы не беспокойтесь за него, дядя! А ведь хорошо будет, если Патя будет учителем!

Милый дядя, я живу по-старому, волнуюсь и горжусь за ребят — ведь скоро экзамены, пока ни о чем другом не думаю; сразу после экзамена я поеду домой, там ждут меня Танечка и ребятки. Перед праздником я послала ей на 4-й неделе 6 руб., на последней 5 рублей — все же маленькая помощь, я теперь всегда буду уделять ей лишние деньги из своего жалования, ведь это мой долг. Меня воспитал и выучил Матя, а за него я обязана

помочь им, чтобы этим облегчить его положение и отблагодарить его за его заботы обо мне.

Дорогой мой дядя! Скажу про него. Фамилия его — Зубов. Что будет впереди — я, конечно, не знаю. С ним я настояще не говорила, намерен ли он в священники, но только думаю, что да. Может быть, он даже и курса не кончит, а поступит из 4-го класса священником, так как он сам да и многие семинаристы говорят, что семинария — это омут, где гибнут лучшие люди. Я с ним согласна: многих семинаристов я знаю, и даже первые ученики — пьют горькую. Жаль их от души; Евгений пьет пиво, а иногда и водочку. Что думает он о будущем, я узнаю уже в Тобольске и оттуда напишу Вам обо всем.

Сейчас писать более некогда.

У нас лед на Туре прошел 6-го апреля; вода очень прибывает. Погода стоит пока жаркая, ходили в одних платьях. Милый дядя, помолитесь за меня и моих учеников, чтобы все выдержали экзамен.

Будьте здоровы!

*Любящая Вас племянница
Феозва.*

№ 5

1906 г., ноября 11

с. Куминовское

Милый и дорогой мой дядя!

Я всегда жду с нетерпением ваших писем; вот и нынче в почтовый день с утра хожу от окна к окну и в последний урок дождалась-таки. Правда — ждешь этого дня как чего-то необыкновенного: обновиться, отдохнешь, как будто бы поговоришь со всеми, от кого получишь известия.

Милый дядя, поговорим о Пате: да, я тоже сразу заметила перемену в нем, и перемену к лучшему. Самое лучшее, дядя, вы спросите его самого, куда ему лучше, но техническое училище требует ученика еще и крепкого сложения, а Патя только лето поработал кое-чего дома, а как похудел, когда приходил с ваката, я прямо удивилась, и говорит, что он не хворал. Положим, — это училище можно назвать училищем движения, там не придется подолгу сидеть с вытянутой физиономией над книгой, а нужно успевать работать в мастерских; движения эти, мне кажется, как гимнастика, более укрепят его; это было видно на Мите, каким здоровяком приехал он, я пом-

ню, на первый вака́т. Мне несомненно кажется, что Пате более понравится учение техника — ведь разнообразий-то сколько, не то что в семинарии, но, может быть, и там нынче изменения, как и везде.

Вы, дядя, заботитесь о месте, да окончивший это училище может поступить вскоре на жел. дорогу, на водопровод даже хороших учеников зачислят по просьбе на свободные вакансии в городе, а в Омске мест таких найдется много. Да, наконец, кончив курс, он может год отдохнуть дома, а в течение года он приишет место, ведь он уже тогда будет взрослый и о себе сумеет позаботиться. Конечно, самое главное — надо узнать его стремление, а потом уже и направить его, но, по-моему, было бы лучше, если бы Патя был техник; не знаю, может быть, потому, что там учился Митя — я питаю особенное уважение к техникам и считаю их людьми мышления, т.к. все там проходимое заставляет размышлять и раскидывать умом подальше тех же односторонних семинаров. Милый дядя, а не имеет ли Патя склонности к музыке — вот бы хорошо-то было, чтобы он играл хотя на скрипке или гитаре, ну да будет дальше учиться и научится.

Милый дядя, поздравляю вас с новосельем и желаю всего, всего хорошего вам на новоустроенном месте; только я думаю, что вам очень большая квартира, и кто же готовит для вас? И опять вы, дядя, поминаете о подарке: спасибо вам за советы, а подарка уж нам не делайте: слава Богу — жалованья теперь получаем 20 руб. — проживем помаленьку. От Паны я получила недавно письмо; довольна, что учится в том училище. А я за нее рада как, один Бог видит. Она очень бойка и мало воспитана — приходится немало возиться с ней, не знаю, что из нее будет!?

Ребятёнки у меня нынче вздумали недели 2 похворать, теперь пока ничего; ждем инспектора, учимся усердно, долго...

Вот только, дядя, что: мало мне удаётся читать, да и не знаю еще что. А ведь так жить нельзя — я это знаю и между тем не могу уделить времени. Вот провожу инспектора и примусь за чтение: хочу за 1906 год выписать журнал «Вестник знания», чтобы все книги выслали сразу. Милый дядя, меня очень тяготит то, что я как-то не могу поддерживать темы разговора, сойдемся где — другие говорят в нынешнем духе времени, обсуждают разные вопросы, затрагивают все стороны жизни людей, а я многое не понимаю, не знаю. Ну да, впрочем, поживу побольше — побольше и знать буду; о своем деле, о хозяйстве я могу поговорить, т.к. понимаю их очень хорошо, но ведь такой разговор скучен в обществе, надо о всём знать, иметь понятие. Вы хотя, дядя, не оставляйте меня своими письмами и почаще пишите мне.

Что у вас в Петербурге поговаривают? Университеты, кажется, опять закрыты? А как, дядя, хорошо побеседовать с развитым человеком. У нас нынче у второго священника приезжала гостить недели на 2 сестра, вдова, жена священника. С мужем она жила, кажется, лет 5-6; ей сейчас лет 28-30. Какой это, право, умный человек. И обо всем-то, обо всем она сумеет поговорить, замечательная хозяйка, а как вступит в прения с священником, там разобьет их во всех пунктах. Ее узнали все крестьяне и по несколько человек в день приходили за советами, она и по больным-то ходила, и советами-то снабжала У ней двое детишек, и такая она энергичная особа. Мне с ней пришлось встретиться, кажется, раза 3, но я и до сих пор не могу забыть всего, что она говорила... У нас мало здесь таких хороших людей, а от них можно бы многому научиться. Время-то, дядя, как быстро идет — я не вижу дня: утром за хозяйством, днем уроки, вечером тетради, да и поработать кое-чего надо, ведь никто не сошьет, не починит на нас — обо всем надо позаботиться.

Однако более писать не о чем, желаю вам всего, всего хорошего, а главное — здоровья; у меня вон нынче Ена хворала — так я ночей 5 спать не могла — теперь поправилась слава Богу. Будьте так добры, пишите нам поскорее.

*Крепко, крепко целуем вас, любящие вас
Феозва и Ена.*

№ 6

1907 г. августа 28

с. Самохваловское

Милый мой дядя!

Простите меня, что так долго я не писала вам ничего, и то, что вы прочтете сейчас, наверно, и удивит, и порадует вас. Я, дядя, мой милый, хороший, добрый дядя, вышла замуж, но не за Е., так как тот нынче за лето совсем сбился с дороги и, быв псаломщиком, пил напропалую, а за другого и в совершенно другую сторону. Имя его Михаил Александрович, а фамилия Завадовский; он служит волостным писарем в Самохваловском селе Тарского уезда, теперь мы приехали сюда, а свадьба была в Тобольске 17-го августа, жили мы у наших только два дня и 19-го выехали к своему дому. Через несколько времени я pošлю вам карточку с нас, они пока еще в Т[обольск]е. Свадьба была скромная в 7 часов утра, были только свои, а из посторонних только свидетели.

Милый мой дядя, простите меня ради Бога, что я вам не написала раньше об этом, но в то время, когда я просваталась, получила от вас письмо, в котором вы писали, что у вас мало денег, а я стала думать, если я напишу до свадьбы, то вы подумаете, что я как бы прошу у вас обещанные вами деньги; нет, думаю, напишу после, и все-таки, дядя, хочу прибегнуть к вашей помощи, если вы простите меня, помогите моему горю: я перед свадьбой кое-чего шила и задолжала 15 рублей. Милый мой дядя, всего святого не отказывайте в моей последней просьбе: пошлите эти 15 рублей по такому адресу: г. Тобольск, Кузнечная ул., д. № 465. Марии Александровне Тронтьевой. Это моя подруга, и я заняла у ней, более мне, дядя, ничего-ничего не надо, меня это одно теперь смущает. Я знаю, что Миша не отказался бы заплатить, но мне было стыдно, что он и так много израсходовал, чтобы завести необходимое для меня.

Об остальной жизни напишу потом с карточкой. Скажу одно: мой муж моряк, служил во флоте, серьезный, деятельный, не пьет, ему 26 лет, собой не дурен даже; характер маленько вспыльчивый, но скоро отходит, он без отца остался 8 месяцев и воспитала его мать, хлопотливая старушка, моя свекровь. Живем мы втроем, жизнью я пока довольна, да много ли еще и жили.

Милый дядя, простите, что мало пишу, некогда, нужно управляться, теперь я не в своей воле, и то мама говорит, что так много пишешь, а всего еще другое письмо, а еще надо подруге черкнуть. Мой адрес: станция Муромская, деревня Самохвалова Тарского уезда, Ф.Н. Завадовской.

Пишите мне, я жду вашего письма, хотя, знаю, заслуживаю упреков и жду их от вас, я виновата, простите меня; о прошлом вспоминать не буду, а теперь все новое и буду пока жить им.

Примите привет и от мужа. Будьте здоровы.

*Любящая вас Феозва
и Михаил Завадовские.*

№ 7

1908 г., января 4

Милый дядя!

Благодарю от всей души за память обо мне. Я очень была рада, получив от вас письмо на праздник и поздравление на другой день Нового года: что за прелестный ребенок изображен на нем и какую радост-

ную весть несет колокол всему миру... Невольно мыслью унесешься к тому времени, когда впервые звучала великая песнь с небес: «Слава в вышних Богу».

У нас вот нет службы, а ближний храм в 12-и верстах, и скучно как-то в праздники: не слышно отрадного зова к молитве. Ездить часто не приходится. Если бы было где свободное место писаря, Миша давно бы перевелся, да пока не предвидится, а здесь и население нельзя похвалить: большей частью кержаки, им храм не нужен. Хотелось бы поскорее покинуть эту глушь, не знаю, удастся ли? На Рождество мы все таки не скучали: было три веселых вечеринок, а праздники раньше проходили довольно грустно. Завтра, т.е. 5-го, я с Мишей поеду в ближайшее село к всенощной, там ночуем, чтобы сходить и на воду, да и молебен надо отслужить, а то 10-го службы ведь не будет.

Живем помаленьку, потихоньку, без работы никогда не сидим, хотя хозяйство и небольшое, а чтобы был порядок и чистота, требуется лишнее время; наряду с хозяйством у меня идет шитье, вязание, вышивка; Миша выпиливает из дерева разные вещицы, большую часть времени употребляет на фотографию, и я ему помогаю иногда: печатаю, фиксирую.

От наших письма получаем часто; ребятыньки Тани пишут о своих занятиях, а Ваня посылает мне нарисованных коней и ждет, что скоро я приеду к ним; я не разбиваю их сладких грез и пишу, чтобы ждали, а на самом деле ехать к своим нынче нам не удастся, так говорит Миша, и приходится мириться с этим.

От тети Дуни¹³ я получила давно поздравление с законным браком, спасибо ей, что она не забыла меня, а от Пати ничего не получала. Будете ему писать — попросите, чтобы он хотя изредка напоминал мне о себе, для меня это будет вместе и воспоминанием о милом Мите, о его учении в техническом, и память о нем дорога для меня и будет всегда жить в моем сердце.

Я бы очень желала, чтобы Патя, хотя перед окончанием курса, в вакал, заехал к нам погостить; он ведь домой поедет через Тару, а мы от Т[ары] в 120 вер[стах], а может, куда еще и поближе переведемся. Если будем жить только мы недалеко от города, то будем просить и вас хотя когда, когда-нибудь заехать к нам, посмотреть на наше уютное гнездышко и откусать нашего хлеба-соли, а вместе с тем познакомиться и с Мишей, который очень бы был доволен узнать вас, а то сейчас, не знаю почему, он стесняется писать много, но я надеюсь, что понемногу он привыкнет и будет писать более подробные письма. Ваши письма мы с ним всегда читаем вдвоем. О любви

¹³ Авдотья Мефодьевна Лопарева.

Пати ко мне можно сказать наверно да: я ведь хорошо относилась к нему, а нынешнее лето и вовсе подружилась с ним, славный он такой и как-то невольно располагает к себе.

Да, сказать по правде, меня многие любят, где ни поживу, вот и здесь тоже пользуюсь общей симпатией, и сама не знаю почему так; я вижу людей и лучше себя и более знакомых, а к ним не так относятся, как ко мне и более мне доверяют, чем им. Должно быть проще и сердечнее кажусь я. Однако пора кончать, писать более нечего. Желая вам здоровья и остаюсь любящей вас ваша племянница Феозва.

Веру Николаевну и, кажется, Марию Николаевну¹⁴ благодарю от души за поздравление и им шлю свой сердечный привет.

Вечерами постоянно читаем, а также играем на гитаре, а то придут двое-трое знакомых — сейчас же «дурачки, Акулины и Сидора», а то в галки, и незаметно просидим до 11-12 часов.

Миша у меня весельчак — всё бы шутил.

В лунные ночи катаемся на своем рысаке или гуляем, и так хорошо после трудового дня освежиться в легкий морозец. Зима у нас ныне очень снежная, с буранами, были ранние и сильные морозы в 38-36 градусов.

Приписка: «Шлю привет и пожелание всего хорошего. Спасибо за поздравление. Ваш новый родственник М.А. Завадовский».

№ 8

1908 г. августа 29

Милый мой дядя!

Уже давно получила я от вас письмо и только теперь сажусь отвечать на него. Среди хозяйства, право, не видишь времени, так и мчится день за днем: то своя работа, то и чужое шитье еще беру. Неделю у меня гостила сестра Миши с детками, такая славная и добрая, точно мать родная, а тут опять мамаша гостила полторы недели у старшего деверя — я одна, надо за всем присмотреть, цыплята что то хворали, а месяца полтора тому назад у нас корова пала. Вот и молчала я всё, даже домой давно уже не писала. А из дому получаю я весьма неутешительные письма; жена крест-

¹⁴ Вера Николаевна и Мария Николаевна Эрке, квартирные хозяйки Х. М. Лопарева с 1902 г. После смерти в 1916 г. Марии Николаевны Лопарев женился на Вере Николаевне.

ного живут, должно быть, не в ладах с мамой, да и сама она является какой-то развалиной; она, как пишет Матя, совершенно простая деревенская неграмотная женщина с небогатым природным умом, получает очень часто самую грубую брань от мужа, который в свободное время пьет разные яды: сулему, стрихнин и т.п. и благодаря этому не может вовсе выносить холода, и даже летом жмется к печи, а лицо его все в пятнах и имеет вид печеного яблока. Ужасно подумать, до чего дойдет человек! Об их неукладной семейной жизни мне пишет уже Таня с Алешей, а Матя ничего не поминает.

Да вот еще что, милый дядя, посоветуйте вы Мате продать лошадь к зиме, ведь она очень дорого станет ему содержать ее, т.к. сено будет дорогое, а какую прибыль она принесет ему? Стоит все время, разве воды в неделю привезут раз, так водовоз возьмет не дороже 1,5 руб. в месяц, а если с бельем или муки с базара — извозчик за 15 коп. привезет сколько хочешь. Он положительно не рассчитывает ничего, и я ему поди десять раз писала об этом, и Алеша твердит то же самое — но ничего не выходит по-нашему. Может, он вас лучше послушает, я ему и лавку советовала продать — ведь сколько приходится платить за нее недоимки, а от нее и гроша не получает. Так нет. «Не хочу, — говорит, — отцовское заведение разорять». Ну и Бог с ним, у него свой ум, а я уже теперь отрезанный ломоть от ковриги и слушать меня кто же будет? Только очень уж невесело читать мне их письма, и каждый раз я досыта наплачусь над ними.

Эх, посмотреть бы хоть одним глазом теперь на их житье-бытье. Нет, все не то, что было при мне, и Матя то же пишет. Но, однако, что прошло — того не воротить, да и незачем. Теперь я своей жизнью очень довольна, Мишук до меня добрый и все хорошо, у нас свои заботы о своем гнезде, которое зимою, наверное, еще увеличится... а потому и для будущего сейчас приходится кое-что приготовить. Только бы здоровья Господи послал, а то все хорошо.

На весну, как доживем, займемся пчеловодством, Миша сейчас приготавливает ульи, а пчелы наши у деверя на пасеке; мы бы нынче думали устроить пасеку, да все думали убраться куда-нибудь, а как остались, так уж на будущий год, что Бог даст. Нынче, благодаря сырому лету, взятки меда был плоховатый, пчел приходится все подкармливать сиропом, но все же мы поели свежего сотового, как гостили нынче у наших: деверь вырезал целую рамку нам к чаю, да и с собой еще дал. Вот будет хорошо, как свой мед будет у нас, пожалуйста тогда к нам чай кушать, дядя!

Миша у меня не сидит тоже без дела: то на охоте, то на рыбалке, то сапожничает, сшил мне и мамаше туфли, то столярничает или красит что-

нибудь, то чучела prepares, то сети вяжет, теперь собирается качалку делать... 6 сентября он именинник, я тороплюсь ему вышивать блузу в подарок, да тоже плохо удастся. Копали с мамашей в огороде картофель, лук вырезали, надо еще морковь, свеклу, капусту убирать.

Погода у нас стоит холодная, дождливая, скоро рамы вставим, должно быть, будет ранняя зима; много заботы прибавится с нею, но зато полнее жизнь будет.

Матя и многие другие советуют Мише поступать в страховые агенты, да и сам Миша не прочь от этой должности, но ведь везде нужна протекция; правда, крестьянский начальник, с которым он служит, очень им доволен, видя порядок и аккуратное исполнение его приказаний, да и в волости у Миши уж всегда все исполнено хорошо бывает, но он переводится в Тару, да и какой-то сам-то невидный, и его почему-то многие не любят. А более не предвидится поддержки. В Тобольске никто не знает Мишу, а недурно бы угадать в агенты, как по-вашему, милый мой дядя? Или просто подать прошение губернатору, может, хотя не скоро, а на наше счастье и назначат, а то так и будешь сидеть в этом медвежьем углу.

Пишите нам, дядя, как лучше, мы оба ждем вашего совета.

Как провел лето Патя, наверно, он уехал теперь уже в Омск? Мне Матя писал, что он успешно перешел во второй класс, чему я очень рада.

Как, дядя, вы живете-можете, как ваше здоровье, как вы провели лето?

С Ан. Фед. Мамонтовым¹⁵ я, дядя, ведь не знакома, а Миша часто его встречает, мы писали ему и передавали ваш привет и обещание, что вы ему напишите письмо. Пишите нам скорее и будьте здоровы!

Любящие вас Феозва и Михаил Заводовские.

Вере Николаевне и Марии Николаевне я также шлю привет и сердечное спасибо за воспоминание обо мне. Жаль, что я не знаю их.

№ 9

1908 г., октября 5

с. Самохвалово

Милый наш родной дядя!

Получили мы ваше письмо, и я хотела сразу ответить на него, да вздумала что-то прихворнуть, должно быть, простыла, но теперь, слава Богу, бегаю, только зубы начали уже очень донимать меня.

¹⁵ Личность не установлена.

Из вашего письма я вижу, что вы ужасно расстроены, и немудрено расстроиться, ведь надо только подумать — 400 руб. недочета. Понятно, что это не просчитаны деньги, а просто взяты — но кем? Если бы был грабеж, Петя не побоялся бы сразу написать об этом вам или донести кому следует, то же бы сделали и другие родные, торговавшие вместо его. Разве во время отлучки Пети куда-нибудь жена или мать не оставляли кого в лавке ненадежного, а если нет? — что думать? Неужели то, что Анюша, жена Пети, сама ненадежный человек? И не хочется, а думается. Можно и то предположить: помните, вы летом еще говорили, что Анюша любит выпить, а раз есть это, то немудрено, что и вытащили у ней из кассы деньги. Что-то ведь напишет вам Петя? И неужели еще после этого случая он не образумится и не будет сам больше находиться в лавке? Он ведь, правда, всецело полагается на жену, а раз он сам сиделец, то не должен забывать свою обязанность, только свободными от торговли часами он и может располагать.

А о Пате, мне кажется, дядя, вы напрасно так беспокоитесь: неужели там такие строгие меры принимают против опаздывания к учению. Да если даже и то, то Пате как хорошему воспитаннику и совершившему первый раз такое преступление простят с предостережением в другой раз не делать так. Какая же его причина опоздания: или не знал, когда учение начнется, или дорогой что не случилось ли, или в Самарове не мог долго парохода дожждаться? И как вы знаете, что он опоздал — разве пришло вам какое-нибудь извещение прямо из училища, что вы так думаете об удалении Пати? Ужасно, правда, и тут и там все неприятности, сочувствую вам от души и очень жалею вас, и так у вас незавидное здоровье, а все эти дрязги незаметно отражаются на вас. К довершению всего — я тоже со своими невзгодами к вам, но простите меня, милый дядя, за это и не думайте, что я хотела расстроить вас — нет, я хотела только поделиться с вами тем, что наболело на моем сердце, зная, что вы вполне поймете меня.

О том, что женат ли Евгений, я и сама не знала до нынешнего времени, т.к. он лет 13 не писал ничего нам, а когда пришла невзгода — вспомнил и своих родных. Мне как Матя написал об их приезде, не верилось долго, только после его второго письма я поняла, что это правда. И тогда же и вам я написала, да я и теперь не знаю, когда он женат, давно или нет, он ничего сам не пишет мне, хотя я его просила уже не один раз в письмах. Бог с ним! И у меня не лежит к нему сердце как к брату.

Милый дядя, сердечное вам спасибо за то, что вы еще и вдвойне хотите породниться с нами; я и Миша с удовольствием запишем вас в крестные малютке, но вы прежде напишите мне, как записать вас, каким чином?

Мы живем по-прежнему, потихоньку, помаленьку.

У вас в Петербурге, кажется, свирепствует холера и даже принимает угрожающие размеры, но я думаю, с наступлением холода все затихнет.

У нас выпал первый снег с 14 на 15 сентября, погода стоит не очень холодная, дорога мерзлая, и многие ездят уже на санях. Миша начал охоту на тетерь: встает рано, часа в 2-3, и уезжает часов до 8-9, а после — занятия рыбной ловлей котцами, такой уж он у меня подвижный — просто «непоседа». Но это-то и хорошо, по-моему, а то слишком однообразный ведь труд у него.

1-е октября у нас престольный праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Крестьяне еще и до сих пор гуляют по улице порядочно выпивши. Здесь все пьют: мужики, женщины, парни и девушки, и это неудивительно, если одна из последних довольно выпивши лежит или бредет кое-как с бутылкою в руке по улице. Ну и народец!

А в училище учится только 6 человек; никто не хочет учить детей, да и школы крестьяне вовсе не желают иметь у себя. Будь бы у нас священник — все же настоял хотя бы на церковно-приходскую, а то и о священнике мало хлопочут, нет для него ни дома, ни земли. Учительница никак не может убедить крестьян, чтобы вели детей учиться, уж и мы с Мишей стараемся помогать ей — да нет, все ни к чему. Не знаю, что еще будет дальше.

С хлебами у нас некоторые еще недавно убрались, да и то у многих на полях кледи; дал нынче Господь урожай на всё.

Однако я все уже описала. Буду ждать от вас известий!

Благодарю от души ваших хозяек и шлю свой привет.

Будьте здоровы!

Пошли вам, Господи, больше душевного покоя.

Любящие вас ваши племянники Феозва и Михаил.

№ 10

1910 г. сентября 8

Милый наш родной дядя!

Невеселое письмо шлем вам, наш милый Шура покинул здешний суетный мир и переселился в тот, другой, где будем все когда-нибудь, только не в одно время. Остались мы теперь одинокими, и так грустно и тяжело, только один Господь знает. Схоронили Шуроньку 3-го сентября

и, чтобы хоть немного забыться, привезли от Алеши Кланю¹⁶ шести лет, все же лишний человек в доме, а то совсем тоска задавила, точно в могиле какой... Боже мой! Помоги мне перенести это испытание, я не в силах даже, дядя, молиться как следует и нет мне в молитве облегчения. Мы теперь стали как будто старичками, испытавшими радости и горести семейной жизни; куда ни пойдешь, за что ни возьмёшься, все на уме одно, все чего-то недостает, все опостыло. Одно утешение, как ходим на могилку да поплачем там оба, как малые дети. Ах, дядя, ведь один он был у нас, потому уж и больно и тяжело нам, да и все понимал, ведь почти 2-х лет.

Неприятно еще то, что у меня появилась какая-то ревность к тем, у кого есть дети, а детей я уже не могу ласкать как прежде, скверные чувства, а ничего не могу сделать.

Пишите нам, дядя, все же легче, когда получишь письмо от своих. Я теперь стала вовсе растерянной, мысли в голове перепутались, и кружится перед глазами, дело ли возьму — оно валится из рук моих, не знаю, мне кажется, и не забыть уж никогда нам нашего Шуру, нашего ясного сокола.

Хотя бы еще Господь послал нам в утешение дитя, а то просто не знаю, что будет с нами.

Пишите же, дядя милый, если будет время.

Любящие вас ваши Михаил и Феозва.

№ 11

1910 г., декабря 2

Милый наш родной дядичка, в числе других поздравлений примите и наше, хотя позднее. Поздравляем милого дядичку и желаем еще много, много лет в добром здравии трудиться на пользу людям.

Пишу после выхода из больницы, где я пролежала 5 недель; у меня была операция, но под хлороформом, так что я ничего не чувствовала, хотя, конечно, тяжело было лежать потом, но я очень боялась только усыпления. Слава Богу, теперь все пережито, и я стала далеко бодрее, да и нервы мои расшатанные бывают.

К предстоящему празднику Миша хочет купить граммофон, мы давно собирались, да не проходило все как-то, а нынче уже решили оконча-

¹⁶ Клавдия Алексеевна Анисимова, в замужестве Хорос, племянница Ф. Н. Завадовской.

тельно. Здесь, представьте себе, ни у кого нет, а все же хорошее развлечение и довольно приятное в части досуга.

В деревне, знаете, да еще в такой, как у нас, не знаешь, как и проводить праздник, долгим покажется он.

Но, однако, довольно. Писать больше не о чем. Передайте привет Вере и Марии Николаевне.

Крепко вас целуем.

Ваши Феозва и Михаил Завадовские.

Переехал ли Петя, дядичка, на новое место?

№ 12

1911 г., марта 12

Милый дядя, крепко, крепко целуем вас и шлем свой сердечный привет. Веру и Марию Николаевну поздравляю с именинником. Живем помаленьку, потихоньку, себя чувствую не совсем здоровой, не смотря на операцию; сначала было хорошо, а теперь опять чувствую что-то не по себе; Бог даст, доживем до весны, Миша хочет отправить меня в Талицу, где специально занимаются доктора излечением женских болезней, а в Тобольске нет ни одного хорошего специалиста. Все бы в нашей жизни было, если бы здоровье, а с ним, конечно, и дети...

Мы сейчас живем с Мишей вдвоем, мама уехала гостить к Сане в Тобольск, а весной собирается к среднему деверю, он болен, так его попроведовать в Барнауле.

Весна у нас стоит очень морозная; снег в марте так и сыплет каждый день, солнышко хотя и пригревает, но очень плохо; я еще не помню такого холодного марта, но, может быть, будет дружная весна. Мы вчера купили еще корову с телочкой за 30 рублей; буду растить телушку для себя; куры у меня кладутся давно уже; хорошо ведь, правда, свое молоко, масло, сыр, сметана, яйца; всегда все свежее.

Пластинок для граммофона мы выписали десять, дядичка, из Петербурга, от какого-то Ферненбока, а теперь эта фирма носит название «Тор[овый] дом Михаил», и выслала нам эта фирма только 5 пластинок за ту цену, да и пластинки самые скверные, лучше бы здесь дороже купить, да хорошие, да и песни не те выслали, что я писала, просила: «Гибель Варяга» и «Тоску по родине», а послали «Трепак» да «Вниз по матушке по

Волге». Какие негодяи, так бы и выругала их в лицо, если бы было близко; самые последние жулики и мошенники, попадайся на их объявления, а они по-свински поступают. Теперь уж, если придется когда, так лучше здесь купим, а то только 7 руб. 50 коп. как в печь бросили, и все-таки нет желанных песен.

У нас, дядечка, все хорошие мотивы на пластинках, мы покупаем только такие, которые ранее слышали, есть вальсы и марши — одна прелесть, теперь всего уже 17 двухсторонних.

От Пати недавно получила письмо, пишет, что масленицу провел хорошо, и не всё в Абатске, а в ближние села тоже ездил. К нам летом собирается, но ненадолго, так как вакат будет немногим более месяца, а объехать надо всех, да и выставку хочется повидать в Омске. Я его очень звала к себе, не знаю, заедет ли, а мы бы очень были рады. На крестопоклонной неделе я буду говеть; надо и семена цветов уже скоро сеять в ящики, нынче мы мечтаем развести небольшой садик около дома, да и могилку Шуры надо обсадить цветочками, ему уже 2-го апреля будет полгода со дня смерти; спи, мой милый крошка, с миром!

Я понемногу начинаю свыкаться с одиночеством, дядя, и думаю: чем более у меня будет хозяйство, тем я скорее забудусь и развлекусь от тоски. Ну, пока довольно, писать больше не о чем, буду ждать от вас.

Ваши Ф. и М. Зав[адовские].

Как поживает Петя, напишите нам.

№ 13

1911 г., сентября 20

с. Куларовское

Милый наш родной дядя! Простите Бога ради за долгое молчание к вам, право, стыдно и даже очень стыдно становится, как подумаешь, что полгода я ничего уже не писала о себе, да и о вас, а также о Пате, Лине¹⁷ и тете Дуне ничего не знаю, где все и как поживают? Я, дядичка, пробыла в Талице почти три месяца, т.к. доктора ждали улучшения моего здоровья; болезнь моя была порядочно запущена и скоро вылечиться и думать было нечего. Теперь пока чувствую себя лучше, но уже здоровье нежнее, чуть что — сейчас и боли, но я теперь строго слежу за собой.

¹⁷ Акилина Ильинична Лопарева, в замужестве Шмуклер, двоюродная сестра автора письма.

Домой приехала вот уже месяц пошел второй, а за письмо некогда и подумать взяться: без хозяйки в три месяца порядочно опущений, шитья, починки накопилось, поспело в огороде — всё убирать, а прежде всего еще маму отправляли в Тару, она поехала гостить к старшему сыну. Осталась одна я. Надо ведь всё поспеть сделать, откладываешь до вечера, а вечером или кто задержит, или устанешь и не помнишь как уснешь. Я нынче стала что-то скоро уставать, ранее до болезни, бывало, две ночи подряд не спишь ничего, а нынче до 12 часов трудно просидеть, а днем не привыкла отдыхать.

Хозяйство нынче придется убавлять, оставляю одну корову и телку, а другую будем бить зимой; прибавила только индеек да кур. Нынче тяжелый здесь год. Сено дорогое, мы купили на 34 руб. 60 копеек, а еще надо рублей на 15, а про овес и не поминаем. 1р. 10 коп. пуд в городе, а здесь вовсе не родился. Мука ржаная 1 р. 35 коп., дешевле только мясо на 5 коп. самое лучшее. Коровы нынче по 15 руб. и 18 с телятами, просто нипочем скот стал в городе. Плохо нынче будет жить беднякам, у нас половина молодежи разъехалась по городам на места, хлеб не родился, а купить не на что. Что же, будут жить дома без дела.

Погода стоит пока хорошая, хотя снег покрывал землю еще до Воздвиженья, но весь растаял, понаделав грязи, теперь просохло, и скотина ходит еще на полях. Это еще хорошо, что осень тянется, все же не столько сена надо будет скоту. У меня Миша, как только отзанимался — так на охоту с знакомыми; набили уже 23 зайца, да уток сколько; сегодня вечером собираются лучить рыбу.

Саня¹⁸ из Тобольска перевелись в Омск и живут уже другой месяц там.

Про Патю. Миша ездил в город и узнал от Алеши с Таней, что он будет служить в Самарове. Миша привез карточку с тети Дуни, на которой она мне уже не напоминает прежнюю мою тетю, а уже выдавшую виды Петербурга даму; всё так модно и изящно, начиная с платья и кончая прической.

Патя сам ничего не пишет нам, да, правда, когда ему, молодой человек, забот много... Лина тоже не знаю где. Да, кажется, из неё славная барышня выйдет; хотя я сама её не видала с тех пор, как гостила в Самарове. Уже много прошло лет: все в лице по несколько раз изменились, как говорил поэт.

Милый дядичка, пишите нам, как вы поживаете, как провели лето с [1 нрзб.] А я так будто и лета не видала, и только еще теперь опомнилась, что оно уже прошло, и подошла незаметно скучная осень. Прошел и год как Шуры не стало; да, все пройдет, всему будет конец... Скучно нам с Мишей ужасно бывает иногда, но все стараешься как-нибудь забыть.

¹⁸ Родственница Ф. Н. Завадовской.

На Рождество, Бог даст, возьму Пану к себе гостить, а там, может, и приемыша возьмем; все же будет какая-нибудь цель в жизни.

Пишите же нам, дядя, а за мной теперь дело не станет, я уже совсем загнала зиму: вставила рамы, овощи уложила в яму, убралась к зиме везде — и в погребке, и в подполье, чтобы потом не возиться. Чужую работу нынче не буду брать, т.к. сидеть подолгу мне вредно, а буду больше гулять, да ведь и ранее я работала не из-за денег, а чтобы хотя в чем-нибудь найти забвение.

Ну, пока, кажется, все описала, да что и писать-то, по-прежнему жизнь течет в глуши, хотя я люблю эту глушь уже теперь; привычка берет свое, мне уже тяжело покажется жить где-нибудь на бойком месте. Здесь, в тишине, вдали от светского шума так дышится иногда легко, так молишься из глубины души и так хочется еще молиться, и никто не мешает, ничто не отвлекает. Но, однако, я слишком уже ушла в себя, мой хороший дядя. Довольно. Крепко целуем вас я и Миша.

Будьте здоровы и Богом хранимы.

№ 14

1912 г., октября 18

Милый наш и родной дядичка!

Крепко целуем вас и желаем здоровья. Простите нас Бога ради, что Куже очень давно мы не писали вам писем, но теперь Линочка не очень много дает свободного времени. Я жила все время без прислуги, но недавно наняла, т.к. мало что удаётся делать, а ведь хотя и небольшое — а хозяйство: надо все прибрать и за всем доглядеть.

Линочка благодаря Бога подросла, хватает ручонками игрушки, когда лежит в коляске, смеется и гулит. Мы живем по-прежнему, остались еще зимовать здесь, осенью не решили ехать, потому что можно было простыть Линочке, а что будет уже весной, как доживем. Хотелось бы куда-нибудь в веселенькое местечко перебраться, а то надоела здесь глушь и отсутствие «живых людей».

Милый дядичка, как мы рады за Колю¹⁹, что он поступил в техническое, так и выразить не могу. У него ведь желание-то сильное было как-нибудь устроиться туда, Бог даст ума и здоровья, так будет человеком. Сейчас он

¹⁹ Николай Алексеевич Анисимов (1906–1979), получил образование в Омском механико-техническом училище, впоследствии — инженер.

ходит в отпуск на праздники к Сане, они ведь в Омске, и ему не так скучно, но все же похудел он сразу-то, нам писала Саня. К Рождеству пошлем ему денег, чтобы он снялся и прислал нам карточку. Пана готовится на учительницу, хотя бы Господь помог ей еще устроиться на место, все же была бы поддержка своим, а то плохо же им приходится. Еще, дядичка, вы да Матя много пособляете, а то Алеше с его здоровьем трудно бы было поднимать такую семью. Колю ждать долго, а Пана хорошо если выдержит экзамены, но за все Господь, на Его вся надежда.

Я очень удивилась, дядичка, что Лина выходит, т.е. теперь уже вышла замуж. Такая молодая, можно было еще посидеть да ума покопить, да вышла-то за такого же молодого, как и сама. Но дай им Бог счастья, как-то заживут они?

Милый дядичка, вам понравилось имя Ангелина, и мне тоже очень еще раньше нравилось, а тут пришлось так, что совершенно не было женских имен с 29-го июня, а 1-го июля одной Ангелины, и я имя это пожелала дать дочурке. Спасибо вам, милый дядичка, что вы радуется нашей радости, нашему счастью, родной вы наш дорогой, так бы и расцеловала вас, так бы много хотелось сказать вам от чистого сердца благодарных слов.

Какое чудное стихотворение, дядичка, доканчивали вы и сколько чувств в вашем произведении; мне очень нравятся слова:

*«Покоя ж нет, душа скорбит,
И совесть чуткая не дремлет,
Моим молитвам Бог не вземлет
И мук моих не облегчит...»*

Да, как много надо иметь веры. Я не ожидала, что дядичка у меня поэт, а раз узнала, то прошу еще написать на память что-нибудь, я ведь очень люблю стихотворения и у меня очень много их списано и заучено; любимыми моими стихотворениями были стихотворения Некрасова, Никитина, Лермонтова и Надсона. Я особенно люблю почему-то всё грустное, вот и музыку и пение тоже.

Милый дядичка, пишите нам почаще, не сердитесь на меня, что я долго не отвечаю вам, я люблю читать ваши письма, они полны всегда любви и надежды.

Будьте здоровы, дядичка.

21-го октября будет полгода маме, правда, она была несчастная, моя родная. Царство ей небесное и вечный покой, которого она не видела на земле. Живя в семье, она никогда не видела себе от нас отрады.

Как тяжело.

Дядичка, пишите же нам о себе. Передайте привет Вере и Марии Николаевне, спасибо им за пожелания, в ответ им я желаю здоровья и всякого благополучия.

Еще раз прошу не сердиться на нас.

Любящие вас Феозва, Михаил и Линочка Завадовские.

№ 15

1913 г., декабря 17

Милый и родной наш дядичка, поздравляем вас с праздником Рождества Христова и наступающим новым годом, желаем как можно больше радостных и светлых дней от всей души вам, а также Вере и Марии Николаевне, сердечное спасибо им за их любовь ко мне. Только, право, я, кажется, ничем не заслужила такого хорошего расположения как со стороны их, а вас, дядичка, тем более, благодарю вас, родной мой, как могу и умею, за все: за любовь, за ласку, за то, что вы так же хорошо относитесь к Мише, хотя его совсем мало знаете. Но мне просто стыдно, когда вы упоминаете о деньгах. За что? Разве вы обязаны наделять нас, я и за прежнее не знаю чем отплатить вам. Не заботьтесь, милый наш, о нас, ведь просто совестно получать такие подарки, сберегите лучше для себя лишние, а то хотя всё раздай другим — и всё будет мало нам, племянничкам.

Милый дядичка, 15 декабря, как это бывает каждый год, была порядка писаря на новый год и волостной сход. Жалованье Мише еще прибавили на 50 рублей, чему мы очень рады, и сверх того еще приняли на себя расходы в размере 12 р., которые мы затратили на постройку хлева для скота и ямы для овощей. Теперь будем получать 950 р. в год от общества, 120 р. почтовая операция, 50 р. за кассу — итого 1120, из них минус 216 р. помощнику, а остальное нам; при готовой квартире, отоплении и освещении совсем хорошо. Остается только благодарить Господа Бога и просить здоровья.

Милый дядичка, у нас недавно поступил новый помощник, который хорошо знает вас, он тоже родиной из Самарова. Это Петр Николаевич Конев. Работник он хороший, но, должно быть, выпивает; послужит, так увидим, жаль, если с ним часто будет случаться эта болезнь.

Мне с ним еще не приходилось побеседовать как следует. Все недосужно, теперь перед праздником хлопоты: моем, чистим, как уже и заведено везде. Для Линуси на второй день Рождества, как будем здоровы, устроим небольшую елочку, так по-семейному повеселимся, я очень люблю нарядную елочку, при виде ее рождаются хорошие чувства и желания. Числа же 28, если все будет благополучно, Миша увезет меня в город, чтобы устроиться в больницу для ожидания кого-то маленького. Дома я не решаюсь остаться, т.к. у нас совершенно нет никакой медицинской помощи, и хотя тяжело оставить Линусю, но делать нечего; правда, я ее даже очень редко на день оставляла, а тут придется надолго уехать, но как-нибудь смирюсь. Линуся подросла порядочно, лепечет многое, но не очень верно еще, а бежит бегом, такая резвушка и забавница, все понимает, что ни назовем ей.

Милый дядичка, если будете сниматься в новом мундире, то обязательно пошлите нам карточку, у нас так мало с вас новых карточек, а есть старые, которые я взяла из дома, когда пошла замуж, а так и поглядела бы на вас, такой вы будете нарядный... Сердечное спасибо, что вы не забываете дня моего ангела.

Передайте привет Вере и Марии Николаевне, желаем вам всем в радости встретить и в веселии провести Великий праздник.

Писать много некогда, да и сидеть устаю, целуем вас, дядичка, крепко, крепко. Будьте здоровы и богом хранимы.

Любящие вас Михаил, Феозва и Линуся.

№ 16

1915 г., октября 23

г. Омск

Здравствуйте, милый и родной наш дядичка, крепко мы вас целуем и желаем здоровья. Как удивитесь вы, если еще не знаете, что мы расстались с Куларовой и уже месяц доживаем в Омске. Тяжело стало очень под конец служить писарем, сколько пришлось перенести неприятностей и напраслин, один Бог знает, а работы по горло, помощника найти трудно, и целый месяц Миша работал один, не разгибая спины. Думали устроиться в Тобольске, но подходящих мест нет, а есть так жалование рублей 50-40. В Омске у нас есть знакомые, и мы от них узнали, что поступить здесь можно сразу рублей на 60, а потому не долго думая и поехали сюда. Приехали 29-го сентября, а 1-го октября Миша уже поступил счетоводом в лесной

склад. Работа только незнакомая и сложная, необходимо знать бухгалтерию, но понемногу Миша думает, что привыкнет, да и все успокаивают, что с полгода будет, правда, трудновато, а потом уже не так. Жалованье 60 рублей в месяц, и так, сказали, месяца 3, а там, глядя по работе, будет видно. Первую неделю очень трудной и непонятной казалась Мише работа, а теперь все-таки ознакомился немного с непонятными словами и окружающей обстановкой. Не привыкли мы только к городской жизни, но думаем, что и на это нужна привычка, которая будет по прошествии нескольких лет. Если Миша хорошо поймет дело, то, наверное, и будет служить на складе, разве только вот летом привык он к свободе, так тяжело сидеть покажется целые дни. Ничего сейчас нельзя сказать за будущее, что Господь даст, за то и будем благодарны.

Теперь, милый дядичка, напишу кое-что о себе и еще о тех, о которых уже совсем никогда не хотела упоминать вам; но если бы вы знали, как тяжело переносить мне то, что Татьяна Михайловна уже давно не считает меня своей. Когда мы нынче решились бросить жизнь и службу в Кулар[овой], то думали поступить в Тобольске в воинское присутствие за 50 руб., а квартиру снять у Мати, один из флигелей, до весны, а весной уехали бы все-таки в Омск, когда продали бы все хозяйство не за полцены, как теперь, но это ничего. Считая хозяином домов Матю, я написала ему письмо, в котором просила не отказать в квартире и, зная, что в домике живут чужие по 7 руб., я как для своих упомянула: может, Матя и за 5 руб. уступил бы, а Тане написала, чтобы она Мате посоветовала не отказать в квартире нам. Через 4 дня Миша поехал в Тобольск, где Таня прямо сказала ему, что дешевле 7 рублей я не отдам вам флигелек, у меня, говорит, и сейчас так живут, а Матя сказал, что можно за 5 руб. пустить Фезу, потому что ведь она тоже не наделена ничем из дома. Но Таня настояла на своем, а мне, дядичка, как-то показалось обидно: значит, как для чужих, ведь я больше ей сделала 7 рублей, если бы она ценила всё, но Бог с ней. Только когда Миша приехал и сказал мне это, у меня как оторвалось что в груди, немного своих и те отреклись, Бог с ними...

По приезде в Тобольск я более уже не посетила Таню, а, прожив два дня у Мати, уехала в Омск. Меня очень удивило, что распоряжается всем теперь Тат[ьяна] Мих[айловна]. Она получает доходы со всех флигелей, а расход — ремонт, очистка дворов — идет с Мати, он помогает еще и деньгами, платит за правоучение ребят, заводит формы и книги, помогает Пανε готовиться тоже деньгами и нынче, когда она поехала учительницей, то на расходы по записке Паны он опять дал 35 р.

Сам Матя бьется сейчас на 26 руб., а остальное вычитают за долг, который он делает то для ремонта, то для них, а в благодарность дети Тани зовут его блаженным и глупым. Я нынче и сказала Мате: «Таня еще ведь не видала нужды, ей со всех сторон помощь — и ты, и дядя, и мы хотя рубля по 3 каждый раз, как поедет Миша, но рубли она не считает и за одолжение, она привыкла к десяткам». А Матя удивился и спросил: разве дядя посылал ей денег? А я у ней, говорит, спрашивал, и она много раз мне говорила, что не имеет переписки с вами, и мне никогда ничего не говорила. Вот и Женя, только когда увидишь хорошее платье на них, так это, говорит, Ульяна Давыдовна²⁰ прислала, а от вас я знала из писем, что вы очень много помогали им.

Как, милый дядичка, я не люблю ложь, как мне больно за них, зачем обманывать, это ужасно портит детей; теперь только я разочаровалась в Тане и порвала с ней всё родство, у ней уже на должности сын и дочь, есть и другие доходы, а не хотела меня даже на словах признать родней, она меня выкорила, что вы мне сотни посылали, но я, говорю, ни от кого и не скрывала, а спешила поделиться своим счастьем. И с кем? С той же двуличной Таней. Да, умер Алеша, и умерло все родное, только им и держалось родство...

Но замолчу, я надоела вам, мой родной, друг, отец, вы мне всех, всех заменили, и от вас только я много видела ласки, утешенья, советов, помощи. Я пишу вам это письмо и плачу. Ах, если бы вы поняли боль моей души... Миша мне говорит: брось ты, забудь их всех, но я не могу, я любила их искренно и старалась для них во всем, а они не оценили ничего. В последний раз я написала вам о них, теперь я далеко уже и отвыкну, и никогда более постараюсь не тревожить вас, простите меня, милый дядичка. Мы живем вместе с Саней, которая шлет вам свой привет. Она служит кассиршей в конторе, а Оля и Володя учатся. Линуся и Фила²¹ растут помаленьку, шумят по целым дням, всем нам теперь удобно жить и веселее как-то; с молодым поколением и сам молодеешь и вспоминаешь свою школьную жизнь. У Сани детки такие милые, душевные, и я очень рада, что мы приехали сюда. Правда, сейчас я начинаю учиться экономии, но это необходимо при городской жизни и с небольшим жалованьем и нужно, а может, если велит Господь, то все устроится лучше, не сразу же ведь.

²⁰ Ульяна Давыдовна Фарафоновна, тётя Феозвы Никитичны, родная сестра её отца.

²¹ Дочери Ф. Н. Завадовской.

Купили мы корову, да кур я привезла, и сейчас опять небольшое хозяйство.

Письмо от вас, писанное 7 сентября, я получила, за которое сердечно благодарю. Передайте мой искренний сердечный привет Вере и Марии Николаевне.

Не думайте только, родной мой дядичка, что я не хотела бы, чтобы Тане помогали. Нет, другое, ведь случись со мной что-нибудь (а может и пронесет Царица Небесная), так как искать себе угла в родительских домах? Матя все прихварывает, у него болит бок и грудь, и не стань его — я чужая для всех. Как подумаю об этом, вот то и обидно. Но, может, Господь пронесет грозу, может, не возьмут Мишу, и я счастлива пока этой мечтой. Не сердитесь на меня за это письмо, но мне легче, что я по душе поговорила с вами, может, я не права, и не судите меня строго. Пишите хотя несколько строк, как будет время. Мы мечтаем уже о том, что, может, Господь велит, вы здесь навестите нас когда-нибудь. Примите привет от Миши, Линуси и Филы.

Любящие вас ваши Завадовские.

№ 17

1915 г., декабря 12

г. Омск

Милый и родной наш дядичка, целуем вас несчетное число раз и желаем здоровья. Письмо от вас давно получила, но ответить на него все медлила, очень были больные девчурки: сначала Лина корью, но она очень хорошо перенесла болезнь и в 1,5 недели была на ногах, но Филуся так тяжело болела, что никто и не думал уже, что она будет жива, у ней сделалось осложнение — бронхит в сильной степени, и вот уже три недели она не сходит с рук от слабости. Теперь кашель начинает уменьшаться, и изредка появляется улыбка на лице, а то просто тяжело было глядеть, как мучается. Господи, такая крошечка, и сколько она перенесла болезней. Доктор утешает, что у ней нет порока сердца, только малокровие полнейшее, теперь усиленно буду лечить ее. А как тяжело на душе, когда хворают дети, просто точно скованы руки и не поднимаются и не берутся ни за что; я с часу на час ждала, что Филуся умрет, так она была худа и слаба, но Господь еще оставил ее нам, велика его милость к нам, грешным. Милый дядичка, сердечное спасибо вам, что вы сочувствуете мне всегда и во всем, и

я так привыкла делиться с вами и легче станет, как будто поговорю с вами. От всей души благодарю и Веру, и Марию Николаевну, родные вы, милые; вы как к своей сочувственно относитесь, ведь вы не знаете меня совсем.

Милый дядичка, мы живем, слава Богу, на новом месте пока хорошо, Миша уже порядочно ознакомился с делом, и не так оно кажется ему трудным, как сначала. Завели маленькое хозяйство, купили одну корову да 8 кур, это уже необходимо для себя, а то покупать все так дорого очень. Жить нам вместе с Саней и веселее да и менее всего выходит, чем надвое, так что все у нас сложилось пока хорошо, только бы Господь дал здоровья. Прохор Григорьевич²² сидит в Омской тюрьме, и каждое воскресенье мы попеременно ходим к нему. Саня вам шлет свой привет. Мы все радуемся, что, может быть, и повидаемся с вами, какая радость, что вы желаете навестить нас. От Пати получила на той неделе письмо, он от вас узнал наш адрес и пишет нам о своей жизни.

Милый и родной дядичка, мне просто стыдно, вы опять пишете, что на новоселье думаете послать нам. Зачем это, дядичка, и за что, чем я заслужила ваше внимание, чем и когда я отплачу вам? Вам нужны самому, у вас более расходов, а вы так вменяете себе в обязанность послать нам, не надо, дядичка, я и так довольна, что вы нас не забываете письмами, что вы сочувственно относитесь к нам, я знаю, вы любите нас, и это всего дороже. У меня нет отца и матери, но есть еще родная душа — вы, и вы не менее матери любите меня. Я молюсь за вас, за ваше здоровье, чтобы Царица Небесная продлила вашу жизнь, полную любви и заботы к ближнему.

Милый дядичка, у меня еще до вас большая просьба, я купила себе чулочную машину случайно, очень хорошую, за 55 рублей, только поломано несколько игл. Здесь иглы дороги, сотня 17 рублей, а знакомая чулочница, которая за 25 руб. взялась меня выучить, говорит, что нужно выписывать из Петрограда, но откуда, там адреса не знает, и будто там сотня 7-8 руб. Насколько это правда нам необходимо знать. Затем еще в Омске очень дорогая бумага вязальная, да и нет нужных цветов. Все это советуют выписывать, и я решила обратиться за помощью к вам, а вернее к Вере и Марии Николаевне. Будьте так добры, узнайте, где, в каком магазине продается бумага вязальная 30 и 20 № и сколько стоит 1 пуд и ½ пуда и как лучше — наложенным ли платежом или переслать вам деньги? Затем сколько стоит сотня игл для 12 класса машины. Если дешевле в Петрограде, то есть расчет выписывать, т. к. если я выучусь, то буду брать чужую работу. Здесь бумага 2 р. 70 коп. фунт. Нельзя ли попросить, чтобы выслали каталог?

²² Вероятно, родственник автора письма.

Милые мои, как своих я прошу вас: не откажите помочь мне и простите за то беспокойство, которое я причиняю вам; за ваши хлопоты буду много, много благодарна вам. Хотелось бы узнать теперь же.

А война, дядичка, все идет, все еще не обещается мира; здесь сколько войска, вчера отправляли 49 рот, и опять скоро будет набор молодых. Как бы много хотелось поговорить, но всего не переспросишь и не расскажешь в письме, может, Бог даст, увидимся и тогда поговорим по душе. Какой взгляд на конец войны у вас, дядичка, и вообще в ваших кругах?

Пишите, дядичка, о себе. Пока довольно. Буду ждать от вас ответа с нетерпением.

Девчурки крепко обнимают своего деда за шейку и жмут ваши руки. Мы целуем вас всех и желаем всех наилучших благ.

Любящие вас Михаил, Феозва, Линуся и Фила.

Бумага вязальная самая лучшая фабрики Рижской, а еще есть Саввы Морозова. Рижской едва ли сейчас можно достать, но есть еще Викула Морозова, но та очень непрочная.

№ 18

1917 г., января 10

г. Омск

Милый, родной дядичка и дедушка, еще раз поздравляем вас с прошедшим праздником и наступившим Новым годом, дай Бог вам всего, всего наилучшего, крепко целуем и обнимаем и от души шлем свои лучшие пожелания.

Мой милый дядичка, здоровы ли вы? Что с вами? Я жду уже давненько от вас весточки, но прошли все праздники и ничего не принесли. Я так всегда привыкла получать ваше поздравление, а нынче так грустно, что и передать не могу; ведь из своих родных у меня только вы единственный, и никто более меня не поздравляет.

В дни будничные время быстро идет за работой, но праздники для меня всегда тяжелее, только и отдохнешь душой, когда сходишь в церковь, как-то светлее, отраднее и миришься душой со всеми обстоятельствами.

Милый дядичка, живем помаленьку, потихоньку, и за все я благодарю Бога. Мишины годы призвали еще в августе, но ему морской штаб дал срочку на все время до конца войны, т.к. признали контору, где он служит, работающей на армию. Но ведь и недавно еще управляющий охлопотал,

а то в первые 2 года служащих у них позабрали. Так уж счастье повезло; правда, дядичка: все на свете делается к лучшему, и я в душе рада, что пришлось тогда поехать в Омск, а останься мы в Тобольске на службе, может, и не пришлось бы останься в своей семье. Слава за все Богу!

К Рождеству Мише дали наградных 100 рублей, а в январе или феврале обещают военную надбавку в размере 25 рублей в месяц. Ведь правда как хорошо.

У девчурок на праздник была елка, на которой они уже сами говорили стишки.

Все пока, благодаря Создавшему нас, идет благополучно; погода в Омске стоит замечательно теплая, все Рождество не более 15-17 градусов, думается, что в феврале и марте будут морозы и метели, снегу сейчас совсем мало.

Милый дядичка, получили ли вы от нас на праздник поздравление, нынче что-то плохо доходят открытки, от знакомых мы открыток не получили, хотя они были написаны и посланы, как узнали из письма, или это просто случайность, зашлют куда-нибудь и лежат.

Только я послала-то нынче в сочельник, совсем не было времени пораньше; жалованье получили поздно, а в последние дни в магазинах везде по очереди и ждешь до вечера, а прибежишь, — дома дел гора; так и отложила до последнего дня.

Милый дядичка, пишите о себе, о своем здоровье хотя несколько строк. Это письмо пишу в день своего Ангела, пришла от обедни и так хочется поговорить с вами, мой родной. Я потеряла Патю, не ответив на его открытку. Я уже не получала и от него известий, где он? Иногда так взгрустнется что-то, так бы со всеми вами повидалась, поговорила, но все далеко, судьба всех раскидала по разным сторонам. Когда же это война кончится? Милый дядичка, если можно, то напишите нам, что из себя представляет Гришка Распутин? Очень уж много в газетах про него пишут, за что ему такие почести? Уж, наверное, у вас в Петрограде более про него знают.

Как здравствует Вера Николаевна, большой-пребольшой ей привет от меня.

У нас много знакомых с позиций приехали в отпуск и все говорят, что наши дела плохие и едва ли когда они будут лучше; везде все продают, везде изменяют, крадут... Боже мой! Как тяжело!... Нет нигде правды, нет ни у кого совести. Но, однако, довольно, об этом нельзя говорить много, нам не переиначить порядка, но только иногда не хватает силы воли смолчать...

Милый дядичка, будьте так добры, если вы здоровы, уделите часок времени, пишите мне.

Мы живем по-старому, девчурки, слава Богу, растут помаленьку, сегодня что-то Лина жалуется на головную боль и есть жар несильный. Вечером придут Саня и еще кой-кто из близких знакомых к имениннице пить чай. Нынче на святках мы несколько раз были в городском театре с Мишей, а также и в «электро».

Кажется, все описала о себе, остается пожелать вам всего-всего наилучшего и крепкого-накрепко поцеловать вас.

Любящие вас Михаил, Феозва, Линуся и Фила.

№ 19

1917 г., сентября 1

г. Омск

Милые мои родные, дорогие, горячо любимые дядичка и тетичка, не имею слов выразить вам своего удивления, так неожиданна для меня была перемена вашей одинокой жизни на семейную, я просто поражена и вместе с тем, милый мой дорогой дядичка мне как-то вдруг взгрустнулось, мне показалось, как будто я для вас теперь буду дальше, у вас и ближе к вам, я понимаю вполне, есть другое дорогое лицо, но тем не менее я бы всей душой желала, чтобы тетичка хотя немного полюбила меня. От души поздравляем вас с вступлением в брак, пусть Царица Небесная благословит вас на новую жизнь, пусть Она незримо хранит вас и будет вам помощницей во всем и всегда. От души желаем вам обоим полного счастья, какое только возможно на земле.

Милые, родные, но когда же мы увидимся с вами, можно ли иметь надежду, что вы приедете к нам погостить, у вас так в Петрограде тяжело, беспокойно и опасно жить, я бы, кажется, неделю не просидела, а у нас здесь все-таки очень спокойно и хотя дорого все, но не по-петроградски. Милый дядичка, пришлите нам карточку, по которой я бы хотя немного узнала новую жену. Радуюсь вашему счастью и огорчаю вас своими печальями, просто я привыкла делить с вами, дядичка, все. Девчурки наши 16-го июля захворали скарлатиной и их сразу отняли от нас в больницу, где они пробыли 42 дня, 27-го августа их выписали; во все время болезни мы не видели их ни разу, и как тяжело было все то время. У Филы была операция, после которой она очень ослабела, и теперь все время ношу на перевязку. Хворали тяжело очень обе, но велика милость Божия, остались живыми. На все воля Его, и Он один помощник. Я крепко верю и молюсь Ему.

Живется, дядичка, пока очень хорошо: жалованье Миша теперь получает 250 руб. в месяц и, кроме того, 20 саж. дров, 18 рублей саж., а может, еще и дешевле, муки в рассрочку самой белой 20 пудов по 3 руб. 78 коп. пуд, а если все это купить, вдвое заплатить нужно. Пока за все это неустанно нужно благодарить Бога.

Наш адрес новый: Омск, улица Безназвания № 8. Завадовской.

Пока еще можно, дядичка, пишите нам о себе, как служится, как ваше здоровье; я все время беспокоюсь за вас, при расшатанном здоровье тяжело уже переносить нынче все те удары, которые сыплются на Россию, но вы теперь, мне кажется, уже не покинете Петроград, разве только тетичка захочет ближе познакомиться с далекой Сибирью и побывать на вашей родине? Но когда, когда я дождусь того времени, чтобы крепко-накрепко обнять вас, моих дорогих родных.

Я с болезнью девочек и сама все время болею душой, нервы становятся плохие, и едва могу переламывать себя. Филуся очень слабенькая опять стала, мучительная у ней операция на шейке, нарывы один прорезали — другой опять назревает, просто беда да и только, хотя бы скорее кончалась перевязка, да нужно чем-нибудь подкреплять ее ослабевший от болезни организм. Как она хорошо нынче поправилась за лето, а тут вдруг ни с чего такое мученье. Но на все Господня воля!.. Милые мои, дорогие дядичка и тетичка, примите привет сердечный от всех нас и пишите нам о себе побольше, остаемся в ожидании карточки.

Будьте здоровы, пусть хранит вас Матерь Божия.

Любящие вас Михаил, Феозва, Линуся и Фила.

**О работе Краеведческого общества
г. Ханты-Мансийска.
2011–2013 гг.**

(Тезисы выступления на IV Лопаревских чтениях)

Краеведческое общество г. Ханты-Мансийска было основано 3 марта 2011 г.

Основные цели общественной организации «Краеведческое общество г. Ханты-Мансийска»: защита общих законных интересов; выработка совместных решений при осуществлении видов деятельности в области краеведения, определённых Уставом Краеведческого общества. Осуществляемые виды деятельности в области краеведения: поисковая, научно-исследовательская, организаторская, консультативная, просветительская, популяризационная (в т.ч. экскурсионная), иная профильная некоммерческая деятельность.

Основные задачи деятельности Краеведческого общества:

- пробуждение и поддержание интереса горожан и гостей города к его истории, географии, экологии, самобытной культуре;
- привлечение молодежи к работе в городском краеведческом обществе с целью активизации ее интереса к истокам, прошлому и настоящему родной земли;
- сотрудничество с другими общественными объединениями и личностями в соответствующих областях знаний как в городе, так и за его пределами;
- популяризация культурно-исторического наследия города.

Основателями и постоянными, активными участниками общества стали Надежда Корнеева, Наталья Мухина, Татьяна Шевелёва, Оксана Приступпа, Александр Наумов, Антон Резвый и др.

За годы существования Краеведческого общества было проведено более 30 заседаний. Ведутся протоколы всех встреч.

В Краеведческом обществе большое внимание уделяется личности Х.М. Лопарева. В 2012 году в Музее Природы и Человека была организована выставка, посвященная 150-летию Х. М. Лопарева «Самаровский

петербуржец». К этой выставке Натальей Мухиной был собран значительный объем фотографий конца XIX — начала XX вв. с портретами самаровцев. Фотографии были переданы семьей Кузнецовых — бывших жителей Ханты-Мансийска, ныне проживающих в Ярославле. Эти материалы ныне хранятся в Государственном архиве Югры. В день рождения Х. Лопарева у памятника проводится акция его памяти.

Еще одной формой работы краеведов стали практически ежемесячные познавательные прогулки по микрорайону Самарово. На них члены общества получают информацию о состоянии жилых зданий, построенных в конце XIX — начале XX вв., общаются с жителями исторического микрорайона, ведут собирательскую работу. Результатом подобных экспедиций стал значительный фотофонд, а также копии домовых книг.

Краеведы начали свою деятельность с обращений о сохранении исторического наследия города к администрации города, департаменту культуры, губернатору. На городском форуме несколько веток посвящено обсуждению вопросов городского краеведения, они активно посещаются, здесь частенько идут обсуждения и выкладываются ссылки на старинные фотографии с. Самарова и г. Ханты-Мансийска. Одна из них специально создана для общества, где мы размещаем объявления о времени и теме очередного заседания.

Краеведы являются активными участниками общественных слушаний, касающихся вопросов культурного и природного наследия города. Благодаря их активной гражданской позиции были внесены некоторые изменения в проекты, имеющие отношение к застройке, благоустройству Ханты-Мансийска, утверждению границ природного парка «Самаровский чугас».

Планы и перспективы работы общественной организации «Краеведческое общество г. Ханты-Мансийска»:

- создание краеведческого музея в г. Ханты-Мансийске;
- сохранение историко-культурного, архитектурного и природного наследия исторического микрорайона Самарово и г. Ханты-Мансийска;
- сбор материалов — документы, фотографии и др. — о жителях Самарово и Ханты-Мансийска;
- популяризация собранной информации;
- сбор и популяризация материалов о Х. М. Лопареве;
- привлечение новых участников в Краеведческое общество.

*Оксана Приступа,
заместитель директора Музея Природы и Человека*

История в сердце

«Люблю Отчизну я, но странною любовью!»

М. Ю. Лермонтов

*«Спасением исторического наследия
собираются заняться простые жители»*

Алексей Черенков,

интернет-газета «Югра-информ»

28.10.2011 г.

Написать об обществе краеведов города Ханты-Мансийска, объяснить, кто мы и для чего собираемся — это означает рассказать о себе и о своем понимании отношения к Родине, к истории. И, как это водится, «начать нужно издалека». Всех нас объединяет рождение в СССР, общие приметы времени.

Что мы знали об истории

Любовь к истории я вынесла из советского строя. Огромная пропагандистская машина работала превосходно. Я знала наизусть героев Гражданской войны и пионеров-героев Великой Отечественной, даты рождения и смерти великого и человеческого вождя В. И. Ульянова-Ленина. Все мое детское существование было наполнено историческими событиями: освоение целины, открытие нефти в Западной Сибири, полеты в космос, съезды коммунистической партии. Школьная жизнь с пионерскими отрядными сборами и комсомольскими собраниями, с радио, которое не выключалось, с культом газетных новостей, политинформациями переплеталась с сокровенным личным опытом.

Почему-то в 9 лет любимым героем Гражданской войны был для меня Серго Орджоникидзе, в книге история его жизни обрывалась в 30-е годы, и это никак не объяснялось. История про Ермака была более древней, и при этом казалась ясной. Задавая вопросы взрослым, я узнала о культе личности Сталина, но моя тетя рассказывала как-то очень неуверенно и туманно, сомневаясь. Директорами школ в то время часто были учителя истории, самый большой конкурс в университет был на исторический факультет. В

библиотеках популярностью пользовались исторические романы (наряду с фантастикой). Нет, я не получила профессиональное историческое образование, о чем сожалел мой отец, я стала биологом, педагогом. История для меня осталась на уровне школьной программы и чтения детских исторических книг. В университете, где я училась на биолога, мы прошли только в полном объеме «Историю КПСС». О царях, которые существовали для меня бессмысленной сливающейся массой в темном дореволюционном времени (за исключением Петра Первого и Ивана Грозного), заставила думать лишь наступившая перестройка. На одном из многочисленных творческих семинаров было такое задание: требовалось назвать в исторической последовательности имена русских царей, знатоков среди нас не оказалось. Незыблемое здание советской истории начало рушиться, погребая под собой иллюзии, взамен рождалось новое, полное сомнений знание.

Город, в котором я живу

Моя семья переехала из Тюмени в Ханты-Мансийск в 1962 году, когда мне исполнилось 5 лет, здесь я выросла, закончила школу. Вернувшись в Ханты-Мансийск после получения образования, искала в нем какие-то черты одухотворенности, историчности, но все казалось скучным, безличным. СУ-20 скоро и плохо в новых микрорайонах строило двухэтажные жилые дома, Самарово выглядело одной дорогой, ведущей к речному вокзалу. Тяжелые темнохвойные леса с обеих сторон запирали улицы, а парки и аллеи с северными, торчащими, как веники, березами наводили тоску. Тайны бытия города открывались не враз, постепенно, в течение всей жизни, это происходило и через встречи с интересными людьми, через их удивительные оценки.

Моя подруга, приехавшая в гости, восхитилась белыми пушистыми лайками, которых мы привыкли не замечать на улицах. Собаки отдыхали, лежа в сугробах, спокойно смотря на редких прохожих, а она восклицала: «Экзотика!». В путешествиях с Ю. И. Гордеевым открылись секреты хвойного леса, южных склонов холмов со степной растительностью, ручьёв с огромными папоротниками по берегам. Юрий Иванович мог показать и рассказать многое и из истории улиц, зданий. Знакомство с самаровцами в 80-е годы поразило их патриотизмом, они гордились тем, что у них была история. Например, говорили мне: «У нас здесь была где-то церковь, даже фундамент сохранился». Мы шли и искали этот фундамент, а ничего не обнаружив, все равно испытывали какое-то ощущение значительности ушедшего безвозвратно прошлого.

Краеведческий музей

Работа в окружном музее (Музей Природы и Человека), хоть я и работаю ботаником в отделе природы, заставила меня ревностно посмотреть на город, а он в это время (2007 г.) стремительно менялся, превращаясь, действительно, в столицу богатого нефтяного края. Это радовало большинство и горожан, и приезжих, но, к моему удивлению, я слышала и слова сожаления среди ближайших своих друзей, которые любили старый деревянный Ханты-Мансийск. Эта неказистая столетняя старина исчезала мгновенно. Окружной музей уделил в свое время довольно много внимания столице, попытавшись включить в музейный фонд старую пожарную каланчу и хорошо сохранившийся двухэтажный самаровский особнячок, но потерпел неудачу. Из пожарной каланчи сделали «новодел», где разместились офисы коммерческой фирмы, а особняк так и остался в частной собственности. Историки ездили по округу, собирая материал о спецпереселенцах. Я переживала за район Перековки — вот он рядом, но некому идти. Город оставался вне интересов музейной работы. Спрашивала друзей и коллег в музее, видела их обеспокоенность и понимание того, что объективно просто нет возможности заниматься всем. Может быть, смогут помочь общественники? В городе есть старожилы, есть замечательные учителя истории, географии, есть люди, которым дорога история. Надо найти человека, который мог бы начать работу секретаря общества, пригласить людей. Музей может поддерживать работу общества, музеи во все времена были центрами создания самых разнообразных обществ.

Общество краеведов

Секретарем общества стала географ и эколог Татьяна Николаевна Шевелева, живущая в городе с 1978 года и имеющая разные почетные звания за свою профессиональную деятельность. Она на пенсии и при этом чрезвычайно занятой человек, благодаря своим разнообразным интересам, но на мое предложение откликнулась сразу. Лучшего секретаря придумать трудно: в ней сочетаются ответственность и творческий подход к работе. За эти три года сложилась, благодаря усилиям секретаря, история собственно самого общества. А ее знание законов, экологической ситуации в городе, прекрасный литературный слог помогли нам и в составлении писем чиновникам разного ранга о необходимости сохранения природного и культурного наследия.

Инициатором самых разных проектов, направленных на сохранение истории села Самарово, имени Хрисанфа Лопарева, защиту лесов, борьбу

за процветание, благоустройство, озеленение города выступила Наталья Юрьевна Мухина, ее родословная в Самарово идет с 1684 года. Наталья Юрьевна по образованию экономист, работает в одном из департаментов округа. В ее общественной работе, с одной стороны — логика, анализ и беспощадный приговор всякого рода нарушениям, она активно и умно борется, используя закон, привлекая сторонников, а с другой стороны — она авантюрист и романтик в своих творческих проектах сохранения старины. На заседаниях можно слушать бесконечно ее истории о самарьянах, а на экскурсиях в Самарово она — главный проводник.

Оксана Ивановна Приступа в городе с 1999 г. Археолог, в настоящее время заместитель директора Музея Природы и Человека по науке и развитию, она сразу поддержала идею создания общества, стала одним из его основателей. Ее искренняя заинтересованность, профессионализм, умение продуктивно работать сразу позволили реализовать ряд музейных проектов, инициированных обществом. На первом заседании, где была высказана идея создания общества, присутствовали и представители музейного руководства: ученый секретарь Ирина Артюхова и заместитель по науке, а ныне директор музея Светлана Викторовна Лазарева. Она высказала свои пожелания. Приходил на первые заседания известный краевед Леонид Струсь, который поделился опытом краеведческой изыскательской работы. Он считал, что непременно нужно обратиться к наследию Ю. И. Гордеева.

3 марта 2011 г. состоялось первое заседание общества краеведов г. Ханты-Мансийска. С этого дня краеведы собираются каждый месяц, кроме месяцев летнего полевого сезона, а иногда и чаще. Нас совсем немного, мы не можем сказать, что общество растет. Среди нас есть и пенсионеры, и молодые люди, коренные жители и приезжие, есть те, кто приходит на каждое заседание, и те, кто ходит с большими перерывами. Никакой организации, иерархии, все по договоренности друг с другом, добровольно и доброжелательно.

Городской краеведческий музей

Возможно, это утопическая идея — создание городского музея в Ханты-Мансийске. Но экспонаты для него краеведы собирают и хранят, пока у себя дома. Возможно, и само общество краеведов — маленькая утопия, прекраснодушие и мечта, а реально преобладают тенденции коммерциализации общества, где все за деньги. Поэтому объявленная исторической ценностью часовня пока продолжает разрушаться, старинный

особнячок пострадал от пожара, а городская администрация продолжает вынашивать планы строительства многоэтажного микрорайона «Иртыш» на месте старинного села Самарово. Но важно то, что, несмотря на отвратительные реалии, и раньше, и сейчас отдельные личности, сопротивляясь «общим тенденциям», находили и находят свой путь. Наш оптимизм поддерживается историческими и современными примерами. Откройте жизнеописание села Самарово Х. Лопарева — и среди общих отрицательных тенденций вы увидите прекрасные поступки совсем не идеальных, обычных людей. И в этом нравственная сила истории, которая помогает нам не сдаваться и продолжать бороться за свой выбор.

Надежда Кори́кова (Корне́ева)

К 420-летию Сургута

Священник-хлебороб**Письма И. Я. Тверитина
в Русское географическое общество**

Резкое падение уровня жизни населения Тобольского Севера в середине XIX века, вызванное небывалыми разливами Оби, поставило управление Тобольской губернии перед необходимостью искать новые меры противостояния последствиям природных стихий, среди которых самым болезненным был голод. Одну из них губернское начальство увидело в том, чтобы выяснить, возможно ли выращивать хлеб в условиях Севера. Для постановки такого опыта очень удачно была найдена кандидатура священника Богоявленской церкви небольшого села Юганского близ Сургута Ивана Яковлевича Тверитина.

Труд, который Иван Яковлевич на себя принял, не был развлечением на досуге, он отнёсся к нему как к миссии, посланной Богом, отдал ему более десятка лет и за эти годы разработал более трёх десятин земли, завёл на ней настоящее крестьянское хозяйство, конечным продуктом которого была мука собственного помола, и для большей убедительности своего опыта привлёк к нему своим пасторским авторитетом дьячка Силина и мещанина Тетюцкого. По своей сути всё это было опытной сельскохозяйственной станцией, только трудились на ней не учёные, а практики. Опыт дал положительный результат: места к югу от Сургута вполне могут быть зоной земледелия с известной долей риска.

За ходом эксперимента следили не только Главное управление Западной Сибири, но и несколько российских учёных обществ. И. Я. Тверитин посылал каждому из них отчёты. Впервые отчёты юганского священника о земледельческих опытах 1859–1871 годов были опубликованы в брошюре «Священник-хлебороб И. Я. Тверитин» в 1993 г. в «Библиотечке журнала «Югра». В неё вошли 13 документов из архивов Казанского экономического общества, Государственных архивов Омской области и Татарстана и Трудов Вольного экономического общества. Составила книжку и написала к ней обширную вступительную статью кандидат исторических наук из Новосибирска Юлия Алексеевна Белоножка.

Публикуемые документы переданы в «Подорожник» покойной Лилией Васильевной Цареградской после того, как были найдены и скопированы ею в архиве Русского географического общества. Тексты эти интересны не только изложенными в них результатами опытов, но и проявленностью личности автора — человека, страстно увлечённого делом, отзывавшегося на его плоды и радостями, и огорчениями, ясно мыслившего, наблюдательного, и своеобразным старинным, несколько косноязычным, на взгляд современного читателя, слогом.

*В Императорское Русское Географическое Общество
с представлением сведений об урожае хлеба и картофеля.
№ 38. 5 октября 1859 г.*

Составил за сей 1859 г.: сведения а) об урожае хлеба Березовского округа в Юганском селе и б) о произведенном опыте картофеля, выращенной от семян, полученных из Императорского Вольного Экономического Общества прошлого 1858 года, и вместе с сим приложив самые плоды этого продукта, долгом считаю почтительнейше представить в благоусмотрение Императорского Географического Общества.

*Село Юганской Божоявленской церкви священник
Иоанн Тверитин*

***Сведение
об урожае хлеба в Березовском крае,
в селе Юганском за 1859 год***

Весна нынешнего года была очень худая — тем, что были частые дожди днями и в ночь заморозки, вследствие чего подгнило и вымерзло много хлеба на пашнях, отчего и нынешний нельзя назвать хорошим, а посредственный — не в отношении к колосьям, которые по количеству вмещали в себе столько же зерен и так же были тучны, как и прежде, но в отношении густоты соломы. Соломы во многих местах пашни было жидко.

Впрочем, это неудобство в растении хлебопашцы никак не могут исправить, кроме надежды на Бога; мы только можем, или, лучше сказать, должны вести в порядке и аккуратности то, что зависит от нас или что может сделать деятельный трудник при своем занятии.

Поля были зарощены все озимовым ржаным хлебом. Урожай ныне был следующий.

А

Когда цвела рожь, наливалась зерном и жатва.

1. Рожь зацвела с 28 июня.
2. С 8 по 29 июля наливалась зерном.
3. По случаю дурной погоды жатва началась поздно, с 1 числа августа, и продолжалась до 8 августа.

Б

Урожай зерном и соломою

1. Колос низшего достоинства вмещал в себе от 25-45, среднего 45-60 и высшего от 60 до 79 зерен.
2. Урожай соломою: солома низшего достоинства вышиною 1 ½, среднего 2 и высшего 2 ½ аршина.

Примечание. Урожай ржи сам 9, сеял всего 3 десятины родными земле семенами.

В

О посеве на следующий год

С 11 августа был сев на всех полях, засеяно всего для жатвы на следующий год 6 десятин; именно: у меня 3 ½ десятины, у мещанина Николая Тетюцкого 1 ½ и у дьячка Алексея Силина 1 десятина.

На всех засеянных полях к 20 августа появился всход, к 5 же сентября эта земля покрылась зеленью.

Примечание.

1. Сев производится сыромолотными семенами, на 1 десятину полагают 8-10 четвериков, судя по времени раннего и позднего посева.
2. Означенные выше поля поступили под озимовую рожь.
3. Здесь, в Березовском округе, всегда должна быть у хлебопашцев готовая запасная земля, потому что время приспееет сеять, а между тем хлеб еще находится незрелым, после чего требуется лишнее время для перепашки земли и проч.

Сведение

об урожае картофеля от семян

В прошлом 1858 году из Березовского военно-окружного управления присланные из Императорского Вольного Экономического Общества я имел честь получить картофельные лучшей доброты семена при печатном наставлении о посеве их и об уходе за ними впоследствии, для того, чтоб

произвести опыт посева как лично, так и снабдив таковыми по усмотрению своему при наставлении и других желающих заняться разведением этого продукта, и об успехах просил донести.

Вследствие того нынешнего лета, предварительно приготовив рассадник и рамы, я произвел этот опыт: с 20 апреля набили рассадник навозом; по случаю холода навоз не разгорался до 28 мая; далее было поступлено так, как указано в наставлении, и температуру наблюдали, как указывает термометр Реомюра.

7-го июня был посев.

16-го того же месяца — всход.

1 июля был открыт рассадник.

10, 11 и 12 июля рассаживали рассадки на приготовленные гряды — тоже по указанию.

Картофелин увядших не оказалось.

22 июля огребали картофелины, с этого числа оставили гряды на волю Бога.

9-го сентября выкапывали картофель.

И вот самые плоды этого продукта, зная хорошо, что Императорское Русское Географическое Общество следит за успехами земледелия, а потому за долг себе поставляю почтительнейше представить в благоусмотрение оною.

Затем остается пожелать от души счастливого успеха первым последователям и прочим жителям в предприятии хлебопашества в честь медленно процветающего края, весьма нуждающимся в нем, особенно в нынешний год, в который цены на хлебную провизию возвысились слишком в 60 к. сер[ебром] за пуд, и то еще очень мало, ждут зиму с большим страхом и трепетом.

*Покорнейший представитель
Священник Иоанн Тверитин*

***Сведение об урожае хлеба и картофеля
в Березовском крае за 1861 год***

Вот у нас в Березовском крае началась и осень, преддверие зимы, с 15-го сентября замерзли земля, многие маленькие речушки и озера, но мы пока, не вступив в оную, оставим говор об ней, а поговорим лучше о лете —

прекрасном, неслыханном здесь на севере, наконец, — о лете, оставившем нам много блага в отношении плодов земных.

Читая местные известия «Тобольских губернских ведомостей» в № 25 настоящего года, я удивлялся состоянию погоды. Там пишут, что «нынешнее лето серенькое, особенных жаров нет, и воздух часто даже сыр и холоден». Здесь же, напротив, то же самое лето в отношении хорошей погоды стояло весьма хорошее и плодородное; неслыханные в здешнем крае жары явились к нам с июня месяца и продолжались до 1-го сентября. В продолжении описываемого времени было всего 9 дождей, из них 3 довольно значительных, остальные же 6 после сильных жаров не могли даже порядочно увлажить землю, но взамен чего были росы, не уступавшие дождям, что и дало силу хлебным растениям и травам. В этом приятно восхитительном воспоминании о лете я опять забылся и далеко отступил от важного говорили вышепрописанного заголовка, но, думаю, извинение благосклонного народа доступно старику. И действительно, толкуя об этом, нужно представить в вид публике более важное, занимающее собою весь наш край... а потому приступаю к изложению описания об урожае.

А. Озимовой ржи

Урожай озимовой ржи как полнотою зерна, так равно и качеством доброты можно назвать лучшим против всех лет; я называю нынешний урожай описываемого хлеба весьма хорошим потому ли, что мало знаком с этим хозяйством, или потому, что подобного не встречал. Именно: озимовая рожь с 22 июня зацвела, 3 июля начала наливаться зерном, августа 8-13 — жатва.

Урожай зерном сам 9 ½ и 10, в четверти зерна 9 пудов 8 фунтов, вышина соломы от 15 вершк[ов] до 2 арш. 13 верш., вес соломы с десятины 137 пуд[ов].

Примечание. Сеяли всего в Юганском селе 4 ½ десятины, полагая в десятину 2400 саж[еней], высеяно семян на все пространство 4 четверти и 1 четверик, земли было под посевом у меня 3 ½ дес, и у дьячка Силина 1 десятина.

Б. Урожай ярового хлеба

1. Пшеницы.

В нынешнем году пред наступлением теплого времени я выписывал из округов, более известных по своему хлебородию, яровых семян — пшеницы и ярицы (ржи), каковые, впрочем, без замедления выслали, но разных

доброт. Семена пшеницы без исключения можно назвать хорошими, что же касается до яровой ржи — одобрить не могу, частью хороша, а частью вовсе негодна к посевам. И эту последнюю совершенно напрасно только занимал землю, об урожае каковой упомяну ниже.

Урожай пшеницы, полагаю, был бы удивительно хорош, если б не стояла сильная засуха в продолжении всего почти лета, много вредившая классу этого растения, но, к счастью, моя пашня расположена между двумя реками, от коих каждою обильно увлажнивалась росой, что и поддерживало немного растения — в противном случае мало того, чтоб ожидать какого-нибудь урожая, напротив — сошлось бы мне пожалеть о потерянных дорогих семенах. Жары, постигшие пшеницу во время главного периода ее, чуть не обратили в головню или дым, но несмотря на это, могут равняться, а иногда и превышать те, кои, как видно из сельской летописи [си] бывают далеко южнее. Разработав этот лоскут земли, конечно, не без трудов и ощутимых убытков, и имея мельницу, я по крайней мере другой год содержу свой дом хлебом собственным. А потому и желаю от души всем приняться за эту сначала трудную, а впоследствии весьма полезную разработку земли. Вот пример, и любопытно взглянуть теперь на мужиков Тобольского округа, начиная от села Демьянского и сюда ниже. Они раньше, положась на луговые пашни, не думали разрабатывать земли на горах или местах более возвышенных; к несчастью, большие воды, посещавшие их сряду несколько лет, вымывая с собою вместе с корнем хлеб на их пашнях, оставляли владельцев этих разоренных земель почти без куса хлеба. Из этого следует, что березовское горное хлебопашество выгоднее демьянского лугового и что старания и труды принесли и принесут обильные плоды благосостояния, лень же напротив — обильное разорение! Впрочем, время не ушло, и добрым мужичкам, дабы избавиться от этого неприятного для русского крестьянина слуха, советую при первой возможности заняться расчисткой лесов и тем упрочить как сельское хозяйство, так равно восстановить благосостояние в настоящем быте и в дальнейшем потомстве. Этому примеру разительным [1 нрзб.] может служить бедняк село — Юганской Богоявленской церкви дьячок Алексей Силин, он, как говорится, из туга добивался того блага, которое ныне ему Бог ниспослал; приятно смотреть на него, когда при настоящей дороговизне на хлеб таскает с мельницы муку, добытую им собственным и безукоризненным трудом. Нужно допустить думать, что эти сильные труды и большие убытки, понесенные однажды, будут вечно вознаграждаться посредственным урожаем.

В. Урожай картофеля

Картофелю, произведенному от семян Императорского Вольного Экономического Общества, ныне третий год. Урожай оногo, как и всех огородных овощей в нынешнем году, очень хорош. Мая 4-го рассажено было всего ½ четверика, 3 сентября выбрали до 16 четвериков. Судя по этому урожаю, думаю, лучшего и ожидать не нужно. Картофель родился довольно крупный и [1 нрзб.] приятного вкуса. Садил в черноземную, смешанную с супеском землю.

Г. О посеве на следующий год

Ранний сев озимовой ржи 14 июля, поздний августа 9-го, засеяно всего 7 десятин, именно: у меня 3 ½, у дьячка Силина 2 и у мешанина Николая Тетюцкого 1 ½ десятины. К 25 августа пашни покрылись зеленью.

Примечание. Я сеял ныне с 14 июля и нахожу ранний сев в здешнем месте более удобным и даже выгодным, потому что раньше засеянные семена имеют более времени раскорениться в земле и противостоять зимним холодам. Высеяно мною 21 четверик, сеяно не густо и полагаю [1 нрзб.] засеивать гуще было бы неблагоприятно.

Затем священным долгом себе поставляю присовокупить к сведению об урожае хлеба за настоящий год заметки из наблюдений, производимых в минувшее лето между отлучками по обязанностям служебным.

Господу угодно было даровать следующее воздаяние трудившемуся: июля 5-го пшеница зацвела, 13-го начала наливаться зерном. Августа 26-го производили жатву. Сеяно, судя по количеству семян 4-х четвериков, и земли немного — 30 саж[еней] в длину и 20 в ширину. С этого лоскутка снято 24 четверика.

В четверти зерна 10 пуд[ов] 16 ф[унтов].

Длина соломы 13-28 верш[ков].

2. Яровая рожь

Ярица, как выше упомянуто, двух сортов. Первая оказалась хороша, а последняя плоха, засеяно было таковой 1 десятина, употреблено семян 10 четвериков, из них 3 порядочные, остальные же 7 весьма плохи и не принесли никакого плода. Почему и снято было со всей земли 18 четвериков. Вес в четверти зерна 8 пуд[ов] 29 ф[унтов]. Время цветения, налива зерна и жатвы ярицы согласно пшенице.

Этот незавидный урожай ярицы заставил меня как нового хлебопашца быть немного поразборчивее на семена, впрочем [2 нрзб.] в этом случае я еще не так много потерял.

Польза здешнего хлебопашества [1 нрзб.], и я имею выразить оную в коротких словах: здешний урожай хлеба всегда...

<...>

Заметки

Апрель

- 7 – прилетел коршун.
- 13 – прилет лебедей и гусей.
- 14 – уток; полилась прибыль воды на Югане.
- 16 – ночью шел дождь с большим южным ветром; прилет журавля и мартышки (халея).
- 22 – ломало на реке Югане лед.
- 23 – двинулся в ход.
- 24 – кваканье.
- 28 – река очистилась от льда.

Май

- 1 – начали пахать землю под яровые хлеба.
- 2 – холод с снегом.
- 3 – был град, ночью замерзла земля.
- 4 – посев пшеницы под соху; сажали картофель.
- 5 – сеяли ярицу-рожь под соху. Гремел гром; с 11 часов ночи и до 7 утра шел со снегом проливной дождь, сопровождаемый северным ветром.
- 7-8 – холодно так, что земля и лывки замерзли.
- 11 – кукование.
- 12 – всход яровых хлебов.
- 14 – зацвели черемха и княжника.
- 17-19 – много дождя, сопровождаемого грозью, раскидавшей много огня, и градом в куриное яйцо.
- 30 – холод и снег с градом.

Июнь

- 2 – холод и шел снег.
- 4 – перемена погоды на теплую.
- 22 – зацвела озимовая рожь.

Июль

- 2 – зацвела ярица.

3 — начала наливаться зерном озимовая рожь; на 5-е число в продолжении 5 часов шел дождь.

5 — зацвела пшеница.

На 7-е — дождь.

11 — ярица начала наливаться зерном.

13 — пшеница паливается зерном.

14 — сеяли озимовую рожь.

На 15-е — дождь.

17 — к вечеру дождь.

18 — дождь.

22 — с громом проливной дождь; этого же числа появился всход озимовой ржи.

28 — дождь с громом.

Август

1-е августа 20 — общий сенокос.

8-13 — жали озимовую рожь.

21 — жали яровую рожь.

26 — жали пшеницу.

29 — слышали сильный гром.

С 1 августа и до сентября месяца не было ни одного дождя, по временам повертывались сильные жары.

Сентябрь

2 — дождь.

3 — выбирали картофель.

5 — снег.

7 — дождь.

10 — высевали на огородах капусту.

17 — иней.

24 — загон скота.

*Член-корреспондент Императорского Казанского
Экономического Общества, священник
Иоанн Тверитин*

*В Императорское Русское Географическое Общество
со сведением о хлебопашестве.*

Ноября 1 дня 1865 г.

Село Юганское
в Сургутском участке
Березовского ведомства

Составленное за сей 1865 год сведение об урожае хлеба Березовского края и приложив ящик с колосьями, при сем в благоусмотрение Императорского Русского Географического Общества имею честь всепокорнейше представить.

Присовокупля почтительнейше, имею довесть до сведения Общества, здесь нередко случается находить инородцам по речке Югану кости допотопных зверей, которых здесь называют мамонтами, и не благоудно ли будет Обществу на рассмотрение таковых. Если требуется, то прошу меня уведомить, и я могу отыскать постараться и представить.

Священник Иоанн Тверитин.

***Сведения об урожае хлеба Березовского округа
в селе Юганском у священника Иоанна Тверитина
и прочих последователей за сей 1865 год***

Нынешнее лето во всех отношениях, как полезными дождями, так равно и ранним теплом, благоприятствовало урожаю хлеба; хорошо бы было, если бы этот благий подвиг на всех имел одно влияние, именно этого двойного блага и благодарность правительства, коей должны бы восхищаться, и пользу свою.

Смотря с самого открытия, с 1855 года, и продолжая и по сие время, вот уже одиннадцать лет, как производится здесь хлебопашество и родится очень хорош хлеб. Это бы нужно уже давно сочесть взыванием самого Промысла Божия к тому предмету, которым содержится в благосостоянии не только одне семейства, но и целые государства, земледелие, которое сам Бог вменил занятием человеку, потому [что] оно питает людей и рождает промышленность, вследствие таковых занятий и земледелец всегда здоров, доволен, а потому и счастлив.

Добрые те и счастливые сердца, которые свято исполняют эту возложенную Богом на них обязанность, именно: они этим работают Богу и возделыванием нив служат самому Господу! Но увы! Здесь это не считается

безукоризненным делом. Здесь нет крестьян. Нет тех наклонностей, которые бы возбудили страсть к этому занятию, наконец, нет и страсти, которая могла бы произвести к общепользному, восхи[ти]тельное волнение. После этого думаю, что у них к содержанию себя имеется другая приятность. Но рано или поздно все же должны будут приниматься за хлебопашество.

На нынешнее лето поля были засеяны одним озимовым ржаным хлебом, и урожай был весьма хорош, потому что или хорошее лето, или каждое занятие требует своего времени и заботливости. Хлеб на полях у меня и дьячка Алексея Силина, и мещанина Николая Тетюцкого был довольно густой и зерном полон, это зависит от своевременного сева, от хоро[шо] распаханной земли и наблюдения, чтоб семена не оставались на поверхности и в пропорцию были [1 нрзб.].

Рожь начала колоситься с 8 июня, зацвела 25 того же месяца. Наливалась зерном с 1 июля, к 15 числу августа хлеб совершенно созрел и с 15 того же месяца началась жатва и продолжалась по случаю дождей до сентября месяца.

Урожай зерном и соломою

Нынешний урожай зерном был восхитительный и заменял собою лестное воздаяние трудившимся. Заклучим здесь изложение притчей Евангельской: «Егда же созреет плод [3 нрзб.] яко наста жатва — земледелец, сладко почивший на лоне Божеского промысла, наконец, видит труд свой благословенным, и [1 нрзб.] рукоять свою, радостно радуется [1 нрзб.], так равно и я радовался в продолжении нынешней благодатной жатвы, видя столь увеселяющиеся сердца трудившихся, и как не быть довольным земледельцам, если [1 нрзб.] оказывается в колосе низшего достоинства от 45 до 50 зерен, среднего от 50 до 60 зерен, высшего от 65 до 80 зерен. Урожай зерном, опять повторю, небывалый. Вышина соломы от 2 ½ до 3-х аршин. У меня всей земли было под посевом 5 десятин, полагая в каждой 2400 квадратных сажен.

Примечание. При всем моем искреннем желании я не могу обогатиться семенами озимовой пшеницы. Опытom я дознал, что здесь, под 61° север[ной] шир[оты] пшеница-ярица не всегда может родиться по причине холодных и продолжительных весен, но, к величайшему сожалению, Императорское Казанское Экономическое Общество в отношении своем 1864 года за № 37 обещало удовлетворить меня озимовыми пшеничными семенами, но каким-то образом это выпустило из виду, и я не удостоился быть счастливым получить оных, и нынешний год опять остался без посева таковых.

О посеве на следующий год

Посев на будущий год мною производился с 20 июля по 29 того же месяца. К 1 сентября все пространство в количестве 5 десятин хорошо разработанной и удобренной земли покрылось довольно густым всходом.

Последователи. Дьячок Силин и мещанин Тетюцкий на будущий 1866 год засеяли земли $3\frac{1}{2}$ десятины, первый $1\frac{1}{2}$, а последний 2 десятины. Посев производился с 2-го августа и по 9-е того же месяца, к 8 сентября обе пашни покрылись зеленью.

В заключение всего этого остается помолить Бога, чтоб последующее, 1866 г., лето соответствовало предыдущему, и тогда бы труды и ощутительные убытки, понесенные на разработку трудной [1 нрзб.] земли, подали надежду на будущее благо.

Священник Иоанн Тверитин.

Сведение об урожае хлеба Березовского края Сургутского ведомства в селе Юганском у священника Иоанна Тверитина за 1869 год

В начале скажу о состоянии погоды нынешнего лета. В мае месяце погода была разнообразная, то тепло, то холод, с 1 июня и до 5 числа был холод, град и снег, земля промерзала $1\frac{1}{2}$ вер[шка]. 6-го сделалась оттепель, с 10-го установились порядочные жары до 29-го. 30-го был восточный ветер и холод, шел дождь, и ночью замерзала земля. 2-го июля была большая холодная роса и вредная, на огородах много погибло разных овощей, где только касалась, некоторые огороды похитила до изъятия все, а другие до половины, того же раза все листья растения пожелтели и ослизли, также касалась полосами и леса, у которого листья желтели и сваливались дотла. На пашне моей коснулась озимовой пшеницы, засеянной 2 десятины, и все погибло, не сошло даже и семян. С 3-го остановились жары и продолжались до сентября месяца. В течение этого время не было ни дождей, ни рос, земля просыхала более 1 аршина, отчего не было ни плодов, ни трав, и во все лето были пожары, и выгорели все материки, даже и сенокосные луга, у многих и много сгорело поставленного сена в стогах.

19-го августа в начале 1-го часа пополудня показалась с севера черная туча, подымалась медленно против ветра, ветер дул с юга. В половине

1-го часа приняла багровый цвет, и до той степени сделалось темно, что в комнатах окна казались зеленого цвета и никаких предметов нельзя было различить, зажигали огни, и продолжалось до половины 2-го часа. Не дошедши горизонта, склонилась к востоку, шла над сгоревшим материком. Несмотря на то, что шла против ветра, сыпала из себя сгорелые древесные листья, кедровые, еловые и пихтовые ветки и мох, и гул был вроде глухо гремевшего грома. А кто тогда был не далее 10 верст к северу, там туча казалась на юге, шум и гул глухо гремевшего будто бы грома был ужасный, и по ветру сыпала из себя вышеупомянутые вещества так густо, что река Юган покрывалась этой изгорью в слой на полвершка, и шум был более, нежели как слышали на южной стороне.

Жары продолжались те же до 13 сентября, 14 и 15-е был проливной дождь, на 16-е ночью гремел гром и сделался холод, выпал снег и продолжался каждый день. 27-го пало снегу вер[шков] на 8. Это не новое, значит преддверие зимы. Река Юган 27-го покрылась льдом. 5-го октября сделалось новое лето, тепло и постоянно дождь каждый день до 11-го числа, на 3 четверти снег весь стаял, в реке поднялась вода, и лед, по которому жители ездили на конях куда угодно, весь пронесла, и река очистилась по-прежнему, погода стояла одинаковая теплая до 16-го числа. 18-го сделался большой северный ветер и холод. Земля значительно замерзла, и река во второй раз покрылась льдом. Я, проживши 63 года, и не случалось быть такой осени. Снегу еще нет, голая земля, с 20-го оттепель и каждый день погода одинаково ясная, земля без снега более и более промерзает каждую ночь. И это здесь не бывало, чтобы было второе лето и осень продолжалась без снега до 10 ноября. Теперь оставляем на память нашим потомкам нынешнюю осень, которая жителям принесла не очень приятное. Речки и живцы, так и ключи без снега все закрылись и вымерзли, отчего рыба вся в речках задушилась, чем прежде поддерживались жители здешнего края, а наипаче остяки, а ныне по дороговизне хлеба и без рыбы Бог знает как проведут нынешнюю зиму.

Озимовая рожь

Урожай ржи по низким местам, кольми паче где удобрено скотским назьмом, тут как полнотой зерна, так равно и качеством доброты можно назвать лучшим, что могут доказать при сем приложенные самые колосья. По высоким же местам и буграм от засухи все выгорело. Жатва началась с 7-го августа. Несмотря на то, что на высоких местах много было пустого места, зато угодно было Богу заменить урожаем на низких местах и тем вознаградить все труды.

О посеве на следующий год

Сеяли озимовую рожь с 15 августа, поздно, потому что сухая была земля, к 15 сентября поле покрылось зеленью. К несчастью, я лишился семян озимовой пшеницы, и нечего было сеять.

Помощью Всевышнего северное хлебопашество на 61° северной широты продолжается и цветет.

Священник Иоанн Тверитин

К 420-летию Сургута

Учитель Ф. К. Зобнин

За долгую жизнь Сургута в нём немало перебивало незаурядных людей, для которых наш край стал всего лишь эпизодом биографии. Почти все они тяготились службой на севере, суровыми климатическими условиями, не находили достаточного применения своим знаниям и способностям, благоприятной общественной среды и возможностей для удовлетворения культурных потребностей. И несмотря на это успевали за короткое время сделать немало хорошего, оставив от своего пребывания продолжительный след. Одним из таких временных жителей города был учитель Филипп Козьмич Зобнин (1868—1930).

Уроженцу слободы Усть-Ницынской Тюменского округа, выпускнику Омской учительской семинарии Филиппу Зобнину не было и 20 лет, когда он, удостоенный свидетельства на звание учителя начальных классов и похвального листа как лучший на своём курсе, летом 1888 года изъявил желание поехать учить детей в далёкий северный Сургут.

От природы живой и любознательный, Зобнин испытывал острый интерес к людям северного городка — их речи, поверьям, особенностям быта. Сохранилась его записная книжка с занесёнными в неё характерными местными словечками и выражениями — свидетельство его интереса к сибирской диалектологии. Уже покинув Сургут, он опубликовал в 1896 г. в журнале этнографического отдела Русского географического общества «Живая старина» небольшую статью «Вещица, или труболётка» (о проделках этого мифического существа он, конечно, не раз слышал от сургутян), в 1899 г. там же был напечатан «Список тобольских слов и выражений», составленный редакцией журнала из материалов С. К. Патканова и Ф. К. Зобнина, в котором немало специфических сургутских словечек.

Но бывшему редактору рукописного журнала «Семинарист» очень хотелось писать в какую-нибудь газету, и такую возможность он получил на третьем году своей службы в Сургуте — сразу, как только начал издаваться в Тобольске «Сибирский листок». Редактировавший газету в первые годы А. А. Зубковский в письме из Томска по случаю 25-летия «Сибирского листка» назвал Зобнина среди лучших иногородних сотрудников.

В год десятилетия газеты Зобнин прислал в редакцию статью, в которой так писал о начале своей корреспондентской деятельности: «Годы 1888 — 1890 для города С. были как раз годами затишья: перевелись все газетные корреспонденты, и к вящему благополучию обывателей стало совсем спокойно. Газетные корреспонденции превратились в предмет неприятных воспоминаний старожилов. [...] И вот в такое-то мирное время появился «Сибирский листок» со своими корреспонденциями из С. Перечитывая теперь, по истечении десятилетней давности свои корреспонденции, я решительно не понимаю, что в них так тревожило обывателя? С чего... он плевался и ругал корреспондента вместе с газетой?».

И в самом деле, отчего? Давайте посмотрим, о чём писал сургутский автор газеты в этот тяжёлый для всей Тобольской губернии неурожайный, голодный год. О том, что на севере не только люди испытывают нужду в хлебе, но и домашний скот голодает: из-за сильного разлива Оби к заготовке сена смогли приступить только в сентябре, корма мало и он плохого качества — приходится скот забивать. Об ограниченной возможности для заработка сургутян в зимнее время и отсутствии в городе каких-либо ремёсел. О том, что при довольно широко распространённой в городе грамотности жители его всё же невежественны до такой степени, что многие сопротивляются проведению дезинфекции во время эпидемии дифтерита — значит, одной грамотности мало, необходимо истинное просвещение, открытие народной библиотеки и пр.

«Мои немногочисленные сообщения из С., — продолжает автор статьи, — конечно, не могли служить полным отражением или зеркалом местной жизни. Жизнь эта для молодого человека, пропитанного лучшими литературными традициями и притом крайне впечатлительного, представляла весьма богатый материал. Объёмистые тетради дневников в прозе и виршами служат и поныне живым памятником пережитой эпохи. Корреспонденции для «Сибирского листка» составляли только резюме всех этих «ума холодных наблюдений и сердца горестных заметок».

Можно себе представить, с каким захватывающим интересом читались бы нынешними сургутянами эти заметки. Найти и опубликовать — это было бы счастье. И весной 2005 года затеплилась надежда. Почти случайно обнаружился след внука Ф. К. Зобнина Бориса Борисовича, профессора Екатеринбургского горного института. Вскоре удалось побывать у него на квартире. Это была одна из редчайших удач, и воспоминание о той единственной встрече каждый раз приносят солнечное, радостное настроение.

В семье Зобниных сохранились вырезки из многих сибирских газет со статьями Филиппа Козьмича, фотографии, переплетённые им книги, изданные в XIX веке, и даже небольшого размера картина алтайского художника Гуркина, подаренная ему автором. Но сургутских дневников, увы, не осталось. Хотя вполне вероятно, что они живы и лежат где-то в Томске.

Да, к сожалению, за давностью лет след Ф. К. Зобнина на сургутской земле стёрся и многие подробности его жизни в эти годы уже не восстановить, но и из того, что сохранилось, видно, что Зобнин в это сургутское трёхлетие успел заявить о себе во всех тех областях культурной деятельности, в которых впоследствии заслужил известность в Западной Сибири, в том числе и в краеведении. Здесь, в Сургуте, он сделал первые шаги как краевед-исследователь, приняв на себя в первый же год службы труд наблюдателя метеорологической станции, основанной четырьмя годами раньше.

1 ноября 1891 г. директор Екатеринбургской магнитной и метеорологической обсерватории Г. Абельс писал ему: «С удовольствием я готов высказать, согласно Вашему желанию, своё мнение о метеорологических наблюдениях, сделанных Вами в Сургуте. Нашедши во время моего пребывания в Сургуте в августе с. г. все приборы в порядке да убедившись затем, что мальчик Тарасов, оставленный Вами наблюдателем после Вашего отъезда из Сургута, получил надлежащие указания, так что он делал наблюдения верно и с пониманием их значения, и, узнав, наконец, от жителей Сургута, что Вы всегда аккуратно ходили на станцию, я, конечно, должен был убедиться, что и Вами наблюдения делались добросовестно и с пониманием дела». Несколько лет спустя данными Зобнина воспользовался сургутский врач В. Е. Клячкин в работе «Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии». Опираясь на данные своих наблюдений, Зобнин написал статью «О климате Сургутского края», опубликованную 1 июля 1894 г. в газете «Степной листок» под псевдонимом «К. Минович».

Для знакомства читателя с работами Ф. К. Зобнина сургутского периода его жизни публикуем две корреспонденции из «Сибирского листка» от 27 января и 30 июня 1891 года и статью «Краткие заметки относительно домашнего быта жителей Сургута», рукописный текст которой хранится в архиве Русского географического общества (фонд Р — 61, опись 1, дело 37). Статья опубликована в недавно выпущенном сборнике «Портреты городов Тобольской губернии и её обитателей XVII — нач. XX вв.». В ней есть упоминание о посланной в общество «предыдущей тетради», в которой, в частности, описан способ ловли перелётной птицы перевесами.

*Студенты Омской учительской семинарии
Ильгонов и Зобнин, 21 марта 1887 г.*

Ф. К. Зобнин с сыном

Ф. К. Зобнин на Алтае (1912 г.?)

Внутренние известия

Сургут

12 января [1891 г.]

Всеобщие жалобы, раздающиеся из земледельческих округов Тобольской губернии на недостаток хлеба и сена, слышатся и в нашем крае. Что касается хлеба, то погода прошлого лета в Сургутском крае, как местности, не производящей хлебных продуктов, не имела значения. Наши торговцы сделали запасы муки при открытии навигации, следовательно, из урожая прошлых лет, весьма по сходным ценам. 1 пуд ржаной муки покупался за 35 коп., между тем как теперь цена той же самой муки увеличилась более чем в два раза и продаётся по 80 коп. за пуд. При уменьшении запаса, по сургутскому торговому обычаю, цена грозит подняться ещё выше, не говоря уже о могущей образоваться монополии. Сильный и продолжительный разлив Оби отозвался на сене. Сургутяне могли приступить к сенокосу только в сентябре, и то, что удалось собрать им с лугов, можно называть чем угодно, но только не сеном. Приходится удивляться, как может идти такое сено на корм и как ещё может влачить существование сургутский скот! Ввиду бескормицы сургутяне большую часть рогатого скота закололи на мясо, почему на этот продукт стояла дешёвая цена — от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 80 коп. за пуд. Мясо, впрочем, довольно плохого качества. В настоящее время коровьего масла почти нет в продаже, привозное в небольшом количестве продаётся по 75—85 коп. за безмен.

Отсутствие корма для скота делает положение обывателя незавидным. Главным занятием его в зимнее время, дающим возможность что-нибудь заработать, является доставка дров на Белоярскую пароходную пристань, летом — торговля на этой пристани местными припасами, немаловажным подспорьем является также и рыбная ловля. Но в последнее время раздаются жалобы на отсутствие рыбы, даже такой, как щука, составляющей вместе с чёрным хлебом главную пищу обывателя.

Положение остяков очевидцы описывают самыми мрачными красками, но об них в другой раз.

Казм

*Сургут**30 июня [1891 г.]*

С открытием навигации наш угол значительно оживился. Пароходная пристань, кроме развлечения, доставляемого досужему обывателю, для массы является рынком, на котором можно копейку зашибить и купить что-нибудь для себя. Где спрос, там и предложение — это в порядке вещей, но некоторый вид купли, практикуемый на пристани, едва ли может относиться к порядку, ибо почтенное торговое ремесло перешло в руки тех, кому надлежало бы только в силу своего положения охранять отечество «от огня, меча, от нашествия иноплемённых, от междоусобных брани и от напрасных смерти...». Рассказывают, что один из служителей Марса до того пристрастился к мирным занятиям, что устроил заправскую лавку и с обычною сему сословию предупредительностию сей муж простирает свою любезность до того, что отпускает покупателю до четверти фунта сахару...

Но что же гонит обывателя за покупками на пристань, когда в Сургуте существует *minimum* пять лавок? Дороговизна. Сургутские купцы — свободные художники и в торговых делах не привыкли сдерживать полёта своей крылатой фантазии, которую способна обуздать только одна конкуренция. Судите сами: фунт сахару на пристани продаётся по 18-20 коп., в Сургуте — 24 коп. В том же роде существуют цены и на другие товары. Нужно ли распространяться более о мотивах, влекущих обывателя в лавочку-каюту и в лавочку-буфет?

Вода остановилась на мере. До прошлогоднего уровня в настоящем году она не достигла четверти на две.

Город занят приготовлениями ко встрече на пароходной пристани Е. И. В. Наследника Цесаревича, прибытие которого здесь ожидается 7—9 июля.

Краткие заметки относительно домашнего быта жителей Сургута

Жители Сургута свои жилища строят исключительно из соснового леса, который по причине малой населенности края в изобилии находится невдалеке от поселений, почему все дома сургутян выстроены из леса самого высокого качества. Все здания расположены на песчаной почве. Благодаря, вероятно, этому обстоятельству воздух Сургута, несмотря на обилие воды, окружающей его со всех сторон, принадлежит к разряду умеренно-влажного.

Самый обыкновенный тип жилых помещений представляет из себя небольшой пятистенный дом. Одна стена, проходящая внутри поперек дома, делит дом на две половины: кухню и чистую комнату. Первая половина называется еще стряпкой. Вторая половина дощатою перегородкою делится на две части, или половины: одна меньше, другая больше. Меньшая половина называется казенкой. В том случае, когда дом построен в больших размерах, дощатых перегородок делается больше, и дом составляется из нескольких небольшого размера комнат.

Говоря об устройстве домов, нельзя не упомянуть о том, что среди жителей существует обычай, по которому в одном доме живут иногда по две семьи. Подобное сожителство предвидится заранее, при постройке дома, почему такой дом всегда делится капитальною стеною на две независимые друг от друга половины с отдельными ходами. Подобное подразделение дома в большом ходу как между родными братьями, выделившимися от родительского дома, так и между чужими друг от друга, но бедными обывателями.

Первое, что бросается в глаза при входе в жилище богатого и бедного сургутянина — это обилие икон, которые, начинаясь от переднего угла какою-либо особо чтимую или особенно ценною по исполнению и украшению иконою, часто занимают в комнате обе стены до порога. Каждый по мере возможности старается перед всеми иконами повесить лампадку. Накануне дней, посвященных празднованию святого, изображение которого служит главною иконою в доме, вошло в обычай совершать в доме всенощную, или когда недостаток средств, отсутствие священника и пр. тому препятствуют,

отслужить на дому молебен. Комната с множеством икон бывает в доме одна (чистая комната). Вносить в эту комнату кипящий самовар, постоянно жить в ней, обедать, ужинать, готовить кушанье в русской печи этого дома считается по меньшей мере предосудительным. Поэтому большая часть жителей во дворе имеет особую стороннюю, которая представляет из себя отдельно построенную избушку с русской печью. В ней-то и исполняются разного рода черные работы, как-то печение хлеба, изготовление кушаний для семьи, поило для скота и пр.

Дворы жителей обыкновенно, кроме дров, ничем не занимаются. Летних экипажей сургутяне вовсе не имеют, потому что круглое лето Сургут со всех четырех сторон окружен водой. Взамен колесных экипажей на берегу находится много лодок, из которых по своей величине выдаются так называемые каюки. Это большие лодки, середина которых занята дощатым, крытым сверху и с боков помещением. Лодки эти часто бывают окрашены в полосатый цвет — белой, красной и зеленой краской. Каюки иногда называются просто крытыми лодками. Посередине каюка устанавливается мачта для паруса; наверху мачта заканчивается маленьким флюгером и крестом; часто дощечка флюгера представляет из себя икону св. Николая Чудотворца. Кроме каюков, на речке около Сургута находится множество лодок средней величины и без всякого прикрытия посередине. Наконец, третью группу лодок, существующих в Сургуте, составляет облас. Эта маленькая выдолбленная из одного дерева лодочка очень легка на ходу, но зато плавание на ней сопряжено с опасностями для человека непривычного: малейшее неосторожное движение может окончиться самым печальным образом для неискусного пловца. Почему эту лодку иронически называют иногда душегубкой, в других местах однодеревкой и стружком. Но обыватели, видимо, приспособились к своим обласам, и несчастных случаев при плавании на них, насколько известно, не бывает. Больше двух человек в облас не помещается.

Первый вид лодок имеет торговая часть населения, в каюках купцы отправляются в округ, по которому и разъезжают целые месяцы. Беднейшие из жителей нанимаются на лодку гребцами, что и составляет почти единственный вид отхожего промысла для населения. На лодках средней величины ездят по домашним надобностям на пароходную пристань, на покосы, на рыбную ловлю неводом и пр., а на обласах преимущественно для ловли рыбы сетями.

Жители привыкли к такому способу передвижения и неохотно меняют его. Так, например, пароходная пристань, находящаяся в 7 верстах от го-

рода, недавно была соединена с ним дорогой (правда, слишком плохой), но никто из жителей по ней не ездит, даже почтовые и земские ямщики, обязанные ездить на пристань в тяжелых крытых повозках два раза в неделю в течение всего лета, находят более удобным для себя ездить на лодках.

Средства к существованию доставляют жителям лес и вода. Земледелие совершенно отсутствует и не в силу только суровости климата. Попытки некоторых лиц доказали, что и в Сургутском крае можно вести сеяние злаков. Огородничество также принадлежит к числу занятий, нелюбимых жителями, и из огородных овощей разводится в ничтожных размерах только картофель, который дает блестящие урожаи. Из других овощей могли бы успешно родиться репа, морковь, редька и даже огурцы.

Главным по доходности занятием жители считают доставку дров на пароходную пристань. Целую зиму большая часть населения занята этим промыслом. Дрова сдают по 1 руб. 30 коп. за сажень и в течение зимы с лошадьми зарабатывают до 80 рублей на семью. Вместе с зимою кончается дровяной промысел и наступает промысел на уток и гусей. Уток стреляют, но мало, главным же образом ловят их перевесами. Способ ловли перевесами описан в предыдущей тетради. Гусей бьют в станках. Где-нибудь на песчаной площадке расставляются чучела, или манчаки, гусей и садятся в засаду, из которой и стреляют подлетевших гусей. Набитую дичь солят по возможности в таком количестве, чтобы хватило на круглый год.

Время с конца мая до начала августа более или менее свободно. В это время, если вода не слишком разлилась, ловят рыбу для собственного потребления, но больших запасов из нее не делают. В это же время нанимаются гребцами на лодку.

С наступлением августа, когда вода сойдет с лугов, начинается сенокос. Домашнего скота много не держат. Лошади, коровы, овцы, курицы составляют всю домашнюю живность. Мясо овец жители в пищу не употребляют и на вопрос о причине этого отвечают, что овец едят только татары. Поэтому овцы разводятся в самом ничтожном количестве для шерсти. Мясо куриц, домашних гусей и свиней употреблять в пищу также считается предосудительным.

Речка с одной стороны Сургута называется — Сайма, с другой — Бардаковка; третья часть ее — протока Боровая речка. Гусиное — название острова; Барсова гора — местность около Сургута. Расстояние от Сургута до пароходной пристани, называющейся Белый Яр, измеряется кедровыми: Первая Кедровая, Вторая Кедровая.

Умственное и нравственное развитие жителей г. Сургута

Важнейшая черта характера жителей Сургута — это упорство и стойкость враз выработанных убеждений, энергетическое, неустанное преследование цели и способность вести самую упорную борьбу за то, что они признали правдой. Жизненная же правда их не особенно высокой пробы и вполне формулируется словами: «То хорошо, что для нас выгодно». Эти основные черты характера сургутян лучше всего иллюстрируются их борьбой за отстаивания казачьего звания. Лет 10 тому назад казачья команда была упразднена, и сургутские казаки были перечислены в мещане. Но мещанское звание казакам было ненавистно главным образом потому, что оно лишало их некоторых льгот и пособий, сопряженных с казачьим званием. Казаки просили вернуть их в казачество, и им предложено было выселиться в те местности, где существование казачества правительством признано необходимым. Но сургутские казаки на переселение не согласились и стали подавать прошение за прошением о возвращении их в первобытное состояние на прежних основаниях. Начальство убеждало, разъясняло, что это невозможно, но ничто не помогало: казаки стояли на своем и из всех убеждений принимали только то, что клонилось к их выгоде, остальное же, клонившееся к перемене их состояния, они отвергали как незаконное. «Не может быть, чтобы потомки Ермака были лишены своего звания», — вот крепко сознанный и неукоснительно проводимый ими на деле девиз, проводимый без сомнений и колебаний.

Характерную черту жителей представляет также живость и горячность их темперамента. Эту черту неказаки отмечают словами «казачье сердце»; при виде разгорячившегося казака замечают: «Эх, расходилось казачье сердце». (В Сибири говорят про человека сердитого: «Этот человек с сердцем», сердце — синоним сердитости). Всякое породившее впечатление не задерживается в душе казака, а большую часть тотчас же выражается в громком говоре, частых ругательствах и резких движениях. Примеров для подкрепления высказанной мысли можно было бы привести много, но я ограничусь здесь следующим случаем. Один казак, подходя к дому местного виноторговца и заметив, что дом украшен по случаю царского дня флагами, тут же на улице во всеуслышание стал сыпать по адресу виноторговца укоризнами, сущность которых выражалась долетевшими до меня слова-

ми: «иш, на кабашны деньги развесили...». Далеко пройдя неприятное ему явление, казак все продолжал поносить «кабашные» деньги.

По отношению ко всему выходящему из круга их обыденной жизни казаки весьма любопытны, а желание делиться с кем-нибудь новыми впечатлениями до того сильно, что женщина, не находя слушателей дома, не прочь сбегать к соседке с единственной целью поделиться с нею мыслями. Но подобное крайнее любопытство, представляя из себя чувство самого низкого достоинства, ограничивающегося сплетничеством, ни к каким важным результатам никогда не приводит. При всем любопытстве жители от всех прибывающих к ним разного звания и состояния лиц ничему не научились, не переняли никакого мастерства, не приобрели никакого знания, которое бы изменило хотя ни йоту раз заведенный порядок их жизни. Наоборот, заметно, что жители с течением времени утрачивают и то, что знали когда-то. Так, приплывая из России, предки нынешних казаков без сомнения знали приемы земледелия и пр., между тем как в настоящее время сургутская казачка не имеет понятия о том, как изготавливается такой существенно необходимый для нее предмет, как холст. Причиной этого, конечно, следует считать прежнюю жизнь казака, жизнь служилую, оплачиваемую и деньгами, и крупой, и мукой. Если еще упомянуть о том, что в прежнее время весьма легко [было] эксплуатировать простодушного дикаря-остяка, то перед нашими глазами предстанет картина казачьей жизни более или менее покойной, без обременительных трудов и забот о куске насущного хлеба.

Грамотность в Сургуте развита в достаточной степени, и безграмотный казак представляет собою исключительное явление. Все казаки к существующему училищу Министерства народного просвещения относятся неодобрительно, жалуясь, главным образом, на отсутствие «строгости» и баловство, что, однако, не мешает им посылать в это училище своих детей. Кроме школьного обучения, существует и домашнее. Около десятка детей обучаются у одного грамотного казака, но большая часть и этих детей, поучившись год-два, поступает в казенное училище. Существует в Сургуте также училище девочек, но учащихся в нем слишком мало, так как казаки стоят против образования девочек, считая это баловством («вырастут — любовные записки будут писать»). Однако в прежнее время, когда существовало женское училище на средства местного благотворителя И. А. Туполева, родители охотнее отдавали детей в то училище, так как там не требовалось с учениц платы за квартиру, как это практикуется теперь. Но, вообще говоря, грамотных женщин гораздо меньше, нежели мужчин.

По отношению к деревенским жителям и остякам жители Сургута ведут себя высокомерно, считая свой быт и свое нравственное развитие образцовыми. Остяков они называют «собаками», крестьян, в особенности из земледельческих округов губернии, чалдонами, передразнивая их «Эка паря!» (паря — парень) и пр.

По отношению к разного рода служащим казаки относятся крайне неприязненно, обвиняя их в том, что те живут на жалованье, ничего не делая. Из других сословий сургутские казаки особенно не любят солдат местной команды, вытеснивших казаков, причем упрекают солдат также в ничего-неделании, дармоедстве, в полной бесполезности их существования и пр., пр.

Ф. К. Зобнин

Сургутская история на страницах «Подорожника»

В год юбилея хочу напомнить сургутянам о публикациях нашего альманаха на темы истории города и Сургутского края в его дореволюционных границах за минувшие 10 лет (2002–2012). В тринадцати выпусках их было около 50. Представляю наиболее крупные из них в порядке выхода в свет.

Вып. 1.

Брат на брата. Документы из Сургутского городского архива о состоянии народного образования на кратком отрезке мирной жизни в канун восстания 1921 г. Здесь же — подборка документов из архива Тюменского управления ФСБ «Другая сторона», характеризующих суругутиан Н. А. Замятина, А. Г. Клепикова, А. И. Кондакова и А. Е. Липецкого, принявших сторону повстанцев. Содержание документов дополняет очерк Е. Айпина о Липецком «Божье послание».

Н. С. Канев. Эх, люди...

Несколько документальных рассказов о животных хорошо известного старожилам Николая Савватеевича Канева, бывшего военного моряка Великой Отечественной, знатока природы.

Вып. 2.

Константинов В.

Приглашение к сотворчеству. Статья, в которой представлены три выпуска иллюстрированного издания «Геннадий Райшев: диалоги со зрителем. Беседы в мастерской художника». Г. С. Райшев — выпускник Сургутской средней школы.

Вып. 3.

Райшев Г.

Сибирские бывальщины. Цикл коротких быличек, написанных на основе рассказов старших о мифических существах и различных таинственных случаях с авторскими иллюстрациями.

Вып. 4.

Альманах вышел в свет в год 410-летия Сургута, и большая часть его текстов посвящена городу-юбилею.

Илья Русанов. Этнографический очерк Сургутского отделения Берёзовского округа Тобольской губернии.

Пусть читателя не удивляет заголовок. Дело в том, что несколько десятилетий XIX века Сургутский край входил в состав Берёзовского округа, охватывавшего территорию от восточного склона Урала на западе до границы с Томской губернией на востоке. В середине XIX в., с 1854 по 1863 гг., положение населения сильно ухудшилось из-за череды наводнений, которые нанесли урон рыбному промыслу, животноводству, гужевому транспорту, торговле, продовольственному обеспечению края. Автор очерка чиновник Главного управления Западной Сибири надворный советник Русанов в 1863 г. был командирован на север для обследования. В итоговом документе охарактеризованы быт, экономические основы жизни, этническая психология коренного населения, взаимоотношения его с русскими.

Общие итоги широкого обследования по всему Тобольскому Северу отложились в Государственном архиве г. Тобольска в деле «Об улучшении быта инородцев Берёзовского края» (Ф. 152. Оп. 40. Д. 148), а текст работы Русанова в 1870 г. поступил в Русское географическое общество. В 1876 г. член РГО Майков так отозвался о ней: «Статья эта представляет большой интерес и... может служить превосходным подспорьем для того, кто займётся описанием остяцкого народа». Публиковалась ли статья в изданиях общества, неизвестно, но более чем через столетие после передачи её в РГО она была найдена в его архиве известным сургутянам издателем и краеведом Ю. Л. Мандрикой, благодаря которому и опубликована полностью в «Подорожнике».

Клячкин В. Е. Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии (по статистическим данным).

Вениамин Ефимович Клячкин был одним из образованнейших врачей Тобольской губернии своего времени, помимо врачебной деятельности, он занимался и научными исследованиями, в советское время преподавал в Омском медицинском институте. Его доклад о санитарном состоянии Сургута был сообщён в виде краткого реферата на заседании Томского общества естествоиспытателей и врачей, а в 1894 г. опубликован в сборнике трудов общества, откуда и перепечатан в сокращении в нашем альманахе. Очерк представляет собой обстоятельное исследование, в котором освещён много более широкий круг вопросов жизни Сургута, чем в узкоспециальной работе.

Инцидент на Белоярской пристани.

Материал почерпнут в Государственном архиве г. Тобольска (Ф. 152. Оп. 40. Д. 10; Оп. 13. Д. 1. 106) и развёртывает картину протеста сургутских казаков против перевода их в мещанское сословие во время остановки на Белоярской пристани летом 1891 г. наследника престола Николая Александровича. Литературным продолжением его является помещённый следом рассказ А. И. Силина «Не угодили» — художественная интерпретация события с неподлинными фамилиями, основанная на воспоминаниях сургутского казака Андрея Ивановича Панкина.

Ю. Конев. «Где-то есть город...».

Воспоминания выпускника Сургутской средней школы Юрия Ефимовича Конева, впоследствии — ленинградского учёного-микробиолога, доктора биологических наук — о школьных годах, иллюстрированные рисунками автора. Юрию Ефимовичу принадлежат и интересные воспоминания, охватывающие несколько десятилетий его жизни, опубликованные в книге «Как мы искали панацею» и изданные по инициативе директора колледжа русской культуры Е. В. Лоншаковой. В 2003 г. книга была переиздана Ю. Л. Мандрикой на собственный счёт тиражом в 200 экземпляров.

Цысь В. В. Сургутская потребительская кооперация в период Западно-Сибирского крестьянского восстания.

Автор — ныне профессор Нижневартовского гуманитарного университета.

Письма директора Сургутской средней школы П. К. Животикова 1941–1945 гг.

Сопровождены вступительной статьёй его сына Б. П. Животикова и послесловием В. К. Белобородова.

Федулов А. Семейный архив: продолжение следует.

Наслышанные об образцово организованном обширном архиве-картоотеке сургутского краеведа Алексея Алексеевича Федулова, мы попросили нашего постоянного автора поделиться опытом, рассказ о котором и опубликовали.

Слово, подаренное детством.

Фразеологизмы в речи сургутиян в 1940–1950 гг.

Вып. 6.

Б. Ф. Зобнин. Филипп Козьмич Зобнин.

Воспоминания крупного уральского инженера об отце — авторе публикуемых выше статьи и двух корреспонденций из Сургута 1891 года. Про-

должение этой темы — в помещённой следом статье «Берегите семейные архивы».

Белобородов В. Юганский культурно-санитарный отряд.

В статье отражена забытая страница сургутской истории. С октября 1925 по июль 1926 гг. в бассейнах рек Большой Юган, Аган и Тром-Юган действовал отряд, задачей которого был поиск новых, социалистических форм работы советской власти с коренным населением. Всего два человека — краевед Михаил Андреевич Протопопов и фельдшер Ефим Алексеевич Калашников — всесторонне исследовали жизнь хантыйского населения и представили результаты в Тобольский комитет Севера, снарядивший отряд. Подвижнический труд отряда имел своим последствием зарождение идеи об организации в местах обитания коренного населения нового учреждения — красных чумов, вскоре осуществлённой.

Вып. 7.

Федулов А. Судьба человека — судьба страны.

Автор рассказывает о жизни своей бабушки Марии Фёдоровны Калашниковой, которую хорошо помнят старожилы Сургута.

Жить не страшно: страницы мальчишеского дневника Ю. Е. Конева.

Заметки, сделанные в период продолжительной болезни. Получены от вдовы автора В. А. Коневой через его двоюродную сестру Анфису Галактионовну Неуймину.

Исаева Т. Тонья-богатырь: образ героя в локальной мифологии ханты.

О памятнике хантыйского фольклора, записанном учителем А. И. Силиным.

Вып. 8.

Митусова Р. П. Год среди лесного народа.

Страницы дневника путешествия в вершину р. Аган известного этнографа Раисы Павловны Митусовой (1894—1937). Напечатаны по копии публикации в №№ 9, 11, 12, 14 и 15 журнала «Вокруг света» за 1929 г.

Белобородов В. Поэт, сторонившийся славы.

Впервые представлен современному читателю забытый сибирский поэт Георгий Николаевич Тверитин (1889—1921), внучатый племянник знаменитого своими растениеводческими опытами И. Я. Тверитина. Продолжение публикации — в выпуске 11. Здесь же, в вып. 8, — статья В. Белоборо-

дова «С духовной миссией по Сибири» о представителях сургутского рода Тверитиных, вышедших из казачества в духовенство.

Федулов А. Деревенская порода.

Серия коротких рассказов-быличек, написанных на документальном материале.

Наумова Н. Жилплощадь для истории.

Статья директора Сургутского городского архива об архивных проблемах.

Вып. 9.

Исаева Т. Одного лоскутка земли разные люди.

О взаимосвязи хантыйской и русской культур.

Белобородов В. Как награда разошлась с героем.

На основе документов архивов Омской области и г. Тобольска прослежена история несостоявшегося награждения юганского священника И. Я. Тверитина орденом святой Анны 3-й степени за земледельческие опыты.

Вып. 11.

[Белобородов В.] Тернистый путь отца Всеволода.

Биография уроженца Сургута, крупного деятеля православной церкви Владимира Алексеевича Баталина.

Вып. 12.

Со своей колокольни.

Взгляд на события крестьянского восстания 1921 г. трёх его участников. Документы взяты из фонда Н. И. Ездакова в Сургутском краеведческом музее.

Разлучница война.

Письма учителя из с. Покур Сургутского района Александра Ивановича Доронина в 1941—1944 гг. Предоставлены для публикации его дочерью Маргаритой Александровной Сухачёвой при содействии А. И. Маслаковой.

Белобородов В. Неправильные крестьяне.

Драматическая история противостояния власти и крестьян в ходе коллективизации в с. Локосово Сургутского района в 1933—1934 гг.

Дмитриев-Садовников Г. Плохи (Природа и люди р. Вах).

Очерк краеведа, публициста, общественного деятеля, бывшего ларьякского учителя, живописующий весеннюю охоту на водоплавающих птиц.

Публиковался в красноярском журнале «Сибирские записки» № 6 за 1917 г. Приурочен к 125-летию со дня рождения автора.

Константинов В. «Сейте доброе, господа...» — материалы к биографии автора.

В. А. Баталин (архимандрит о. Всеволод) о Владимире Васильевиче Передольском.

Публикация документа из архива Пушкинского Дома. Здесь же — новые материалы к биографии сургутянина В. А. Баталина.

Вып. 13.

«... остался, яко был, в одних низиках».

История преследования властью жителя Сургута ссыльного Е. М. Прилуцкого и его сопротивления. Составлена по архивным документам В. Ф. Струсем.

«Всегда держу Вас у сердца».

Письма Владимира Алексеевича Баталина к ленинградскому музыканту и коллекционеру Моисею Семёновичу Лесману из фонда Лесмана в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Четыре странички былого

История одного дома

Так уж случилось в жизни Калашниковых Василия Антоновича и Марии Федоровны, что дом в селе Сургут, купленный ими в 1934 году, оказался их единственным собственным домом. Василий шестнадцатилетним пареньком, после возвращения отца по ранению с фронта Первой мировой войны в 1916 году, ушел из дома в самостоятельную жизнь и в хозяйство отца больше не возвращался. Мария в семь лет потеряла родителей. Умерли от тифа сначала отец, а на сороковой день смерти отца — мать, семь детей остались сиротами. Старшие, Георгий и Константин, ушли в самостоятельную жизнь, Маша, Христина и Афанасий были отданы в «Тобольский Ольгинский приют трудолюбия для детей-сирот переселенцев», а самых младших погодков — Якова и Екатерину — взяли в дети (так называлось тогда усыновление).

Судьба свела Василия и Марию в 1918 году в Тобольске в Соколовской сельскохозяйственной школе. Он учился на агронома и зоотехника, она — на пчеловода. В 1922 году после демобилизации Василия с Гражданской войны они женятся.

В 1930 году Василий Калашников направлен Тобольским земельным управлением в Сургутский район для работы в должности районного зоотехника. Первый год семья Калашниковых, а она к тому времени состояла из пяти человек, жила у своих друзей сургутских учителей Аркадия Степановича и Анны Андреевны Знаменских. С жильем в Сургуте были сложности. Следующим пристанищем Калашниковых стал Дом пионеров. В конце концов более практичная Мария Федоровна со словами «не дай Бог с тобой что случится — и семья окажется на улице» настояла на покупке собственного дома. В 1933 году Калашниковы выбрали дом, сговорившись о цене, переехали в него, а в 1934 году была оформлена купчая. Так они впервые стали хозяевами половины дома.

После установления в Сургуте советской власти старые названия улиц новую власть не устроили. Наш будущий дом стоял на улице с красивым названием Богородицкая (Рождества Богородицы) — теперь она ста-

ла Народной. У дома менялись номера. При покупке он значился под номером 6, затем стал № 10, последний его номер — 18. Из этого дома Василий Антонович ушел на фронт в сентябре 1941 года, в 1943-м под Ленинградом скончался в госпитале от дистрофии.

Дом этот когда-то давно строился двумя братьями. Был он разделен на две абсолютно одинаковые по размеру и по планировке половины, между половинами до конца жизни дома оставалась незащищенная дверь. Когда Калашниковы подбирали жилье, их консультировал дед, которому к тому времени было уже за 90 годков. Он говорил, что когда был подмастерьем, десяти-двенадцати лет, в этом доме он красил печи, так дом уже тогда был старым. Печи, по его словам, с той поры ни разу не перекладывали. Получается, что красил печи он примерно в 1850 году, а, по его словам, дом уже тогда был старым — значит построен он был в конце XVIII либо в начале XIX века.

В квартире было две печи — голландка (круглая, в железном кожухе) и глинобитная русская (целиком выполненная из глины, кирпич использовался только для настилки пода и кладки трубы). В Великую Отечественную войну, когда на фронт ушел Василий Антонович, в комнату смежную со второй половиной установили железную печь, как ее еще называли — «железку». Расход дров для ее топки был гораздо меньше, еду чаще стали готовить на ней. Младший сын Калашниковых Леонардо (ему, когда началась война, было два с половиной годика) вспоминает, как они со старшим братом Владимиром, сидя у этой печки, грелись и придумывали казнь для Гитлера.

Постепенно у голландки кирпичами стало выдавливать железо. В 1957 году решили печь перебрать. Перебирал ее очень хороший печник Мугин Александр Павлович. Разобрали голландку до пода, зарисовали все дымоходы и колодцы. Когда стали класть снова, не хватило кирпичей, часть их рассыпалось, и печь пришлось сделать на три кирпича ниже. Так вот когда печь разбирали, все дымоходы и колодцы были абсолютно чистыми, а после перекладки, через три-четыре года, печь перестала топиться. Когда вскрыли колодцы, то они были полны сажи. Так сказались эти три кирпича по высоте. А еще нас пытаются убедить в неграмотности наших предков. Насколько же точны были расчеты печника сто с лишним лет назад.

Согласно техническому паспорту, выданному в 1982 году, высота комнат от пола до потолка была три метра и десять сантиметров, холодной пристройки (это сени) — два метра пятьдесят пять сантиметров. Пол был сделан таким образом: бревна распиливались пополам, протрагивались и

настилались. В последние годы жизни дома нижние венцы его подгнили, и дом начал садиться. Мы его поднимать уже не стали, так как дом подлежал сносу, пол же оставался абсолютно ровным и без щелей. И самое главное: при ходьбе по нему не было так характерного для современных квартир поскрипывания. Потолок в доме был обтянут парусиновой тканью, и ее периодически белили, Мария Федоровна говорила, что так уже было сделано, когда они покупали дом. В 1972 году решили эту ткань убрать. За тканью оказались доски, очень плотно подогнанные друг к другу. Столько лет они лежали, а не появилось ни одной щели, причем вид был, как будто их вчера прострогали. Дом изнутри был поштукатурен и побелен. Был ли он в таком виде изначально или штукатурка и побелка — это уже более поздний вариант, сказать никто не мог.

Из сеней была дверь в кладовку, из нее шла лестница на вышку дома. Внутри устройство дома было таково: от входных дверей шел коридор, слева — дверь в маленькую комнату, направо — вход в кухню, из кухни — в продолговатую комнату, смежную с соседней половиной. В углу этой комнаты Василий Антонович сделал фотолабораторию, у него был фотоаппарат «Фотокор» (именно он и стал моим первым фотоаппаратом). В этой комнате мы, подрастая, жили по очереди. Прямо по коридору — вход в зал, между залом и продолговатой комнатой была дверь, но в последнее время её заставили большим резным шкафом, в середине 1930-х годов он был сделан на мебельной фабрике поселка Песчаный.

Квартира отапливалась так: русская печь обогревала кухню, коридор, зал и продолговатую комнату, голландка — маленькую комнату, коридор и зал, топка ее находилась в маленькой комнате. Установленная в войну железная печь оставалась на месте, и ей пользовались до сноса дома. В кухне стоял большой кухонный стол, а под ним был сделан курятник. Но сколько я себя помню, куриц там не было. Внутри кухни, справа от дверей, стояла большая деревянная бочка с питьевой водой. Воду обычно брали из речек Бардаковки и Саймы, кому куда ближе было ходить. В конце 1950-х годов в селе появились две водокачки. Первое время воду на них продавали по талонам, стоила она по копейке за два ведра. Но для самоваров ее все-таки брали из речек, говоря при этом, что вода из водокачки пахнет железом.

Ворота для заезда в ограду, как и у многих старых сургутских домов, были высокие, двухстворчатые, чтобы можно было завезти воз сена. По высоте больших ворот была сделана калитка с кованым запором. Ворота и калитка были выполнены как один комплекс и украшены наверху башенками и резьбой. Мама рассказывала, как они, девчонки, гадали с подруж-

ками в Крещение на суженого и на судьбу, бросали валенки через ворота. Один валенок взял да и застрял на воротах — пришлось звать на помощь старших.

От калитки до угла дома стоял забор, набранный из тонких бревнышек, и с уличной стороны стояла скамейка. Вдоль всего дома снаружи был палисадник, загороженный штакетником. В нашей части палисадника росли рябина, береза и куст шиповника.

Между сенями обеих половин, под крышей дома, была устроена терраса. Это было место отдыха. В жаркое лето там всегда была прохлада.

Дом был построен на двадцать окон, в каждой половине по десять, на каждом из них — резные наличники и ставни. Крыша была тесовая. На улице, в углу между стеной дома и сенями, был сделан сток воды с крыши и стояла пожарная бочка. В нее стекала дождевая вода, ее брали на полив маленького огорода, поэтому вода там была всегда свежая. В засушливые годы, когда было мало дождей, мы заполняли бочку водой из Бардаковки.

Общая площадь всего дома 150 м², площадь земельного участка у дома — 1760 м². Во дворе стоял амбар, тоже разделенный на две части, в каждой половине — яма со льдом для хранения летом продуктов. К амбару с нашей стороны пристроена стайка. Было два огорода: один, как у нас говорили, для «мелочи», второй — большой, для картошки. Во дворе был ковер из ромашки. От ворот по всему двору лежал тротуар, чтобы не вытаптывать траву. Между крыльцом и амбаром — клумба с цветами, росли астры, ноготки. В маленьком огороде росли георгины. Вдоль забора всегда стояли большие поленицы сухих дров.

В детстве в наш амбар я ходил, как в музей. Там за две сотни лет столько всего интересного накопилось. Раньше же ничего не выбрасывали, все складывалось в амбар. Всевозможные плетеные корзины, чемоданы, сундуки, разные по форме стеклянные банки и бутылки, глиняные крынки, одежда и обувь разных времен. Будучи десятилетним ребенком, я нашел там буденновку (она как-то сразу потерялась), казачью папаху (в ней я бегал два года, и даже сохранилась фотография), кистень (сохранился благодаря бабушке, Марии Федоровне). В углу висели сети, еще довоенные, дедовские, Василий Антонович был заядлым рыбаком и охотником. Самое главное, чего я не увидел в нашем амбаре: за сетями, на полке в углу лежали стопой иконы. Узнал о них совершенно случайно, уже будучи взрослым. Мой дядюшка, как ласково мы его называем, Лёденька, во время очередных наших воспоминаний о доме вдруг рассказал о них. А я за эти сети как-то ни разу не заглянул — угол и угол, полку за сетями не вид-

но было. Выходит, не изучил до конца я наш амбар. Как и многие амбары старого Сургута, он был кладезем для краеведческого музея, жаль только, что время музея тогда еще не подошло. Да и мы сами еще не были готовы к сбору и хранению такого рода материала. Понимание необходимости сохранения его пришло позднее.

В 1982 году Марии Федоровне дали благоустроенное жилье, а дом и амбар сгорели. Теперь на улице Народной на их месте стоит длинный пятиэтажный дом с адресом: улица Просвещения, 33.

Самое интересное: перед сносом дома, когда выдавали технический паспорт, в нем записали, что построен дом в 1917 году. Как будто сургутяне начали дома строить, только когда пришла советская власть, а до этого, надо полагать, все в землянках жили.

Два взгляда на сургутян

В 1998 году в Екатеринбурге была издана книга «Тобольский Север глазами политических ссыльных». Очень хотелось найти ее и прочитать, ведь в этой книге писали о моих земляках — сургутянах конца XIX века. «Очерки Сургутского края», вошедшие в эту книгу, были написаны С. П. Швецовым, отбывавшим ссылку в Сургуте с 11 сентября 1880 по 28 мая 1881 года. Когда, наконец, книга попала мне в руки, я с предвкушением великого удовольствия начал читать ее, но удовольствие вдруг сменилось недоумением, а потом желание читать пропало совсем.

Вот взгляд па моих земляков человека, попавшего в Сургут не по доброй воле, а за то, что хотел привести людей российских, в том числе и сургутян, в светлое будущее: «Низкий рост, приземистость и невзрачность всей фигуры... Черты лица сургутянина неправильны и резки, развитые скулы, широкий некрасивый рот, узкие глаза без выражения или, пожалуй, с выражением придурковатости — все это делает его вид не особенно привлекательным, не говоря уже о грязи, толстым слоем покрывающей голову, лицо и руки многих из них. Несмотря на кажущуюся кряжистость, сургутяне не отличаются силой и ловкостью ...».

Неужели такими были сургутяне? Как же они могли произвести на свет следующее, а это уже были наши бабушки и дедушки, такое красивое поколение? Смотрю на старые фотографии, и обидно становится: предки мои, каким же черным глазом увидел Вас господин Швецов? В какое светлое будущее могли привести нас он, обиженный и озлобленный, и ему подобные реформаторы?

А вот взгляд на сургутян еще одного человека из того же времени. В журнале «Югра» за ноябрь 1997 года был опубликован очерк И. И. Завалишина «К ледовитому океану». Завалишин, тоже не по своей воле, провел в Сибири почти сорок лет — с 1827-го по 1865-й, сначала каторжником, а затем поселенцем. В очерке он пишет: «Особенность этого отдаленного края — это березовские и сургутские казаки. Они вошли теперь в состав поселенного Тобольского казачьего пешего батальона... Они понятливы, ловки, стройны и очень красивы. В Сургуте у них школа на 70 мальчиков».

И сразу же все встало на свои места. Такими сургутян я всегда видел, знал и знаю. Даже возраст не портил их лица, они всегда оставались красивыми. Специально не называю ни одной фамилии, упомянуть одних и не сказать о других я просто не могу, не желая обидеть дорогих сердцу моему земляков, всегда отличавшихся умом, статью и силой.

P.S. Статья написана для той части нынешних жителей Сургута, которые, подержав в руках книгу, пришли в неопишуемый восторг: «Ах, о нас писали!»

Господа, вы хотя бы иногда открывайте книги и читайте, а что же писали и пишут?

Фотография из детства

В 1942 году моя мама, Серафима Васильевна Федулова, тогда еще Калашникова, окончила Тобольский учительский институт. После окончания вернулась в Сургут и всю жизнь проработала учителем в школах Сургутского района. Ее трудовой путь — п. Погорельск, с. Тундрино, п. Высокий Мыс (здесь я родился), п. Пальяново (сюда меня привезли четырехмесячным), д. Сахаль (здесь пошел в 1-й класс), п. Песчаное (учился во втором). В 1957 году маму возвращают в школу поселка Высокий Мыс учителем русского языка и литературного чтения. Скитания по школам прекратились, работала она здесь до 1974 года, после вышла на пенсию.

Вот в том, теперь уже далеко, 1957 году у своих одноклассников Дины Переваловой и Вити Новикова (их мамы — родные сестры и обе работали учителями) я увидел на стене портрет бравого солдата с наградой на груди. Награда для меня тогдашнего выглядела очень необычно: подвеска не круглая, а в форме креста — возможно, поэтому та фотография и сохранилась в моей памяти. Время от времени она вспоминалась, но, видимо, я еще не был готов к более глубокому осмыслению всех событий, проис-

шедших с нашими односельчанами и в нашей стране. В конце концов, настал момент, когда солдат с фотографии и его георгиевский крест стали для меня задачей, которую я непременно должен был решить.

Позвонил Диане Николаевне, внучке бравого солдата, и поведала она семейную историю. Жили два брата, младший Николай Дмитриевич (ее дедушка) и старший Тимофей Дмитриевич Переваловы родом из села Демьянского Тобольской губернии. Оба — участники Первой мировой войны. Николай вернулся с войны георгиевским кавалером. После была Гражданская война, братья вновь оказались на фронте, только теперь уже по разным сторонам, как часто тогда случалось: не по убеждению и доброй воле, а кто раньше пришел — тот и мобилизовал. Николай оказался на стороне красных, а старший, Тимофей, — у белых. Не только в сказках так бывает, в жизни тоже случается. Встретились братья лицом к лицу на поле боя, и увел младший старшего за собой.

Война закончилась, вернулись домой братья живы и здоровы, жить бы им счастливо дальше, но тут еще беда подоспела — коллективизация с раскулачиванием. Попал под раскулачивание старший брат, пять лошадей у него оказалось. Сослали Тимофея Дмитриевича Перевалова в Сургутский район. Жена и сын его к тому моменту умерли. Младший не смог отпустить старшего одного в неизвестность, собрал семью и поехал с братом. Власть решила: раз так, то и ему не дадим взять в дорогу ничего. Все хозяйство и имущество отобрали. Везли Переваловых в Банное, но около Сытомино приключились у жены Николая Дмитриевича роды, пятый ребеночек в семье народился. Высадили их в Заряме. Уже после семья перебралась на Высокий Мыс.

Тимофею судьба мало жизни отвела. Две войны прошел — жив остался, а в 1934 году забрала его наша суровая кормилица Обь. Николай Дмитриевич умер в 1954 году в возрасте 64 года. Похоронили на кладбище Высокого Мыса без почестей, положенных георгиевскому кавалеру.

Выслушал историю двух братьев, понял, что теперь нужно искать дальше, когда и за что награжден был наш солдат, герой Первой мировой войны. Отправил своим товарищам данные Николая Дмитриевича и через некоторое время получил ответ: «Сапер 22-го саперного батальона Перевалов Николай Дмитриевич с 22 по 25 августа 1916 года у д. Тоустобабы на участке 9-го Финского стрелкового полка под сильным артиллерийским и ружейным огнем противника работал по установке искусственных препятствий впереди главной линии окопов. За проявленный героизм при выполнении поставленной задачи награжден Георгиевским крестом 4 степени № 831317 (П. 22 АК № 293-1916)».

Так уж у нас в жизни случилось, что родители и деды старались не рассказывать нам о делах и преданиях семейных. Знание могло навредить, время в стране такое было. Незнание истории семьи и рода своего не вина, а беда наша. Участников Великой Отечественной мы, слава Богу, помним и чтим, а где же солдаты Первой мировой войны? Ведь войны ее, а это наши деды и прадеды, в той войне проявляли чудеса героизма и мужества. Так давайте хотя бы сейчас, в канун столетия начала Первой мировой войны, вспомним наших земляков, участников тех событий. Отдадим им, незаслуженно забытым, долг памяти и уважения.

Память людскую восстановить нужно, чтобы дети и внуки наши знали и помнили историю места, где живут, знали, кто они и откуда пошли. Осваивали и обустроивали наш край мужественные люди и среди них был участник Гражданской войны, герой Первой мировой войны георгиевский кавалер Николай Дмитриевич Перевалов, навечно оставшийся на Высоком Мысу.

«Занавесочка»

Как известно, песенная традиция отражает быт народа, его культуру и род занятий. В истории Сургутского края до 1930-х годов земледелия в широком понимании этого слова не существовало, поэтому песни аграрно-земледельческого цикла здесь либо отсутствовали, либо, потеряв свое первоначальное значение, использовались в народных развлечениях. Пелись бытовые песни лирического содержания, баллады, свадебные песни, тюремные, солдатские, городские лирические. Бытовали игровые песни, плясовые, припевки, частушки. А вот хороводы отсутствовали. Так, в 1880-х гг. отбывавший ссылку в Сургуте Иван Иоакимович Неклепаев писал: «Что касается хороводов, то можно думать, что они здесь вывелись в силу чисто климатических условий, так как хороводы обыкновенно водят на Красной Горке, весной, а здесь в это время, какая бы ни была поздняя Пасха, лежат еще глубокие саженные снега и стоят нередко морозы, достигающие до – 30 градусов. Эти климатические причины и заставили, вероятно, сургутян перенести хороводные игры и песни с улицы в дома, на вечерку».

Среди собирателей фольклора иногда бытует мнение, что в Сургутском крае не сохранилось носителей местной традиции. Предположение верно лишь отчасти. Возникают трудности в выявлении мужской традиции, пос-

кольку много сургутян погибло в восстании 1921 года, на фронтах Великой Отечественной войны, да и репрессии 1937 года не прошли мимо Сургута. Кроме того, в 60–70-х годах XX века в связи с освоением нефтяного края численность населения района увеличилась в десятки раз. Из-за этого коренное население как бы растворилось в общей массе, в связи с чем просто трудно отыскать людей, знающих местную традицию.

В песенной традиции сургутян стоит особо отметить песню «Занавесочка». Невозможно сейчас сказать точно, когда запели в Сургуте знаменитую для коренных сургутян песню, ставшую для многих поколений «гимном». В любой компании, на любом мероприятии, если дело доходило до песнопений, «Занавесочку» пели всегда.

В 60-х годах прошлого столетия я пытался выяснить историю «Занавесочки» у своей бабушки Марии Федоровны Калашниковой, 1903 года рождения. Бабушка была изумительным рассказчиком и певуньей, так вот она мне сказала, что в свое время тоже пыталась узнать историю песни, и ей все говорили, что эту песню поют здесь во все века.

Спрашивал историю песни у Марии Ильиничны Логиновой, 1906 года рождения (фамилия в девичестве — Федулова), место рождения — деревня Пилюгино Сургутского уезда. В Сургут она переехала сразу же после 1945 года. Ответ был таким же.

Очень любили петь «Занавесочку» брат и сестра Балуевы Василий Ефимович и Евдокия Ефимовна, тоже родившиеся в деревне Пилюгино в 1912 году (были близнецы). Причем, в тундринском и пилюгинском вариантах напевы были одинаковыми. У меня была возможность сравнить варианты, так как в первом случае её пел мой отец А. И. Федулов, а во втором мой тесть В. Е. Балуев.

Тогда мне казалось странным, что эту песню поют в Сургуте, в Тундрино, в Пилюгино, на Белом Яру, но я никогда не слышал её в Сахале, Песчаном, на Высоком Мысу. Жители этих поселков её просто не знали. Это уже потом, по прошествии времени, пришло понимание, что «Занавесочку» знали и пели потомки первых поселенцев-сургутян, а в поселках же, построенных в 1930-х годах людьми, привезенными сюда поневоле, пели песни, привезённые из родных мест.

В 1990-х годах мой сын В.А. Федулов, учась в Московском государственном университете культуры, готовил квалификационную работу по песенной традиции нашего края. Собирая песни старого Сургута, он так же, как когда-то в свое время и я, задавал вопрос коренным сургутянам, знает ли кто-нибудь из них, когда здесь запели «Занавесочку». И всегда получал один и тот же ответ, что поют её в Сургуте уже не одну сотню лет.

Один из вариантов «Занавесочки», тундринский, напела Шевцова Нина Васильевна, музыкант по профессии. Она исполнила песню так, как пели её родители Балины Василий Евдокимович и Акилина Филипповна (1909 и 1905 годов рождения), жители села Тундрино. Мой отец, Алексей Иванович, родившийся в этом же селе в 1924 году, пел «Занавесочку» точно так же. Он был великолепным музыкантом-самоучкой, мог играть на любом инструменте, попадавшем ему в руки, имел очень красивый голос и прекрасно пел. Песня пришла к нему от родителей, тоже урожденных тундринцев (годы их рождения: Иван Григорьевич — 1895, Евдокия Евдокимовна — 1899).

Когда «Занавесочку» записывали от сургутянки Медведевой Тамары Петровны из рода Баталиных, мы нарушили «чистоту эксперимента» и дали ей книгу со стихами Якова Полонского, попросив спеть песню полностью по его тексту. Она попыталась, но в конце концов, запутавшись в словах подсунутого ей стихотворения, со словами «Да подь ты к чомору, я таких слов-то никогда и не слышала», оттолкнула книгу.

Автором слов «Занавесочки» считается Я. П. Полонский, стихотворение под названием «Затворница» написано им в Тифлисе в 1846 году. Однако возникает масса вопросов о создании песни: когда слова стихотворения были положены на музыку, кто автор музыки, когда её впервые запели сургутяне, почему в Сургуте запели именно её? Ведь основная масса жителей старого Сургута — казаки, а у казаков, ни для кого не секрет, — богатейшие песенные традиции. И вдруг городской романс становится гимном в казачьем поселении. Бытует даже легенда, что песня говорит о любви сургутского казака к ссыльной полячке. Невозможно точно сказать, пришла ли песня в город со ссыльными, привезли ли её из очередного похода служилые люди, либо всё же она создана в Сургуте.

Ни в коей мере не хочу оспаривать авторства Я. П. Полонского, но невольно задаюсь вопросом: «А так ли всё было?». Ведь память людская сохраняет многое, а тут прошло каких-то пятьдесят лет от начала написания стихов Полонским до рождения коренных сургутян, с которыми мы говорили об истории песни, а если сюда прибавить время от создания стихотворения до написания музыки, да время пока песня пришла к нам, то остается всего лет тридцать, а из памяти сургутян вдруг напрочь ушла история создания или появления здесь «Занавесочки», хотя в Сургуте её поют все. Но, самое-то главное, забылась история не просто песни, а песни, ставшей чуть ли не гимном коренных сургутян. Могло ли такое произойти?

Почему берется за основу версия о написании «Затворницы»-«Занавесочки» на Кавказе в 1846 году и только после этого появлении её в Сургуте либо со ссыльными, либо со служилыми людьми и даже не отвергается, а просто не берётся во внимание другой путь её создания? А может быть, это Я. П. Полонский услышал песню, которую пели, тоскуя по родным местам и своим любимым, сургутские служилые люди, нёсшие службу на Кавказе, и песня, имевшая, как в таких случаях говорят, слова народные, очень ему понравилась, и он просто взял да и доработал стихи? Ведь в Сургуте имеют место быть несколько вариантов напева песни, но ни в одном из них песня не заканчивается словами Полонского, что является немаловажным подтверждением предложенной версии. Получается, что в Сургуте просто не знали дописанного Полонским окончания стихотворения, что подтверждается, к примеру, словами Т. П. Медведевой. А если всё так, то тогда сразу же становится понятным, почему коренные сургутяне не помнят, когда «Занавесочка» впервые была спета в Сургуте. Становится объяснимым и утверждение коренных сургутян, что поют они песню, ставшую нашим «гимном», не одну сотню лет. Ведь изначально слова к ней здесь считались народными. Однажды в сургутской газете «К победе коммунизма» в 1970-х годах была опубликована статья о «Занавесочке», где так и написали: слова и музыка этой песни — народные.

Сейчас многие сургутяне, приехавшие в город сравнительно недавно, с момента начала освоения нефтегазового комплекса севера Западной Сибири, поют «Занавесочку» по стихам Якова Полонского. В этой же статье рассматривается только её исполнение коренными сургутянами — потомками первопоселенцев города. Они поют «сургутский гимн» так, как пели их предки, как восприняли её от родителей, дедов, прадедов...

Уважаемые литераторы, исследователи, этнографы и фольклористы, давайте будем спорить и искать истину.

*Алексей Федулов,
научный сотрудник
Сургутского краеведческого музея*

Постскрипtum

«Тропинки к дому». Недосказанное

Работа краеведа, наверное, никогда не бывает абсолютно законченной, остается много волнующих вопросов, не нашедших своевременно ответов, не доводятся до конца сюжетные линии. Поэтому-то и прижилась в «Подорожнике» рубрика «Постскрипtum», в которой мы продолжаем затронутые в предшествующих выпусках темы.

В настоящей подборке развиваются некоторые из тем изданной в прошлом году книги «Тропинки к дому»¹.

Павел Федорович Тележкин

Краткая биографическая справка о нем дана в книге на стр. 296-297. Но не прошло и месяца после передачи рукописи издательству, как в Государственном архиве Тюменской области в фонде Обь-Тазовского облрыбтреста (Областьрыбы) было найдено обширное дело Тележкина на 42 листах (ф. 1818, оп. 2, д. 1485), гораздо более полно раскрывающее личность одного из авторитетнейших граждан Обдорска на протяжении более трех десятилетий. Уже сам объем его указывает на то, что П. Ф. Тележкин играл одну из ключевых ролей в управлении этим крупным советским трестом.

Для начала приводим «Автобиографию», написанную 29 мая 1926 года.

«Павел Федорович Тележкин родился в 1862 году, 1-го ноября. Крестьянин Вологодской губернии, Велико-Устюжского уезда, Нестеферовской волости, деревни Полутова.

Родители и родственники мои крестьяне, занимались хлебопашеством и другими крестьянскими работами.

Обучался первоначально в начальном при церкви училище, а затем в г. В. Устюге, в частном пансионе А. А. Цивилева, дополнял самообразование чтением книг русских классических писателей того времени, без вся-

¹ Белобородов В. К. Тропинки к дому. Русские Березовского края в конце XVIII — начале XX вв.: краеведческие заметки о былом и насущном. — Тюмень: Титул, 2013.

кой системы и руководства, а какие находились в той местности, где жил, и какие попадали. О политической литературе не имел никакого понятия, и она к нам не попадала.

На службу поступил в 1875 г. в г. Вел.-Устюге в Торговую фирму П. М. Жилина, занимавшегося обработкой сибирской щетины, где прослужил 6 лет, т.е. до 1882 г. Затем, по рекомендации этой фирмы, перевелся на службу в Сибирь в 1882 г. в известную в Сибири фирму Торгового Дома братьев Колмаковых в г. Ялutorовске Тоб. губернии, где и работал в конторе по рыбному, жировому и сырьевому-пушному делу до 1884 года. По рекомендации этой фирмы перешел на службу в фирму Пароходства и Торговли И. Н. Корнилова в г. Тобольске, в которой и прослужил с 1884 по 1916 год, т.е. 32 года. Первоначально работал в конторе по рыбному и пушному делу и специализировался на арендованных фирмой пригородных рыбных промыслах и в 1888 году был командирован в Обдорск на самостоятельную и ответственную должность — заведывающим рыбными и пушными промыслами этой фирмы — и прожил в Обдорске до 1919 года. Состоя на службе в фирме Корнилова, я в то же время с 1889 г. по 1919 год был избираем в разные общественные службы по выбору общества крестьян и инородцев, например, в должности попечителя Обдорской инородческой больницы прослужил 30 лет, а также и в других разных должностях — попечителя училищ инородческих, приюта, пансиона.

С начала февральской революции служил в Торгово-Промышленном союзе в Обдорске, по заготовкам продовольствия и реализации рыбы и пушнины, и в 1919 году был командирован в г. Омск для сдачи рыбы Губпродкому и сдачу окончил в апреле 1920 г., где уполномоченный Главрыбы т. Пивоваров, ознакомившись с нашими рыбными промыслами при сдаче в г. Омске рыбы, пригласил меня на службу в г. Тобольск в качестве консультанта в Областьрыбу, где я и служил с 1-го июня 1920 года по настоящее время, т.е. уже 6 лет. В настоящее время занимаю должность заведывающего эксплуатационным отделом.

На военной службе не состоял и в старой армии не служил. Безпартийный и никогда ни в какой партии не состоял, под судом не был и аресту не подвергался.

Служил все время по рыбному и пушному делу на Тобольском Севере, изучил его и знаю хорошо и желание мое в будущем продолжать на службе таковое, как мне хорошо знакомое.

О службе в торговых фирмах имеются у меня соответствующие аттестаты».

Как заметил читатель, этот вологодский крестьянин-самородок уже в 13 лет поступил на службу в торговую фирму и, имея лишь начальное образование, учился всему самостоятельно — на практике по месту работы и дома за чтением книг.

В деле есть два документа, позволяющих судить о деловых качествах П. Ф. Тележкина — «спеца», как называли в первые советские годы служащих непролетарского происхождения.

8 августа 1922 г. в заявлении на имя заместителя начальника Областьрыбы М. А. Забелинского он отказался от назначения на должность заведующего промыслово-эксплуатационным отделом. На север, в район рыбных промыслов, уезжали руководитель отдела Т. И. Миронов и Л. Н. Ямзин, на последнем лежала вся канцелярская работа и сверх того — заведование пушным подотделом. Тележкин считал, что в условиях предстоящих трудностей он должен оставаться в своей должности заведующего отделом промыслов до конца рыбацкого сезона.

Зная о настороженности и подозрительности советских управленцев к специалистам старой выучки, он тем не менее принял такое решение.

По тексту следующего заявления, написанного через месяц, 9 сентября, видно, что Тележкину все же пришлось принять на себя руководство эксплуатационным отделом, но теперь ему уже предлагали временное исполнение должности заместителя начальника Областьрыбы. Он опять отказался, обосновав свое решение тем, что на отделе держится вся деятельность Областьрыбы, а он и без того ослаблен недавним сокращением штатов. И в ближайшие недели сотрудников ждет интенсивная работа подготовки к приходу с севера каравана судов, учет поступающей рыбы, завоз материалов и продовольствия на север, распределение материалов между артелями на рыболовных песках, предварительные расчеты с артелями и контрагентами и отправка судов с рыбой в Тюмень. Без него, Тележкина, отдел всего этого в полном объеме выполнить не сможет. Стало быть, карьера его не интересовала, он руководствовался интересами дела.

Начальство уважило просьбу П. Ф. Тележкина. В тресте он служил еще несколько лет, последний документ дела датирован 1928 годом. Никогда не принадлежавший, по его словам, ни к какой политической партии, он просто добросовестно и честно делал свою работу, знакомую ему до мельчайших подробностей.

Некоторые дополнительные биографические сведения дает анкета, заполненная П. Ф. Тележкиным по требованию Тобольской чрезвычайной комиссии (ЧК) 25 апреля 1921 г. В частности, она уточняет, что с 1888 г.,

в течение 30 лет, Павел Федорович избирался попечителем Обдорской инородческой больницы и нес эту службу бесплатно. Выборной была и его служба с начала 1917 г. по заготовке и снабжению Севера продуктами питания.

Анкета стала для нас, за неимением доступа к церковным метрическим книгам, первым источником сведений о составе семьи П. Ф. Тележкина. В 1921 г. он был уже вдовцом и имел 30-летнего сына Василия, с 1915 г. находившегося на военной службе в чине прапорщика, 28-летнюю дочь Ираиду, выпускницу Московских высших женских курсов, служившую в Симферопольском наробразе, дочь Людмилу, жившую в Екатеринбурге, и сына Михаила — работника речного флота в Обдорске.

Росляковы

Одной из особенностей Обдорска было то, что значительную часть его русского населения составляли выходцы из Тобольска, привлеченные на Крайний Север его рыбными и пушными богатствами. По несколько десятков лет они жили здесь оседло, сохраняя статус тобольских мещан. Среди них одной из наиболее заметных и влиятельных в XIX веке была семья Росляковых, поселившаяся в Обдорске еще в начале века.

В церковном документе 1832 г. значится, что тобольский мещанин Николай Росляков и жена его Гликерия Федоровна были восприемниками самоедской девочки, т.е. засвидетельствовали ее рождение и крещение. В 1855 г. к приходу Обдорской Петропавловской церкви принадлежали 67-летний Николай Петрович Росляков, его жена Лукерья Федоровна, их дети Павел, Федор, Евдокия, жена Павла Мария Дмитриевна и их малолетние дети Лидия и Александра². Исповедной росписью этой же церкви за 1882 г. подтверждается проживание в селе 62-летнего Павла Николаевича с женой Марией Гавриловной и детьми Иваном (13 лет), Евдокией (21), Анной (17) и Еленой (2).

Павел Николаевич был, по-видимому, довольно состоятельным человеком и выделялся среди односельчан культурной развитостью и независимостью суждений. В 1870-е гг. он избирался церковным старостой. В 1868 г. был участником проверки правильности остяцко-самоедско-русского словаря, составленного священником Петром Поповым, и высказал

² Церкви Обдорска: летопись в документах. — Тюмень, 2007. — Вып. II. — Ч. 1. — С. 186-187).

довольно категоричное особое мнение, в связи с чем священник Александр Тверитин в рапорте архиепископу Варлааму раздраженно заметил по поводу его инакомыслия: «... тобольский мещанин Павел Росляков такая личность в Обдорске, которая заправляет умами многих здешних русских жителей, не говоря уже об инородцах...»³.

Многое в пользу П. Н. Рослякова говорит то, что, живя на таком громадном расстоянии от Тобольска, не говоря уже о других культурных центрах, он как-то сумел дать детям образование. Его дочь Анна стала сельской учительницей. Активным участником культурной жизни Обдорска стал сын Павла Николаевича Иван (род. около 1869 г.).

Знавший, как и отец, остяцкий язык, он перевел на него «Священное писание», совместно с политическим ссыльным В. В. Бартевым написал работу «Обдорское наречие остяцкого языка», положительно оцененную в «Известиях Петербургской Академии наук» (1896 г.). Иван Павлович сотрудничал с тобольской частной газетой «Сибирский листок», в 1894 г. он опубликовал в ней в четырех номерах (с 37-го по 40-й) статью «Обдорская миссия и ее деятели». «Правдивость его выше всякого подозрения», — так оценивал Рослякова как автора Бартев.

Известна также его работа об остяцком кладбище, опубликованная в «Ежегоднике Тобольского губернского музея». Описанное им кладбище находилось близ рыбопромыслового стана Халас-пугор, принадлежавшего его отцу. В переводе с хантыйского Халас-пугор означает «Кладбищенский остров». Посетивший в 1880 г. это селение итальянский путешественник Стефан Соммье писал: «Недалеко от чумов я увидел кладбище, похожее на прежде встреченные, но с большим количеством могил <...> Русский обитатель этой стоянки, Павел Николаевич Росляков, очень тепло принял меня и попросил уважать память могил, поскольку в любом осквернении туземцы обвинят именно его. Финш, собравший здесь коллекцию черепов, не смог зафиксировать их остяцкую или самоедскую принадлежность. Однако Росляков убедил меня, что здесь похоронены только остяки»⁴. По мнению доктора исторических наук Л. П. Роцевской, семья Росляковых испытала на себе сильное влияние обдорских ссыльных. Сестра Ивана Павловича Анна вышла замуж за ссыльного И. А. Гервасия. Иван Павлович был в близких отношениях с находившимся в Обдорске под гласным надзором полиции духовником П. В. Веригиным, служил посредником в его

³ Из истории Обдорской миссии: источники / сост., вступ. ст., коммент. В.Я. Темплинга. — Тюмень: Мандр и Ка, 2004. С. 38

⁴ Соммье С. Лето в Сибири. — Томск, 2012. — С. 432.

переписке, написал о нем воспоминания. В изданной недавно книге документов о Веригине говорится, что И. П. Росляков жил в Обдорске до декабря 1895 г., после чего уехал для продолжения образования в Москву⁵. По словам Л. П. Рошевской, Росляков примкнул к эсерам и был сослан в Енисейскую губернию.

Встречено нами и еще одно любопытное свидетельство, имеющее отношение к обдорской семье Росляковых. Писатель В. Тоболяков, родной брат крупного исследователя природы Обь-Иртышского Севера Б. Н. Городкова, встретил носителя этой фамилии в северной енисейской фактории Дерябино и вот как описал его.

«В одном из чумов жил Антон Павлович Росляков — будущий наш переводчик. Около чума Рослякова бродил всего десяток оленей. Это сразу определяло социальное положение хозяина. Росляков вышел из чума, в его малице на груди был воткнут значок с изображением Ленина.

— Здравствуйте! — приветствовал нас Росляков на чистейшем русском языке. — Я Антон Павлыч Росляков.

— Хомо сапиенс, — добавил он по-латыни.

Было неожиданным слышать латинские слова в Гыданской тундре из уст этого одутливого старика-самоеда. Росляков между тем пылливо выискивал глазами завхоза, который летом нанимал его. Но тогда завхоз был в русской одежде, а сейчас одет в малицу, как и все мы.

Антон Павлович Росляков — самоед из рода Окатетта — родился под Обдорском в середине 60-х годов прошлого столетия. Отец у него рано умер, и Антон жил с матерью — работницей обдорского заседателя Рослякова. Мальчишка нравился старику-заседателю, он привык к нему и отдал Антона в Обдорскую миссионерскую школу, а затем отправился на 1500 километров южнее — в Тобольское духовное училище. Росляков учился в бурсе плохо и больше всяких богословий любил выпить, а выпив, потанцевать. Вскоре Рослякову за «хорошее» поведение и отличные «успехи» пришлось покинуть мрачные каменные стены бурсы. Но он не унывал и пристроился приказчиком и переводчиком у купца Корнилова. Ловкий, веселый Росляков пришелся по нраву своим хозяевам и, пожалуй, смог бы вместо неудавшейся карьеры попа сделать себе карьеру торговца.

Но здесь случилось одно происшествие, заставившее разбитного приказчика Антона Рослякова бежать от родных обских берегов и перекочевать на Енисей.

⁵ П. В. Веригин в обдорской ссылке. Документы. — Тюмень, 2010. — С. 67-69, 71, 78, 79, 84.

Судно с грузом спирта, направлявшееся морским путем в Англию, разбилось у берегов Обской губы. Весенний лед разбросал спиртовые коричневые дубовые бочки по отмелым берегам губы. Самоеды находили бочки, принимались к ним и, полагая, что это нум (бог) прислал им столько огненной влаги, с легким сердцем жадными губами без меры пили этот спирт. Массовое пьянство иногда заканчивалось смертью, и посиневшие, словно утопленники, трупы опившихся самоедов лежали в своих досчатых гробах на холмах побережья Обской губы.

Власти приказали прекратить пьянство и уничтожить спирт, и самоедский отряд отправился под командой оборотистого корниловского приказчика Антона Рослякова. Но Антон, ставший уже Антоном Павловичем, не столько уничтожал спирт, сколько просто продавал его самоедам. Это дошло до властей, и Рослякову, если он не хотел познакомиться с сырыми казематами тобольской тюрьмы, надо было бежать. Так он и сделал, поселившись здесь на Енисее, подальше от тобольских властей. Он жил около фактории, промышлял, служил переводчиком. Здесь он нашел свою старость, и только отрывки латинского языка, видимо, накрепко вбитого суровыми бурсацкими учителями, неожиданно выдают в нем иного человека, глаза которого видели не только бескрайние дали Гыданской тундры.

Спрошенный нами через год бывший обдорский исправник, старик Л. Н. Ямзин, так отозвался о Рослякове:

— Антошка? .. Знаю! Знаю! Он мало что тем спиртом торговал, он еще в пьяном виде кого-то тогда ножом пырнул⁶.

Затерянные острова

Поводом для этой заметки стало перенаправленное нам тюменским историком и автором «Подорожника» Н. А. Лискевич письмо к ней Натальи Павловны Рашдауи, которая искала, пока без заметного успеха, следы пребывания на Тобольском Севере своего прадеда Сергея Дмитриевича Горчакова, сосланного в 1918 году и умершего от тифа в 1927-м.

Речь идет не о заурядном преступнике, а о широко известном российском государственном деятеле. Князь С. Д. Горчаков принадлежал к старинному роду, ведущему свое летоисчисление от легендарного Рюрика. Окончив в 1885 г. юридический факультет Московского университета, он

⁶ Тоболяков В. К верховьям исчезнувшей реки. — М.: Работник просвещения, 1930. — С. 44-45.

поступил на службу и сделал блестящую карьеру: с 1898 по 1906 гг. занимал должности архангельского, олонецкого и херсонского вице-губернаторов, в 1906-1909 гг. был вятским, а в 1909-1915 — калужским губернатором.

Представители этого рода в разное время были видными сибирскими администраторами: стольник князь Василий Андреевич Горчаков в 1640-е гг. служил воеводой в Таре, а князь Петр Дмитриевич Горчаков с 1836 по 1849 г. управлял из Омска в должности генерал-губернатора всей Западной Сибири и одновременно командовал Отдельным Сибирским корпусом. А Сергея Дмитриевича победивший большевизм отправил в Сибирь уже не в качестве образованного и опытного администратора, а бесправным изгнанником. Кадровые работники новой власти далеко не все умели грамотно составить документ, но человек с университетским дипломом этой власти не пригодился. Вряд ли теперь на территории Мужевского сельсовета бывшего Обдорского района найдется человек, способный хоть что-нибудь сообщить о С. Д. Горчакове. И в тобольских, и тюменских газетах 1920-х годов, скорее всего, бесполезно искать упоминания о нем.

Да разве один только С. Д. Горчаков затерялся почти без следа в послереволюционном социуме Западной Сибири. Все 20-е и 30-е годы были временем ссылки, и среди них наверняка было немало высокообразованных и одаренных людей.

В дореволюционной России ссыльные революционеры хотя и находились под надзором полиции, но имели возможность вести научные исследования, участвовать в общественной жизни, заниматься просветительством, литературной деятельностью и даже писать в местные газеты. Их человеческий потенциал находил применение и в изгнании, и имена многих остались в сибирской истории. Уделом же изгнанников советского времени была почти полная их изоляция от местного общества. Они стали затерянными островами. И лишь в последнее 25-летие мы одного за другим с горечью и недоумением открываем для себя достойных, незаслуженно забытых людей. Бесчеловечное забвение продлевается, и этот медленный процесс с годами набирает силу.

Публикуемые ниже два текста — «Мои дед Ефим и дядя Анатолий Оболтины» Т. В. Старчак и «Сибирский корень» Е. Г. Веденяпиной, появившиеся в портфеле «Подорожника» неожиданно, по воле случая — прямое свидетельство включенности людей в процесс познания подлинной истории своих семей, своих селений и своего народа.

А тех, кто располагает какими-либо сведениями о Сергее Дмитриевиче Горчакове, просим сообщить их краеведческому отделу Государственной библиотеки Югры.

Родное

Мои дед Ефим и дядя Анатолий Оболтины

До 2007 года, когда мы с дочерью Евгенией вплотную начали заниматься историей нашей семьи, я знала очень мало, просто ничтожно мало о семье моей мамы. Да и о семье отца — не намного больше. Знания были очень отрывочные, просто какие-то обрывки историй, клочки семейных преданий — не более того. Дядя Анатолий, мамин родной брат, рассказывал моему старшему брату Леониду, что о нашей семье есть сведения в историческом музее города Тобольска. Я раньше воспринимала это буквально, а теперь понимаю, что речь шла о роде казаков Оболтиных, пришедших в Сибирь с Ермаком.

Мы с дочерью серьезно занялись своей родословной и решили начать с тобольского архива. Те сведения о семье, что мы послали в своем первом запросе в архив, я храню в знак того, как мало мы знали в начале этого кропотливого пути. В июле 2007 года мы получили ответ, и это было первое «сотрясение основ»! После осмысления новых знаний, я поняла, что к преданиям, как к сказкам, нужно относиться бережно, но все-таки критически! А тем более в нашем случае, когда воспоминания, которыми делились со своими детьми мама и тетки, были какие-то отрывочные. Мама и ее сестры пережили такие потрясения, что всю жизнь таились даже от своих детей! Сейчас-то я понимаю: старшие просто берегли нас, боялись за нас!

В тобольском архиве нашли метрическую запись о бракосочетании дедушки Оболтина Ефима Петровича и бабушки Тимофеевой Марии Митрофановны. Они венчались 25 августа 1904 года в Тобольской Михаило-Архангельской церкви. А еще прислали ксерокопию переписного листа Первой Всеобщей Переписи населения Российской Империи 1897 года на семью Тимофеева Митрофана Васильевича (мой прадед) по городу Тобольску.

Все, буквально все, было потрясением! Мы с дочкой поняли, каким серьезным делом занялись! Теперь даже и не знаю, смогли бы мы хоть что-то узнать, если бы не интернет! Но в 2007 году я еще работала, дома у меня не было компьютера и, соответственно, интернета. А дочка со своей семьей всего второй год как переехала в Омск из Северного Казахстана, и у них шел непростой процесс становления на новом месте в России.

А пока мы пытались освоиться с новыми знаниями о семье. Присланные ксерокопии изучали с лупой, потому что переписные листы были написаны... О, Боже! Вот только сейчас, когда пишу эти строки, обратила внимание на то, что первый заглавный лист был написан одним почерком, видимо переписчиком, а внутренняя часть, где записаны члены семьи и все сведения о них, — другим! Почерк немного детский, старательно сделаны переносы в написании имен, и, скорее всего, это писала моя бабушка Мария Митрофановна! Во время переписи ей было 15 лет, и училась она в то время в Тобольской Мариинской женской школе. Прадедушка Тимофеев Митрофан Васильевич, которому было всего 42 года, был в то время уже вдовцом. В интернете мы нашли «Адрес-календарь лиц, состоящих на государственной и общественной службе в г. Тобольске за 1900 год», и там указано, что в составе уездного полицейского управления служил столоничальником Тимофеев Митрофан Васильевич, коллежский асессор.

Метрическая запись о бракосочетании от 25 августа 1904 года принесла тоже много открытий. Дедушка Ефим Петрович Оболтин, сын чиновника, в то время был учителем Мало-Атлымского сельского начального училища Березовского уезда, а его невеста Мария Митрофановна Тимофеева, дочь чиновника, — учительницей Мальковского сельского училища Тюменского уезда. Поручителями от жениха были канцелярский служитель Елисей Алексеевич Пермьяков и учитель Тобольской гимназии губернский секретарь Иван Николаевич Лебединский. А поручителями от невесты — надворный советник Иван Васильевич Тимофеев и сын чиновника Александр Митрофанович Тимофеев. Получается, что поручителями невесты были дядя и младший брат бабушки! Александру в то время было лет 14-15.

И вот летом 2009 года я, наконец-то, оставила работу и села за домашний компьютер. Мой старший внук Артем купил бабушке и дедушке ноутбук и все, что нужно к нему. И вот я, наконец, «выхожу в интернет»! Набираю слово **ОБОЛТИН** и нахожу «Список жертв политических репрессий», а там всего три человека с этой фамилией, и два из них — мои близкие родные: дядя Анатолий Ефимович и дед Ефим Петрович! Что я пережила, прочитав про деда («ВМН» — высшая мера наказания!), не поддается пересказу.

О том, что дядя Толя сидел в тюрьме, я знала, а вот о дедушке не знала ничего! Да и мама, и тетки, и дядя Толя, как я теперь понимаю, тоже не знали правду. Получается, что я узнала ее первой, через 72 года!

Третьим в «Списках жертв репрессий», кроме моих деда и дяди, был Оболтин Василий Васильевич, расстрелян и похоронен в Омске. Мы с до-

черью Евгенией встретились с правнучкой Василия Васильевича Ярославой. Проговорили часа два, она тоже мало что знает о своем прадедушке, но у нее есть его фотография. На фотографии Василий Васильевич и мой дядя Анатолий Ефимович очень-очень похожи!

Очень жалею теперь, что не вела дневник с начала наших поисков. Столько событий, столько встреч с интересными, отзывчивыми людьми! А сейчас знания о семье просто переполняют меня. Порой они поступали по крохам, а иногда обрушивались лавиной!

В начале 2010 года в интернете нашлась информация из Ханты-Мансийска, и тут открылась следующая страница моих поисков, где я встретила с добрыми и неравнодушными людьми и вступила в переписку с ними. Вот что в итоге я узнала.

Дедушка Ефим и бабушка Мария

Дедушка Ефим родился в г. Березове Тобольской губернии в семье уездного чиновника Оболтина Петра Федоровича и его жены Парасковьи Андриановны (урожденной Серебрянниковой) в 1878 году 15 октября. Дедушке было, наверное, лет 12-13, когда скоропостижно скончался его отец, оставив семью из 11 человек без средств к существованию. Вот тут и пришлось добывать кусок хлеба своими трудами. А учиться очень хотелось! Он окончил уездное училище в г. Березове и в 1898 году выдержал экзамен на звание учителя начальных училищ. Дедушка поступил учителем в Мало-Атлымское сельское начальное училище с 30 июля 1898 года, где и прослужил 7 лет, вплоть до венчания.

Я не знаю, когда дедушка решил стать священником, что повлияло на его такое важное решение, но то, что смыслом всей его жизни было служение России и людям, не вызывает у меня никакого сомнения. Родной брат деда Оболтин Лев Петрович, обдорский пристав, был близко знаком с православным миссионером-просветителем отцом Иринархом (Иван Семенович Шемановский), помогал тому в организации экспедиции на полуостров Ямал в 1908 году. В своих письмах, подлинники которых хранятся в архиве Русского Географического общества в Санкт-Петербурге, И. С. Шемановский отзывался о Льве Петровиче, как об очень милом и симпатичном человеке. Думаю, что старший брат всегда был примером для моего дедушки, поддержкой и опорой. И когда у дедушки с бабушкой родился первенец сын Анатолий, то Лев Петрович стал его крестным отцом.

Бабушка Мария родилась в 1882 году 26 января. Во время переписи 1897 г. бабушка училась в Тобольской Мариинской женской школе. Закончив гимназию, она «пошла в народ» — стала учительницей Мальковского сельского училища Тюменского уезда и работала вплоть до замужества.

8 сентября 1904 года дедушка был рукоположен в сан священника и определен на службу в Михайло-Архангельскую церковь в с. Мужы (ныне — территория Ямало-Ненецкого округа). Служил до конца 1911 года. С 1904 по 1906 год был заведующим и преподавателем Закона Божьего в Мужевской церковно-приходской школе. Школа содержалась на общественный счет, и возьму на себя смелость предположить, что семья дедушки и бабушки не оставалась в стороне от благотворительности. В Мужах у них родились дочери Зоя (в феврале 1907 года) и Августа (в декабре 1908 года), а до этого — сын Анатолий, бабушка родила его в Березове в 1905 году.

*Восстановленный храм во имя святого Архистратига Божия Михаила
в с. Мужы*

С 19 января 1912 года до декабря 1916 года дедушка служил в селе Малый Атлым в Преображенской церкви. Очень-очень жаль, что в 2010 году церковь сгорела, она была одним из немногих сохранившихся образцов деревянного культового зодчества в Западной Сибири.

Преображенская церковь в с. Малый Атлым

В апреле 1914 года у них родилась дочь Тамара.

С 6 декабря 1916 года дедушка был переведен в церковь с. Реполово Тобольского уезда (ныне Ханты-Мансийский район), а с 1917 года — в с. Самарово в храм Покрова Пресвятой Богородицы.

Храм восстановлен в 2000 году на фундаменте разрушенного в 30-х годах здания.

В метрических книгах, которые хранятся в ЗАГСе г. Ханты-Мансийска, сохранились записи о рождении (крещении) моей мамы Веры Оболтиной 16.09.1917 г. и дяди Петра 19.06.1919 г. Не нашлось записи о рождении в

1918 году еще одной дочери — Филаниды. Эти сведения помогла получить журналистка из Ханты-Мансийска Светлана Поливанова — еще один неравнодушный человек из многих, которые встретились мне!

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Ханты-Мансийске

18 ноября 1919 года дедушка был арестован и заключен в Тобольскую тюрьму. Причиной ареста была, якобы, открытая контрреволюционная агитация против советской власти и красных войск. На допросе Евфимий Петрович показал, что по распоряжению своего духовного начальства ему приходилось с амвона оглашать приказы и воззвания против большевиков, говорить о бесчинствах, совершаемых советской властью.

В деле нашлось бабушкино прошение, привожу его полностью:

Председателю Тюменской Губернской
Чрезвычайной Комиссии

Жены заключенного священника
в Тобольской тюрьме
Марии Оболтиной

П р о ш е н и е

Вот кончается 2-й месяц, как арестован мой муж и увезен в Тобольск по злобе людей и из личной мести. Дело его, видимо, не разбирается, он находится в заключении, семья его, т.е. мы все, а нас 11 человек и без средств накануне голодной смерти. Мой муж остался, не поехал с белыми, а это одно указывает на то, что он был не против Советской власти. Одна вина разве та, что он, будучи на службе по духовному ведомству, исполняя волю начальства, исполнял послания епархиальной власти, но то было время, когда Сибирь была занята правительством Колчака. В противном случае он также бы сидел в тюрьме. Когда власть стала в Сибири Советской, его выступлений не было, за прошлое едва ли человек может отвечать, нужно ли верить всяким наговорам, а тем более теперь, когда каждый топит один другого и не отдают себе в этом отчета.

Осенью у нас во время постоя войск похитили имущество, за этим вырвали главного работника, и я теперь брошена на нищету. Дети у меня от 13 лет до 4-х месяцев.

Сообщая о вышеизложенном, прошу Вас, товарищ председатель, сделать распоряжение о разборе дела моего мужа и возвратить его к семье. Ему труд черный знаком, он прокормит семью. Это высшей степени несправедливость арестовать человека и не предъявить ему обвинения, как сделали партизаны в Самарове при аресте мужа. Я вполне надеюсь, что Вы не оставите моей просьбы без удовлетворения чисто по-человечески. В крайнем случае отдайте его на поруки или под залог, дабы он мог на свободе заработать для голодной семьи кусок хлеба. Я жду от Вас, как от представителя Советской власти, полной справедливости. Благоволите о результатах сообщить мне: с. Самарово, Оболтиной, или, [если] возможно, то заключенному моему мужу: Тобольская тюрьма, Евфимию Оболтину.

Января 1920 года

Подписуюсь Мария Митрофановна Оболтина

Постановлением коллегии Тобольского уездного ЧК от 26 мая 1920 года было вынесено решение выслать Оболтина Е. П. из пределов Тобольского уезда сроком на один год. Но, приняв во внимание предварительное заключение, бедность и семейное положение, высылку отменили, предоставив право проживания в с. Березово Дубровной волости Тобольского уезда.

Ознакомясь с архивными уголовными делами дедушки, я поняла, что коммунисты пристально следили за каждым его шагом, по малейшему поводу вызывали в Дубровинский райисполком. Уплатит налог, а ему еще сверх того накладывают! За годы жизни в с. Березово дедушка трижды подвергался уголовным преследованиям: в 1924 году по статье 103 УК был судим и подвергнут штрафу, в 1927 году привлекался по статье 58-10, дело было прекращено.

Дедушка мешал коммунистам закрыть церковь, поэтому нужно было убрать его во что бы то ни стало.

30 января 1928 года дедушку арестовали и поместили под стражу в Тобольском изоляторе. Органы ОГПУ припомнили ему все: и 1919 год, и, якобы, уклонение от уплаты налогов, и новые грехи. Советская власть окрепла к тому времени, в результате чего изменился тон обвинений. В обвинительном заключении уполномоченного секретного отделения Тобольского ОГПУ сказано, что «Оболтин Е. П. на одиннадцатом году советской власти не перестает вести гнусную антисоветскую агитацию против существующей советской власти и ВКП(б)». Он ходатайствовал перед особым совещанием при коллегии ОГПУ по Уралу о рассмотрении дела во внесудебном порядке.

Старший сын дедушки Анатолий и свекор Митрофан Васильевич Тимофеев ходатайствовали о его освобождении из-под стражи до решения дела в связи с окончанием следствия и болезненным состоянием здоровья, но из Свердловска пришел ответ: «В освобождении отказать».

В деле от 1928 года нашлась рукопись, написанная карандашом, в которой дедушка пытался что-то объяснить начальнику Тобольского ГПУ.

Начальнику Тобольского Государственного
Политического Управления

Следственно заключенного
Тобольского изолятора камера №23
гр. Ефима Петровича Оболтина

Дополнительное объяснение

На предъявленное мне обвинение агентом след. отдела ОГПУ гр. Смирновым следующее объяснение. Предписывать мне по Самарову доносительство, будто бы я этим занимался, не имеет никакого смысла. Я совершенно мало знал население

Самарова, исполняя лишь чисто религиозные отправления, никаких обид я иметь не мог потому, что не имел от них оскорблений. Что же касается бывшего председателя исполкома, то я ему обязан благодарностию за его доброту. Его я знал, как доброго старика, а остальных я даже не помню, потому прошло 8 лет. Меня арестовали в 1920 году, увезли в г. Тобольск, предъявлено было обвинение, как я припоминаю теперь, то же, что и в настоящий момент. Тобольская ВЧК меня допрашивала, меня заключили в тюрьму, по произведенному следствию через 1,5 месяца меня освободили, обязали подпиской о невыезде из Тобольска, а через 2,5 месяца мне предложено было выехать из Тобольского округа, но благодаря моему ходатайству я был оставлен на службе в с. Березовском, где я служу до настоящего времени. Если бы в 1920 году мне было предъявлено такое обвинение или, просто говоря, я был бы обвинен в тех проступках, которые предписываются теперь, то наверное я подлежал бы расстрелу. Зачем было подымать снова дело через 8 лет, просить опять меня наказывать. У жителей с. Самаровского Соскина, Кузнецова и др. торговцев должно быть была злоба, потому что у них было отобрано много товаров. Затем была образована кооперация, куда торговцы вступили, но их опять выгнали, тут могла получиться злоба, и она должна была вызвать неудовольствие. Кроме того, на квартире у одного жителя стояли отряды офицеров. И тут могло все произойти без должного поведения. Офицер Турков отличался зверством. Кроме того, кажется, по этому делу были расстреляны граждане с. Самаровского. Я не причастен к этому делу совершенно, а это одна клевета со стороны некоторых граждан через 8 лет. Почему же, арестовывая меня в 1920 г., не настаивали на расстреле. Нет, они настаивали, но благодаря гуманности членов ВЧК я не был жестоко наказан, потому что не было вины в 1920 году. В 1928 г. самаровцы бывали в Тобольске, видели меня, почему они молчали? А потому, что они знали хорошо, что я оправдан, а два раза наказывать по одному делу у Советской власти не было случая.

В отношении предложенного мне обвинения о непризнании местных распоряжений, то дело обстояло так. Меня вызывают в Березовский с/с Дубровного района, председатель с/совета предлагает мне уплатить налог последнюю четверть, которая по окладному листу должна быть уплачена к 15 марта 1928 года. Мне было показано отношение Дубровного РИКа, там было написано, что на основании распоряжения Тоб. окр. РИКа налог должен быть взыскан к 1 февраля 1928 года. Просил поменять сроки Тобольский Исполком, а не ВЧК. 23-24 января меня вызвали для объявления, я сказал, что денег нет, к 1-му февраля уплачу. Действительно, денег не было ни копейки. Я уплатил 1-го января 1928 года налога 42 рубля, продал овец специально для этой цели. Мне все-таки пришлось занять денег и уплатить последнюю четверть 28 января 1928 года — значит я не отказался уплатить до срока. Действительно, мне было бы полегче уплатить к 15 марта. Кроме того, на меня

Дубровинский райисполком наложил налога лишнего 500 рублей и, несмотря на то, что я на эту неправильность подавал в районную окружную налоговую комиссию, лично говорил прокурору, но до настоящего времени не получил ответа. Я живу в с. Березово уже 8 лет, и не было случая отказа от платежа налога, несмотря на то, что накладывали непосильный налог. Я продавал имущество, но уплачивал. Семья 10 человек терпела нужду, но я платил. Был ли за 8 лет хотя один случай непризнания советских распоряжений?

Что же касается моей проповеди в праздник Рождества — было так. Я сказал, что Россия в 1812 году переживала тяжелое положение, но благодаря сильному духу русского народа она вышла из критического положения, этот дух должен сохраниться и теперь, тогда нам, русским, никто не страшен. Делать вывод из моих слов в другую сторону может человек, который ничего не понимает или старается сделать пакость. Мог ли я агитировать в церковной проповеди среди 20-25 человек и то почти старики — не было смысла. Спросите весь приход за 8 лет службы, я не выступал ни в одной проповеди против власти. Много раз в большие праздники было 300-400 человек в церкви, но я никогда не говорил. В 1920 году я дал честное слово ВЧК никогда не выступать против власти, на что указывает представление удостоверений председателя Дубровного РИКа во время бандитского восстания. По этому поводу я могу указать и других. Ведь у меня голова на плечах. Имея семью 10 человек, не имея средств, вести агитацию невозможно и не могло быть, потому что я знал тяжесть последствий.

Кончая свое объяснение, я должен ОГПУ познакомить со своей биографией. Я сын захолустного северного маленького служащего, впоследствии чиновника. Отец мой начал службу несколько месяцев без жалования и постепенно стали давать от 1 рубля в месяц, в течение 35 лет службы добился должности бухгалтера казначейства с окладом 30 рублей, имея 12 человек семьи. Нужда, горе встречались на каждом шагу. Отец умер скоропостижно, придя со службы, оставил нас, 11 человек, без средств. [...] Контрреволюционного течения у меня не могло быть. Я вырос не в богатой семье, а в бедной, я все испытал, видел горе и нищету. Заниматься в 50 лет делами против устоя мне уже поздно. Я болен, стою на краю могилы. Правда, злых языков много, которые в любую минуту пакость готовят, а такова уже жизнь.

8 февраля 1928 года

Ефим Оболтин
Следственно заключенный
Тобольского изолятора,
пост № 5, камера № 23

Ефим Петрович Оболтин отсидел в тюрьме семь с половиной месяцев. Можно только представить, где и как жила его семья все это время. Но был жив еще отец бабушки Марии Тимофеев Митрофан Васильевич, и думаю, что бабушка с детьми жила у него. В заявлении от 4 апреля 1928 года, с которым обращались сын Анатолий и свекор в ОГПУ с просьбой освободить Оболтина Е. П. из-под стражи под их личное поручительство или залог до решения вопроса, указан адрес: Тобольск, Почтовая улица, № 21.

Дедушке разрешили служить в с. Липовка Байкаловского района Тобольского округа. С весны 1929 года он служил священником в Богоявленском храме в с. Липовка. Однако 13 марта 1930 года дедушка вновь был арестован за «контрреволюционную агитацию против коллективизации и призывы верующих на защиту церкви».

Из протокола допроса крестьянина с. Липовка Самойлова Матвея от 4 марта 1930 года: «Когда Оболтин узнал, что постановлением общего собрания религиозной общины было решено церковь закрыть, колокола сдать государству, то назавтра, служа обедню, выступил со слезами перед верующими с проповедью, в которой призывал на защиту церкви и веры, говорил, что на землю спустился антихрист и оскверняет церковь, заставляет людей под силой оружия отказаться от своей веры».

Из протокола допроса крестьянина Любинского А. от 4 марта 1930 года: «Я лично неоднократно говорил Оболтину: долго ли ты еще думаешь служить, а он отвечал: буду служить, пока не арестуют коммунисты».

13 марта 1930 года по решению Байкаловского районного исполнительного комитета Тобольского округа Оболтин Е. П. был лишен избирательных прав. 16 мая 1930 года тройкой ОГПУ по Уралу было вынесено решение: «Оболтина Ефима Петровича по статье 58-10 УК заключить в концлагерь сроком на пять лет, считая срок с 22 марта 1930 года». После двухлетнего заключения в концлагере 22 апреля 1932 года заседанием коллегии ОГПУ дело было пересмотрено и вынесено решение Оболтина Е. П. досрочно освободить и сослать в Казахстан на 5 лет, лишив права проживания в 12 пунктах Уральской области.

В Казахстане дедушка жил в гг. Караганде, Петропавловске и, наконец, в с. Архангельское Петропавловского района Северо-Казахстанской области. Перед последним арестом работал бухгалтером в Архангельской детской больнице. В ссылке вместе с ним были только жена Мария Митрофановна и младшая дочь Евгения. Остальные младшие дети были взяты в семьи старших детей или родственников.

11 августа 1937 года дедушку арестовали в очередной и последний раз. Постановлением заседания тройки УНКВД Северо-Казахстанской области от 3 ноября 1937 года Оболтин Ефим Петрович приговорен к расстрелу. Вместе с ним по делу проходили еще пять человек, все признаны виновными в том, что они, якобы, «состояли членами контрреволюционной группы и проводили контрреволюционную агитацию, направленную против мероприятий партии и правительства».

Постановление тройки УНКВД о расстреле приведено в исполнение 6 ноября 1937 года в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области. Постановлением президиума Северо-Казахстанского областного суда от 27 мая 1959 года постановление было отменено и дело в отношении Оболтина Ефима Петровича производством прекращено за недоказанностью обвинения.

По заключению Генеральной прокуратуры от 3 июля 1992 года на Оболтина Ефима Петровича распространяется Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов» от 13 августа 1990 г. Указанным заключением Оболтин Е. П. реабилитирован.

По последнему делу вместе с дедушкой проходил священник церкви села Архангельское Златомрежев Иван Алексеевич, 1885 года рождения. Два священника — действующий и ссыльный, конечно же, общались, у них была одна святая вера и боль за людей!

В настоящее время Златомрежев Иван Алексеевич канонизирован, признан новомучеником. Я считаю своим долгом добиться признания моего дедушки иерея Евфимия Оболтина новомучеником за нелегкий путь человека, пострадавшего за Святую Церковь. У меня есть копии документов с печатями ФСБ, есть и фото фас-профиль из дела 1930 года.

В 2012 году в Петропавловске прошла церемония открытия Стены памяти жертв политических репрессий. На граните выгравированы имена 6800 человек — казахов, русских, украинцев, немцев, поляков, есть даже иранец. Список едва вмещается на 56-метровой стене высотой в два человеческих роста. Есть там и фамилия моего дедушки.

Дядя Анатолий

Моя детская память хранит появление дяди Толи у нас в деревне Ново-Александровка Северо-Казахстанской области, где папа работал председателем колхоза, очень смутно. Помню, как он подметал наш двор метлой на длинной палке.

Летом 1957 года мы все, дети и мама, ездили в гости к дяде Толе на Волгу в г. Хвалынский. Мама была очень больна, у нее была язва желудка, она очень мучилась от болей в дороге, но все же поехала к брату. Туда же приезжала и тетя Тамара с дочкой Ириной из Москвы. Теперь понимаю, что это была заранее оговоренная встреча сестер с братом. Ну, а мы бегали в одних трусиках с Ириной, было тепло и весело. Бегали на берег Волги, там была целая гора из мела. Забегали в фотоателье к тете Зине, дядиной жене, она нас фотографировала. Помню, как большой компанией на лодке переправились на другой берег Волги, собирали грузди в сосновом лесу.

Вскоре дядя Толя умер. Мама ездила на похороны, и, помню, привезла на память дядины очки.

Летом 2009 года в интернете я нашла в списке жертв политических репрессий запись о дяде Толе. Проплакав несколько часов, я решила, что во что бы то ни стало буду пытаться ознакомиться с архивными делами деда и дяди. В этом списке жертв сказано, что дядя Толя был приговорен Особым совещанием НКВД СССР — значит его дело нужно искать в архиве ФСБ. Еле-еле нашла здание архива в Омске. Встретили очень внимательно, провели в большую комнату, там стояли шкафы с томами «Книги памяти». Работница архива нашла в «Книге памяти» моих родных и сказала, что дело дяди Толи находится в Омском архиве УВД. Мне было непонятно — почему в УВД, когда у дяди статья 58-10, т.е. контрреволюционная деятельность? Как потом оказалось, неясно было не только мне, но и самому дяде Толе.

Написала заявление, и через месяц раздался телефонный звонок — меня пригласили ознакомиться с делом Оболтина Анатолия Ефимовича. Меня встретили и провели в архивный отдел, посадили за стол, положили передо мной папку. Преодолев сильное волнение, я открыла эту папку. Скажу сразу, что со всеми документами, содержащимися в деле, мне ознакомиться не удалось. Как минимум, половина их была купирована, защелкнута степлером в белые листы. Что там внутри может быть такое, что нельзя прочитать сейчас, через 65 лет после фабрикации дела? Какие тайны, какие протоколы допросов?

Вот только теперь я поняла, почему в списках жертв дядя указан как заключенный ИТК-7. Оказывается, дело было «состряпано» на человека, уже и так находящегося в тюрьме! И все потому, что дядя не считал себя виноватым, не мог смириться со своим осуждением, писал из лагерей жалобы в вышестоящие инстанции о неправильном возведении против него обвинения по ст. 58 п. 10 ч. 1 со стороны работников Тобольского НКВД в 1940 году. Анатолий Ефимович писал заявления и тобольскому прокурору-

ру, и омским чинам, просил разобраться по существу дела. Писал в 1949 году и министру внутренних дел, и министру государственной безопасности СССР, писал в те горькие годы, когда был прикован к постели из-за полного паралича обеих ног и туберкулеза позвоночника — болезней, которые были получены в лагерях на тяжелых физических работах; на лесосплаве он получил удар бревном по позвоночнику. Просил освободить его из заключения по болезни или заменить ссылкой, наивно полагая, что девять лет, проведенных в заключении, и тяжелая болезнь дают ему право на такую просьбу! Но ни освобождения, ни даже ответов на свои заявления дядя не получал. И отбыл свое заключение от звонка до звонка.

А дальше хочу привести в сокращении его жалобу, которую дядя Толя написал в феврале 1956 года:

Генеральному прокурору СССР

От бывшего заключенного по ст. 58 п. 10 ч. 2 УК РСФСР
Оболтина Анатолия Ефимовича,
осужденного по постановлению Особого Совецания НКВД СССР
Протокол от 15 марта 1945 года.

ЖАЛОБА

15 ноября 1954 года я освобожден из мест заключения, где пробыл 14 лет 1 месяц 11 дней.

Я вышел совершенно больной. Туберкулез позвоночника. Эта основная болезнь, полученная мною в местах заключения, а также ряд сопутствующих болезней не дали мне возможности сразу же, по выходе из мест заключения, обратиться к Вам с ходатайством о пересмотре моего дела. И вот только сейчас, подкрепив немного здоровье, я решил обратиться к Вам с данной жалобой.

Я буду просить Вас уделить внимание моей жалобе, в которой будут отражены два этапа, по каждому из которых я был осужден по ст. 58 п. 10 без выхода из мест заключения, но которые тесно увязываются между собой по довольно странным обстоятельствам.

Должен Вам сознаться, что сразу по выходе на свободу из мест заключения я несколько раз намеревался написать Вам жалобу, но боялся того, что, возможно, за мной следят, установят, что я пишу Вам жалобу и меня снова могут заключить в тюрьму. Ведь так со мной уже было. Я был репрессирован Особым Совецанием НКВД в 1945 году в основном только за то, что я писал из лагерей жалобы в вы-

шестоящие инстанции о неправильном возведении против меня обвинения по ст. 58 п. 10 со стороны работников Тобольского окружного УГБ-НКВД бывшей Омской, ныне Тюменской области в 1940 году. Но сейчас я убежден, что вряд ли может повториться то, что позволяли отдельные работники МВД до этого, что я не буду более подвергаться репрессиям.

О методах и приемах, которые допускали работники следственного аппарата НКВД в целях фальсификации следственного материала, коротко только можно сказать: ложь, провокация, шантаж, фальсификация и, самое чудовищное, нанесение побоев, т.е. избиения при допросах. Все это было использовано работниками следственного аппарата против меня, и в конце концов они добились «успеха» — обвиняемый признал вину и следствие окончено.

Писать через столько лет уже бессмысленно, здоровье, потерянное там, не восстановишь. Да и для советского человека, пережившего на себе лично эти приемы, тяжело даже вспоминать, а не только описывать. Я полагаю, что Вам это все в данное время известно, ведь факты фальсификации и прочих нарушений советских законов в этой области подтверждены в широких масштабах, и писать подробно мне, простому человеку, нет смысла.

Я прошу Вас, во имя справедливости, законности и человеческого гуманизма ознакомьтесь, вникните глубже в мое дело, изучите его и со всей присущей Вам честностью, справедливостью и законностью решите мою судьбу на будущее.

Я пробыв в заключении 14 лет 1 месяц 11 дней, но я хочу Вас заверить, что я не совершил того преступления, которое мне инкриминировали и заключили в тюрьму. Я не был виновен, всю жизнь с 1919 года и до ареста я работал честно.

Снимите с меня клеймо контрреволюционера, чтобы я честно, а не как затравленный зверь, мог прожить последние годы моей жизни — жизни тяжело больного человека. Ведь люди сторонятся меня только за то, что я был в заключении по ст. 58, боясь, как бы и на них это не отразилось. Никто из них не поймет и не поверит, что можно и незаслуженно отбыть срок по ст. 58 п. 10 .

Вручаю Вашему авторитету Генерального Прокурора свою судьбу и буду ждать Вашего справедливого разбора моей жалобы.

Постановлением Особого Совещания НКВД СССР от 15 марта 1945 года я был репрессирован (не могу сказать, что осужден!) по ст. 58 п. 10 ч. 2 УК РСФСР сроком на 10 лет исправительных трудовых лагерей за проведение, якобы, контрреволюционной агитации в местах заключения среди заключенных. [...] Так прошли годы, и я отбыл срок уже по этому постановлению, вторично обвиненный по ст. 58 п. 10 совершенно без всякой вины и преступления с моей стороны.

Этим же постановлением был аннулирован приговор Тобольского окрсуда от 18 июля 1941 года, которым я был осужден по ст. 58 п. 10 ч. 1 на 10 лет и лишен

избирательных прав на 5 лет. Этот приговор был утвержден Верховным Судом РСФСР.

Вот Вам первое явное нарушение «Положения о судопроизводстве и процессуальном законодательстве» и Конституции СССР. Как это могло случиться, что Особое Совещание НКВД, по сути дела административно-репрессивный орган, действовавший только в особое время, мог одним росчерком пера фактически аннулировать приговор окрсуда, утвержденный Верховным Судом?! Неужели этот орган, когда-то существовавший при жизни Берия и его приспешников, мог это сделать? Неужели он был выше Верховного Суда?

Вот на это я и прошу Вас обратить внимание, и не только с точки зрения нарушения законности. Дело в том, что вынеся такое постановление, меня лишили возможности писать жалобу в вышестоящие судебные органы и прокуратуру по части незаконно проведенного следствия Тобольским окротделом НКВД по ст. 58 п. 10 ч. 1 и по части неправильно вынесенного приговора Тобольским окрсудом 18 июля 1941 года.

Я писал в Москву в Прокуратуру СССР, Прокуратуру РСФСР и в Верховный Суд РСФСР с 1942 года и не разу не получил ответа.

Теперь понятно, что мои жалобы тогда не пропускали. А чтобы я прекратил писать в Москву, создали новое дело в лагере и вынесли новое постановление, поглотив приговор окрсуда.

Мне сейчас припоминаются слова, сказанные старшим следователем Аникиенко в начале ведения им следственного дела в лагере: «Вот закончим следствие, пошлем дело в Особое Совещание НКВД СССР, получишь новый срок и прекратишь писать жалобы на работников НКВД. Писать-то будет некуда, тогда можешь писать только на имя министра, ну а это в наших руках, пиши не пиши — все равно откажут, а то еще дадут новый срок и не вылезешь из лагерей, учти это».

Эти слова я хорошо запомнил и впоследствии полностью убедился в этом: как он говорил — так и вышло.

Какими полновластными людьми они себя чувствовали, особенно над заключенными — просто уму непостижимо! [...]

Теперь по существу обвинения. Я прибыл в лагерь г. Омска в конце 1941 года. Начиная с 1942 года, я неоднократно писал в Москву Генеральному Прокурору, Прокурору РСФСР, Председателю Верховного Суда СССР жалобы, в которых указывал на фальсификацию против меня следственного дела Тобольским НКВД. В жалобах я писал о незаконных действиях и приемах со стороны замначальника отдела Селиванова и начальника следственной части Аникина, на их издевательства, шантаж, нанесение побоев и т.д. Я просил пересмотреть мое дело.

Меня вызывали к начальнику культвоспитательной части лагеря Аникиенок, он говорил, что жалобу нужно переделать, т.к. не надо писать на сотрудников НКВД, а нужно писать по существу обвинения. Но я настаивал послать жалобы в такой редакции, как они написаны. Вызывали меня и в оперчеккистский отдел лагеря, кричали, запугивали и требовали изменить содержание жалоб. Я также отказывался это сделать и настаивал на отправке жалоб по адресу.

Последний раз в начале 1944 года меня вызвал старший оперуполномоченный Вайсберг, в кабинете был его помощник Прудаев и начальник оперчеккистского отдела управления Кислицин. Снова крик, оскорбления, Вайсберг, а потом и Прудаев нанесли мне побои в область подреберья и живот. Снова требовали изменить содержание моих жалоб в Москву. Я возмутился и заявил, что до сих пор не имею ответа ни на одну мою жалобу, значит, это вы их не пропускаете, какое же вы имеете право это делать, я тогда приму все меры и пошлю жалобу через «волю» — иначе выхода нет. И я тотчас же получил удар от Вайсберга по лицу, и он сказал: «Мы тебя отучим писать клевету на работников НКВД, не выйдешь все равно из лагеря живым, подохнешь!». Затем предупредили меня: молчать о том, что сейчас происходило, но я категорически отказался подписать подписку о неразглашении, и Прудаев вытолкнул меня из кабинета. А через час за мной в барак пришел надзиратель и увел в карцер, где я и просидел 10 суток, якобы за грубость и пререкания с начальником оперчеккистского отдела управления и старшим оперуполномоченным.

После карцера меня по распоряжению Прудаева отправили на тяжелые физические работы по рытью траншей и котлованов. До этого я работал прорабом на работах 19-го треста (от лагеря). Так началось новое незаслуженное издевательство.

В ноябре 1944 года в зоне лагеря я был арестован и водворен в одиночную камеру. Всего было арестовано 12 человек. Через три дня меня вызвали на допрос к старшему следователю оперчеккистского отдела управления Аникиенок. Это он, будучи начальником культвоспитательной части лагеря в 1942 году, предлагал мне изменить содержание моих жалоб в Москву. А теперь он уже работал в оперчеккистском отделе управления. На допросе Аникиенок назвал мне фамилии других арестованных, 11 человек, и рекомендовал мне дать против них показания, якобы они ведут в лагере контрреволюционную агитацию, иначе они могут быть против меня свидетелями, а это «пахнет» для меня новым сроком!

Гражданин Генеральный Прокурор! Ну что я мог ему сказать на эту «обработку»? Судите сами. Ведь это настоящая провокация, я никогда не слышал от этих людей контрреволюционной агитации в лагере. Я категорически отказался! «Тогда пеняй на себя!», — ответил ст. следователь Аникиенок и распорядился увести меня обратно в карцер.

Продержав еще 10 дней в совершенно нетопленной холодной камере, а ведь был уже конец сибирского ноября месяца, меня вызвали на допрос, и снова тот же разговор, ст. следователь Аникиенок снова вымогал показания против других заключенных. Я снова отказался, заявив, что я ни от кого ничего не слышал и не знаю таких случаев за все время нахождения в этом лагере. Тогда Аникиенок показал мне постановление о предъявлении мне обвинения по ст. 58 п. 10 ч. 2, при этом заявил: «Теперь отчитывайся за свое упрямство!». И меня увели обратно в камеру.

Меня долго не вызывали, держали в холодной камере, состояние мое было тяжелое, т.к. я только за 4 дня до ареста был выписан из больницы, где лежал с левосторонним экссудативным плевритом, было выкачано 3,5 литра гноя-экссудата. Безусловно, что я еще не оправился от болезни, а меня закрыли в холодную со льдом на стенах карцерную камеру без топчана, лежал прямо на цементном полу с высокой температурой. Врача не вызывали, в больницу не ложили. Аникиенок приходил в камеру, говорил: «Все зависит от тебя, чем скорее дашь показания, тем скорее будет закончено дело и будешь помещен в больницу».

Так я просидел 2,5 месяца. Будучи совершенно больной и не желая довести свое положение до худшего исхода, я дал показания, вернее, подписал то, что написал следователь Аникиенок. Я видел, что выхода нет никакого, а Аникиенок сказал: «Я тебе говорил в 1942 году, что не пиши такие жалобы на работников Тобольской НКВД Селиванова и Аникина, а ты не понял и продолжал писать. Жалобы-то не дошли, а новый срок ты будешь иметь через Особое Совецание НКВД СССР и писать будет некому».

[...]

Как только я подписал показания, которые составил следователь Аникиенок, через час-полтора меня вывели из камеры и положили в больницу, а через месяц прямо из больницы увезли в областную тюрьму, где я был до 28 июля 1945 года, когда мне объявили постановление Особого Совецания НКВД СССР.

Вот видите, гражданин Генеральный Прокурор, как создавались дела даже в лагерях для заключенных по статье 58. Кому это было нужно?! Как можно в лагере среди заключенных создать следственный материал по статье 58 п.10 УК.

И вот из 12 заключенных, арестованных в лагере (а следователь ставил себе целью создать групповое дело по ст. 58), девять были освобождены, т.к. от них добились провокационных показаний против других заключенных. Эти люди, боясь получить новый срок, подпали под шантаж следователя, что если не дадут нужных показаний, то и против них найдутся свидетели, и они могут получить новый срок. Малодушие и боязнь сделали из них людей, нужных следственному аппарату НКВД в те годы.

Я же не мог этого сделать, пусть моя совесть будет чиста перед людьми, ложных показаний я дать не мог. Расплата последовала — я получил новый срок по ст. 58 п. 10.

А следователь Аникиенок, только что вступивший в эту должность после 6-месячных курсов, на практике применил свои способности шантажа, провокаций и фальсификации. Вместо 3-х звездочек на его погонах появилось четыре, чин капитана — неплохо для начала! А ведь надо полагать, что он был членом ВКП(б) тогда в 1944 году, так где же его совесть и честность перед партией?!

Одно ему не удалось — это создать групповое дело против заключенных, которых он арестовал. Значит, все же материала не было. Прошу Вас и это учесть. Сравните показания свидетелей и мои, которые писал следователь с нужным ему содержанием, я их только подписал, и Вы найдете, что там нет абсолютно никакой логики и связи, если, конечно, материал не переписан следователем.

Лично я с делом не знакомился, кое-что из дела зачитывал мне следователь Аникиенок, но т.к. я был сильно болен, то подписал, чтобы скорее лечь в больницу, тем более, что мне было понятно, что протесты были бесполезны. В дело вложили отрицательную характеристику о моей работе в лагере. Если она есть в деле, то прошу Вас обратить внимание, что эта характеристика подписана зам. начальника лагеря Прудаевым, который, будучи помощником старшего оперуполномоченного по лагерю, в присутствии Вайсберга и Кислицына наносил мне побои, о чем я писал Вам выше. А сейчас он стал зам. начальника лагеря и, конечно, подписал такую характеристику. А фактически ко дню ареста я имел ряд премий и благодарностей за хорошую работу в лагере, дисциплину и умелое руководство работами по поручению производственного отдела лагеря. Это отражено в приказах по лагерю и по Управлению лагерями Омской области, выписки из которых имеются в моем личном деле заключенного, которое после освобождения моего осталось в лагере города Омска п/я УХ-16/7 или в Управлении исправительно-трудовых лагерей и колоний Омской области.

История моего ареста 4 октября 1940 года

Хотя приговор Тобольского окрсуда от 18 июля 1941 года и поглощен постановлением Особого Сопещения НКВД СССР от 15 марта 1945 года, я считаю необходимым описать этот 1-й этап возведенного против меня обвинения по статье 58 п. 10 ч. 1.

4 октября 1940 года я был арестован органами НКВД г. Тобольска (бывшей Омской) ныне Тюменской области. В постановлении об аресте было сказано, что я подозреваюсь в совершении преступления по ст. 109 и 116 УК. Никаких конкретных обвинений не было.

Я сразу обратил внимание зам. начальника окр. отдела Селиванова, что преступления по этим статьям входят в компетенцию прокуратуры, но не НКВД. На предъявленном мне для подписи постановлении об аресте я сделал собственноручную запись: «Считаю, дело подлежит компетенции следственного аппарата прокуратуры, но не НКВД, о чем прошу довести до сведения окружного прокурора». Я устно указал Селиванову, что нет санкции прокурора на ордере на арест и на постановлении. Сразу же после этих моих слов я подвергся грубым оскорблениям, и Селиванов нанес мне побои по голове. Селиванов заявил мне: «Санкция прокурора будет всегда, а ты попался в наши руки — не уйдешь, все равно получишь срок!».

Через 3-4 недели я был вызван из тюрьмы на допросы, и Селиванов предъявил мне новое постановление, по которому я уже обвинялся по статье 58 п. 10 ч. 1.

Никакого следствия по ст. 109-116 просто не было, никто меня не допрашивал, однако в этом новом постановлении было сказано: «При проведении расследования по ст. 109-116 было установлено, что Оболтин занимался контрреволюционной агитацией и пропагандой, а поэтому против него возбуждается следствие по ст. 58 п. 10 ч. 1 УК.

Видите, гр-н прокурор, какой вымысел и фальсификация.

Я потребовал предъявить мне постановление по обвинению меня по ст. 109-116 и ознакомить с материалами. На что Селиванов мне заявил: «У нас имеется против Вас материал по ст. 58 п. 10, а первоначальный материал, по которому Вы арестованы, нас не интересует, да он и не подтвердился».

Какая вопиющая провокация! Значит им нужно было арестовать меня, а дело можно создать позднее, да и припугнуть кое-кого из мнимых свидетелей, мол, вам то же может быть. Приемы самые пакостные!

Селиванов начал вести следствие по ст. 58-10 ч. 1. Я категорически отказался от дачи показаний и настаивал на свидании с прокурором. После 10-дневной голодовки я добился разрешения написать обо всем окружному прокурору, просил его прибыть в тюрьму и принять это дело к своему производству. В заявлении я также просил окружного прокурора Зайцева вмешаться в ход следствия, просил отвести от ведения следствия зам. начальника Селиванова и начальника следственной части Аникина как исключительно пристрастно относящихся к ведению следствия.

Окружной прокурор Зайцев в ходатайстве мне отказал, счел мои доводы неосновательными, оставив дело для ведения следствия в органах НКВД г. Тобольска. Означенное решение мне было объявлено через начальника тюрьмы.

В следственном деле не осталось следов моего протеста и жалоб прокурору, также нет моего заявления о голодовке, которую я держал 10 суток, чтобы добиться разрешения написать жалобу прокурору.

В начале декабря 1940 года Селиванов предъявил мне новое постановление по обвинению — уже по ст. 58 п. 8, мотивируя тем, что я в контрреволюционных целях приобрел оружие «пистолет Браунинг № 2». Очередная чудовищная выдумка, шантаж, явная фальсификация со стороны следствия НКВД.

Имеется или нет это постановление в деле — я не знаю, ведь я с делом не был ознакомлен. Возможно, что при направлении дела в суд это постановление в числе других документов было изъято, как проливающее свет на шантаж и фальсификации со стороны зам. начальника Селиванова и начальника следственной части Аникина.

Никакого следствия по этому поводу также не проводилось. Селиванов мне сказал: «Раз ты отказался от дачи нам показаний, то это постановление по ст. 58 п. 8 я объявляю для сведения, можешь не подписывать, а дело мы все равно поведем».

В конце декабря 1940 года меня доставили из тюрьмы в кабинет начальника следственной части Аникина, где в присутствии зам. начальника Селиванова и еще ряда начальников других частей отдела, а также в присутствии прокурора Зайцева, Аникин объявил мне, что мое дело направляется на распоряжение Особого Совещания НКВД СССР. С материалами дела меня не ознакомили, показаний свидетелей я не знал, постановление об окончании следствия мне не предъявили, т.е. статья 206 УПК была полностью нарушена.

Я обратил на это внимание прокурора Зайцева, а он мне сказал: «Ничего — там разберут». Где там?!?

Прошу Вас при ознакомлении с делом обратить внимание, имеется ли это постановление в следственном деле. Мне кажется, что оно также изъято из дела при направлении его в суд, ибо оно было бы очередным доказательством шантажа со стороны Аникина.

После этого прошло много томительных месяцев, я сидел в тюрьме и ожидал какого-то решения Особого Совещания НКВД СССР.

С момента ареста прошло уже 9 месяцев, а результата не было. Я написал жалобу в 3 адреса: начальнику тюрьмы, облпрокурору и окрпрокурору, настаивал на разрешении моей судьбы, указав, что 7 месяцев я сижу без результата, и требовал ускорить или сообщить, где мое дело и за кем я числюсь?

Что же получилось? Примерно 12 июля 1941 года мне объявили, что я числюсь за обласудом, и через несколько дней вручили мне копию обвинительного заключения, составленную в управлении НКВД, а также сообщили, что дело будет слушать Тобольский окрсуд по обвинению меня по ст. 58 п. 10 ч. 1 и ст. 182 ч. 2 УК РСФСР.

Что же это такое? Ведь в конце декабря 1940 года мне в присутствии официальных лиц УГТ и прокурора Зайцева было объявлено, что мое следственное дело направляется на Особое Совещание НКВД СССР, а через 7 месяцев, когда я стал требовать выяснить, где же мое дело (а по УПК я имел на это право), то оказалось,

что оно до сих пор находилось в управлении НКВД, а сейчас направлено в Тобольский окрсуд.

К чему была такая ложь официальных лиц, чем все это было вызвано? Я до сих пор не могу себе этого объяснить.

В обвинительном заключении, которое было составлено в ОблНКВД, дана убийственная характеристика моей личности, а также и мотивировка обвинения меня по ст. 58 п. 10 ч. 1 и ст. 182 ч. 2 УК РСФСР.

В характеристике личности меня отнесли к категории по происхождению «сын попа, сын ярого контрреволюционера, расстрелянного в 1919 году». Что я сам, якобы, был репрессирован органами НКВД в 1937-38 году.

Какой вымысел, ничем не оправданная фальсификация, грубая ложь. Не имея обвинительного материала, они использовали вымышленную характеристику.

[...]

18 июля 1941 года состоялся суд. [...] Суд вынес мне обвинительный приговор по ст. 58 п. 10 ч. 1 — 10 лет и по ст. 182 ч. 1 — 5 лет, а по совокупности избрал 10 лет заключения в ИТЛ. Приговор выносился в дни, когда началась война, может быть, суд с учетом этого и вынес такой приговор по ст. 58 п. 10 ч. 1 УК. Но это же несправедливо!

В приговоре суд указал точно ту же формулировку, что была указана следствием в обвинительном заключении. Единственное, что суд не подтвердил, — это данную мне характеристику моей личности... После суда я задал вопрос адвокату, почему он занял такую безучастную позицию по отношению к моим ходатайствам перед судом, крайне необходимым и вполне законным в интересах установления истины. Он, адвокат Дягилев, мне ответил, что было бы бесполезно настаивать, дело весьма путанное, а сейчас идет война, момент тяжелый, и трудно выступать в защиту лиц, обвиняемых по ст. 58 УК. Тем более, что в зале судебного заседания находился Аникин — начальник следственной части НКГБ (после реорганизации НКВД). Пишите кассационную жалобу в Москву — там рассмотрят. Писать же для меня кассационную жалобу адвокат категорически отказался, не указав причин.

Да, начальник следственной части Аникин в ходе судебного заседания действительно находился в зале. А ведь это вопиющее нарушение процессуальных норм. Суд проходил при закрытых дверях, и Аникин своим присутствием мог влиять не только на свидетелей, но даже на адвоката Дягилева, который занял безучастную позицию.

Действительно, в те минувшие годы сотрудники следственного аппарата НКГБ были хозяевами положения, и их слова «не уйдешь из наших рук» полностью оправдывались, и они были в этом уверены.

[...]

Я был изолирован — осужден на 10 лет, заклеен, как контрреволюционер! А как это сделано, какое беззаконие при этом допущено всеми теми лицами, через руки которых проходило это дело, никто не хотел разобраться в истине!

Так была решена судьба живого советского человека, проработавшего честно с 1919 года до дня ареста. А вот сейчас, когда перед глазами проходят воспоминания, вся картина беззакония, совершенная много лет тому назад, даже не верится, что это было сделано людьми с партийным билетом в кармане, работниками, состоящими на государственной службе. Хорошие же они были помощники у расстрелянного некогда Берия и его приспешников! Иначе о них и сказать нельзя!

[...]

Может быть и неудобно, но перед Вами я должен сказать коротенько о моих догадках, почему на меня было возведено такое обвинение и что предшествовало моему аресту.

В 1939 и начале 1940 года, когда я приехал работать в Тобольск директором конторы Главтекстильснаба, то меня несколько раз вызывали в отдел госбезопасности НКВД и предлагали наряду с моей основной работой перейти к ним на неофициальную работу..., доказывали мне необходимость этого и т. д. Подробности описывать не буду сейчас — считаю излишним. Я неоднократно и категорически отвергал эти их предложения, соответственно мотивировал.

Последний раз мне пригрозили, предупредив, что может быть хуже, может быть плохой исход в дальнейшем! Такому заявлению я не придавал значения, т.к. знал, что сам я работаю честно, и такого результата не ожидал. Возможно, за это я и поплатился, что меня им нужно было убрать с дороги?! Не знаю!

Прошло много лет. Я вышел из заключения совершенно больной, полный инвалид, имею хронический туберкулез позвоночника, эмфизему легких и ряд других сопутствующих болезней, физически не способен к труду, а все это я получил в местах заключения. Болезнь — туберкулез позвоночника, полученная в лагерях на тяжелых физических работах, — на 3 года и 6 месяцев приковала меня к больничной койке, я был совершенно парализован. И только к началу 5-го года нахождения в тюремной больнице я встал на костыли. Прямо из больницы я был освобожден по окончании срока. В силу этой болезни я должен бы быть активирован, но МГБ мне в этом отказывало. Когда я заболел, я уже не писал жалоб в Москву, а ждал смерти, т.к. болезнь была самая тяжелая.

В данное время с клеймом осужденного я не могу нигде устроиться на работу, хотя бы на канцелярскую, не принимают, как судимого по ст. 58. И вот я, как заправленный зверь, влачу жалкое существование, живя у чужих людей, а родные меня боятся.

Пенсию мне не дают, т.к. я долгое время был в заключении и потерял право на пенсию. А ведь до заключения я работал 20 лет: с 1919 по 1940 год, но это во внимание не принимается! Как быть, как существовать материально дальше?!

А ведь я не совершал преступления, которое мне приписали!

Особое СовеЩание своим постановлением от 15 марта 1945 года лишило меня всех прав, и никто не пересматривал мое дело. А ведь за это время было несколько указов об амнистии, мне же ничего не применялось.

Я обращаюсь к Вам, гражданин Генеральный Прокурор, прошу Вас снять с меня это позорное пятно, прошу Вас пересмотреть мое дело, отменить постановление Особого СовеЩания МВД или МГБ от 15 марта 1945 года и реабилитировать меня, как незаконно репрессированного по ст. 58 п. 10 ч. 2 УК, снять с меня судимость.

Прошу Вас дать мне возможность на последнем этапе моей жизни обрести права советского человека. [...]

О результатах прошу Вас уведомить меня.

Мой адрес: г. Хвалынский Саратовской области, ул. Советская, № 87.

Оболтин Анатолий Ефимович.

Я перепечатывала эту жалобу несколько месяцев! Боль была почти физическая! Это надо мной издевались и избивали на допросах, это меня, совершенно больную, с высокой температурой, кидали в сырой и холодный карцер, где я спала на голом бетонном полу, это я, беспомощная, лежала в тюремной больнице. Больно и страшно!

После выхода на волю он приехал сначала к сестре Вере (моей маме), мы жили тогда ближе всех к г. Омску, в Северо-Казахстанской области. Потом съездил в г. Львов, там жили еще две его сестры, Зоя и Августа, потом в Москву к сестре Тамаре.

Моя мама, вспоминая дядю Толю, говорила с болью, что он попал в тюрьму молодым, полным сил мужчиной, а вышел оттуда глубоким стариком!

30 ноября 1956 года Президиум Верховного Суда РСФСР приговор отменил и дело производством прекратил за отсутствием состава преступления. По воспоминаниям тети Тамары, когда дядя Толя приехал в Москву и получил на руки это решение, он плакал навзрыд! Жизнь сломана, оболгана, растоптана!

Анатолий был смелым и честным человеком, а еще он бесконечно любил и уважал своего отца. Еще в 1928 году, когда дедушку Ефима Петровича Оболтина арестовали и держали в следственном изоляторе Тобольского ГПУ, он неоднократно обращался с заявлениями в органы ОГПУ, чтобы отца отпустили под его личное и имущественное поручительство до вынесения решения дела.

В дедушкином расстрельном деле 1937 года, с которым мы с моей дочерью Евгенией ознакомились в 2010 году в г. Петропавловске, нашлось дядино заявление на имя председателя Комитета Госбезопасности Серова:

«Мой отец, Оболтин Ефим Петрович, 1878 г.р., уроженец с. Березово Березовского района Ханты-Мансийского окр. Тюменской области, был арестован органами НКВД в Казахской ССР Северо-Казахским областным отделом НКВД в г. Петропавловске (бывшая Карагандинская обл.) в августе-июле 1937 года. Вначале находился в Петропавловской тюрьме, в дальнейшем его судьба неизвестна. Прошу сообщить, жив ли он в данное время или уже умер, то где похоронен. По неофициальным данным (со слов) якобы его видели в 1938 году в Соликамских лагерях. Прошу Вас установить его судьбу и сообщить по моему адресу.

Ефим Петрович и Анатолий Ефимович Оболтины

В органах КГБ собрали комиссию и 14 апреля 1956 года вынесли решение устно объявить Оболтину А.Е., что его отец, Оболтин Е. П., был арестован в 1937 году и осужден на 10 лет заключения. Умер 16 июня 1943 года от дизентерии. Дядю вызвали в КГБ г. Хвалынска и солгали устно, как и было предписано!

Теперь-то, после ознакомления со всеми делами дяди и бабушки, я понимаю, почему, несмотря на тяжелую болезнь, мама ездила в Хвалынск в 1957 году на встречу с братом Анатолием и сестрой Тamarой. Понимаю, что дядя Толя не мог в письме рассказать своим сестрам то, что узнал о судьбе отца.

Это была их последняя встреча.

В июне 1959 года в г. Хвалынск из г. Петропавловска прислали справку, что 27.05.1959 года дело по обвинению Оболтина Ефима Петровича пересмотрено президиумом Северо-Казахстанского областного суда, постановление тройки от 3.11.1937 года в отношении Оболтина Ефима Петровича отменено, и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.

Но Оболтина Анатолия Ефимовича уже не было в живых.

В 1958 году, на 53-м году жизни, дядя Толя умер, прожив после тюрьмы всего три года.

Всё это я написала с чувством безмерного уважения к памяти о моих мужественных предках. Написала для потомков рода Оболтиных, чтобы знали и гордились. Чудесным образом я нашла и восстановила связь со своими двоюродными сестрами и племянниками, я так счастлива, что их чувства звучат в унисон с моими и что к поискам подключились и наши дети, а это дорогого стоит! Значит, все идет правильно.*

*Татьяна Старчак,
г. Омск*

* В очерке Т. В. Старчак есть и восстановленные ею биографии остальных детей Ефима Петровича Оболтина, которые не вошли в данную публикацию.

Краеведение

По берёзовскому мосту
из прошлого в будущее

Что является главной целью технического прогресса? Создание безопасной и комфортной среды обитания для человека. Природа не дала людям крыльев как у птиц, не снабдила жабрами как рыб, не наградила стремительностью как ягуаров и не защитила панцирем как черепах. Тем не менее, сегодня мы летаем по воздуху и даже в космосе, плаваем под водой, передвигаемся быстрее звука и обретаемся в надёжных жилищах. Компенсировать недостающие природные качества и достичь физического превосходства над всеми соседями по планете нам позволила техника.

Список её невообразимо огромен сегодня и бесконечен в перспективе — от каменного рубила до компьютера. И есть в нём строка с названием «мост». Что это такое? В техническом смысле — средство коммуникации в неблагоприятном для человеческого обитания природном ландшафте: горном с обилием ущелий либо пониженном с наличием водоёмов и болот.

Однако человек, склонный к мифопоэтическому восприятию и отражению мира, не может воспринимать окружающую действительность только в её прагматическом смысле. Чёрно-белый мир скучен, его надо расцветивать. Вот и мост стал не только средством соединения людей в физическом пространстве, но и символом единения духовного. На мосту назначают свидания, целуются, прощаются, вешают замки в день свадьбы... В бесконечном разнообразии форм он нашёл отражение в литературе, искусстве, даже политике. На мостах Эльбы обнимались союзники в победном сорок пятом, на мосту Пянджа встречались с родиной солдаты «ограниченного контингента советских войск в Афганистане» в восемьдесят девятом. С мостом связано много поверий и примет, например: прощание на мосту — к долгой разлуке. Помните знаменитый романс Я. Полонского «Мой костер в тумане светит...»? Именно на мосту навсегда прощались те влюблённые...

Теперь уже никто не скажет, кто был строителем первого моста, поскольку переброшенное в каменном веке через ручей или скальную расщелину дерево по своему назначению и конструктивной основе и было первым мостом. Это уже в веках и тысячелетиях эволюция технической

мысли, экономический прогресс и развитие эстетических представлений вносили в земную цивилизацию всё новые и новые формы мостов — от простых однопролётных арочных и балочных перемычек до сложных комбинированных систем.

Большую часть своей истории люди прожили рядом с деревянными мостами. Внедрение металла в эту область строительного искусства произошло сравнительно поздно, особенно в западных культурах. Если в Тибете первые висячие мосты на железных цепях появились в V в., то в Европе по ним пошли лишь через две с лишним тысячи лет — в первой половине XVIII в., а в России и того позже — в 1780-х гг.

Мосты представляют собой очень специфический вид сооружений. Как живые существа, они рождаются, взрослеют, много трудятся, болеют, а в конце умирают либо погибают. Как погибают? Вспомните, с каким ожесточением люди уничтожают и свои, и чужие мосты в период войн. К примеру, за годы Гражданской войны только в Западной Сибири было уничтожено 167 железнодорожных мостов. Пешеходные и автогужевые тогда вообще считать не стали.

Особенно тяжела и опасна жизнь деревянных мостов. Изготовленные из строительного материала, подверженного гниению и горению, и расположенные как раз на воде и около огня человеческих жилищ, они недолговечны, требуют неослабного внимания и заботливого попечения.

И эта забота распространяется не только на действующие мостовые сооружения — на их ремонт, чистку, покраску... Об исчезнувших и исчезающих мостах люди пытаются сохранить память точно так же, как об умерших людях. В этом присутствуют как прагматический интерес зафиксировать опыт конструкторской мысли, так и духовная потребность сберечь важный компонент окружающего ландшафта, образец ушедшей эстетики, место исторических событий поселения, даже объект душевной привязанности местного сообщества. Поэтому облик исчезнувших мостов институты человеческой памяти (музеи, галереи, библиотеки, архивы) бережно хранят в самых разных формах: на холстах, бумаге, фотографиях... Санкт-Петербург, утративший к сегодняшнему дню все свои первые деревянные мосты, сумел сохранить их внешний вид в моделях — 100 миниатюр могут увидеть сегодня посетители Центрального музея железнодорожного транспорта, причём самая первая из них создана ещё в 1813 году!

А ещё живые мосты-«пенсионеры», чья юность ушла в историю, а жизнь, выражаясь недавним газетным штампом, «вошла в биографию своей страны»? Во всех странах, в том числе и в России, они входят в объекты

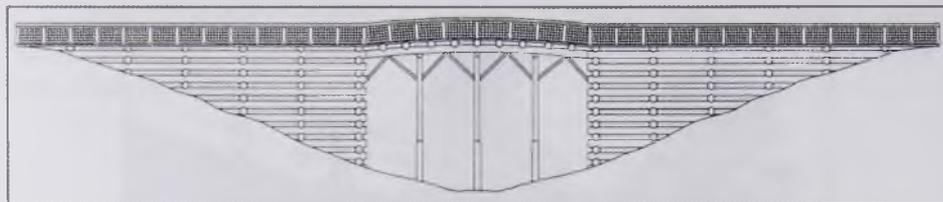
культурного наследия, составляя в списках немногочисленную, но постоянную группу.

Югра тоже может гордиться своими мостами. Мост через Иртыш длиной почти полтора километра около окружной столицы и мост через Обь более двух километров под Сургутом по праву стали достопримечательностями округа. Мы гордимся ими, показываем приезжим, но... Быстротечность жизни и их рано или поздно тоже сделает объектами культурного наследия, нуждающимися в сохранении.

С позиций человеческой истории на это не потребуется много времени, с масштаба человеческой жизни — это будет заботой следующего поколения. Именно ему хранить наше наследие, нам же судьбой и законом определено сберечь наследие предыдущих поколений.

Среди этого наследия — деревянный овражный однопролётный мост через овраг Култычный на ул. Собянина в Берёзове. По нынешним меркам не впечатляют ни его длина, составляющая всего 48 м, ни интенсивность движения. Однако ни жителям, ни частым гостям посёлка представить сегодня Берёзово без этого моста просто немыслимо. Именно он стал одним из наиболее интересных и живописных архитектурно-природных объектов Берёзова, органичной и неотъемлемой частью своеобразного местного ландшафта, хранителем облика и гарантом статуса исторического поселения. Как пишут архитекторы, «характерный для русского деревянного зодчества образец ряжевого моста является частью своеобразной природной и рукотворной системы овражно-балочного комплекса Берёзова».

Что такое «ряжевый мост»? Ряжи (по-иному — городни) — бревенчатая основа конструкции, созданной для вертикального напряжения. Это давнее изобретение русских зодчих. Впервые из дошедших до наших дней исторических документов ряжи упомянуты в самом первом отечественном законе — «Русской правде» (XI в.). А археологи обнаружили эту конструкцию в оборонительных валах г. Владимира, которые были возведены ещё ранее — в X в.! Ряжи устанавливали в качестве арматуры валовых укреплений и при строительстве первых российских острогов в Сибири. Эту же конструкцию применяли для сооружения мостовых опор, причём на трактах Русского Севера и Сибири эта традиция активно использовалась ещё в XVIII—XIX вв. Да что там XIX век?! В наших северных краях она была востребована и в эпоху строительства социализма: в 1947—1948 гг. заключённые, прокладывавшие по Приполярному Уралу автогужевую дорогу от Воркуты до Харбья, мостовые переходы через горные речки устанавливали именно на ряжи. Тысячелетний опыт предков оказался востребованным.

Берёзовский мост: схема

Срубные опоры-ряжи берёзовского моста, установленные на склонах оврага, выполнены в форме сквозной конструкции стен перерубов. Стены эти состоят из уложенных с пропусками («в реж») крупных брёвен, поперечные и продольные ряды которых чередуются, образуя клетки. Такая укладка брёвен позволяет свободно пропускать паводковые воды и обеспечивает проветривание, предохраняя сруб от загнивания. Это, так сказать, прагматика. Но для инженерных сооружений немаловажна и эстетика. С этим тоже всё нормально. Ряжевая конструкция создаёт впечатление простоты и рациональности, устойчивости опоры. Архитекторы при характеристике берёзовского моста с удовольствием отмечают: «С пластикой открытых срубов, крупным ритмом венцов и выступов брёвен контрастирует лес стройных подкосов, заполняющих отверстие средней части моста. Вся эта открытая несущая конструкция и контраст фактур составляют основу выразительной композиции сооружения. Поверх несущей системы моста уложен накат из брёвен и плах — настил проезжей части. Линии моста подчёркивают и завершают деревянные поручни и лёгкое ажурное ограждение в виде простой сеточки».

Время строительства инженерных сооружений фиксируется в документах — технических, финансовых и прочих. А как быть с теми объектами, которые строились народными мастерами только на основании передававшихся из поколения в поколение традиций, где технические приёмы вводились интуицией и утверждались временем без всяких документов и расчётов? В таких случаях время строительства становится сюжетом для местного мифотворчества и загадкой для историков. Именно такая ситуация сложилась с мостом в Берёзове. По косвенным признакам специалисты считают, что он мог быть установлен во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Эта дата опирается на два изобразительных источника — известный рисунок Делиля 1740 г., на котором мост ещё отсутствует, и на гравюру с видом города Берёзова со стороны р. Сосьвы 1843 г., где он уже изображён.

Конечно, за прошедшее время деревянный мост, жизнь которого определена 30–50 годами, не один раз ремонтировался и перебирался. Однако каждый раз его внешний вид и конструктивная основа оставались прежними. Скептик может возразить, что речь в данном случае надо вести не об одном, а о нескольких последовательно сменяющих друг друга мостах. На это можно привести старую философскую притчу-загадку. У одной почтенной мисс были носки красного цвета, которые она регулярно чинила синими пятками. В результате через несколько лет носки стали синими. Так что мы имеем в итоге: те же самые носки или уже другие?

Каждый этап ремонтно-восстановительных работ, каждое новое поколение мастеров, оставляя в неприкосновенности конструктивную основу моста, вносили неизбежные изменения в его внешнее оформление — в дизайн, как сейчас выражаются. Технические новации и упрощенные эстетические пристрастия XX в. привели к тому, что в результате ремонтных работ 1960–1980-х гг. мост утратил своё художественное оформление — газовые фонари, точёные балясины ограждения, фигурные арки на въезде и выезде. Из франта мост превратился в простого старого работягу. Последний ремонт моста в 2003 г. лишь утвердил эти изменения.

Однако берёзовцы любят свой мост и в таком облике. Любят и очень боятся потерять. Эти настроения хорошо отразила местная поэтесса Лариса Полетаева:

*Для пешеходов и телег
На клетях был построен,
Но груз на них в машинный век
Помногу раз утроен.
«Лечили» ноги и настил.
Вновь тяжести переносил,
Истоки наши воскресил
Мосточек деревянный,
И реставратора просил:
«Где ты, мой безымянный?»*

Очень хочется, чтобы чаяния и жителей, и гостей Берёзова (в том числе и мои — очень люблю приезжать в этот посёлок) оправдались. Мостик совсем захирел. По нему давно уже запрещено движение автотранспорта. В 2013 г. к празднествам в честь 420-летия знаменитого посёлка настелили новый слой досок на пешеходной части моста — и всё. Постановлением Правительства ХМАО — Югры от 3 ноября 2011 г. № 413-п наш герой внесён в список объектов культурного наследия, требующих срочного проведения ремонтно-реставрационных работ. Но окружная программа

«Культура Югры» идёт со скрипом, о сокращении бюджета России (а значит, и бюджета округа) заявлено на самом верху в Кремле. Практика показывает, что первой под гильотину секвестирования бюджета попадает сфера культуры, а внутри неё — расходы на реставрацию. Так что перспективы дальнейшей судьбы берёзовского моста скрыты в тумане.

Но... «Мой костер в тумане светит...». Будем смотреть на огонёк надежды. И верить, что не только дети, но и внуки нынешних жителей Берёзова придут в день свадьбы на этот мост и замкнут на нём замок своего семейного счастья.

Я. А. Яковлев
Фото автора

Сибирский корень

*Светлой памяти бабушки —
Елены Владимировны Марковской*

У моей бабушки, Елены Владимировны Марковской, урожденной Лебединской, все богатство помещалось в правом верхнем ящике письменного стола. Это был небольшой узелок из старого шелкового платочка с зеленовато-коричневым узором, а внутри — совсем другой мир, не похожий на наш. На фотографиях — красавицы в старинных платьях, мужчины в мундирах, а потом — деревенские избы, одежда, уже знакомая, родные молодые лица мамы, тети и незнакомых мне родственников. Я любила рассматривать эти фотографии — свидетели навсегда ушедшей жизни, с интересом слушала немногословные рассказы бабуси, но почему-то не спрашивала, откуда родом ее мать, отец, бабушка, дед. Мне тогда, в детстве, вполне было достаточно знать, что из далекой Сибири. Мы жили в Волгограде.

Елена Владимировна Марковская, урожд. Лебединская. 1966 г.

Незадолго до смерти бабуся написала мне письмо (я училась в Москве, в университете). Из письма бабуся: «Дом у них, у купцов, был в Тобольске построен в два этажа, крытый двор. Были старообрядцы. Я была там. Все мне там понравилось. Все хозяйственно. Все блестело чистотой. Стариков Нижегородцев уже не было, конечно. Моя бабушка одна из Нижегородцевых и была. Выдали ее за ученого судью Скорнякова, от которого и пошли моя мать, Зоина мать. Интересно, как ветви расходятся. Моя мать была с промышленной сметкой, Зоина мать была под влиянием Долгушина и поехала за ним на Кару в рудники. Привезла оттуда Зойку маленькую, оставила ее моей матери, которая была уже вдова с пятерыми ребятами. Сама поехала учиться акушерству, а Долгушина увезли с рудников в Петропавловскую крепость навечно. У купцов Нижегородцевых были на Севере рыбные промыслы, и они ездили в Нижний Новгород на ярмарку с товаром за своим обозом в кошевых. Все это рассказывала мне мать. Твой род идет из села, куда Петром был сослан Меншиков (Березов). Там были промыслы. Вот во мне и течет интерес к торговле и к искусству, т.к. Лебединского вся родня были музыканты».

Бабуся умерла в 1968 г., когда мне было 20 лет. Я всегда знала, что «не без роду — племени», что во мне смешались все сословия моей великой родины, но, увы, осознанный, зрелый интерес к своим корням обычно появляется у человека с жизненным опытом, когда и спросить-то получается некого. И. А. Бунин писал: «...Все слабее чувствовали мы связь с тем бытом и сословием, из которого вышли... Не мог бы потомок рыцарей сказать, что за полвека почти исчезло с лица земли целое сословие, что столько нас выродилось, сошло с ума, наложило руки на себя, спилось, опустилось и просто потерялось где-то! Не мог бы он признаться, как признаюсь я, что не имеем мы ни даже малейшего точного представления о жизни не только предков наших, но и прадедов, что с каждым днем все труднее становится нам вообразить даже то, что было полвека тому назад!» А ведь эти слова написаны были задолго до Октябрьской революции 1917 г.! Что же говорить о XX веке, тяжелейшим катком прокатившемся по общественной памяти россиян, когда даже индивидуальная генеалогическая память была опасна для жизни.

Три года назад я, наконец, получила возможность вплотную заняться тем, чем давно хотелось, — восстановлением родословных своих дорогих родителей. Работа оказалась кропотливой, но при этом невероятно эмоциональной — прошлое как бы затягивало меня в свою воронку, по мере исследований оно стало обретать плоть и кровь, из серой мглы ушедших

времен проступали лица, имеющие ко мне непосредственное отношение, в памяти ожили не только рассказы, но и вскользь брошенные кем-то из родных фразы, нашли свое место в ткани времени — и история семьи приобрела четкие очертания. Не давалась мне лишь бабушкина линия, ничего, кроме ее письма, я не знала о предках Скорняковых и Нижегородцевых. Березов, картина Сурикова, место ссылки декабристов, три сотни километров до Северного Полярного круга...

Помог интернет, но не сразу. Перерыв в очередной раз весь интернет, я наткнулась на отзыв на статью В. К. Белобородова «Дмитрий Большой», опубликованную в ежегоднике «Подорожник» № 5 за 2005 г. Речь шла о Дмитрие Григорьевиче Скорнякове. Но мой ли это прапрадед? Приблизительно время и место совпадают, но отчества бабушкиного деда я не знала. Никаких контактов с автором статьи в сети не нашла. Написала Татьяне Владимировне Пуртовой, заведующей отделом краеведения центральной Ханты-Мансийской библиотеки. И очень быстро получаю драгоценный подарок — интересующие меня номера «Подорожника», да еще и недавно вышедшую книгу В. К. Белобородова «Тропинки к дому», где целая глава посвящена Нижегородцевым! Нет слов, с какой жадностью я прочитала от корки до корки всю присланную мне литературу. Я как будто побывала на своей «исторической родине», подышала сибирским воздухом, ощутила силу, основательность и доброту сибиряков. Ветви родословной восстановлены теперь до середины 18 века!

(Сведения о Нижегородцевых и Д. Г. Скорнякове взяты из работ В. К. Белобородова.)

Итак, в 1799 г. в Березов приезжает тобольский купец третьей гильдии Иван Степанович Нижегородцев (ок. 1757—1828). Предприимчивый и властный, он полностью захватил торговлю главными товарами — печеным хлебом и пушшиной, а также из членов своей семьи, как писал путешественник начала 19 века А. Эрман, образовал «патрициат, признанный от берегов Ледовитого океана до Самарова». Судя по фамилии, род Нижегородцевых идет из Нижнего Новгорода, откуда во времена гонений на старую веру в Сибирь стали переселяться хранители староверческих устоев. У Ивана Степановича и его жены Татьяны Ивановны было 5 сыновей и 3 дочери, один из них, Александр Иванович (1783—1833), и был, судя по всему, дедом матери моей бабушки. Именно у него были рыбные промыслы в Березове («ездил в кошевых» за своим обозом на нижегородскую ярмарку). Кроме того, своей пытливостью и любознательностью Александр Иванович оставил след в истории, небезуспешно пытаясь заняться

хлебопашеством и возделыванием других зерновых культур. Подробно об этом — в главе «Богатство и образованность» книги В. К. Белобородова «Тропинки к дому».

У Александра Ивановича и его жены Агриппины Михайловны было 5 сыновей и 5 дочерей. Это была одна из самых богатых семей Березова.

Александр Иванович умер в 1833 г. в возрасте 50 лет. В этом же году земским исправником, т.е. начальником огромного края, в Березов переводится из Тюкалинска, где он был окружным судьей, 45-летний Дмитрий Григорьевич Скорняков (ок.1780—1788 — после 1846). Дмитрий Григорьевич уже вдов, от первого брака у него сын Александр. Дворянин, род которого идет с 1694 г. от Гаврилы Скорнякова, бывшего лейб-кучером у Елизаветы Петровны и выслужившего не только милость императрицы, но и дворянский титул. Род внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии по определению Казанского дворянского депутатского собрания от 1842.07.13, утвержден указом Герольдии от 1844.06.17. [Казанск. дв-во... Казань, 2001].

Дмитрий Григорьевич — из «обер-офицерских детей», что означает, что отец его был военным. Сослан был на поселение или служил на Севере? Во всяком случае, Дмитрий Григорьевич — настоящий сибиряк, в службу вступил в 1801 г. в Тобольское губернское правление. Отсюда уже опытным чиновником отправлен на север, где прожил многие годы. Его формулярный список включает службу заседателем Березовского окружного суда, кондинским и обдорским частным комиссаром, тюкалинским окружным судьей. Везде он проявляет себя хорошим организатором и прекрасным работником, особенно в отношениях с инородцами, «в каковых похвальных действиях засвидетельствованы ему на письме как местным начальством, так и гражданским губернатором...» (цит. по Белобородов, 2013). В 1836 г. получает чин надворного советника. В 1841 г. Д. Г. Скорняков прославился поимкой Ваули Пиеттомина — вожака шайки, гравившей в тундре соплеменников и угонявшей их оленей. Вместе с Дмитрием Григорьевичем в этой операции принимал участие сын Агриппины Михайловны Константин Александрович Нижегородцев. Именно за поимку этого опасного разбойника Д. Г. Скорняков награждается орденом Св. Владимира 4-й степени. Был он также кавалером ордена Св. Святослава 3-й степени.

Вот за такого человека и отдает Агриппина Михайловна одну из своих дочерей. Жаль, что нигде не упоминается имя девицы Нижегородцевой, бабушки моей бабушки. Но в наших генах должно быть доставшееся от Нижегородцевых ощущение громадных необозримых пространств, безгра-

ничной свободы и космизма, которым награждает людей Север. У бабуся это качество, наряду с жизнестойкостью и практичностью («умела продать, умела купить», как говорила моя тетя), несомненно, было.

Скорнякова, урожд. Нижегородцева

У Скорняковых было три дочери — Людмила, Ульяна и Аграфена. Когда дочери стали подрастать, Дмитрий Григорьевич начал хлопоты о переводе в другое место, где можно было бы дать дочерям образование, и, в конце концов, получил направление городничим в Ялуторовск.

Современник на основании свидетельств многих тоболяков писал (цит. по Белобородов, 2013): «До какой степени исправник Скорняков был любим остяками и самоедами за свою доброту и бескорыстие, доказывает следующий случай. Узнав о переводе его в Ялуторовск, остяки и самоеды отправили от себя депутацию к тобольскому губернатору. Когда при приеме начальник губернии М. В. Ладыженский спросил их, что им нужно, то они в голос и с некоторым гневом отвечали: «Зачем ты взял от нас Митьку? Нам Митьку надо, другого не надо».

К сожалению, не удалось найти сведений о том, где учился Дмитрий Григорьевич, когда и где закончил свой жизненный путь.

Дочери его учились все в Тобольской Мариинской школе, в Тобольске же было другое «гнездо» Нижегородцевых, о котором писала моя бабуся. Но, как часто бывает, отцы и дети в жизненных мировоззрениях антагонистичны. Дочери «блюстителя тишины и спокойствия», Людмила и Аграфена, стали революционерками.

Старшая дочь, Скорнякова Людмила Дмитриевна (ок. 1840—?), выдана была за губернского секретаря Массини, в истории революционно-народничества она так и осталась под этой фамилией. В 1873 г. принадлежала в Петербурге к революционному кружку, руководимому Ольгой Канановой. В том же году принимала участие в кружке сибиряков, жила в «коммуне», организованной К. Ротовым. Вместе с членами этого кружка примыкала к кружку А. Долгушина. Устраивала нелегальные собрания в августе 1874 г. на даче в Парголово под Петербургом. После переезда основных членов долгушинского кружка в Москву вошла в Петербурге в новый кружок, составленный оставшимися членами (Е. Муравьева, К. Горностаева, Топоркова, Н. Ливанов и др.). Еще ранее в Петербург уехала младшая сестра Аграфена Дмитриевна (ок. 1846—1920). Окончив Тобольскую Мариинскую школу, осталась в ней работать, а затем была переведена на место учительницы рукоделия в Тюменскую женскую гимназию. В мае 1869 г. уехала в Петербург для поступления на акушерские курсы, но встретила там с А. В. Долгушиным, которого знала еще по тобольской юности, и вышла за него замуж.

Людмила Дмитриевна Массини, урожд. Скорнякова. Ок. 1870 г.

Александр Васильевич Долгушин (1848—1885), знаменитый революционер-народник, которому «...судьба готовила путь славный, имя громкое народного заступника, чахотку и Сибирь», родился в Таре Тобольской губ., в семье дворянина, статского советника и судьи Василия Фомича (1814—

1897) и Еликонида Алексеевны Долгушиных (1822—1899). Учился в Тобольской гимназии, курса которой не кончил. В 1866 поступил вольнослушателем в Петербургский Технологический институт. В 1869 г. началась его революционная деятельность, о которой написано очень много. Я отмечу только те узловые моменты, которые важны были для семьи. Александр Васильевич впервые создал целую сеть кружков, в которых воспитывалась плеяда революционных пропагандистов 70-х гг. — «долгушинцев». В этих кружках зародилось и окрепло движение «хождения в народ» с целью пропаганды освободительных идей. Времени на свободе ему было отпущено немного — с 1870 по 1873 г. Именно в это время, в 1870 г., у них с Аграфеной Дмитриевной родился сын Александр.

Александр Васильевич Долгушин. 1870-е гг.

Весной 1873 г. А. В. Долгушин приобрел в дер. Сареево (Звенигородского у.) землю, где построил избу; переехали с семьей в июне 1873 г. Здесь была организована тайная типография, и вместе с Папиным, Плотниковым, Дмоховским, Ан. Васильевым Долгушин занялся печатанием воззваний «К русскому народу» и «К интеллигенции», составленных им самим. Арестован 16.09.1873 и предан суду по обвинению в составлении преступных воззваний, в напечатании и распространении их с целью возбуждения населения к бунту.

Аграфена Дмитриевна также была привлечена по делу мужа, дала откровенные показания. Дело о ней было прекращено. 15 июля 1874 г. Александр Васильевич был признан виновным и приговорен к лишению всех прав состояния и к каторжным работам в крепостях на 10 лет. 5 мая

1875 г. на Конной площади в Петербурге совершен над ним обряд гражданской казни, после чего он был отправлен в Ново-Белгородскую каторжную центральную тюрьму близ Харькова, в которой находился до 13.10.1880. В 1878 г. от имени всех заключенных написал протест «Заживо погребенные», отпечатанный в нелегальной типографии и имевший большой резонанс в обществе. В этом же году в Белгород приехала Аграфена Дмитриевна, находившаяся под негласным надзором полиции. Ей разрешили свидания с мужем, но вследствие происшедших беспорядков среди политзаключенных А. Д. была из Белгорода удалена. Старалась жить недалеко от места заключения мужа — в Курской и Подольской губерниях. В 1880 г. поселилась в Елисаветграде. При всех этих метаниях старалась выхлопотать себе разрешение следовать за мужем в ссылку. Наконец, в 1881 г. была освобождена от надзора, получила желанное разрешение и отправилась в Сибирь. Она была беременна.

Сын Александр с 1873 г. воспитывался у бабушки, вдовы Дмитрия Григорьевича, в Тобольске. Аграфена Дмитриевна заехала в Тобольск, забрала сына и вдвоем с Александром отправилась вслед за мужем. А. В. Долгушин в это время находился в Красноярской пересыльной тюрьме. В это время его отец, Василий Фомич, в чине статского советника служил прокурором Красноярского губернского суда Енисейской губернии, т.е. был крупным и влиятельным чиновником. Благодаря Василию Фомичу, жизнь ссыльных, среди которых находился Александр Долгушин, была облегчена. Александр Васильевич виделся не только со своими родными, но и не раз бывал в доме отца в сопровождении полицейского, которого щедро угощали на кухне, пока молодежь обсуждала литературные и политические новости. В этой же тюрьме Долгушин встречался с В. Г. Короленко, который назвал его «самой значительной фигурой» среди арестантов.

Однако вскоре по приезде Аграфены Дмитриевны случился побег государственного преступника и каторжника Владимира Малавского, в организации которого была замешана младшая сестра Александра Васильевича гимназистка Софья, а Василий Фомич был уличен в сокрытии преступной деятельности своей дочери. Чтобы спасти своих близких, Александр Васильевич взял вину на себя. Все это дело послужило причиной ужесточения содержания ссыльных — в свиданиях с приехавшей женой и сыном Долгушину было отказано, срок каторжных работ был увеличен. А Василий Фомич после долгих хлопот, с поддержкой влиятельных лиц, таких как генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Лиховицкий, подал в отставку с сохранением пенсии.

В это время Аграфена Дмитриевна рождает дочь Зою. Так назвал свою дочь А. В. Долгушин, т.к. Зоя в переводе с греческого — жизнь. Место рождения Зои Александровны Долгушиной в метрике — Красноярская тюрьма. Она прожила 97 лет. А. В. Долгушин был отправлен на Кару. Аграфена Дмитриевна с новорожденной дочкой последовали за ним. 12-летнего внука Александра Василий Фомич оставил у себя в Красноярске и воспитывал до 6-го класса гимназии. Находясь на Каре, в 1883 г. Долгушин организовал побег Мышкина и других политзаключенных и был за это увезен в Петропавловскую крепость. 4 августа 1884 г. переведен из крепости в Шлиссельбург, где и скончался от чахотки 30 июня 1885 г.

Аграфена Дмитриевна Долгушина. Ок. 1900. г. Омск

Аграфена Дмитриевна уехала вслед за ним в Петербург, оставив сына и дочь на попечение родных. Жизнь, полная лишений, драматических событий, идей, мечтаний и надежд, их краха, досталась младшей дочери Скорняковых. В семейном архиве сохранилась фотография Аграфены Дмитриевны, сделанная в Омске при возвращении, вероятно, около 1893—1895 г. Здесь ей нет и 50 лет, но выглядит она гораздо старше. Горе никого не красит! Но все-таки у Аграфены была большая поддержка и опора — семья, которая обеспечивала тыл, воспитание детей да и финансовую составляющую жизни. Зоя Александровна писала: «У матери не было за душой ничего, кроме ее акушерского диплома, и она сделалась городской акушеркой. Мать была великая труженица, ведь тогда не было никаких родильных домов, и вся беднота свалилась ей на руки. Так мы жили с сестрой матери, у которой было четверо детей, и все они со мной нянчились». Вероятно,

к 1910 г. Аграфена Дмитриевна обзавелась собственным жильем. Именно туда вернулась Зоя после жизни в Москве, где окончила фельдшерские курсы, с маленьким Игорем на руках. В 1920 г. Аграфены Дмитриевны в живых уже не было.

Единственная дочь, оставшаяся с матерью и сохранившая все семейные устои, — Уленька, Ульяна Дмитриевна Скорнякова (ок. 1844-45—1925), мать нашей бабуси, моя прабабка. Самая красивая из сестер. По словам моих тетушек, в Тобольске или в Омске, в Крестовоздвиженской церкви, Уленька запечатлена в образе Ангела Златые Власы. Не знаю, сохранилась ли эта церковь по сей день. Уленька любила танцевать, писала стихи. Василий Иванович Амвросов, дворянин греческого происхождения, 16-летнюю Уленьку увидел на ее первом балу и тут же сказал, что она будет его женой. Так оно и вышло. В 16 лет вышла за него замуж (Амвросову было 25 лет), а в 27 лет осталась вдовой с 5-ю ребятишками: Нина, Леля, Анатолий, Дуня, был еще мальчик, но умер. Василий Иванович Амвросов скончался во время бала на именины Ульяны. Дом полон гостей — «Уленька, я пойду полежу немного». И — все. Было ему 36 лет. Амвросовские гены — греческие — очень проявились в облике его дочери Нины и внучки Натальи. Гораздо чаще по мужской линии экспрессировались гены, определяющие плохое сердце, — у его сына Анатолия, рано умершего, внука Анатолия Ивановича и правнука Олега Арвидовича. Амвросовы — эллино-понтийская фамилия православного вероисповедания. В конце 18 века бежали из Турции (Константинополя), чтобы сохранить христианскую веру. На одной из фотографий портрет уже старенькой бабушки Скорняковой — Нижегородцевой окружен портретами двух ее дочерей — Людмилы и Ульяны и внучек Нины, Лели и Дуни. Это примерно 1871 г., когда Ульяна овдовела. Но гены предприимчивости и жизнестойкости, доставшиеся от Нижегородцевых, не позволили горевать, сложа руки. Моя мама, Нина Святославовна Веденяпина-Марковская, писала: «Моя бабушка или бабуся (Уленька, как все звали ее в юности) была очень энергичной и замечательной женщиной. Потеряв рано первого мужа, она осталась с четырьмя детьми (Анатолий, Нина, Дуня, Леля). Всех поставила на ноги. Построила 3 доходных дома, завела оранжерею, где выращивались даже ананасы. Писала стихи, очень хорошо декламировала, а в танцах никто не мог с ней сравниться. Даже в старости (ей было под 80 лет) она проходила несколько кругов в вальсе с кем-нибудь из гостей. Говорят, она была очень красива». Ульяна Дмитриевна была «комильфо», в юности и молодости начинала балы в паре с губернатором.

Ульяна Дмитриевна Лебединская. Ок. 1885 г.

А в 1883 г. сестра Аграфена оставила ей маленькую дочку, которую Ульяна Дмитриевна вырастила. Сын Анатолий женился рано. Ульяна Дмитриевна не одобряла его выбор, поэтому ничего как-то не осталось в памяти семьи от этой женщины. У Анатолия Васильевича Амвросова было 5 детей: Надежда, Агнесса, Владимир, Нина и Лидия. Нам известно только потомство от его дочери Лидии. Это ее внуки москвичка Елена Аркадьевна Чайковская (г.р. 1959) и Константин Аркадьевич Чайковский (1963—1983, убит в Афганистане). Три сестры Амвросовы, три красавицы дочери Ульяны Дмитриевны имели такую судьбу: старшая Нина вышла замуж за итальянца Ламони, у которого было какое-то солидное предприятие в Омске и Тюмени, после или перед революцией с сыном Владимиром уехали в Италию; у хорошенькой Авдотьи Васильевны была трагическая судьба — замуж выдана была за аптекаря, родила дочку, которая умерла в младенчестве, горя не снесла и погибла совсем молодой; Ольга Васильевна (Леля) выдана была за учителя гимназии в Оханске Ивана Фотиевича Пономарева, родила четверых детей и умерла, будучи примерно 45 лет, унаследовав от отца болезнь сердца.

После 12 лет вдовства 39-летняя Ульяна Дмитриевна второй раз выходит замуж. Жених, также вдовец, на 8 лет моложе Ульяны, — Лебединский Владимир Александрович. Ульяна Дмитриевна — его вторая жена. Первая страдала психическим расстройством, без конца шила распашонки для новорожденного, воображая себя беременной. После ее смерти Владимир Александрович женился на состоятельной вдове, матери четырех уже выросших детей, которым всем дала прекрасное воспитание и воз-

можное образование. На руках у вдовы — маленькая полуторогодовалая Зоя Долгушина. Венчание происходит во время последнего мучительного путешествия Аграфены Дмитриевны вслед обреченному на вечное заточение мужу, в 1883 г.

*Сестры Амвросовы, дочери Ульяны Дмитриевны —
Дуня, Нина, Леля. Ок. 1883*

В записи о бракосочетавшихся в Омской Пророко-Ильинской церкви говорится о том, что венчаются «наставник Омской учительской семинарии коллежский асессор Владимир Александрович Лебединский, православный, вторым браком и вдова титулярного советника Иулиания Дмитриевна Амвросова, православная, вторым браком. Свидетели со стороны жениха: «И.д. письмоводителя Омской учительской семинарии Гордей Ефимович Сартаков и учитель Омской учительской семинарии Василий Семенов Пономарев. По невесте: учитель пения Омской учительской семинарии Капитон Климентиев Чумакин и отставной коллежский асессор Александр Дмитриев Скорняков». Таким образом, можно предположить, что с Пономаревыми у Ульяны Дмитриевны дружественные связи со времен знакомства с Лебединским и свою третью дочь Лелю она отдала Ивану Фотиевичу Пономареву из этой семьи учителей не в «чужие руки».

Нина Ламони. Ок. 1885–1886

Жених, также вдовец, на 8 лет моложе Ульяны, — Лебединский Владимир Александрович. Из письма бабуси, Елены Владимировны Марковской: «Твой прадед был ботаник и физик. Это мне рассказывала моя мать, что к нему приезжали и просили совета, как делать опыты, и вообще методику преподавания. По ботанике у него были труды, которые читал твой дед, отец Нины. Хорошо о них отзывался. Умирая, он просил мать посадить ему на могилу 7 семейств. Верно, по одному цветочку из семьи. Я всегда так понимала и считала, сколько цветочков у него цветет. Я была тогда меньше Маши» (т.е. это было ок. 1899 г.). В конце жизни он страдал водянкой и не мог самостоятельно передвигаться. Ученики послали его, сидящего в кресле, до коляски, чтобы ехать в гимназию. Лебединские все, по словам бабуси, были музыкальны. Владимир Александрович играл хорошо на скрипке.

Таким образом, Владимир Александрович — ботаник, имел научные труды по флоре Западной Сибири. В гимназии преподавал ботанику и физику. В 1882—1888 гг. был директором Омского историко-краеведческого музея (может быть, основателем?). Был инспектором не то реальных училищ, не то гимназий в Омске. Когда он умер, ему было около 46 лет.

Отец Владимира Александровича — Александр Сильвестрович Лебединский — сын протоиерея, окончил Императорский Казанский университет по юридическому факультету в 1845 г. Последняя запись в его формуляре датируется мартом 1863 г. — о том, что губернатором Сибири он определен заседателем в Тобольский окружной суд. В январе 1859 г. произведен в коллежские ассессоры «со старшинством».

28.05.1889 г. у Ульяны Дмитриевны и Владимира Александровича Лебединских родилась дочь Елена. Ульяне Дмитриевне в это время было 46 лет, между первой дочерью Ниной и последней Еленой — почти 30 лет разницы.

Я часто думаю о бабусе — Елене Владимировне Лебединской-Марковской, о ее многострадальной, многотрудной судьбе, великой и незаметной судьбе русской женщины, перенесшей столько горя и лишений и сохранившей силу духа, ясный взгляд на жизнь, доброту, оптимизм и интерес к жизни. Бабуся в огромной семье была опорой, как и ее муж, Святослав Святославович Марковский, а после ареста и гибели деда так и осталась центром, вокруг которого собиралась семья. Она спасла семью, не имея при этом ни копейки своих денег. Умела накормить огромное количество людей «из ничего». Могла поддержать морально, не говоря при этом как будто ничего такого, но человек подавленный вновь обретал силу духа.

*Святослав Святославович Марковский,
студент. 1891 г.*

Выросла она в любящей и образованной семье в Омске. Крестили Леночку в той же Пророко-Ильинской церкви, где венчались Ульяна Дмитриевна и Владимир Александрович. Сестры были замужем и жили своей жизнью. Родной сестрой и подругой стала для нее Зоя Долгушина, которая была на 8 лет старше. Всю жизнь они прожили в неразрывной связи друг с другом, обмениваясь письмами и телеграммами, когда судьба и расстояния разъединяли их.

Леночке не было и 10 лет, когда умер ее отец. Как все Лебединские, она училась музыке и проявляла к этому способности. В 17 лет, окончив гим-

назию, отправилась в Москву поступать в «Высшую музыкальную школу Гнесиных». Училась Леночка очень успешно. Вот только доучиться ей не удалось — за ней приехал Святослав Святославович Марковский и увез ее «под венец». Так бабуся стала помещицей, а школа Гнесиных пригодилась для домашних спектаклей, танцев и т.п. Даже нам с сестрой Машей и моим друзьям бабуся играла на вечерах «Барыню», вальсы, польки. Мы с упоением танцевали под бабусин аккомпанемент.

Святослав Святославович Марковский, последний представитель нашей ветки старинного рода потомственных дворян Бонч-Марковских, родился 20.06.1881, крещен в Христорожественской церкви села Вязовка Саратовского уезда Саратовской губернии 29.06.1881. Мать, Елизавета Андреевна, урожденная Малышева (род записан с 17 в. в Смоленской и Тверской губ.) — помещица, владелица сел Вязовка и Русская Норка. Ее брат, Сергей Андреевич Малышев, — известный народник, друг и свояк В. Г. Короленко (оба были женаты на сестрах Ивановских). Отец, Святослав Адамович Марковский, — врач, публицист, писатель, страстный театральный деятель. Бабуся рассказывала, что он участвовал в борьбе с холерой, эпидемия которой охватила Поволжье в конце XIX века. Знаменательно, что и отец, и мать моего отца Веденяпина Георгия Владимировича участвовали в этих драматических событиях в Саратовской губернии. Может быть, они встречались? Думаю, что — да, встречались. Таких мистических совпадений, «судеб скрещений» в истории семьи — множество.

Светя — так его звали в семье, и это имя очень ему подходит. Даже на фотографии видно, какой удивительно светлый был человек. Он был центром огромной семьи Марковских-Зейфертов, ее опорой и генератором идей. Тетушка моя говорила, что идеи у него рождались легко, как музыка у Моцарта.

Учился мой дед сначала в Казанском университете, затем — в Петербургском. В 1902 г. вышел из университета, стал помогать матери по имению. Мама наша писала: «Светя помогал матери и полюбил сельское хозяйство, видимо, с детства; позднее организация сельского хозяйства стала делом его жизни, его профессией...». Вскоре небольшое имение матери не могло служить для воплощения идей Святослава о современном хозяйстве. Светя, как Левин у Л. Н. Толстого, страстно хотел создать эффективное хозяйство, приносящее доходы и облегчающее тяжелый крестьянский труд. Увлеченный идеями Столыпина, он решил продать имение и купить земли в Сибири. У него были близкие друзья — братья Зейферт, Арвид и Павел, сыновья почетного гражданина Саратова, купца 1-ой гильдии

и промышленника Д. Б. Зейферта. Дружба с ними прошла через всю их жизнь. Друзья горели жаждой деятельности, решили осваивать новые места и заниматься хозяйством на новых основах. Имение в Сибири было куплено, называлось оно Бородинка и было расположено в 40 км от Омска.

Имение было большое, более 1500 десятин, и очень красивое природно. Кроме работ в имении, Святослав Святославович участвовал в общественно-научной жизни, был одним из основателей Сельскохозяйственного общества. 29 мая 1908 г. присутствовал на заседании совета Общества попечения народного образования в Омске. В Омске и познакомился с Еленой Владимировной Лебединской, в то время учившейся в Москве у Гнесиных и приезжавшей домой на каникулы. Около 1909 г. они повенчались и уехали жить в имение.

Мама пишет: «Перед свадьбой произошло трагическое событие, о котором люди говорили как о плохом предзнаменовании. В апрельский день с сильнейшим ветром вспыхнул пожар, и сгорел господский дом со всем имуществом — семейной библиотекой, собранной еще дедом и прадедом, роялем и всей мебелью. Пришлось некоторое время хозяевам жить в землянке. Вероятно, это была не землянка в нашем понимании, а дом с земляным полом, какие делали в Сибири в те годы. Видимо, частично примета эта оказалась верной.

В 1910 г., когда у мамы начались роды, в дом явились жандармы с обыском. (В те времена роды проходили на дому.) Роды прекратились, и мама мучилась трое суток. Андрея вынимали щипцами. Так трудно дался маме первенец, которого родители потеряли, когда ему было 20 лет, — он утонул в экспедиции. Это было в 1930 году. Светя отбывал наказание в совхозе НКВД после длительного ареста. Горе было безмерным».

В 1913 г. появилась дочка Елена Святославовна, которую звали Девка, а потом Дека, а в 1919 г., в Рождество — бабушина радость и гордость Нина, наша мама. Дом всегда был полон людей — не только гостей, но и родных, которым приходилось трудно. Так, с братом Андреем выросли Валериан — сын сестры Лели, и Игорь Долгушин — сын Зои. Приехали после окончательной продажи саратовского имения жить сестры Марковские и Елизавета Андреевна. Около 1917 г. из Оханска приехал муж сестры Лели Иван Фотиевич Пономарев с детьми Анатолием и Натальей. Леля умерла, как тогда говорили, «от разрыва сердца». Старший сын Пономаревых Митя учился в Москве в кадетском корпусе и, видимо, погиб во время революционных боев.

Иван Фотиевич Иономарёв (Фоч), Елена Владимировна Марковская с Лёшей (Олегом Арьидовичем) Зейферт на руках, Наталья Ивановна Зейферт-Иономарёва, стоят Андрей Марковский и Игорь Долгушин, на переднем плане Нина и Лена (Дека) Марковские

После революции имение конфисковали. Новой властью предлагалось создавать на конфискованных частновладельческих землях сельскохозяйственные артели с привлечением их бывших владельцев. Владельцы имений, стремясь сохранить свои хозяйства, шли на создание таких артелей. Они продолжали управлять своими хозяйствами под контролем назначенных советской властью комиссаров. Марковский и братья Зейферт стали руководителями такой артели.

Жизнь становилась все труднее. У Ульяны Дмитриевны в Омске тоже конфисковали ее дома, оставив небольшой, но уютный домик в 5 комнат на ул. Проломной. При доме был большой огород, двор и помещение для коровы и лошади. В 1919 г. вся огромная разросшаяся семья Марковских переехала к Ульяне Дмитриевне. В те тяжелые и тревожные годы семье приходилось нелегко. Заботы о пропитании свалились на Елену Владимировну, Леночку. Несмотря на трудности, жили дружно и весело, благодаря ее энергии и жизнестойкости. Но в Бородинку еще долго продолжали ездить всей семьей.

Мама писала об отце : «Светя часто подвергался арестам, то ли потому, что был помещиком, то ли еще по каким причинам. Надо сказать, что Светя арестовывался при всех правительствах: при царском и при советском. До революции у моих родителей скрывался от царской охраны революционер Майский, ставший в советское время послом в Англии. (В самое лихое время, когда сидевшего деда лишили передач и права переписки, бабуся хотела ехать в Москву, просить Майского о помощи, но семье пришлось очень тяжело, и она не смогла, да и бесполезно все это было бы.)

В Омске уже после революции (в начале 20-х гг.) Светю арестовывали несколько раз, но его выручал его друг — коммунист Попов (его имени, к сожалению, не знаю). Он знал хорошо отца, верил ему, уважал за его честность, порядочность и деловые качества, и хотя Светя не закончил высшего образования, знания его были очень глубокими, т.к. он много читал, мысль его была всегда творческой. И позднее Светю ценили как знающего специалиста-аграрника. В начале 20-х гг. (23-24 гг., точно не помню), Светя был назначен директором Омской опытной селекционной станции, в организацию которой он вложил много сил, души и сердца. Арвид стал заведующим производством этой станции. Павел — директором совхоза «Элита».

С дочерью или племянницей этого Попова, Инной Павловной Бабьевой, я была знакома — она работала на каф. биологии почв МГУ с моей

свекровью, Юлией Александровной Худяковой. Ее дочка, Лена Бабьева-Биланенко, кончила ту же кафедру микологии, что и я, несколькими годами позже. Лена мне и прислала фотографию 1957 г. СибНИИСХоза, организованного на месте опытной станции. После того, как Святослава Святославовича перевели работать в Новосибирск, зам. директора стал Попов, и Инна Павловна жила в этом доме. Вторую половину дома во времена Попова занимал будущий академик Н. В. Цицин, в то время — директор СибНИИСХоза.

СибНИИСХоз находился под Омском, раньше он был километрах в 4-5 от города (мама рассказывала, они ходили до Омска пешком), а теперь, по рассказам, практически слился с городом, туда провели трамвайные пути. Добротный деревянный дом не уцелел. Он был большой, гармонично спланирован, на 2 крыльца. Дом удивительно красиво располагался на взгорке, с одной стороны была большая зеленая поляна, с другой — склон и березовая роща. Марат Мутагарович Умаров с кафедры биологии почв несколько лет назад ездил туда со своей семьей и рассказал маме, что на месте деревянного дома теперь большие кирпичные. Брат Инны Павловны Юлий Павлович Попов работал у нас на ВИРовской станции в Красной Слободе под Волгоградом.

В 1925 г. случилось горестное событие — на 81 году жизни умерла Ульяна Дмитриевна. До самого конца она оставалась большой поддержкой семьи и, конечно, Елены Владимировны. Без дела ее никто никогда не видел — она то шила, то вязала, то готовила или отдавала распоряжения. В семье произошли и другие изменения: Ната Пономарева, племянница Елены Владимировны от покойной сестры Лели, стала женой Арвида Давидовича Зейферта. До этого Арвид уже дважды был женат — еще в Саратовской губернии на сестре Святослава Святославовича Елизавете Святославовне. Они развелись еще до переезда в Сибирь, но осталась дочь Ольга Арвидовна (1909—2002), которая вместе с матерью входила в состав большой семьи. Второй женой Арвида стала Зоя Долгушина, маленькая, изящная и красивая Ната — третьей. На многих семейных фотографиях присутствуют все три жены Арвида, никого это как-то не смущало. В 1925 г. у Наты и Арвида родился сын Олег. Всеми любимый Иван Фотиевич Пономарев (Фоч), бывший все эти годы домашним учителем подрастающих ребят, получил место учителя в советской школе и уехал с сыном Анатолием в Свердловск. Вскоре Анатолий там умер от болезни сердца. Похоронив сына, вскоре ушел из жизни и Фоч.

Из маминых записей: «В 25-26 г. мы переехали на опытную станцию, где теперь находится СибНИИСХоз. Там мы жили в доме на холме у леса. Перед домом располагалась живописная лужайка, весной покрытая голубым ковром незабудок. Эта необыкновенная красота на всю жизнь сохранилась в моей памяти. Дом был построен на две квартиры. В одной половине жили мы, в другой — Арвид с Натой и детьми — Лешей и Таней. У нас было 4 комнаты, столовая, кабинет-спальня, комната Андрея и наша с Декой.

Светя работал много и с увлечением. Станция его славилась элитными семенами. Там в году примерно 26-м или 27-м произошла встреча Горы (Георгия Владимировича Веденяпина — будущего маминного мужа) со Светей. Гора, будучи уполномоченным сельхозцентра Сибири, приехал к Свете на станцию за семенами. Светя пригласил его домой. Мама угощала его чаем. Он запомнил кабинет, большую гостиную и террасу. У нас сохранилась фотография, где они сняты вместе среди агрономов и крестьян. Это совершенно исключительно! Вот судьба! Кто бы мог предположить будущее? Мне тогда было 7-8 лет!».

Так судьба дала возможность нашему отцу узнать и сблечь память о будущем тесте. Больше они не виделись. Дед был расстрелян в 1937 г., а бабуся прожила почти все свои послевоенные 20 с небольшим лет с нами. Мама с папой встретились почти через 20 лет во время войны в Мелитополе, казалось бы, совершенно случайно. Но нет ничего случайного в судьбах людей, все в этом мире «промыслительно».

Дом на Банной

В эти же годы семья переехала на Банную улицу. На Проломной стали жить сестры Марковские Лика с дочкой Ольгой (Лялей) и Анна. Дом на Банной состоял из 7 комнат. Там, на Банной, в 1926 г. у Наты и Арвида родилась дочь Татьяна. Братья (Игорь, Андрей, Валериан) выросли, стали юношами, у них появилось много друзей, которые часто приходили, а временами и жили на Банной.

Кто бывал в этом доме, его уже не забывал. Мама: «В нашем доме всегда жили живая мысль, жизнерадостность, неизменное чувство юмора, витал дух свободы, веселья, что привлекало молодежь. Очень хорошо написал о нем мой двоюродный брат Игорь (сын Зои) на сделанной им фотографии нашего дома на Банной улице в Омске: «Этот дом памятен каждому, кто там бывал. Он давал отдохновение от невзгод внешнего мира, успокаивал. Молодежь здесь училась оптимистически смотреть на жизнь и смеяться, а смех — это великое дело». А на другой фотографии он добавил: «И молодежь жадно ловила дух оптимизма и смело пускалась в путь по волнам житейского моря».

Валериан Пономарев, Игорь Долгушин, Андрей Марковский.
1929 г. Надпись: «От трёх Митрофанов»

Где бы семья ни жила — в имении, на Проломной, на Банной, на опытной станции, в Новосибирске, Елена Владимировна устраивала елки и другие праздники. Для творчества привлекались все живущие в доме. Тем более, что кадры для постановок были великолепные: замечательными пианистками были сама хозяйка, сестра Свети Анна, старшая дочь Марков-

ских Лена (Дека), жена Павла Зейферта Валентина, чудесно пела младшая дочь Марковских Нина. Были неплохие певцы из постоянных гостей. К каждой елке — новый спектакль. Елена Владимировна затрачивала всю свою энергию и много сил на подготовку этих постановок — сценарий, репетиции, костюмы, реквизит, декорации и т.д. — все было продумано ею. Спектакли собирали большое количество публики и имели шумный успех.

Примерно до 1925 г. девочки, Ляля, Дека и Нина, учились дома. Учились по-старинке: математику, русский язык и историю преподавал им Фоч (Иван Фотиевич Пономарев), французский и немецкий — проходящие учительницы, географию — Анна Святославовна Марковская. Девочки, особенно Ляля и Нина, много читали. Особое место в образовании занимали уроки музыки. В то время в Омске славилась как преподаватель-пианист некая Шуман. Она была когда-то женой профессора Петербургской консерватории и начинала свою карьеру выступающей пианистки. Но случился у нее страстный роман с офицером Чехословацкого корпуса легионеров, она все бросила — мужа, карьеру, и отправилась вместе с ним по Транссибирской железной дороге в сторону Владивостока, чтобы далее на кораблях отплыть в Европу. Когда отряд чехословаков остановился в Омске, соперница плеснула пианистке в лицо соляной кислотой. Половина лица была обезображена. Шуман осталась в Омске, давала частные уроки игры на фортепиано, иногда давала и сольные концерты, с большой охотой посещаемые омской интеллигенцией. Садилась она всегда безукоризненно красивым профилем к публике, никогда не поворачиваясь к ней всем лицом, другая половина которого была страшной. Учителем она была замечательным. Лена (Дека) играла очень хорошо, проучившись у Шуман несколько лет, музыку никогда не оставляла и сделала ее своей профессией. Уже после войны, в Сталинграде, стала музыкальным работником в детских садах, хотя по образованию была преподавателем русского языка и литературы.

В конце 20-х годов младшая дочь Марковских Нина пошла в школу. Она, конечно, хорошо читала и писала, знала арифметику, говорила по-немецки и немного по-французски. И вот восьмилетним ребенком Нина приняла участие в программе ликбеза (ликвидация безграмотности), ходила по домам, часто в беднейших районах овражных улочек, учила читать, писать и считать. Уже с такого раннего возраста проявился в ней педагогический талант. Великая княгиня Ольга Александровна (сестра Николая II) в 30-х гг. писала, что дошли до нее слухи о том, что в России покончено с безграмотностью, она же, мол, знает, что это невозможно, на это требует-

ся сотня лет, если не более. Однако, оказалось возможным благодаря не только открытым школам, классам и т.д., но и целой детской армии борцов с народной неграмотностью.

*Нина Святославовна Веденяпина,
урожд. Марковская. 1949 г.*

В 1929 г. Святослав Святославович написал книгу о том, как должно развиваться сельское хозяйство Сибири — плод его научных исканий, основанных на богатом опыте. Впервые он писал об агропромышленных комплексах. Среди его научных близких друзей-единомышленников были А. В. Чайнов, профессор И. И. Осипов. Светя собирался в Америку изучать опыт сельского хозяйствования США, готовился ехать в экспедицию с Н. И. Вавиловым. Но не суждено было.

В 30-х гг. Святослава Святославовича перевели в Новосибирск, где он, будучи уже видным специалистом, работал главным консультантом крайкома по сельскому хозяйству. Дали большую квартиру на ул. Советской.

К этому времени огромная семья уже растеклась на отдельные ручки и протоки: Зейферт и Зоя остались в Омске, мальчики уехали учиться: Валериан — в Ленинград, Игорь — в Томский университет, Андрей поступал в Ленинградский университет, но поступление совпало с очередной отсидкой отца в лагере НКВД, и у Андрея не приняли документы. Он устроился в экспедицию и где-то на Урале погиб. Андрей был прирожденный биолог, вместе с Игорем у них была страсть — птицы. Чучела птиц, замечательно сделанные братьями, украшали дом и служили театральным реквизитом, важным элементом театральных декораций. Ляля — Ольга Арвидовна

Зейферт, кончив сельскохозяйственную академию в Омске, получила направление в казахские степи.

Игорь Александрович Долгушин. 1957 г.

Родом из Омска была знаменитая в Сибири, да и в России певица (колоратурное сопрано) Д. Я. Пантофель-Нечецкая — «сибирский соловей». Пела в Новосибирской опере. У нас есть ее пластинка, в юности я ею заслушивалась. Бабуся уже в Новосибирске показала Нину примадонне. Пантофель-Нечецкая прослушала Нину и сказала, что ей обязательно надо учиться пению и только в Москве. Голос и тембр — редкие. Дала ей несколько уроков и письмо к Неждановой. Нина кончала школу, училась отлично. Светя сказал: «Голос — дело ненадежное, сегодня есть, завтра нет. Поступай в университет, получи специальность, а там — делай, что хочешь». Нине же очень хотелось учиться петь.

В 1930 году в Сибири было инспирировано дело Трудовой крестьянской партии, будто бы организовавшей вредительство в сельском хозяйстве. Многие ведущие специалисты сельского хозяйства края были арестованы. Среди них были председатель Омского сельхозобщества С. С. Марковский, краевой агроном профессор И. И. Осипов (идеолог квалифицированной подготовки агрономов-организаторов в Сибаке), профессор, руководитель опытной станции Г. Н. Скалозубов. Всех обвинили во вредительстве в сельском хозяйстве и стремлении реставрировать капитализм.

Арестовывали Светю в 29, 31 и в 33 гг., но выпускали. Наказание он отбывал в совхозе НКВД. Аресты 20-х и начала 30-х гг. еще были «вегетарианские».

В совхозах НКВД, где отбывали наказание Марковский и Зейферт, разрешали жить семьям, навещать. Именно в лагере нашла свою судьбу старшая дочь бабуся — Елена Святославовна (Дека). Вышла замуж за заключенного Бориса Матвеевича Симонова, сидевшего по обвинению в троцкизме. Поэтому жизнь в лагерях была для членов семьи и бабуся — обычным явлением. Арест 37-го был совсем иным. В 1937 г. Святослав Святославович был опять арестован по делу Трудовой крестьянской партии. В это время у Марковских жила маленькая дочь Ляли (Ольги Арвидовны) Лиля, которой было 4 года. Она помнит большую комнату квартиры на Советской, полную людей, много мужчин. За пианино — Дека, Нина поет. И потом эпизод: Лиля выходит из квартиры, сбегает по лестнице, а навстречу ей поднимается мальчишка из двора. Он ей говорит: «Что, вашего дедушку сегодня ночью взяли?». Книгу Свети уничтожили, а какие-то экземпляры должны были храниться в самом глубоком Спецхране, откуда при жизни мамы ничто еще не выплывало на свет божий. А ей очень хотелось книгу увидеть. Книга еще была у Ляли, но та ее сожгла в эти страшные годы.

*Елена Святославовна Симонова,
урожд. Марковская. 1950-е гг.*

Выгнали из квартиры, многое конфисковали. Каким-то образом бабуся удалось спрятать часть «фамильных драгоценностей», которые помогли выжить в тяжелые годы гонений. Братьев Зейфертов тоже арестовали.

Кормильцев в семье больше не было. Бабуся купила маленькую избушку в овраге на Закаменке, куда перевезла пианино. В эту избушку стал стекаться оставшийся народ семьи... Но любое жилье оживало, когда был инструмент и звучала музыка! Отсюда бабуся ездила в Новосибирск в тюрьму, возила передачи. Рассказывала, как ее вместе с другими женщинами солдаты прикладами гнали от окошка, у которого ждали каких-либо известий от родных.

Однажды бабуся поехала в тюрьму с передачей, но ей объявили, что Марковского лишили передач и переписки, ничего не объясняя. Тем не менее передачу забрали. В ужасном состоянии она пошла и сфотографировалась. Фото с написанным на обороте письмом послала своей приятельнице Вере Владимировне.

Текст письма: «10.03. Зима на фоне лета. Дорогой Вере Владимировне в память тяжелого дня пишущего. Решила сняться, уж очень мне было тошно. С. лишили передачи после 9-ти месяцев сидения. Но, конечно, сейчас же взяли, и сумка его пуста. На руке корзинка Осипова, а в руке продукт. В тот день его увезли в Омск. Я понесла все домой. Очень была рада, что с меня снята забота».

Хорошо, что Нина успела поступить в Московский университет, и отцу смогли сообщить об этом! Письма уже не принимали, но на полотенце, в которое был завернут хлеб, бабуся вышила здание МГУ.

На первом же курсе маму стали выгонять из комсомола (что равносильно было отчислению из университета) или же требовали отказаться от отца. Комсомольская активистка Катя сказала: «Ты хорошая дочь, но плохая комсомолка. Нам такие не нужны» — и поставила вопрос об отчислении. Собрание, к чести биофаковских ребят, не утвердило обычную для тех лет экзекуцию. Нину знали все, она была общественница, пела в концертах с огромным успехом, была сияющая. А эта Катя вела у меня в 66-67 году практикум по микробиологии. Подсела ко мне, такая добрая и улыбочивая: «Ты дочка Нины Марковской? Я прекрасно знала твою маму — такая замечательная была, такая общественница! А как пела!». Мама на мой рассказ об этом улыбнулась и сказала, что «вряд ли она помнит, что чуть не сломала мне жизнь». Мама занималась пением в университетской студии, где традиционно были прекрасные педагоги. На всех конкурсах мама, с ее чудным солнечным лирико-колоратурным сопрано, была победительницей. На одном из конкурсов в жюри сидела сама Нежданова. После мамингого выступления она подозвала ее и сказала, что учиться необходимо. Мама упомянула Пантофель-Нечецкую, ее письмо. Кончился

разговор тем, что Нежданова написала рекомендательное письмо лучшему профессору вокала в Московской консерватории Дорлиак, матери Нины Дорлиак, жены Рихтера. «Когда решишься посвятить себя пению, пойди с этим письмом к ней».

Святослав Святославович Марковский был расстрелян в 1937 г. Ему было 56 лет. Братья Зейферт были сосланы в тюрьмы Казахстана, где и погибли во время войны.

После объявления приговора — «10 лет без права переписки» — начались скитания. Сначала Елена Владимировна уехала в Кузедеево (Алтайский край), куда после лагеря НКВД направили Бориса Матвеевича Симонова и куда они с Декой, когда Арвида посадили, забрали маленьких Таню с Олегом. Затем бабуся с Симоновыми и детьми переехала в Кривошеково Новосибирской обл., куда к бабусе приезжала Лика Марковская с внучкой Лилей, а затем (перед самой войной) — в Нальчик, куда получил назначение как инженер-железнодорожник Симонов. Во время войны в Нальчик в эвакуацию стали было стекаться члены семьи. Приехала Нина. Но Нальчик очень скоро оказался под немцами. Симонов, как только удалось, перешел линию фронта и сражался в рядах Красной Армии.

Из Нальчика бабуся с дочерьми после освобождения переехали в Мелитополь, где мама и Дека стали работать в пединституте, мама преподавала биохимию. Кроме того, пела в театре. В 1944 г. в Мелитополь приехал после победы в Севастополе танкист-подполковник Георгий Владимирович Веденяпин. Увидел в пединституте Деку, тут же с ней познакомился. Она пригласила его в гости. Нина пела. Любовь возникла сразу, на ухаживания времени не было, Георгий снова уезжал на фронт, теперь уже Прибалтийский. Они писали друг другу письма, очень часто, и после войны поженились в Москве. Мама уехала в Москву доучиваться в университете. Письмо от Неждановой хранила, желание учиться пению в консерватории за войну ничуть не угасло. До получения университетского диплома осталось месяца 2, до окончания войны — столько же. Нина взяла письмо и отправилась к знаменитой профессорше, в то время — руководителю оперной студии консерватории и зав. кафедрой сольного и камерного пения. Открывшая ей дверь женщина сказала: «Ксения Николаевна только что умерла». Дорлиак умерла во время урока. Ученица пела, Дорлиак сказала: «Стойте!» — и встала с кресла. Тут же упала и умерла. Мама решила, что не судьба.

Б. М. Симонов умер, вернувшись с фронта, от прободения язвы.

Георгий Владимирович получил направление на восстановление Сталинградского сельхозинститута. После всех скитаний, голода и лишений

семья опять обрела свою гавань. Бабуся осталась жить в семье своей младшей дочери Нины, в семье Веденяпиных, растить меня и сестру Машу, родившихся соответственно в 1947 и 1953 гг. К бабусяе опять стали стекаться осколки семьи, разбросанной судьбой и войной по свету. В Сталинград приехала Таня Зейферт, Ната с совсем маленькой внучкой Лелей, а потом и Ляля (Ольга Арвидовна Зейферт) со своими детьми — Лилей и Андреем. Периодически с нами жила старшая дочь бабусяи Елена Святославовна Симонова (Дека). Приезжала не раз в гости Зоюнчик.

После XX съезда, когда началась реабилитация невинно осужденных, бабуся с Натой ездили в Новосибирск. Получили справку от органов о реабилитации Свети и лживую справку о том, что он умер в 1942 г. от сердечной недостаточности, работая в совхозе НКВД по специальности. Мы с мамой и папой встречали бабусяю из этой поездки. Мне было лет 10. Я, конечно, ничего не знала, но, видимо, инстинктивно чувствовала важность происходящего, потому что очень хорошо запомнила эту встречу. Бабусяино лицо, когда я к ней бросилась, и сейчас стоит у меня перед глазами. Мне бабуся протянула стаканчик с земляничкой, сказав: «Привет из сибирских степей». Я впервые вдохнула дивный аромат степной земляники, мне он показался просто волшебным. И всегда, когда вижу настоящую землянику, я вспоминаю этот стаканчик. Что пришлось пережить бабусяе в этой поездке, я стала представлять уже слишком поздно. Я знала, что папа предложил бабусяе хлопотать о пенсии за Светю, но бабуся отказалась.

Наше с сестрой очень счастливое детство озарено было бабусяиной любовью и заботой, ее особенной незаурядной личностью. У бабусяи очень рано стали болеть ноги, я ее помню уже с палочкой. Но инфекционными или какими-то другими заболеваниями она не болела. Примерно года за полтора до смерти она заболела пневмонией, и ее положили в больницу. Больница была «обкомовская», бабусяе там даже понравилось — ведь первый раз не она заботилась и ухаживала за кем-то, как делала всю жизнь, а за ней ухаживали. Но болезнь для нее была опасной, подорвала ей сердце. Мне бабуся рассказывала, что в начале болезни, лежа дома, она увидела у себя в ногах сидящего Светю. Бабуся гордилась мамой, ее научными успехами, видела в ней талант ее отца, но в глубине души очень жалела пропавший мамин талант певицы.

Последний год она все перечитывала Толстого, «Войну и мир». Умерла бабуся в одночасье. Сказала собиравшейся на работу маме: «Что-то душно мне, пойду посижу на улице». Взяла для птиц старый хлеб (чтобы не выбрасывать — грех!) и ушла. Мама почему-то задержалась с уходом.

Вдруг — звонок. Мама открывает дверь — бабуся упала ей на руки. Через час бабуся не стало.

У бабуся были синие глаза, глубокой синевы, как Волга осенью в солнечный день. Синими они сохранялись до смерти. Такого цвета глаза мне в жизни больше не встречались. А у меня в душе всегда звучат мамины слова: «*Вся жизнь моих родителей была освещена необыкновенно светлым чувством, которое помогало переносить все невзгоды в лихие години, обильно обрушивающиеся на нашу семью. Великое чувство оптимизма, доверия и любви друг к другу, умение стойко и мужественно справляться с бедой передалось и нам — их детям*». Наверное, этим и определяется жизнестойкость «сибирского корня».

*Елена Веденяпина,
г. Санкт-Петербург*

Краеведение

«Правда, правда, иди наружу...»

Рискнем потревожить внимание читателей «Подорожника» и сообщить некоторые ставшие известными в последнее время сведения о жизни Евстафия Михайловича Прилуцкого, о котором в № 13 этого альманаха рассказывалось в очерке «И остался, яко был, — в одних низиках...». Эти сведения были обнаружены в Тобольском государственном архиве. Возможно, они полнее раскроют читателю непростой и нередко противоречивый характер Прилуцкого.

Судебный приговор

Прилуцкий Евстафий Михайлович, крестьянского сословия, православно вероисповедования, родился 12 октября 1870 г. (по другим источникам — в 1869 г.) в д. Речица Пинского уезда Минской губернии. В 1890 г. был призван на военную службу. Военскую повинность отбывал в г. Вильно в 107-м пехотном Троицком полку. Демобилизовался в 1895 г. в звании ефрейтора. Переехал в г. Одессу, устроился приказчиком в казенную винную лавку. Вступил в партию эсеров. Женился. Дочь родилась. И жить бы ему-поживать, добро наживать да вино попить. Ан нет! Приговор Одесского военного окружного суда с учетом местности, объявленной на военном положении, был суров.

«Выслушав дело, суд признал подсудимого крестьянина Евстафия Михайловича Прилуцкого виновным в том, что он 20 декабря 1905 г. в десятом часу вечера в городе Одесса, в зале III класса обратился к находящимся там уволенным в запас и отправляющимся на родину нижним чинам Одесской бригады Отдельного корпуса пограничной стражи с следующей речью: «Возвратясь на родину, вы разъясняйте своим родным и знакомым, чтобы они восстали против правительства и требовали всевозможных улучшений; что если они восстанут и присоединятся к нам, революционерам, то мы вместе можем низвергнуть правительство, создать учредительное собрание и устроить в России республику, и тогда всем нам будет лучше; вы же, состоящие на военной службе, не слушайте своего начальства, которое заставляет вас стрелять в нас — братьев, которые уже добились

улучшения вашего быта, а последуйте примеру некоторых из ваших братьев, сложивших оружие и присоединившихся к нам»».

Речь пламенная и дерзкая. Но неужели новоиспеченный революционер не осознавал, на что он обрекает себя и свою семью? Или надеялся на то, что власти пропустят мимо ушей его призывы?..

Одесский военный суд, следуя букве уголовного закона, «нашел, что это преступное деяние по признакам, в нем заключающимся, есть произнесение публичной речи, возбуждающей к бунтовщическому действию. И по силе всей виновности за совершение сего преступного деяния подсудимый Прилуцкий подлежит лишению прав состояния и ссылке на поселение...».

И повезли незадачливого оратора из теплых краев в холодную Сибирь. Согласно сопроводительному статейному списку от 18 мая 1906 г. в ссылку также следовала семья Прилуцкого: жена Фекла Захаровна — 34 лет, сын Стахей — 8 лет, дочери: Елена — 10 лет, Юлия — 4 лет. Глава семейства следовал в наручниках.

9 июля 1906 г. тобольский губернатор определил Прилуцкого на поселение в деревню Кутарбитку Карачинской волости Тобольского уезда, стоящую на этапном тракте. Как человек деятельный и сноровистый, Прилуцкий сумел на чужбине в короткий срок обзавестись своим домом и полноценным крестьянским хозяйством. Лев Троцкий, следуя через Кутарбитку в ссылку, в своей книге «Туда и обратно» посвятил несколько строчек встрече с Прилуцким: «Здесь живет всего один политический, ссыльнопоселенец, бывший сиделец винной лавки в Одессе, осужденный за пропаганду среди солдат. Он приходил к нам с продуктами на этап и рассказывал об условиях жизни в Тобольской губернии».

Узник Тобольского замка

Ни строгий приговор, ни суровый сибирский климат, похоже, не остудили пламенного революционера. Осмотревшись в деревне, он, судя по донесениям полиции, продолжил среди крестьян революционную пропаганду и агитацию, за что и был определен на трехмесячное «жительство» в Тобольский тюремный замок.

Может быть, здесь, в неволе у Прилуцкого и развился самобытный «писательский» дар. Три дела Тобольского архива содержат его многочисленные обращения в различные судебные и полицейские инстанции, в коих он пытается оправдаться и разжалобить власть. Не успели захлопнуться двери тюремной камеры, как он пишет прошение губернатору:

«...Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство обратить внимание не надо мной, а над моим семейным положением. Тюрьма меня не исправляет, исправляет меня добрый совет человека. Пусть какое лицо сделает допрос в обществе Кутарбитки. Если скажут, что я худой человек для народа, то я соглашусь [на] 3 месяца тюрьмы. Я не учу народ худому делу, а наоборот, учу всему хорошему. Потому я есть Первый русский работник. Ну что же я сделаю? Нашлась коварная душа и донесла ложь на меня... Ваше Превосходительство, обратите внимание и освободите меня. Что несчастная семья должна делать на чужой стороне? Мне недосуг заниматься пропагандой, мне надо до пота работать, дабы семью прокормить».

А тут и дети бросились выручать из тюремного заключения своего непутевого отца.

«23 декабря 1907 года нашего папу Евстафия Прилуцкого по распоряжению тобольского уездного исправника забрали, несмотря на то, что при обыске нашей квартиры полицией ничего не найдено. Ввиду его отсутствия мы, дети, в числе трех как малолетние остались при больной матери, не имея никаких средств на существование. Мы должны переносить голод и холод. Освободите нашего папу. Мы без отца жить не можем и тем более на чужбине...». На документе стоит резолюция губернатора: «Если ничего не обнаружится, при дальнейшем — освободить!».

7 апреля 1908 г. в Тобольске состоялся суд. В обвинительной речи прокурор сообщил суду о том, что обвиняемый ведет в деревне Кутарбитка пропаганду среди местного крестьянского населения. Что Прилуцкий не раз высказывал посещавшим его жителям деревни своё убеждение в том, что «не нужно признавать законы Государя и правящих властей, что строй России нужно переделать, что вместо Царя нужно избрать Президента и тогда будет легче жить». Кроме этого, по свидетельству еще одного крестьянина, Прилуцкий пел «какие-то песни, причем свидетель запомнил только одну, в которой Государь назывался кровопийцей».

На суде Евстафий Прилуцкий не признал себя виновным и утверждал, что он никому никогда никаких призывов к ниспровержению существующего строя и неповиновению властям не высказывал и просил в подтверждение своей правоты допросить свидетелей. Опрошенные свидетели заявили, что они никогда ни о чем с Прилуцким не разговаривали и избегали разговоров с ним, а те, кто не смогли прийти, прислали коллективное письменное объяснение: «За время проживания в нашей местности (17 месяцев) Прилуцкий, как нам известно, живет хорошо, занимается физическим трудом, чем и пропитывает свое семейство. Ни в чем предосудительном не

замечен, как-то: в воровстве, в разбоях и противоправных агитациях среди населения, как и у нас самих, так и в известных нам ближайших селениях...».

Тобольский окружной суд вынес решение: «Признать подсудимого Прилуцкого невиновным в совершении инкриминируемых ему преступлений. Считать обвинения недоказанными и Е. М. Прилуцкого по суду оправданным!».

Вот тебе и царский суд, засаживающий за решетку за малейшее политическое инакомыслие!

После освобождения из тюремного замка Прилуцкий был вновь водворен в Кутарбитку, и за ним было установлено тайное наблюдение.

О наказуемом добре

27 апреля 1908 г. тобольский пристав по результатам тайного наблюдения сообщал уездному исправнику: «Устроил в своем доме притон, в котором собираются все прохожие, нищие, оборванцы и бродяги. Они пьют вино постоянно, днем и ночью, покупая его у Прилуцкого и пропивая у его все собранное подаяние. Прилуцкий имеет в своем доме и приют для проходящих арестантских партий через Кутарбитский этап во время стоянки этих партий на этапе, в состав коих входят политические ссыльные. Эти последние целыми группами являются в квартиру, сопровождаемые солдатами, получая и выпивку, и закуску от Прилуцкого. Бывают случаи, что политические ссыльные оставались в доме Прилуцкого на ночлег вместо ночевки в этапных помещениях, точно так же, как охраняющие их, которые вряд ли в таком обществе и такой обстановке могут узнать что-либо доброе и хорошее. Соблазненные приютом у Прилуцкого местные жители нередко посещают его дом, пьянствуя там и затевая частые драки».

Думается, есть все основания доверять этим документам. Все-таки чиновники в своих рапортах и донесениях вряд ли могли бесцеремонно писать «наветы» и «топить» Прилуцкого.

Не прошло и года, как «вихри враждебные» вновь сгустились над Прилуцким. Наверное, все-таки строптивый одессит явно не вписывался в размеренный уклад сибирской деревни. Не всегда чужаки приходятся ко двору, тем более деятельные. 8 марта 1909 г. крестьяне деревни Кутарбитка после сельского схода обратились к крестьянскому начальнику с просьбой

об удалении Евстафия Прилуцкого из деревни. Крестьянский начальник обращается с рапортом к губернатору: «Прилуцкий по характеру человек крайне беспокойный и задирчивый. Больше всего неприятностей происходит на почве доставления продуктов арестантским партиям, проходившим через Кутарбитский этап. Прилуцкий старался продукты доставать сам и всякими мерами противодействовал этим местным крестьянам: выходил навстречу проходившим партиям, убеждал арестантов не покупать у крестьян продуктов. Кроме сего, он подговаривал арестантов быть недовольными содержателями этапных помещений, указывая арестантам на якобы плохую еду, доставленную в этап, и плохое отопление. Потому что сам хотел взять содержание этапного помещения, но этого ему не разрешили, как ссыльнопоселенцу. Когда между ним и содержателем этапных помещений крестьянином Весниным произошла драка и об этом сельский староста составил протокол, то Прилуцкий начал угрожать ему. Все время Прилуцкий через посредничество своей дочери передавал арестантам какие-то записки, что вызвало боязнь у крестьян, и его начали бояться как человека подозрительного. Вся эта обстановка и заставила крестьян просить приговором сельского схода удалить Прилуцкого из деревни».

На следующий день после деревенского схода Прилуцкий, стремясь спасти свое положение и, как выясняется по документу, доходное место, обращается с очередным прошением к губернатору: «Господин Тобольский исправник приказал мне выехать из Кутарбитки. Причина этого ниже-следующая. Идущие партии арестантов политических нанимают подводы, вот я свои лошади давал под арестантов. Крестьяне этой деревни носили на меня злобу, дескать, я отнял их заработок. Крестьяне меня часто перед арестантами беспощадно выругали и угрожали убийством. За деньги, пищу, за это крестьяне избили меня беспощадно и составили приговор — убрать меня по этапу. Я вынужден с семейством по миру идти. Прошу Ваше Превосходительство пожалеть моих детей и оставить меня на месте...».

О выселении

Рапорт тобольского уездного исправника по запросу губернатора о положении с Прилуцким ставит точку в вопросе о выселении. «Ввиду вредного влияния его на окружающее население, было предложено установить за ним тайное наблюдение, и в случае продолжения им преступной деятельности сделать представление о его выселении из д. Кутар-

битки в другую местность. За Прилуцким было установлено наблюдение, из которого выяснилось, что он не только не исправился, а наоборот, чем дольше живет, тем становится в своих действиях нахальнее, грубее и опаснее, так что местное общество, где он проживает, тоже просит о его выдворении. Донося о вышеизложенном, с представлением дознания, прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение о выселении из пределов Тобольского уезда Прилуцкого как положительно вредного человека, и вообще проживание его в деревне Кутарбитке, находящейся на Тюменско-Тобольском этапном тракте, тем более, что в деревне Кутарбитка имеется этап, я нахожу недопустимым».

На рапорте стоит резолюция губернатора «Выслать из пределов Тобольского уезда Прилуцкого, как вредного для населения человека».

18 апреля 1909 г. Прилуцкий заключен в Тобольский тюремный замок с последующей высылкой этапным порядком в Барнаульский уезд Томской губернии.

Где же правда?

На новом месте жительства в селе Иня Малышевской волости Барнаульского уезда Томской губернии Прилуцкий не приживается. Что-то тянет его в Кутарбитку... И он, не теряя надежды, вновь берется за перо: «Меня оклеветали... Я беззащитный среди диких крестьян... Правда, правда, иди наружу!» — взывает он в прошении к тобольскому губернатору, умоляя о разрешении вернуться в Кутарбитку. Демократичный губернатор в свою очередь запрашивает томского губернатора о поведении и образе жизни Прилуцкого. Ответ весьма положительный: «...ни в чем предсудительном замечен не был, к делам политического характера привлекаем не был, а равно не поступало сведений, которые указывали бы на противоправительственную деятельность названного лица».

Но тобольский уездный исправник категорически возражал против возвращения Прилуцкого в Кутарбитку. Рассмотрев 3 августа 1910 г. рапорт исправника, губернатор принял к сведению изложенные доводы и разрешил вернуться Прилуцкому в пределы Тобольской губернии. Беря во внимание потенциальную угрозу от Прилуцкого для крестьян деревни Кутарбитка, ему определили место поселения в деревне Старо-Нефедьевой все той же Карачинской волости Тобольского уезда.

О хуле

Но и на новом месте жительства, как показали дальнейшие события, проблемному Прилуцкому не удалось прижиться. Наверное, наконец-то осознав, что «гнать волну» на царя-батюшку — занятие отнюдь не безобидное, можно и совсем без «низиков» остаться, эсер решил сменить поле деятельности и «покатил бочку» на «опиум для народа». Уже через год староста деревни докладывал исправнику о том, что проживающий в их деревне ссыльнопоселенец Е. М. Прилуцкий «... ругает Божию Матерь и делает населению угрозы».

Полицейским урядником было произведено дознание, и опрошенные свидетели показали, что 8 июля 1911 г. во время праздника чествования Абалакской иконы Божией Матери к крестьянам подошел Прилуцкий, «будучи трезвым, вмешался в их разговор, произнес хулу и оскорбление Божией Матери, обругав ее скверно матерными словами». Один из свидетелей удостоверил, что тот же Прилуцкий и раньше допускал сквернословие по адресу святой иконы: «Для чего жечь у икон свечи, лучше те деньги пропить и напиться». И что Прилуцкий иконы называл крышкой и доской и не признавал их за лик Божий. И что Прилуцкий говорил: «Ваша Божия Матерь — сбирательница, за ней только ходят снохачи (развратники)». Произнесенные Прилуцким слова свидетели посчитали за оскорбление Божией Матери.

На следствии Прилуцкий, как обычно, не признал себя виновным в инкриминируемом ему преступлении, объясняя это тем, что свидетели показывают на него по злобе. Хотя свидетельскими показаниями вполне уличался в содеянном.

5 мая 1912 г. тобольский уездный исправник, рассмотрев материалы дознания и предварительного следствия и беря во внимание, что «Прилуцкий человек невежественный», постановил за хулу и оскорбления Иконы Абалакской Божией Матери «с целью произвести соблазн между присутствующими, подвергнуть аресту при волости сроком на 2 с половиной месяца». Это постановление исправника было предъявлено Прилуцкому уже... в Сургуте 28 декабря 1912 г. Годом раньше крестьяне деревни Старо-Нефедьевой Тобольского уезда все же добились от властей удаления Прилуцкого из их местности.

Царская милость

Так как при Сургутской полицейской управе и во всем уезде не оказалось «приличной» каталажной камеры, было принято решение «временно проживающего в Сургуте Прилуцкого арестовать и для выдержания под стражей в течение указанного времени отослать в Самаровское волостное правление». В попутном списке осужденного указывались и приметы богохульника: «лет — 43, рост — 2 аршина 5 ½ вершка, волосы — темнорусые, глаза — карие».

3 января 1913 г., переночевав ночь в камере Самаровского волостного правления, Прилуцкий вновь берется за перо «с покорнейшим прошением» тобольскому уездному исправнику. Как обычно, просит обратить внимание на его невинное семейство, большую жену и малых детей. «Зимняя пора, что они могут делать без меня? Как хлеб достать? Я невиновен, бедные крестьяне сами не знают, что говорят. Оклеветали меня напрасно. Эти свидетели сами себе не рады, что меня невинно запутали. Для меня все равно — терпеть всякое насилие и ложь. Но дети мои еще без крыла. Но знают, что отец невиновный. А участь моя такова — страдать им и мне по Сибири. Я был богат, и вот такими нападками меня вовсе разорили. Два дома мои в Сибири пошли даром. Просим Вас, господин Исправник, замените наказание вашей властью».

Возможно, Прилуцкий разжалобил бы и тобольского исправника, но по счастливому совпадению суждено было опальному ссыльнопоселенцу получить милость от самого государя. 21 февраля 1913 г. последовал Высочайший манифест в честь 300-летия царствования Дома Романовых. По случаю празднования этой знаменательной даты всем верноподанным была объявлена амнистия, в том числе и политзаключенным. «Не оставили Мы Нашим вниманием и тех наших подданных, кои в силу судебного приговора или в порядке административном несут кару за нарушение уголовного закона или за неподчинение установленному властью порядку и заслуживают, по тем или иным основаниям, снисхождения, повелев сложить полностью или частично отбываемое ими наказание».

Подпал под амнистию и горемыка-проситель Прилуцкий. Просидев 51 сутки в камере Самаровского волостного правления, он был освобожден из-под стражи и водворен на жительство в Сургут.

Финал

Какие мытарства еще ожидали неугомонного члена партии эсеров, вы уже знаете по предыдущей публикации в «Подорожнике». К этому можно еще добавить некоторые факты из архивного уголовного дела, хранящегося в региональном управлении ФСБ по Тюменской области. Образование Евстафий Прилуцкий получил домашнее — самоучка. С 1917 по 1920 год состоял в ВКП(б). Имущественное положение поселенца до 1917 года состояло из дома, 6 лошадей, 3 коров. «В 1926 г. ездил к Троцкому в Москву за получением установок в контрреволюционной работе». В 1928 г. по ст. 58 п.10 УК РСФСР за контрреволюционную деятельность коллегией ОГПУ в г. Новосибирске осужден на 3 года ссылки. 10 августа 1937 г. арестован органами НКВД. По ст. 58 п. 10, 11 УК РСФСР обвинялся в том, что «являлся организатором и руководителем контрреволюционной террористическо-повстанческой группы, ставившей своей целью свержение советской власти вооруженным путем в момент нападения капиталистических стран, распространял пораженческие слухи о скорой гибели советской власти. Сожалел о расстрелянных врагах народа. Рассказывал террористические намерения по отношению руководителей советской власти...». 29 ноября 1937 г. расстрелян.

7 мая 1960 г. президиум Тюменского областного суда постановил решение тройки при УНКВД по Омской области от 22.11.1937 г. отменить, дело в отношении Прилуцкого Е.М. производством прекратить за недоказанностью состава преступления.

Использованные источники:

1. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 262.
2. Там же. Ф. И-152. Оп. 21. Д. 322.
3. Там же. Ф. И-158. Оп. 9. Д. 6137.
4. Архив регионального правления ФСБ по Тюменской области. Ф. 5. Оп. 38. Д. 3070. Т. 1.

*Подготовлено к публикации
Филиппом Зиньковским*

«Перековка» — газета для спецпереселенцев

На протяжении длительного времени Сургутский краеведческий музей занимается выявлением периодических изданий 30-х годов, которые издавались в Сургуте и Сургутском районе. В результате работы с архивными источниками удалось установить, что в 1935 г. в Сургуте издавалась многотиражная газета «Перековка», печатное издание Сургутского райисполкома. Первый номер её вышел 3 апреля 1935 г. тиражом 1 тысяча экземпляров.

Уже по названию издания понятно, что основной читательской аудиторией были ссыльные крестьяне. Предполагалось, что сознание «преступных элементов» можно было переделать, «перековать». Эта идея и сам термин возникли на Беломорканале и в Соловецких лагерях в 1930 году. Впоследствии это слово часто употреблялось в разговорной речи, в СМИ и даже приказах ОГПУ. Газеты должны были мобилизовать спецпереселенцев на борьбу за выполнение производственных заданий, за быстрое хозяйственное освоение, способствовать оседанию спецпереселенцев в местах ссылки и их перевоспитанию, в особенности молодежи, «вырабатывая» будущих сознательных участников строительства социалистического общества.

В середине 30-х годов название «Перековка» стало популярным среди «специализированных» изданий, газеты под таким названием стали издаваться по всей стране: в Витебской трудколонии НКВД, при Камышловском райисполкоме, 1-й Ленинградской школе ФЗУ, Донецком областном отделе исправительно-трудовых работ, Черемховской райкомендатуре и др.

Газета «Перековка», издававшаяся в Сургуте, имела свои характерные особенности. Заголовки статей были экспрессивные и в основном содержали призывы: «В лесу работать на отлично», «Шире развернуть культпоход», «Молодежь Погорельского поселка — где ваша инициатива?»

В статье «Вести борьбу за лес, пушнину, рыбу, животноводство» рассказывается, как воспитываются из бывших «эксплуататоров, врагов трудящихся» полноправные граждане, труд которых станет «первым

спутником их жизни и вместе с экономическим подъемом вырастет новый человек».

Селькоры газеты беспощадно клеймят лодырей, симулянтов, агитируют за выполнение планов по животноводству, посеву, рыбе, пушнине и лесозаготовке. В статьях «Лодыри позорят лесорубов», «Лентяи тормозят работу ударников» бичуются нерадивые работники, которые срывают выполнение планов и оказывают отрицательное влияние на других членов бригад.

В то же время много внимания уделяется быту спецпереселенцев. В статьях «Построили баню, посадили на улице деревья», «Бороться за культурные квартиры и поселки» корреспонденты призывают вести работы по благоустройству и озеленению, строительству объектов соцкультбыта, увеличению числа чистых квартир.

Ответственным редактором сургутской газеты был назначен Алексей Иванович Ратников. Впоследствии он станет первым редактором нового газетного издания — «Организатор».

Постоянно менявшаяся общественно-политическая ситуация и цензура негативно влияли на сохранность газет, поэтому даже самые крупные библиотеки не располагают полными комплектами. К сожалению, не удалось установить количество изданных номеров газеты «Перековка» и причины, по которым она прекратила свое существование.

*Ольга Дергачева,
заведующая библиотекой
Сургутского краеведческого музея*

Записка Н. Козлова* о нуждах рыбопромышленности р. Оби

Сибирь до ее политического завоевания была сперва завоевана торговлей и промышленностью.

Реки Западной Сибири были теми естественными дорогами, по которым русские проникли в Сибирь и затем завладели ею, заселив удобные места сначала по побережью рек, а затем и вглубь страны, и лишь нижнее течение р. Оби, благодаря суровым климатическим условиям, осталось незаселенным, несмотря на рыбные богатства этой реки.

По официальным сведениям, за 5-летие с 1852 по 1857 год из Березовского округа отправлено зимним путем: осетрины до 6200 пудов, стерляди 150 пуд., нельмы 2550 пуд., карася 1100 пуд., окуня 1900 пуд., налима 2450 пуд., щуки 19000 пуд., язя 40000 пуд., сухой щуки 500 пуд., сухого язя 1200 пуд., муксуна до 100000 шт., или 10000 пуд., щекура 1000 пуд., пыжьяна 2500 пуд., итого 88500 пуд., или по 17710 пуд. в одну зиму. Летним путем: осетрины 25000 пуд., стерляди 4500 пуд., нельмы 30000 пуд., муксуна 150000, или 150000 пуд., щуки 190000 пуд., язя 170000 пуд., сухой щуки 7000 пуд., сырка 10000 пуд., икры 900 пуд., клею 100 пуд., вязиги 30 пуд., итого рыбы 581200 пуд., по 116240 пуд. в лето, а всего в год по 133950 пуд.

Официальная статистика, как известно, большой точностью не отличается, основанная же на показаниях торговцев доброго старого времени, не знавших еще рекламы, а потому всегда склонных уменьшать величину своих оборотов, эти цифры еще меньше внушают доверия, и действительное количество вывозимой тогда рыбы надо считать гораздо большим, примерно около 200000 пудов.

В то время население побережья р. Оби было еще реже, чем теперь, пути сообщения еще хуже, так как тогда не знали еще паровой силы, а

* Нил Георгиевич Козлов (1861, г. Берёзов — после 1920) — главный бухгалтер и доверенный торговца дома «М. Плотников и сыновья» в Тобольске, впоследствии — директор Тобольского городского общественного банка, один из лучших знатоков рыбопромышленного дела Тобольской губернии. Имел звание личного почётного гражданина. Статья опубликована в «Трудах комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Тобольская губерния» (СПб., 1903. Т. LIII).

потому, при системе сплавного промысла, самый период рабочего времени был гораздо меньше — все эти обстоятельства влияли на количество вылавливаемой рыбы, но с тех пор некоторые условия изменились к лучшему, и улов рыбы достигает внушительных размеров, в настоящее время вывозится рыбы по приблизительному подсчету никак не меньше 700000 пудов в год. По словам г. Дунина-Горкавича, из Обдорска (с промыслов ниже этого пункта) вывозится рыбы, по приблизительному подсчету местных жителей, около 200000 пудов; с промыслов, расположенных между Обдорском и Самаровым, можно допустить приблизительно 70000 пудов. Вся эта рыба соленая (в том числе незначительная часть сухой около 10000 пуд.).

Из Самаровской волости вывозится соленой рыбы около 15000 пудов. Из Сургутского края соленой около 20000 пуд. и сухой около 5000 пуд. Всего 310000 пудов, в том числе соленой 295000 пуд. и сухой 15000 пуд., что в переводе на свежую составит 567000 пуд. (из 295000 пуд. соленой около 492000 свежей и из 15000 пуд. сухой 75000 пуд. свежей). Кроме того, вывозится мороженой рыбы: из Березовского края, начиная от с. Чемаш, около 35000 пуд., из Самаровской волости около 50000 пуд., из Сургутского края около 15000 пуд. и оттуда же к Томскому рынку около 10000 пуд., итого 677000, а с прибавлением того количества рыбы, которое употребляется населением для своего продовольствия (около 800000 пуд.), общее количество вылавливаемой рыбы определится в 1500000 пуд.

Рыбопромышленность в этом пустынном и малопродуктивном теперь для казны крае составляет основное занятие местного населения и дает пока продукты, которые не идут дальше Пермской, Вятской и Уфимской губерний в Европейской России и Тобольской и небольшой части Томской губ. в Сибири, главным образом, благодаря плохой обработке добываемой рыбы, не выдерживающей долгого хранения. В то время, как рыба астраханского приготовления не портится в бочках 2-3 года, тобольская рыба при первом же тепле портится, представляя из себя, таким образом, малоценный продукт, со сбытом которого нужно торопиться во что бы то ни стало во избежание порчи.

На ограниченность района сбыта рыбы не меньшее влияние имеет и потеря вкусовых качеств рыбы от неумелой обработки; по отзыву всех специалистов, обская рыба обладает высокими вкусовыми качествами и при надлежащей обработке или в свежем виде могла бы иметь широкий сбыт далеко за пределами нынешнего района ее сбыта.

Несмотря на такие неблагоприятные условия, рыбопромышленность тем не менее дает занятие и средства к пропитанию, уплате повинностей и

вообще средства к жизни не только редкому прибрежному инородческому населению севера, простирающемуся всего до 15000 чел., но и русскому населению как местного края, так и наемным рабочим ближайших к Тобольску и Тюмени волостей, — можно сказать, что рыбопромышленностью по р. Оби занято не менее 15000 чел. взрослого населения.

В 50-х годах по количеству добываемой рыбы и размерам торговых оборотов рыбопромышленники делились на крупных и мелких хозяев; первых считалось до 6 чел., вторых до 30 чел. Все они имели свое постоянное местожительство в Тобольске и Тюмени и лишь летом, вслед за льдом, посылали в низовья р. Оби суда, нагруженные мукой, солью, а также разными товарами для местных инородцев. Для неводных работ они нанимали на свои суда рабочих с платой от 10 до 20 руб. в лето; число этих рабочих достигало до 1700 чел.

Несмотря на то, что с тех пор прошло свыше 30 лет, перемен больших в способах ловли и в способах приготовления рыбы впрок не произошло. Увеличилось лишь число людей, вложивших свои капиталы в это дело (число мелких рыбопромышленников не поддается учету без точной записи их), а вместе с их числом увеличилось и число рабочих русских и инородцев (увеличилась и плата рабочим от 30 до 40 руб.), увеличилось количество, но не качество добываемых продуктов; как уже было выше сказано, соленая рыба местного приготовления при первом же тепле портится, икры не умеют готовить, не умеют вялить балыков, хромает и копчение рыбы.

Нельзя сказать, чтобы рыбопромышленниками не делались попытки для улучшения способов обработки рыбы, но, к сожалению, единичные попытки дали в этом отношении пока мало осязательные результаты; балык осетровый готовился в 91, 92 и 93 годах Плотниковыми, но он заплесневел по дороге в барже и не вышел таким, каким и выходят российские балыки; Бронников делал опыты копчения сырка и пыжьяна в 1899 и 1900 гг., но опыты также были неудачны; у Шахова в Березове много лет существует коптильня, где готовится вяленая сельдь, но также не особенно удачная. Туполев выписал мастера с Волги для изготовления балыков, но и его постигла неудача, и даже мелкие рыбопромышленники делают опыты копчения рыбы, но пока никому еще не удавалось достигнуть солидных результатов. Из более солидных попыток приготовления рыбы впрок в таком виде, чтобы дорогая по своим превосходным вкусовым качествам рыба не обесценивалась, можно указать лишь школу-мастерскую Земцова в с. Самарове и консервную фабрику Плотниковых на Питлярском и Самутельском песках, но и им приходится считаться с двумя неблагоприятными условиями — краткостью времени лова и самого дела. Рабочий сезон про-

должается всего 2 летних месяца, а, между тем, при иных условиях, работа могла еще происходить и зимой — в октябре, ноябре и декабре. И даже этот краткий срок летних работ поставлен, благодаря плохим путям сообщения, в крайне тяжелые условия. В нынешнем году, например, ушли баржи из Тобольска 3 мая, пришли они на место 1 июня, первое письмо с промыслов Плотниковых явилась возможность отправить лишь 17 июня, в Тобольск пришло письмо 9 июля и то благодаря еженедельной почте, которая ходит 1 раз в неделю с этого года, ранее почта ходила раз в 2 недели. Почта из Тобольска при благоприятной погоде идет до Березова 10 дней, а оттуда 15 дней; ветер и непогода могут значительно удлинить этот срок. От Березова до Обдорска почта идет 3 суток; ниже Обдорска сообщение с песками лишь случайное, при оказии, которая определенно бывает всего два раза в лето. Срочного пароходства в этих краях нет, поэтому легко судить о тех удобствах, при которых происходит работа, — может не хватить какого-нибудь пустяшного материала, но достать его на месте нет возможности, известить об этом в Тобольск также очень трудно, и дело может остановиться; может постигнуть, наконец, какое-нибудь несчастье — болезнь мастеров, эпидемия рабочих, пожар, и обо всем этом можно узнать лишь случайно.

Самая ловля происходит на так называемых песках, составляющих собственность местных инородцев, сдающих их в аренду русским рыбопромышленникам. В настоящее время сделки эти совершаются в глуши безлюдной, можно сказать, пустыне, без всякой конкуренции между желающими снять эти пески. Для наличного состава рыбопромышленников песков достаточно, и хотя в последние четыре года арендная плата увеличилась в 1 ½, 2 и 3 раза, благодаря запрещению бывшего станового пристава Матиясевича отдавать в аренду пески иначе как при волостных правлениях, где устанавливались своего рода аукционы, но все-таки для данного состава рыбопромышленников не представляет большого расчета конкурировать между собой, так как это повлекло бы общее увеличение платы, а в то же время боязнь появления новых людей и то обстоятельство, что арендный контракт заключается не более как на 3-4 года, что при дороговизне леса не позволяет им возводить солидных построек, отсюда и цыганский характер построек на песках, так как никто не может быть уверен, что через 3-4 года эти пески останутся за старым арендатором.

Удаленность места работы от культурных центров и отсутствие срочного и скорого сообщения создают массу неблагоприятных условий как для рыбопромышленников-хозяев, так и для рабочих, как русских, так и инородцев.

Тяжелое положение этого края обращало давно внимание на себя местной администрации, частных исследователей и высшего правительства. Был предпринят целый ряд попыток осветить положение вещей в этом крае, и мы имеем ряд работ: доклад бывшего врачебного инспектора Почтарева о нуждах севера; исследования заслуженного профессора Якобия; работы самаровского лесничего Дунина-Горкавича, затрагивающего в своих описаниях лесов севера и вопросы рыбопромышленности; отчет чиновника особых поручений при тобольском губернаторе Луговского и, наконец, обстоятельное исследование рыбного дела командированного министерством земледелия ихтиолога Варпаховского.

Каждый из этих исследователей осветил какую-нибудь сторону жизни этого края, и последний по времени исследователь г. Варпаховский, имевший возможность познакомиться с трудами своих предшественников и проверить их наблюдения и выводы лично на месте, остановился на следующих основных насущных общих мероприятиях, которые необходимы для поднятия местного рыбного промысла, а следовательно, и материального благосостояния севера Тобольской губернии. Эти мероприятия заключаются в следующем:

1. Урегулирование способов рыболовства с целью охранения рыбных запасов от истощения и более равномерного распределения уловов рыбы между всеми промышленниками.

2. Улучшение способов приготовления рыбных товаров, для чего необходимо ознакомить местное население с могущими быть примененными здесь рациональными приемами заготовки рыбных продуктов — путем устройства рыбопромышленной технической школы или командирования мастеров рыбного дела для обучения на месте, при разъездах местного населения с посолом рыбы, приготовлением икры и т.д.

3. Поднятие духовной и умственной жизни инородцев путем создания и распространения школ с практическим направлением; подобные школы будут привлекать к себе инородцев благодаря тому, что, помимо отвлеченных знаний, они будут давать и сведения, касающиеся и жизни (знакомство с кустарными промыслами — вязанием сетей, плетением разных вещей из дерева, сведениями по посолу рыбы и проч.). Такие школы могут быть и постоянными, и передвижными, и нет сомнения, что они окажут свое плодотворное влияние на инородца, заглушат столь пагубную его страсть к водке, поставят в надлежащие рамки торговлю инородцев с русскими.

4. Содействие к широкому развитию мелкого промысла при дешевом мелком кредите как инородцу, так и мелкому русскому промышленнику.

5. Развитие и усиление парходства в низовой Оби и соединение рельсовым путем Тобольска с Тюменью, что даст возможность доставления рыбы на рынки (а новые рынки для улучшенной обской рыбы найдутся далеко и за пределами Сибири), по мере ее улова и приготовления.

Таковы пожелания, высказанные вполне компетентным лицом-специалистом, хорошо знакомым с положением дела на волжских промыслах, где это дело достигло известной высоты постановки, и имевшим возможность познакомиться с условиями дела в низовьях р. Оби.

Вопрос об урегулировании способов рыболовства составлял в минувшем году предмет особого совещания рыбопромышленников в музее 31 октября минувшего года, и настоятельность этого урегулирования признана всеми рыбопромышленниками, несмотря на некоторый антагонизм между промышленящими в среднем и нижнем течении р. Оби.

Вопрос об улучшении способов приготовления рыбных товаров также неотложен, так как старые способы обесценивают получаемые продукты и дают меньшее количество товара по весу, чем это было бы при лучших способах приготовления (сушеная рыба теряет, например, 5/6 своего веса). Рыбные инструкторы являются неотложно необходимыми, так как опыты, произведенные до сих пор местными рыбопромышленниками при помощи выписанных из Европейской России мастеров, показывают, что обская рыба обладает какими-то особыми качествами, отличными от рыб европейских рек, с которыми справиться мастерам, получившим лишь практическую выучку, не под силу, а для того, чтобы достичь известного искусства в приготовлении обской рыбы, нужен ряд опытов, научно обставленных, и производиться они должны людьми, получившими теоретическую и практическую подготовку, которые могли бы разобраться в причине бывших до сих пор неудач, чтобы найти возможность и способы предупредить эти неудачи. Необходимо по пути и улучшение подсобных промыслов, например, улучшение изготовления сетей, сестей; в настоящее время местная сеть такого плохого качества, что приходится выписывать заграничную, также плохи бочки и другая посуда, употребляемая для укупорки рыбы, и т.д.

Необходимость технических рыбных школ вне всякого сомнения.

Также очевидна необходимость мелкого кредита для мелких рыбопромышленников и вполне возможных и желательных артелей, — в настоящее время мелкий кредит стал, вообще говоря, доступнее, благодаря правилам о кредитных товариществах, но пользование им доступно лишь для лиц, живущих или бывающих в Тобольске, где находится отделение Государственного Банка. Было бы желательно сделать его доступным через посредство каких-либо лиц или учреждений и на всех местах севера.

Улучшение существующих путей сообщения в виде организации срочного пароходства с небольшой на первое время субсидией от казны также необходимо как для облегчения условий, при которых теперь происходит работа на песках, когда каждый рыбопромышленник — и крупный, и мелкий — должен сразу забирать с собой все, что ему может понадобиться во время лета, и вынужденный поэтому вкладывать довольно значительный капитал в дело, так и для облегчения обмена товара и доставки его в свежем виде, когда он имеет наибольшую ценность. Были уже попытки установить срочное сообщение с севером и без субсидии: Карпов водил пароход два лета, Разумовский одно лето, фирма Плотниковых вот уже 4 года посылает 2 раза в лето пароход на север для надобностей консервной фабрики, Голев в настоящее время рейсирует, но, ввиду отсутствия значительных грузов и пассажиров на север и обратно, все эти попытки имели и имеют временный характер. Несомненно, что если бы правительство решило на 5-10 лет поддержать субсидией какое-нибудь пароходство для сообщения Низового края с Тобольском, то в эти 5-10 лет край значительно оживился бы, и сделалось бы уже насущной потребностью для края правильное паровое сообщение, которое уже по этому самому стало бы выгодно для частных предпринимателей и без правительственной субсидии. Устройство такого регулярного сообщения с низовым краем не только в интересах населения, но и самой администрации, тем более, что и субсидия для этого требуется ничтожная, даже без денежной затраты со стороны правительства, а лишь в виде отдачи на летние месяцы перевозки почты и части земской гоньбы.

Если бы была возможность доставлять рыбу летом в мороженом виде на таких пароходах с тем, чтобы она дальше шла по железной дороге в ледниках-вагонах, приспособленных для этой цели, то явилась бы масса нового доходного груза для железной дороги, обская рыба завоевала бы себе более обширный рынок и в то же время удешевила бы этот продукт в тех местах, где он находит теперь сбыт. Одна возможность среди лета доставлять на железную дорогу свежую и мало просоленную рыбу вызвала бы более энергичную деятельность и подняла бы доходность самого дела, что, несомненно, отразилось бы и на местном населении, которое имеется в наличности по побережью р. Оби, и привлекло бы сверх того новых жителей путем переселения из Европейской России в эти края людей знакомых с рыбным делом.

Улучшение путей сообщения как между Тобольском и понизовьем р. Оби, так и продление до Тобольска недавно разрешенной дороги на Тавду, ввиду мелководья Туры и Тобола, являются поэтому крайне необходимыми и желательными для развития рыбного дела.

Остаются еще вопросы аренды песков, санитарного устройства промыслов и рабочий вопрос, не затронутые г. Варпаховским в ряду намеченных им мероприятий.

В отношении аренды песков было бы желательно:

а) чтобы нынешний срок аренды песков на 3-4 года был изменен в обязательный 12-летний, что даст возможность устраивать более прочные и солидные постройки, приспособленные для обработки рыбы и жилья рабочих, которые теперь при краткости срока аренды, благодаря дороговизне леса в этих краях, не могут быть сколько-нибудь ценными;

б) чтобы рыболовные места отдавались в аренду с торгов в губернском управлении или в управлении государственных имуществ с извещением об этом заранее;

в) чтобы новый арендатор принимал за себя постройки старого арендатора по оценке с участием местных властей и местных торговцев;

г) чтобы в тех случаях, когда рыболовные места, благодаря капризу воды, испортятся, контракт считался нарушенным как результат несчастного случая, не зависевшего от воли арендатора;

д) чтобы были выяснены права тех или иных вотчинников на рыболовные пески, так как часто права инородцев совершенно проблематичны, а это ведет к необеспеченности земельной. Как иллюстрацию неопределенности положения в этом отношении, можно привести консервную фабрику фирмы Плотниковых на Питлярском и Самутнельском песках: фирма возбудила ходатайство через управление государственных имуществ об отводе ей этого земельного участка в аренду, но ответа до сих пор из министерства не последовало, а это подвергает самое дело риску всяких случайностей.

Когда с изменением срока аренды изменится характер построек на песках, то рядом с этим улучшится и их санитарное положение, а если бы оно само по себе не изменилось, то администрация могла бы настоять на упорядочении этой части на промыслах, тем более, что, установив известный срок для аренды, правительство могло бы сделать для арендатора обязательным известный тип построек с помещением этого в нормальный контракт на аренду песков.

В отношении урегулирования рабочего вопроса была бы крайне желательна выработка нормальных контрактов для найма, которые были бы обязательны для обеих сторон, чтобы исполнение условия не было делом случая и возможно было бы как для хозяев, так и для рабочих добиться вознаграждения за нарушение условия. Где бы ни выработывался проект таких контрактов, было бы желательно, чтобы предварительно его утверждения к обсуждению его были привлечены местные рыбопромыш-

ленники, чтобы поставить его в соответствие с местными условиями. Было бы желательно также учреждение должности особого инспектора рыбных промыслов, по образцу фабричных инспекторов, который имел бы общий надзор за соблюдением обязательных постановлений, изданных администрацией в отношении способа лова, санитарного содержания мастерских и других рыбных заведений, содержания хозяевами рабочих, исполнения рабочими принятых на себя обязательств по нормальному, утвержденному губернской же администрацией контракту, причем желательно, чтобы недоразумения и споры между хозяевами и рабочими разрешались этим же инспектором при участии как хозяина, так и старосты рабочей артели или другого выборного представителя от лица рабочих.

Интересно также отметить взгляд на нужды рыбопромышленности последнего по времени исследователя жизни инородцев на севере Тобольской губернии, работающего в настоящее время в Березовском уезде финляндского ученого г. Карьялайнена. Остановившись на наиболее крупных недостатках современного положения рыбного дела, истощении и запущенности старых мест ловли благодаря хищническим приемам и малой осведомленности о новых местах возможного лова; неправильном и часто незаконном пользовании рыбными угодьями, материальной зависимости населения, сдающего свои угодья другим и не имеющего возможности его обрабатывать (на севере сплошь и рядом наблюдается такое явление, что вотчинник песка, другими словами, помещик-землевладелец нанимается в рабочие к арендатору своего песка или к арендатору соседнего песка); незнакомстве населения с лучшим устройством рыболовных орудий и нововведениями и приспособлениями для хранения и перевозки рыбных продуктов; незнакомстве со способами приготовления и даже с рациональным солением — простейшим способом, самым доступным простому народу, — г. Карьялайнен находить, что «школа в этом деле может мало помочь, потому что благодаря редкому населению в местную школу поступить имеет возможность только очень маленькое число жителей; учениками ее будут такие, которые впоследствии предполагают быть мастерами и руководителями в фабричных или им подобных предприятиях. Особенно это касается школы с 2-3-летним курсом. Чтобы влиять на массу населения, на ее отношение к делу в ближайшем будущем, требуется не школа, а хороший руководитель. Заслуживающий внимания пример для устройства рыбного дела показывает организация помощи маслodelию на юге губернии. Вместо рыбной школы на Тобольском Севере нужны два, три инструктора, которые, разъезжая каждый по своему району, останавливались бы на более продолжительное время в разных селениях и рыболовных местах. Во время

остановок они должны знакомить население с разными улучшениями в рыболовных способах и орудиях — лучше всего при помощи моделей — давать советы, обучать жителей, не только мужчин и мальчиков, а в особенности женщин и девочек, приготовлению рыбных продуктов. Во время зимы тот же инструктор должен, главным образом, обучать приготовлению деревянной посуды, сетей, неводов, садков, лодок и т.п. Конечно, при таком порядке обучения консервное дело останется в стороне, но оно населению и не нужно. Зато инструктор с большим успехом, чем школа, может учить тем способам приготовления рыбных продуктов и рыболовных орудий, которые могут быть усвоены если не всеми, то большею частью населения, и дельный инструктор лучше всякой школы может возбудить в населении интерес к улучшению своего домашнего хозяйства. Инструктор должен быть хорошо знаком со всею практической стороною рыбного дела, даже с приготовлением консервов. Мастера рыбных фабрик не совсем годны на этот пост, потому что они слишком односторонне подготовлены, что можно видеть, например, на Самаровской школе.

Практическое руководство — только одна сторона дела. Также важно, а в настоящее время еще важнее изучение тех причин, которые препятствуют в общем развитию рыбного промысла, и принятие соответствующих мер к их устранению. В этом отношении школа ничего не может сделать, мало — тоже инструктор, если он подготовлен только практически. Для этого требуется уже человек со специальными познаниями, с теоретическою и практическою подготовкой, человек с высшим образованием, такой, какого земледелие имеет в лице агронома. Инспектор-ихтиолог должен собирать положительные данные, разрабатывать и предлагать разные мероприятия со стороны правительства к улучшению доходности рыболовных угодий и к прекращению неправильной эксплуатации их; разъяснять законность или незаконность разных договоров, контрактов и т.д. Он должен, по мере возможности, стать защитником интересов мелких рыбопромышленников-жителей так, чтобы они со временем могли бы выйти из той кабалы, в которую их корысть капиталистов впутала. Для этой цели, конечно, целесообразные мероприятия со стороны правительства необходимы, но необходимее еще развитие у народа самодеятельности. Инспектор должен стараться пробудить в народе уверенность в том, что только совместная работа мелких промышленников может освободить их от власти капитала. Но так как самостоятельная артельная работа в теперешних условиях немыслима без денежной правительственной помощи, то инспектор должен выработать те условия, на которых артели могли бы получать необременительные ссуды от казны. Разъяснения орудий — требует так-

же: не нужно ли будет открыть постоянные казенные склады рыболовных мережи, сетей, питок, канатов, веревок, якорей, непромокаемой одежды, бродней и т.п., вообще вещей первой необходимости для жителей-рыбаков и не только для инородцев, но и для русских.

Но и среди неспециальных вопросов еще один, который требует особенного внимания, это вопрос о правильном пароходном сообщении между Березовским севером и торговыми центрами края. В настоящее время пароходчики отправляют в низовья Оби свои пароходы обыкновенно только раз в год, да и то почти исключительно за своим товаром и за покупкой рыбы у жителей».

И далее:

«Все меры для поднятия рыбного дела должны быть направлены на то, чтобы помочь мелкому промыслу. От состояния его в конце-концов и зависит благосостояние края.

Когда житель-промышленник будет видеть независимость в материальном отношении, когда он сам будет хозяином своего труда, тогда только можно надеяться на развитие рыбного дела во всех отношениях».

Несомненно, что такое освещение вопроса заслуживает самого серьезного внимания, и осуществление такой программы входит в виды правительства. Из изложенного видно, что вопрос о нуждах рыбопромышленности как крупной, так и мелкой, достаточно разработан, и людьми достаточно компетентными, вполне добросовестно исследовавшими положение вещей, намечен и целый ряд мероприятий, вполне желанных для всех, благосостояние которых основано на рыбопромышленности:

1. Необходимость установления более живого и скорого сообщения крайнего севера с Тобольском; характерно отметить, что на эту необходимость указывают все, кто интересовался нуждами севера, с какой бы то ни было точки зрения, а бывший тобольский губернатор Н. М. Богданович даже возбуждал ходатайство перед Министерством финансов о субсидии в 200000 руб. местной администрации на устройство казенного парового сообщения Тобольска с севером, которое служило бы не только чисто административным целям: полицейским, санитарным и т.д., но и чисто коммерческим, способствуя более живому торговому обмену. Предполагалось заведение 2 пароходов в 60—100 сил, каждый с двумя баржами к ним, которые могли бы вмещать до 10000 п. грузов и совершали бы правильные рейсы между Самаровым — Обдорском взад и вперед в 14 суток, с передачей этому пароходству доставки казенной и земской почты и продовольственного хлеба в инородческие магазины.

2. Необходимость выяснения земельных прав на рыболовные пески; к этому вопросу подходили как сторонники неприкосновенности прав иностранцев на землю, так и сторонники государственной собственности на землю, и в связи с этим удлинение сроков аренды песков в видах большей устойчивости землепользования арендаторов.

3. Необходимость прекращения хищнических приемов ловли и заботы о сохранении рыбных богатств для будущего.

4. Необходимость улучшения приемов обработки рыбных продуктов для поднятия ценности этих продуктов и избежания нынешнего обесценивания дорогой рыбы; приглашение рыбных инструкторов, устройство учебных мастерских.

5. Организация кредита, доступного и для мелких промышленников.

6. Урегулирование рабочего вопроса: упорядочение отношений между хозяевами и рабочими, санитарное устройство промыслов.

Несомненным результатом всех намеченных мероприятий, если бы они были осуществлены, явилось бы качественное улучшение продукта и его увеличение в количестве. Если бы по отношению к постановке рыбного дела были применены меры, аналогичные с мерами, предпринятыми на юге губернии в отношении обработки и сбыта масла, то в рыбной промышленности произошел бы такой же переворот, как и в маслоделии. Как там, до появления датчан с их мастерами, машинами, кредитом и комиссионными услугами для сбыта масла, выдвигалось лишь топленое масло, вывозившееся в сравнительно ограниченном количестве, и лишь с новой постановкой дела появились миллионные грузы, так и на севере Тобольской губернии, откуда в настоящее время вывозится плохо посоленная или высушенная рыба, потерявшая все свои ценные вкусовые качества, притом в количестве далеко меньшем, чем это было бы при рациональных приемах обработки, если бы население было научено готовить рыбу впрок более рациональными приемами, чем ныне практикуемые, если бы было устроено срочное пароходство на севере и организована доставка живой или замороженной рыбы на пароходах с устройством рефрижераторов, как доставляется битое мясо из Аргентины в Германию, то появился бы и более усиленный спрос и более обширный и выгодный рынок для обской рыбы.

Маслоделие на юге губернии получило быстрое развитие, благодаря заграничному экспорту; рыбное дело Оби на заграничный экспорт рассчитывать не может, но, несомненно, что благодаря обилию постов оно могло бы рассчитывать на значительного большего внутреннего рынка, чем в настоящее время, и во всяком случае затраты правительства в этом направлении очень скоро окупились бы подъемом жизни на севере губернии и

доступностью сравнительно дешевой и здоровой пищи для населения обширных районов, не имеющих своей рыбы, а покупающих привозную рыбу малопитательную и по этому самому — дорогую, несмотря на ее низкую цену.

Если правительство затруднилось бы затратить крупную сумму на перечисленные мероприятия, то во всяком случае губернскому совещанию следует настаивать хотя бы на первом из указанных мероприятий — облегчении сношений с крайним севером, чем будет облегчена возможность воздействия на местную промышленность частной предприимчивости — будут ли то свои русские люди или иностранцы — какие-нибудь новые на этот раз «датчане рыбного дела».

Повторяем — плохая постановка рыбного дела давно известна, и в общем мероприятия намечены. За исключением проф. Якобия, считавшего необходимым сделать область, населенную инородцами, запретной для въезда русских промышленников, все остальные исследователи в разных выражениях одинаково характеризуют положение вещей и намечают одни и те же мероприятия.

Закончим словами г. Дунина-Горкавича: «При ныне существующем положении правильное рыболовство немыслимо, и дальнейшее существование этого положения вещей решительно нетерпимо, так как оно приведет к истощению ценных рыбных запасов в великой сибирской реке, а население этого края — к обнищанию. Необходимо заблаговременно предотвратить эти нежелательные последствия; необходимо поднять ценность и продуктивность вод, улучшить технику приготовления рыбных товаров, освободить население от экономической кабалы. Средства эти могут быть применены в виде следующих мероприятий: принятие рациональных, регулирующих мер против ныне практикуемого хищнического рыболовства; установление такого способа сдачи в аренду рыболовных угодий, при котором существовала бы конкуренция; учреждение подвижных школ по приготовлению рыбных продуктов; учреждение дешевого кредита и правильного пароходства.

Весьма естественно, что осуществление предполагаемых мероприятий не сможет быть выполнено самим населением, а тем более промышленниками; оно сможет и должно быть проведено в жизнь тем органом нашего правительства, ведению которого подлежит настоящий вопрос и которому, между прочим, Высочайше вверена опека над населением этого края, т.е. Министерству Земледелия и Государственных Имуществ».

80 лет по пути к профессиональному признанию

В 2014 году Государственная библиотека Югры отмечает очередной юбилей. Как быстротечно время! За 80 лет она прошла насыщенный значимыми событиями и достижениями путь. Путь от небольшой в масштабах страны, но образцовой окружной библиотеки до крупного культурного и информационного центра, достойного лучших библиотек России.

Как это было

В начале 1930-х годов в нашей стране сформировались определенные предпосылки для организации государственных общедоступных библиотек. В октябре 1929 г. коммунистическая партия приняла специальное постановление «Об улучшении библиотечной работы». Исходя из сформулированной задачи о необходимости «всемерного расширения сети библиотек», основное внимание в документе отводилось открытию библиотек в рабочих центрах, совхозах и колхозах, на всех других участках, где решалась судьба построения социалистического общества.

В 1929–1931 гг. в России состоялся «Библиотечный поход», мероприятия которого по современным меркам можно назвать крупномасштабной PR-акцией. Был создан специальный фонд «Книгу — колхозам», начат сбор книг у населения. Но при этом сеть общедоступных библиотек в 1932 г. уменьшилась по сравнению с 1930 г. более чем на 26%. Определенные изменения в библиотечной сети произошли в связи с новым административно-территориальным делением страны. 10 декабря 1930 года, как известно, в РСФСР были организованы национальные округа, в их числе и Остяко-Вогульский.

«Остяко-Вогульск должен иметь богатую по книжному фонду, просторную, хорошо оборудованную библиотеку», — эта фраза, появившаяся в окружной газете «Ханты-Манчи Шоп», сразу задала высокую планку новому учреждению. В статье за 12 августа 1934 г. рассказывалось о важнейшем для столицы округа событии — открытии окружной библиотеки, которое состоялось 5 августа этого же года. Постановлением бюро обкома ВКП(б) Обско-Иртышской области, принятым чуть раньше — 21 июля, было предписано организовать в Остяко-Вогульске (так прежде назывался Ханты-Мансийск) не просто библиотеку, а образцовую. Она была от-

крыта при Доме народов Севера и до 1946 года находилась в ведении отдела народного образования Остяко-Вогульского автономного округа тогда уже Омской области. Есть предположение, что библиотека была задумана как городская, но к моменту официального открытия уже называлась окружной.

Однако первые сведения о библиотеке относятся ещё к 1932 году. Именно тогда началось формирование её фонда, который к 1 января 1934 года составил 9515 книг. Начало было положено. Уже в первый год существования библиотеки ее читателями стали 460 человек, начинали работать передвижки, велась культмассовая работа. Первым библиотекарем, чье имя у благодарных читателей долгое время ассоциировалось с окружной библиотекой, была Ольга Петровна Хамзарова, которая проработала в ней 37 лет.

До того момента, когда при Остяко-Вогульском туземном доме открыта окружная библиотека, был принят еще один документ – Постановление ЦИК СССР «О библиотечном деле в Союзе ССР» (1934), который обязывал органы власти и органы образования устанавливать «твердые сметы» библиотек, своевременно отпускать средства на закупку новой литературы. Становится понятно, почему в информации об открытии окружной библиотеки сообщалось, что «библиотека пополнена художественной литературой. К 1 сентября ожидается новая партия книг на сумму 13 тыс. рублей и в октябре на 10 тыс. рублей». Видимо, это был своего рода публичный отчет о выполнении вышеназванного постановления.

Большое общественное значение имела первая Всесоюзная библиотечная перепись, проведенная в 1934 году. По мнению аналитиков, «перепись наглядно выявила начавшиеся сдвиги в библиотечном обслуживании населения..., имеющиеся достижения и недостатки». Мы же, благодаря этой переписи, располагаем сведениями о том, что в Самаровском районе были зарегистрированы четыре библиотеки, среди них – окружная; можем назвать имена первых ее сотрудников. Перепись выявила, что в общедоступных библиотеках работало в среднем 1,5 библиотекаря на 1 библиотеку. Вокружной же в это время работало 3 библиотекаря, информацию о них находим в «Карточке на лицо, ведущее библиотечную работу», датированной 1 октября 1934 года. Первая заведующая – Сирсон Мария Рейнгольдовна – латышка 33 лет с незаконченным зубоврачебным образованием. Муж ее, Сирсон Артур Янович, был первым секретарем Остяко-Вогульского окружкома КПСС в 1933–1935 годах. Выводы, сделанные в результате проведения переписи, – квалификация библиотечных работников не отве-

чала требованиям — более 60% не имело специальной подготовки. В нашем случае все трое сотрудников библиотеки не имели специального образования. Первым профессионалом, окончившим библиотечные курсы в г. Омске, была Ольга Петровна Хамзарова, которая поступила на работу в окружную библиотеку в 1935 году. Из ее воспоминаний узнаем подробности об условиях, в которых начинала работать библиотека, — «за вешалкой был абонемент, в коридоре выделено местечко для читального зала».

В 1930-е годы «сложился особый, принципиально иной тип общедоступной библиотеки, получивший со временем название «массовая библиотека». Советское государство рассматривало библиотеку как один из важнейших социальных институтов, выполняющий не только характерные для любой общедоступной библиотеки образовательные и просветительские функции, но и определенные идеологические. Более того, в характеристику библиотеки, созданной по единому образцу, входило наличие унифицированного фонда, жесткое выполнение требований к обслуживанию читателей, которые включали в себя необходимость давать читателям указания и руководить их чтением.

Среди задач, которые решали библиотеки в эти годы: охват населения книгой, выход за стены библиотеки в производственные и учебные коллективы, работа в помощь политическому и общему самообразованию, производственная и естественно-научная пропаганда и т.д.

Всем этим пришлось заниматься и вновь созданной окружной библиотеке. Библиотека завоевывала авторитет, по воспоминаниям ветеранов «в городе было много сосланных, эвакуированных, спецпереселенцев — люди грамотные, образованные, культурные. Все тянулись к библиотеке». В это время в Остяко-Вогульске были открыты учебные заведения: трехгодичный педагогический техникум, советско-партийная школа II ступени, национальное отделение Тобольского рыбтехникума, национальный медицинский техникум. Начали работать электростанция, горпромкомбинат, лесопильный и кирпичный заводы, рыбоконсервный комбинат.

Из постановления президиума Остяко-Вогульского исполнительного комитета Советов РК и КП от 13 ноября 1935 г. «...Просить облисполком об утверждении строительства здания окружной библиотеки в Остяко-Вогульске по титульному списку округа на 1936 год».

Очевидно, что облисполком не решил положительно просьбу о строительстве здания для библиотеки, тем не менее, вопрос с размещением

библиотеки был решен следующим образом: в 1936 году библиотека переехала на ул. Комсомольскую в здание краеведческого музея. Как выяснилось из воспоминаний О. П. Хамзаровой, слово «переезд» здесь не совсем уместно, так как библиотекари «на себе пешком перенесли всю библиотеку» (таким же способом переместили библиотеку в центр города на ул. К. Маркса, 5 в 1960 году).

О работе библиотеки во время Великой Отечественной войны сохранилось мало сведений. Из воспоминаний О. П. Хамзаровой: «В годы войны в библиотеке работала я одна (видимо, имелось в виду, что О. П. одна занималась обслуживанием читателей, так как по имеющимся у нас сведениям библиотекой с 1942 по 1946 гг. заведовала Сорокина-Савенко Мария Васильевна, значит, сотрудников было, как минимум, уже двое). Ходила в дома фронтовиков, организовывала передвижки, проводила беседы, читки. По ночам еще приходилось рыбу ловить, а днем — в библиотеке».

По содержанию и тону документов, которые сохранились в библиотеке, можно сделать вывод о том, что в военные и послевоенные годы очень остро стоял вопрос сохранности библиотечного фонда. Война нанесла серьезный урон развитию библиотечной сети. По данным, которые приводит Абрамов (История библиотечного дела в России : В 2 частях; Ч. 2 / К. И. Абрамов. — М. : Либерия, 2001.), было полностью уничтожено 43 тыс. общедоступных библиотек, по далеко не полным данным, утрачено свыше 100 млн. книг. Не удивительно, что окружная газета «Сталинская трибуна» в номере за 2 апреля 1944 года поместила страстный призыв заведующей библиотекой Савенко М. «совместными усилиями работников библиотеки и руководителей учреждений уберечь книгу от порчи и хищений». Приказ П. Иваницкого (зав. библиотекой) от 20/II-48 г. носил даже гриф «секретно» и предписывал «в отдел фонда расположения книг никого не пропускать», запрещал «давать любые сведения о фондах и материалах, имеющихся в библиотеке, учреждениям и отдельным лицам». Эти неординарные меры предпринимались в библиотеке во исполнение указа Президиума Верховного Совета СССР от 9/IV — 1947 г. «О сохранении государственной тайны» и директивных указаний, спущенных по иерархии из Москвы и Тюмени.

О содержании работы в послевоенные годы можно судить по отчету о работе за 1948 год: в среднем библиотеку посещало 60 человек в день, «по самообразованию выдавались справки, например, читатель просит разъяснить: почему наша партия называлась в 1903 году РСДРП?». По пятилетнему плану были организованы книжные выставки и фотомонтаж, а также составлен библиографический обзор, где указывалось, какую литературу читать по изучению пятилетнего плана.

Массовая работа строго лимитировалась культпросветотделом Ханты-Мансийского окружного Совета депутатов трудящихся. Необходимо было проводить читки — 2 раза в неделю, читательские конференции — 1 раз в год, семинары по библиотечному делу — 1 раз в год. В обязанности библиотеки входила организация лекций и докладов по учреждениям и организациям, книгоношество по домам и на производственные участки, создание переплетных кружков и столов справок.

Со второй половины 1958 года в штат окружной библиотеки введена новая единица — методист. Первым методистом была 18-летняя М. И. Герасимова, не имевшая специального образования. Первым опытом ее методической работы было составление схем библиотечных плакатов и стендов на темы «Бригады коммунистического труда», «Контрольные цифры развития народного хозяйства Ханты-Мансийского национального округа на 1959—1965 годы».

Несмотря на то, что в эти годы в стране активизировалось строительство новых библиотечных зданий, осуществлялся выпуск библиотечного оборудования, материально-техническая база окружной библиотеки оставалась в неудовлетворительном состоянии.

В информационном отчете о работе библиотеки за 1950 год приводятся такие сведения: «Окружная библиотека помещается в деревянном здании, приспособленном из старого рабочего барака. Длина всего здания 35 пог. метров, ширина 10 метров, высота 2 м 80 см. Внутри здания по всей длине в середине проходит коридор шириной 175 см. Одну половину здания с 1936 года занимает окружная библиотека, а вторую — детская библиотека и окружной музей. Площадь окружной библиотеки равна 120 кв. м, из которой 60 кв. м занимает читальный зал с абонементом, а 60 кв. м занято под книжным фондом».

В эти годы в библиотеке происходит много нового и интересного: библиотека предлагает каждому жителю округа стать заочным читателем, вы-

слав в адрес библиотеки заполненную анкету, залог в сумме 30 рублей, а также от 3 до 5 рублей на почтовые расходы. Предлагаемые услуги: «...высылать литературу и рекомендательные списки по интересующим вопросам, а также списки новинок по разным отраслям знаний и художественной литературе».

Библиотека включилась во Всероссийский смотр-конкурс учреждений культуры, взяв на себя обязательства: добиться государственной нормы количества читателей на 1 работника, оказать методическую и практическую помощь ведомственным библиотекам города, организовать пункты выдачи и передвижки, провести вечер вопросов и ответов «Атомная энергия и ее использование в мирных целях», читательскую конференцию по книге Г. Николаевой «Битва в пути» и др.

Новым было тогда и использование такой формы обслуживания, как межбиблиотечный абонемент. Библиотека ставила перед собой задачу в 1953 году «связать через МБА 10 библиотек, в том числе 8 районных и сельских».

Библиотека с 1940-х годов взимала штрафы с читателей за несвоевременный возврат литературы. «Был случай, когда с юриста Яновского взяли штраф 100 рублей, по тем временам это были большие деньги», — вспоминает С. К. Саитова. Основным источником дохода, предусмотренным сметой по внебюджетным средствам библиотеки на 1953 год, являлись доходы, полученные за работу лошади, а также средства, полученные в качестве штрафа за утерьянные и просроченные книги. Пропорционально полученным доходам планировались расходы на содержание лошади и жеребенка, вывозку сена и дров, покупку книг взамен утерьянных.

В уже цитированном нами отчете П. Иваницкого о работе за 1948 год констатируется факт: «Литература у нас вся проверенная и вредная вся изъята». В воспоминаниях С. К. Саитовой и Л. М. Осинцевой находим упоминания: «Часто приходилось по требованию областного органа цензуры печати (облЛИТо) заклеивать и затушевывать определенные места в книгах. Книги было жалко. Стремилась сохранить издания XIX века, несмотря на то, что места было мало и книги хранить было негде»; «В те годы велась большая работа по очистке книжных фондов. Один за другим выходили приказы об изъятии «вредной» литературы. Строго следили соответствующие органы за тем, чтобы ни книг «опальных» авторов на полках, ни карточек на них в каталогах не было». Если на момент проверки что-нибудь

находилось, это было ЧП, и с руководителей строго спрашивалось на подобные оплошности. Ослаб прессинг только в середине 1980-х.

В начале 1950-х годов в стране была поставлена задача довести библиотечную книгу до каждого населенного пункта и до каждой семьи, но эта амбициозная задача осталась нереализованной. Видимо, именно поэтому возникла идея предложить жителям округа стать заочным читателем окружной библиотеки. Правда, о результатах этой акции мы так и не узнали. В библиотеках накапливалась устаревшая литература, в то же время не хватало новых книг и периодических изданий по важнейшим отраслям знаний, в которых остро нуждались читатели. В библиотеках устанавливались очереди на книги, росло число отказов читателям, не спасал положение межбиблиотечный абонемент.

1960-е годы стали новым рубежом в развитии библиотечного дела округа. В эпоху нового хозяйственного освоения Севера Тюменской области библиотечная отрасль округа вступила со 150-ю библиотеками всех систем и ведомств, в т.ч. государственных — 69, школьных — 52, профсоюзных — 17. Библиотечные фонды составляли примерно полмиллиона томов, пользовались библиотеками более 55 тысяч читателей.

Открытие на территории округа залежей нефти, промышленное освоение природных ресурсов, которое началось с 1964 года, требовало изменения системы библиотечного обслуживания населения округа. Шло интенсивное развитие сети библиотек, за 15 лет, с 1961 по 1976 гг., количество государственных библиотек в округе удвоилось, в 3,7 раза увеличилось число читателей. Обслуживанию ударных комсомольских строек уделялось первостепенное внимание. Со всей страны в библиотеки поступала литература, собранная в дар от населения. Велось и централизованное комплектование. Открывались первые библиотеки в городах-новостройках.

Это было время интенсивного комплектования. Сотрудникам окружной библиотеки нужно было изучать состояние фондов в библиотеках округа, профиль производства и в соответствии с этим формировать фонды. Книги поступали в адрес окружной библиотеки по ее заказам, а потом отправлялись в округ по почте или библиотеки вывозили их сами. Таким образом, удалось сформировать ядро фонда производственной тематики. Была

поставлена задача привести книжные фонды библиотек округа в соответствие с производственными нуждами обслуживаемых территорий.

Для строителей газо- и нефтепроводов формировались подборки книг, которые на вертолетах спецрейсами доставлялись в вагончики, где жили трассовики. В эти годы повсеместно в вахтовых поселках организуются передвижные библиотеки.

Эксперимент по централизации сети библиотек был организован в 1966 году в Липецке, Нижнем Тагиле и Шахтах. 10 января 1971 года издается приказ окружного отдела культуры «О проведении эксперимента по централизации массовых библиотек в г. Ханты-Мансийске». В первые годы эксперимента директор окружной библиотеки Н. В. Лангенбах много выступала в профессиональной печати, на страницах окружной и областных газет, публично осмысливая результаты переходного периода. И они были: развивалась структура библиотеки, повысились показатели, расширился состав книжных фондов, налаживалась информационная работа, более рационально использовались кадры. С 1 октября 1976 года решением исполкома окружного совета депутатов трудящихся государственные массовые городские библиотеки и окружная детская объединились в централизованную библиотечную систему на базе окружной библиотеки. Для этого предписывалось объединить сметы окружных и городских массовых библиотек.

Это был оригинальный подход к централизации. Система обслуживала городское население, центральной библиотекой в городской ЦБС была окружная библиотека, к тому же окружная детская стала филиалом городской ЦБС. Но библиотека довольно успешно выполняла методические функции, активно занималась подготовкой к централизации массовых библиотек округа, формировала фонды библиотек округа, занималась подготовкой и организацией работы межведомственных библиотечных комиссий в территориях, была школой передового опыта по централизации для библиотек области.

В 1976–1980 годах в округе было создано 11 централизованных библиотечных систем. Нефтеюганская ЦБС была базой всесоюзного эксперимента по созданию территориального библиотечного объединения (ТБО). В его рамках было организовано социалистическое соревнование среди всех библиотек региона. На базе центральной библиотеки проходили семинары библиотекарей всех систем и ведомств. Совместными усилиями

создавался сводный каталог периодических изданий, получаемых всеми библиотеками, сводный каталог новых поступлений технической литературы. Положительный опыт территориального библиотечного объединения поднял авторитет Нефтеюганской ЦБС среди российских библиотек. В гг. Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске были созданы ЦБС, объединявшие городские и сельские библиотеки, которые просуществовали до середины 1990-х годов, затем были реорганизованы и разделены на городские и районные ЦБС.

Библиотекари в эти годы вникали в производство, осваивали технологию, знакомились со спецификой предприятий, должны были знать все: какое напряжение в электрических сетях, сколько работает специалистов с высшим образованием, какое оборудование используется на буровой.

И как результат насыщенной интересной незнакомой до сих пор работы вывод: «Объединение ранее самостоятельно существовавших библиотек в единую систему с общим фондом, штатом работников, централизованным комплектованием и обработкой произведений печати, с единым административным и методическим руководством в основном дало положительные результаты».

Человеком-легендой библиотечного дела стала Нина Викторовна Лангенбах, возглавлявшая главную библиотеку округа более четверти века. Годы ее работы — с 1960 по 1986 — называют эпохой Лангенбах, а саму Нину Викторовну позже называли «опередившей время». Её биография стала примером того, как выдающаяся личность определяет развитие целой отрасли культуры в регионе. Ее деятельность — значимая страница не только в истории окружной библиотеки, но и библиотечного дела округа. Именно в эпоху Лангенбах были заложены основы той библиотеки, которую имеют наши читатели сегодня. А в 2010 году Департаментом культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры была учреждена персональная премия имени Н. В. Лангенбах. Она вручается тем, кто по примеру Нины Викторовны посвящает все свои силы и способности профессии библиотекаря, движет вперед библиотечное дело.

Для окружной библиотеки долго не находилось здания, достойного её статуса, она многократно переезжала с места на место. Уже упоминалось, что через два года после открытия, в 1936 году, ей пришлось переместиться в здание по улице Комсомольской, где библиотека находилась по 1960 год. Затем предоставили помещение по улице Карла Маркса. В декабре 2000

года библиотеке снова пришлось переезжать — на улицу Комсомольскую. Правда, здесь библиотека разместилась временно, параллельно решался вопрос о строительстве нового здания. И наконец, 27 мая 2005 года, в юбилейный для округа год — его 75-летия, Государственная библиотека Югры переехала в новое здание по улице Мира, дом 2, где и находится сегодня. Это здание, проект которого насыщен самыми современными инженерными и дизайнерскими решениями, позволило библиотеке выполнять всё многообразие культурных, образовательных и коммуникативных функций и стать «живым» информационным пространством.

Библиотека номер один

Сегодня Государственная библиотека Югры — главная библиотека региона, она принимает участие в определении приоритетов библиотечной политики округа. Это современный информационный, культурно-просветительский и образовательный центр регионального значения, центральное хранилище краеведческих документов, научно-методический центр для общедоступных библиотек округа.

Государственная библиотека Югры — крупнейшая публичная общедоступная библиотека для всех категорий пользователей Ханты-Мансийска и округа, предоставляющая бесплатный доступ к информационным ресурсам. Ее основная задача — удовлетворение информационных запросов пользователей независимо от места обращения и форм выполнения запросов. Для читателей открыты специализированные отделы, читальные залы, абонементы, центр открытого доступа к ресурсам Интернета, Публичный центр правовой информации, электронный читальный зал с доступом к информационным ресурсам ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина».

Информационные ресурсы включают универсальные по содержанию фонды, насчитывающие более 217 тысяч единиц хранения. Исключительной функцией библиотеки является формирование и хранение местных и краеведческих изданий, изданий на языках финно-угорских народов. Уникальная коллекция краеведческих документов «Югорика» включает самые разные источники данных, в том числе рукописи и фотографии. С первых дней своего существования библиотека выполняет миссию сохранения культурного наследия, популяризации краеведческих знаний.

Сохраняя память о прошлом, библиотека успешно применяет инновации дня сегодняшнего. Успешно реализуется проект «Электронная библиотека», основная цель которого – интеграция информационных ресурсов округа и обеспечение удаленного доступа к ним. С 2012 года функционируют:

электронная библиотека «Писатели Югры» с биографическими справками, информацией о творческой деятельности югорских писателей и возможностью получения доступа к их произведениям в электронном формате;

комплексный электронный ресурс «Писатели – лауреаты премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области литературы». Цель его создания – собрать воедино информацию как о писателях, получивших премию, так и о книгах, удостоенных этой премии.

Значительным событием в библиографической деятельности библиотеки стало создание серии персональных указателей, посвященных известным людям края: ученым, писателям, краеведам. В последнее десятилетие приоритетным направлением работы является информатизация и автоматизация библиотечных процессов, внедрение новых информационных технологий. Все библиотечные процессы, в том числе обслуживание читателей, автоматизированы на базе системы ИРБИС 64. Создаются собственные информационные ресурсы – электронный каталог и базы данных. Полную и разнообразную информацию о библиотеке читатели могут получить на её собственном веб-сайте www.okrlib.ru.

Центр интеллектуальной свободы

Одна из важнейших задач, которую ставит перед собой Государственная библиотека Югры, – быть центром интеллектуального общения, объединяющим людей самых различных интересов, убеждений, конфессий. В стенах библиотеки регулярно проводятся презентации книг, книжные выставки, творческие вечера с участием ученых, писателей, музыкантов, художников и многие другие мероприятия. Успешно работают клубы по интересам: клуб «Литературные встречи», клуб встреч с интересными людьми «Персона», клуб для молодежи «Интеллектуал».

Библиотека стала объединяющим центром издателей и полиграфистов города. С 2004 года Государственная библиотека Югры совместно с Департаментом культуры и искусства округа проводит фестиваль краеведческой книги «Югорика», главным событием которого является выставка

печатной продукции, выпущенной издательствами и типографиями округа, а также Тюмени, Екатеринбурга и других городов.

Важную просветительскую и исследовательскую работу библиотека ведёт в рамках «Лопаревских чтений», которые проводятся раз в два года с 2007 года. В чтениях принимают участие сотрудники библиотек, архивов, музеев, вузов, краеведы из Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, Нижневартовска, Сургута, Ханты-Мансийска и районов округа.

Методическая деятельность библиотеки направлена на обеспечение комплексного развития публичных библиотек как культурно-просветительских и информационных учреждений. За последнее десятилетие в ней сформирована концепция методической поддержки развития библиотечного дела округа, основанная на построении эффективной системы профессиональных коммуникаций и партнерских отношений. Библиотека успешно работает над реализацией многих проектов, направленных на дальнейшее развитие библиотечной отрасли региона и сохранение региональной памяти, выполняет функции региональной книжной палаты. Кроме того, она поддерживает международные контакты с финно-угорскими библиотеками. К достижениям последних лет можно отнести получение грантов губернатора на осуществление социально значимых проектов. Реализация некоторых из них отмечена премией Департамента культуры автономного округа «Событие».

В 2012 году Государственная библиотека Югры успешно прошла сертификацию на соответствие ГОСТ Р ИСО 9001-2008 и заслуженно получила Сертификат соответствия системы менеджмента качества требованиям ГОСТ Р ИСО 9001-2008, международный сертификат Quality Austria, а также знак соответствия системы менеджмента качества, который допускается использовать в рекламных буклетах, проспектах, брошюрах, плакатах, бланках организационно-распорядительной документации БУ «Государственная библиотека Югры». Библиотека является членом Российской библиотечной ассоциации, возглавляет работу круглого стола «Библиотечные здания: архитектура, дизайн, организация пространства». В 2013 году она успешно, на высоком профессиональном уровне представила округ на Двдцатой Международной конференции «Крым-2013» в городе Судак, по итогам которой получила специальный диплом за организацию и проведение лучшего мероприятия — Дня библиотек Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Своими успехами библиотека обязана высокому профессионализму сотрудников, главная цель которых — обеспечение каждому пользователю

максимальной доступности к информации и фондам библиотеки, возрождение духовных ценностей и сохранение их для грядущих поколений югорчан. Сохранение традиций и внедрение новых информационных технологий характеризуют современное развитие деятельности главной библиотеки округа, которой в 2014 году исполняется 80!

Ольга Кривошеева,
директор Государственной библиотеки Югры,

Мария Мадьярова,
гл. библиотекарь отдела
маркетинга, рекламы и массовой работы

Большой мир маленького дома

*Не говори с тоской: «Их нет»,
но с благодарностью: «Были».*

«Говорит Ханты-Мансийск»

Житейские обстоятельства заставили меня в конце 1963 года приехать в Ханты-Мансийск и искать новую работу. После нескольких безуспешных попыток появился шанс устроиться в окружной редакции радиовещания. Главный редактор Владимир Иванович Плесовских порасспрашивал и предложил место корреспондента. Так передо мной открылся вход в terra incognita — радиожурналистику. Случилось это 16 марта 1964 года. Я поступил учеником в школу, где все новые сослуживцы стали моими учителями.

Конечно, они не читали лекций, не устраивали мастер-классов, это была сугубо практическая школа: нужно было спрашивать самому, наблюдать за их работой, научиться различать и «плюсы», и «минусы» редакционного опыта, мотать на ус. А главное — практиковаться и извлекать уроки из собственных проб и ошибок и в конечном счете овладеть новой профессией.

Прошли десятилетия, многое забылось, но помнится редакционный дух тех лет и мои учителя. Почти никого из них уже не осталось, и я, обращая мысленный взгляд в далёкое прошлое, хочу засвидетельствовать черты того времени и его деятелей, близких мне людей, с надеждой сохранить духовную связь между поколениями.

Прежде всего нужно увидеть условия работы радиожурналиста 1960-х годов, чтобы иметь возможность сравнить с нынешними. Радийную специфику я начал познавать с практики звукозаписи. Мне дали увесистый, примерно в полпуда магнитофон «Репортёр-2» — единственный на всю редакцию и, вероятно, уже списанный, все остальные были вооружены «Репортёром-3». Эта отечественная техника была низкокачественной, зимой магнитофоны приходилось прятать под пальто и полушубки, иначе могли размёрзнуться батареи или застыть смазка крутящихся кассеты валиков. Такое не раз случалось, и тогда журналист привозил из командировки «бураτιαющую» (был такой термин) запись, которую почти невозможно было

спасти. Бывало и так, что вдруг «Репортёр» отказывался работать, и приходилось искать какого-нибудь местного умельца, чтобы отремонтировать.

Качество микрофонов тоже оставляло желать лучшего. В ветреную погоду на открытых местах записывать было невозможно, приходилось для записи прятаться в какой-нибудь укромный уголок. Могли на морозе потечь батареи, поэтому обязательно брали запасной комплект, оператор тщательно проверял их перед поездкой. Это тоже бывало причиной, по которой в редакции запись браковалась. Всё это затрудняло работу корреспондента, приходилось одновременно вести беседу и внимательно контролировать работу аппаратуры. Невысокого качества была и плёнка, и, кроме того, она была в дефиците, наиболее усердные из работавших в районных радиоорганизаторов и любители магнитофонных записей музыки часто у нас просили списанную плёнку.

Для подготовки записей к эфиру в редакционной аппаратной имелись стационарные магнитофоны марки МЭЗ, и журналисту нужно было владеть техникой монтажа. На профессиональном жаргоне это называлось «чистить плёнку». Монтаж был должностной обязанностью операторов, но автор передачи, знавший её содержание, мог выполнить эту работу лучше. Особенно это умение пригождалось тогда, когда делалась срочная передача и оператор не имел отпечатанного текста или даже не был ещё «снят текст», т.е. переложен с голоса на бумагу. Всю техническую работу в те годы в разное время выполняли Владислав Сургутсков, Юрий Прибыльский, Эдуард Жуланов, Владимир Кушников.

Непременным элементом редакционной практики была необходимость перед выдачей передачи в эфир получить разрешение цензуры. Нужно было успеть все тексты программы отпечатать, отвезти цензору и дожидаться его благословения. Весь этот процесс у нас назывался словом «лютовать» (от слова «лито», синонима цензуры). Цензором долгое время работала Васса Максимовна Гурьянова — человек добрый, но неумолимый, когда дело касалось охраны государственной тайны. И если (это случалось не часто и обычно тогда, когда делалась что-то срочно) она зачёркивала «крамольные» слова, для редакции это порой оборачивалось большой неприятностью: приходилось резать святая святых — эфирную плёнку, с которой транслировалась программа и склейки на которой были крайне нежелательны. Случалось, что во время трансляции плёнка расклеивалась в местах соединения обрывков, и, чтобы не прервать передачу в эфир (это было бы страшным ЧП с непредсказуемыми последствиями), приходилось весь часовой «блин» вместо сматывания на другую бобышку спускать на

пол аппаратной. После этого дефицитная лента переходила из эфирной в разряд монтажной.

*Коллектив редакции у «радиосарая»
в день свадьбы Владислава Сургутского*

На радио я пришел в то время, когда практиковались ещё записи по заранее написанному тексту, но уже переходили на «бестекстовую» запись. Запись по бумажке была ужасным примитивом, зачастую не сам герой передачи, а журналист писал то, что, по его разумению, надлежало сказать в микрофон якобы от себя. Обычно это были формальный отклик на какое-либо решение власти, поддержка политически важной инициативы, сообщение о трудовом достижении. Конечно, и содержание этой речи было бедным (нельзя же думать за другого), и читалась она тусклым деревянным голосом без живой интонации. Но зато корреспондент привозил из командировки почти готовую передачу, оставалось только приделать к записи краткую «подводку».

«Бестекстовая» же запись — результат живой неформальной беседы журналиста с героем будущей передачи. Информационно она «весила»

неизмеримо больше и для автора, так как при «снятии текста» в записи обнаруживались важные моменты, обогащавшие содержание авторского текста, и для слушателя.

Ввиду малочисленности редакции над командировочными записями, конечно же, преобладали студийные, и мы старались пользоваться каждым случаем съезда в Ханты-Мансийск людей из округа — на сессию окружного совета, пленум окружкома партии или какое-либо совещание, — заранее договариваясь по телефону о встречах. Их приглашали в редакцию и записывали в студии. Помню, 2—3 раза просил выступить первого секретаря Сургутского райкома партии Василия Васильевича Бахилова — каждый раз он без оговорок соглашался, приходил без каких-либо бумажек и только просил: задавай вопросы.

Дольше прочих не могли расстаться с бумажкой ответственные работники окружных учреждений и отраслевые специалисты. Держались её не в последнюю очередь потому, что можно было не тратить много времени на подготовку к выступлению, а взять самую свежую и составленную самим же справку и прочесть в студии. Это также избавляло от неосторожной обмолвки, за которую можно было схлопотать выговор от начальства. Такой текст обычно содержал в себе много цифр и всяких выкладок и установок, и слушателю был мало интересен. Удовлетворения проделанной работой такие студийные записи не приносили, но с этим приходилось мириться, так как темы подобных выступлений редакция обязана была освещать, а их качество кураторов радио удовлетворяло.

Передачи шли в большинстве своём в исполнении диктора, журналисты читали свои тексты редко, прямого эфира не то что не было — он даже и не мыслился. Диктором была сначала Г. И. Мегеря, потом её сменила Р. Я. Саргина. Затем появился второй диктор — В. К. Зарубин. Хорошо читали Валерий Поливанов, Женя Куликова, ещё когда на первых порах готовила детские передачи. Впоследствии Е. Ю. Куликова и В. К. Аскеров стали маститыми и очень популярными среди слушателей дикторами. Летом, в отпускное время, мы часто прибегали к помощи педагога А. Т. Коробинцевой и её дочерей Иры и Наташи, учителя-физика П. В. Ческидова, врача О. М. Зороастрова — признанных в городе мастеров художественного чтения.

Популярности дикторов в немалой степени способствовали любимые радиослушателями концерты по заявкам. Редакция располагала неплохой фонотекой, которая постоянно пополнялась. Из Государственного дома радиозаписи (ГДРЗ) мы регулярно получали списки имеющихся музыкаль-

ных записей, много заказывали, в том числе и классики. Фонотекой долгое время заведовала В. Ф. Мотошина. Звукорежиссёра поначалу не было, и до прихода на эту введённую в штатное расписание, не помню, в каком году, должность В. С. Матвеевой музыкальным оформлением передач занимались фонотекарь или сами авторы.

Коллектив редакции радио 1960-х годов был подвижным и лёгким на подъём: только вернётся журналист из командировки, отпишется, сдаст главному редактору свои передачи — и опять просится в какое-нибудь интересное для него место. В округе творились небывалые дела; как грибы, на дикой почве вырастали новые трудовые коллективы, непривычные для старожила предприятия. Всё это завораживало, хотелось смотреть и смотреть, знакомиться с новыми, нездешними людьми, рассказывать о них.

Транспорт тех лет от нынешнего отличался, как небо от земли. Летом передвигались по воде — на речных трамвайчиках, маленьких пассажирских теплоходах, попутных катерах или на самолётиках Ан-2 с поплавками, садившихся везде, где была вода. Зимой — на тех же Ан-2, только уже с лыжами. Самолёты были отнюдь не всепогодными, порой в ожидании лётной погоды приходилось по нескольку дней драгоценного времени проводить в тесных аэровокзалах. Людей тогда в залах ожидания скапливалось столько, что трудно было протиснуться.

Для авиации того времени существовало понятие «распутица», в осенние и весенние периоды межсезонья самолёты по нескольку дней не летали. В морозные зимние дни самолёт мог, не совершив посадки в промежуточном аэропорту из-за морозной дымки, увезти пассажира до конечного пункта и доставить обратно туда, откуда он вылетел. Так, однажды на маршруте Ханты-Мансийск — Нефтеюганск — Нижневартовск я не смог попасть в Нефтеюганск и, покатавшись четыре часа в промёрзшем насквозь Ан-2, вернулся домой ни с чем. В октябре 1971 года мы, несколько человек, летели в Тюмень на областную конференцию Союза журналистов при сильном ветре, и болтанка довела одного из нас до того, что его пришлось из аэропорта Плеханово везти не в гостиницу, а в больницу.

Информация доставалась нелегко. Особенно это было видно по отделу, обязанному ежедневно делать выпуски последних известий. Утром журналисты звонили на телефонную станцию и заказывали разговоры с разными пунктами. Зачастую ждать приходилось долго. Время уходит, дневной выпуск всё ещё не готов, редакция торопит телефонистов, а те отвечают, что связи нет, уже несколько раз набирали номер. Но вот долгожданный звонок, а что тебе отвечают с того конца провода — разобрать невозможно,

идёт сплошной шум. Тогда приходилось действовать уже в авральном режиме, мобилизуя все свои связи и опыт. Асом этого дела были Борис Пантелеймонович Прибыльский его сотрудницы Надежда Петровна Губина и Антонина Капитоновна Нестерова. Самим им вырваться хотя бы в однодневную поездку удавалось редко, и каждого едущего в командировку они просили привезти для выпуска новостей хоть какой-нибудь голосок. Считалось, что в новостных программах не должен доминировать диктор, нужно многоголосие.

Одной из неперемennых обязанностей едущего в командировку корреспондента была проверка качества звучания наших программ в населенных пунктах округа. Едешь с хорошим настроением, а включаешь в гостинице репродуктор, и настроение портится: идёт сильный шум, трудно расслышать, что говорят. А иногда и вовсе в отведенное сеткой вещания для окружного радио время транслировалось всесоюзное радио, оператор радиозузла вынужденно переключался на другую станцию, т. к. Ханты-Мансийск слушать было совершенно невозможно. Словно по иронии судьбы, время от времени в редакцию приходили открытки из стран Скандинавии и других далёких мест, сообщавшие о хорошей слышимости наших передач, но в округе нас слышала, по-видимому, небольшая часть населения и нерегулярно. Кардинально эта проблема разрешилась только в конце 80-х годов.

Ветхое и тесное здание нашей редакции кто-то из нас окрестил «радиосараем», и это словечко привилось. Отапливался дом дровами. В комнатах стояли высокие цилиндрической формы печи, выкрашенные в чёрный цвет, у которых можно было погреться, прислонившись спиной. Когда привозили новую партию топлива, устраивались дровяные авралы — все выходили на укладку дров в поленницы.

На этом рассказ об условиях существования ханты-мансийской радиожурналистики 1960-х годов я заканчиваю и дальше буду говорить только о людях — тех, с кем свела судьба и кто повлиял на содержание моей дальнейшей жизни.

Узкий круг

Редакция наша представляла собой некоторое подобие клуба — наверное, как и вообще любая другая редакция. Вряд ли был день, когда нас не посещали гости. Как правило, они приходили по делу и тотчас приглашались в студию, где читали свои тексты. Это были в большинстве своём сотрудники органов власти и специалисты разных отраслей, но лишь

в редких случаях крайней занятости они уходили сразу после записи. О чём-то любопытствовали журналисты, и естественно завязывался разговор.

Интересных собеседников за те семь с половиной лет, что пришлось проработать в редакции, прошло через «радиосарай» великое множество. Разговоры с ними, пожалуй, могли бы отдалённо ассоциироваться со школьными уроками и университетскими лекциями. Назвать здесь поимённо всех таких желанных гостей совершенно невозможно, упомяну скороговоркой лишь некоторых.

Зоотехник окрсельхозуправления Василий Фёдорович Пичморга. Охотовед Пётр Давыдович Агеенко. Ихтиолог Григорий Иванович Никонов. Председатель городского комитета народного контроля Дмитрий Михайлович Шишкин. Научный сотрудник сельскохозяйственной опытной станции Валерий Бухменов, имевший интерес к литературному творчеству. Учитель Павел Васильевич Ческидов, заразивший всю редакцию шахматами. Частенько приносил корреспонденции о делах местного колхоза имени Чкалова бывший комсомольский работник и журналист, участник обороны Ленинграда Николай Николаевич Маркаланин. С этими и им подобными людьми завязывались увлекательные беседы, далеко выходящие из круга их профессиональных интересов, которые не хотелось прерывать, хотя этого требовали дела.

Любили заглядывать в редакцию много повидавшие на своём веку и очень словоохотливые люди почтенного возраста — Иван Лаврентьевич Худяков, заведовавший в начале 30-х годов Аганским красным чумом, наш сосед участник Гражданской войны на Тобольском Севере Михаил Митрофанович Скосырев. Иван Яковлевич Чешков иногда забегал мимоходом только для того, чтобы принести ветку багульника. Однажды летом мы с ним два дня провели на небольшом островке иртышской поймы, близ Мо-рошечного.

Всегда желанными гостями были местные коллеги, настоящие и бывшие — собкор «Тюменского комсомольца», остроумный и талантливый, печатавшийся уже в столичных журналах Юрий Переплёткин, геофизик из Горноправдинска, бывший сотрудник редакции березовской районной газеты и стихотворец Борис Маклаков, недавний кондинский школьник, блестяще одарённый и сразу после выпускного экзамена принятый в редакцию районной газеты Валерий Косихин и другие. Если собрать всё это вместе, то, по терминологии сегодняшнего дня, наша редакция была ячейкой гражданского общества, средой, притягивавшей людей.

Юрий Архипович Кибардин

Когда весной оживала река и начиналась навигация, наступало время встреч с неожиданными гостями, приплывавшими на пароходах. Вдруг объявлялся знаменитый тюменский сказочник Иван Михайлович Ермаков, приезжавший в равной степени как за впечатлениями, так и за заработком. Он артистически прочитывал в студии несколько своих сказов и требовал в нарушение правила тут же выкладывать деньги на бочку, поскольку очень в них нуждался. Приезжал в гости к родным историк Леонид Екимович Киселёв и тоже, к обоюдной пользе, привозил статьи на темы культуры хантов и манси и национальной политики. Каких-нибудь 5–10 рублей гонорара тогда были большими деньгами. Появлялся, и тоже не с пустыми руками, московский поэт Алексей Степанович Смольников, окончивший здесь на втором году войны первую школу.

Как только пришвартовывался к пристани прибывший из Тобольска «Аркадий Гайдар» с театральной труппой, непременно у нас открывалась рубрика «Театр у микрофона». Её поддерживали и приезжавшие в отпуск или на каникулы наши доморощенные артистки Лариса Киркица и Татьяна Калинина. А то мог приехать странствующий цирк или зоопарк, или какая-нибудь изыскательская экспедиция, и тоже случались мимолётные знакомства с нездешними людьми с «большой земли».

Много чаще, чем зимой, заглядывали к нам и коллеги-журналисты. Помню приезды Павла Епифанова с областного радио, корреспондента омского радио Валерия Зинякова — обаятельного парня, у которого было чему поучиться: чуть ли не за день он мастерски сделал корреспонденцию

о геофизиках с заголовком «Мирные взрывы». В моей памяти остался урок, полученный от приехавшего в командировку собкора газеты «Лесная промышленность» Анатолия Конакова. Я черкал чью-то заметку, а он, стоявший рядом, следил за моим пером и вдруг спросил: «А почему ты это вычеркнул?». Как выяснилось, своей правкой я внёс в текст чуждый для него смысл, сам того не заметив. Тут я впервые познакомился со специфическим журналистским понятием «отсебятина».

Как-то под вечер в почти пустую редакцию явились драматург Александр Шерель и фотограф Валерий Арутюнов, приехавшие в командировку от редакции журнала «Телевидение и радиовещание», и мы с Валерием Поливановым провели в приятном и поучительном общении с ними два или три дня, о многом важном успев поговорить, показав в записи некоторые свои работы и наслушавшись московских анекдотов. Позже мне пришлось попросить Сашу раздобыть для Сан Саныча Кельберга тогда ещё не дошедшее до Ханты-Мансийска сердечное лекарство, и он прислал, купив его чуть ли не в кремлёвской аптеке. Журнал с фоторепортажем о поездке по Иртышу Шерель потом прислал, и он сохранился у меня. В другой раз москвичи приезжали к нам для монтажа нового оборудования — от них остались, помимо всего прочего, записи песен Высоцкого.

Всё это были элементы благоприятной для нас, учившихся журналистике, питательной среды.

Широкий круг

После беглого представления «узкого» круга общения редакции радио, замкнутого границами Ханты-Мансийска, хочу, тоже не претендуя на полноту, очертить более важный для нас широкий круг, охватывающий весь округ. Каковы были наличные средства связи — об этом уже сказано, интернет тогда и во сне не мог присниться — за информацией о том, чем живёт округ, нужно было ехать. И это была информация качественно отличная от той, что добывалась внутри «узкого круга», она дополнялась, обогащалась острыми впечатлениями от незнакомых мест, встреч, производств. Конечно, главным источником впечатлений были люди — новые люди, съехавшиеся издалека, со всех сторон страны, владевшие неизвестными здесь прежде профессиями, начинавшие какие-то неведомые дела, которые уже обретали плоть незнакомого вида, к которому ещё предстояло привыкнуть, — нефтяные резервуары, дороги из железобетонных

плит, стальные питки нефтепроводов, целые группы и микрорайоны двухэтажных домов...

Встречи происходили не только на рабочих площадках под открытым небом, но и в общежитиях, гостиницах, тесных аэровокзалах, пристанских дебаркадерах, речных трамваях, балках, в «чистом поле»... Первая командировка: Сургут, апрель 1964 года, первый слёт молодых геологов Тюменской области — читающий со сцены свои стихи сейсморазведчик Леонид Кабаев — поездка на буровую мастера Минца — знакомство с главным геологом нефтепромыслового управления «Сургутнефть» Р. Ш. Мамлеевым...

Вторая: май 1964, путь в речном трамвае навстречу ледоходу в Нефтеюганск, где впервые предстояло загрузить нефтеналивную баржу — громадные резервуары для нефти, только что построенные, оператор Пономарёв, обслуживавший это хозяйство — начальник нефтепромысла Виктор Михайлович Кудрин — знакомство с тюменским коллегой Василием Гилёвым — известинцы Бузылёв и Ахломов — торжество пуска нефти...

С первого месяца работы появился и уже не отпускал азарт к «перемене мест». «Широкий круг». У каждого из корреспондентов редакции он был свой. Мне помнятся встречи с сургутскими геологами Евграфом Артемьевичем Тепляковым и Аркифом Васильевичем Тяном, начальником районного управления газопровода в Пунге Львом Александровичем Бодровым и начальником Пунгинского газового промысла Иваном Спиридоновичем Никоненко, сейсморазведчиком Александром Ксенофонтовичем Шмелёвым, испытателем нефтяных скважин Виктором Фёдоровичем Черновым, директором Усть-Балыкской конторы бурения Александром Николаевичем Филимоновым, рыбаком Петром Алексеевичем Новаком, председателем Игримского поселкового совета Семёном Гавриловичем Собяниным, строителями Сургутской ГРЭС Иосифом Наумовичем Каролинским, Николаем Ивановичем Зеваковым, Владимиром Григорьевичем Гарафутдиновым, строителем жилых домов Григорием Архиповичем Кравчуком... И это, конечно, только часть «избранного».

Незабываема атмосфера открытости и взаимного доверия тех лет. Предъявление редакционного удостоверения, как правило, было излишней формальностью, и предъявлялось оно лишь по обязанности и с чувством неловкости, которая преодолевалась, как только начинался разговор. Зачастую в общении журналиста и его собеседника границы, очерчивавшие круг служебных обязанностей, растворялись, общение становилось свободным и увлечённым. Это сближало и оставляло иногда продолжи-

тельный след — мимолётное знакомство порождало взаимную симпатию, обмен письмами, и редакция приобретала ещё один источник информации.

Приведу пример. В начале зимы 1967/1968 годов у меня была командировка в Берёзовский район, частью которой было посещение Пунгинского газового промысла. Две ночи мне пришлось переночевать в общежитии вместе с операторами Виталием Реприщевым, Виктором Барсуковым и Мишей Соловьёвым. Наши вечерние разговоры каким-то чудесным образом сблизили нас, и с Виталием мы потом несколько лет переписывались. Он писал и о личной жизни, и о делах и людях промысла, и даже иногда присылал корреспонденции.

В годы строительства железной дороги Ивдель — Обь нам часто писали о ходе стройки начальник её Игорь Василевский, Самуил Верников и проходивший там срочную воинскую службу Олег Петриченко. Перед демобилизацией Олег в письме сообщил, что возвращается домой в Ленинград, и предложил продолжить сотрудничество, если мы найдём для него интересующие нас темы. Оказалось, что наш округ и Ленинград многое связывает, и несколько лет мы получали от Олега профессионально сработанные очерки и корреспонденции. Он учился на факультете журналистики университета, впоследствии работал в «Огоньке» собственным корреспондентом, был генеральным директором и главным редактором еженедельника «24 часа», в настоящее время — генеральный директор ООО «Издательский дом «Кирилица» в Санкт-Петербурге. Не забуду об одной услуге от Олега Тимофеевича. В 1973 г. ленинградское издательство «Аврора» впервые выпустило альбом репродукций с картин югорского художника Константина Панкова, о котором Олег присылал нам свой очерк. По моей просьбе он прислал три экземпляра книги, два из них достались Петру Шешкину и Геннадию Райшеву.

Это только небольшая часть моих связей. Из подобных же связей каждого из нас связывалась целая информационная сеть, накрывавшая всю территорию округа. Довольно редко эти возникавшие в командировках межчеловеческие связи находили отражение в нашем эфире, ориентированном на воплощение в жизнь задачи построения коммунизма. Интереснейшие факты и впечатления частной жизни по большей части не вписывались в создаваемую картину. Чтобы дать им выход, Владимир Иванович Плесовских придумал свободный от всего обязательного субботний радиожурнал «Радуга» — пёстрый, насыщенный музыкой и приправленный острым словом. В нём была рубрика «Встречи на дороге», где можно было

рассказывать о людях с иной интонацией, чем о героях труда и передовиках социалистического соревнования. Внутри редакции эта передача была очень популярна, для неё охотно писали и записывали.

Теперь вернусь к разговору о коллегах — лидерах нашего небольшого журналистского коллектива, к которым сохранил давнюю симпатию, привязанность и благодарность.

Владимир Иванович

Наш главный редактор располагал к себе сразу же при первом знакомстве: доброжелательный и приветливый, с запоминающейся внешностью — крупный, с вьющимися волосами. Одевался он просто, не носил без особой надобности галстука, предпочитал рубашу с открытым воротом. Как-то я рассказал о Владимире Ивановиче Плесовских приехавшему в гости другу, а он говорит: «Я его сегодня видел». По моему описанию он узнал его во встреченном случайно незнакомом человеке. Из литературных героев Плесовских мне представляется очень похожим на полковника НКВД Свешникова, спасавшего невинных людей, из книги Владимира Дудинцева «Белые одежды», а из реальных исторических личностей — на писателя и учёного Ивана Антоновича Ефремова.

Владимир Иванович Плесовских

Жёстко требовательных, орущих и матерящихся руководителей у нас пруд пруди — от Владимира Ивановича я за многие годы знакомства ни разу не слышал резких повелительных слов, тем более сказанных в раздражении. В его поведении отсутствовали безапелляционность, претензия на всезнайство или непогрешимость, Владимир Иванович был выше таких состояний. О том, что это руководитель, люди узнавали по ощущению исходящей от него большой внутренней силы и того естественного достоинства, которое не нуждается во внешних атрибутах. Внешне он был мягок, но имел твёрдый внутренний стержень.

Работать с Плесовских и под его руководством было легко и радостно. Никого и ни на что он не «натаскивал», предоставляя всю возможную в рамках службы свободу, мерил же ответственности он опять же предлагал каждому иметь прежде всего собственную совесть. Если кто-то заходил в редакторский кабинет отпроситься с работы по личной надобности, то безо всяких расспросов и оговорок получал шутивное благословение: «Катись!». В «переводе» это означало: «Верю, что тебе это необходимо и делу не повредит».

Владимир Иванович обладал редкой способностью принять в себя человека целиком, ничего не отсеивая и не отбрасывая «для удобства». Он ценил людей не только как работников, но и по всей совокупности их человеческих качеств, при этом единого аршина на всех у него не было. И крайне неохотно, скупо говорил слова осуждения. Зато искренне и открыто радовался успеху коллеги — без пустых хвалебных слов. Точная мера одобрения была знаком уважения к сотруднику. Владимир Иванович опирался на лучшее в человеке и этим возвышал его.

Применительно к труду руководителя он употреблял рождённый его личным опытом термин «эффект присутствия». На месте он — и этого достаточно, чтобы работа шла в привычном порядке, без нервозности и срывов. Не было надобности в вызовах, указаниях и вообще во внешней активности. При этом он видел весь трудовой процесс, знал, что получается, что не удаётся.

Труд руководителя не был для Владимира Ивановича лёгким. По-видимому, в конце 1963 года ему, лектору окружка партии, поручили из маленькой редакции радиовещания, в штате которой было всего несколько человек, создать более солидную, способную обеспечить значительно больший объём вещания. В марте 1964 года, когда я пришёл в редакцию, она уже была почти укомплектована. В ней работали опытные газетчики Борис Пантелеймонович Прибыльский, Надежда Петровна Губина, Фёдор

Самойлович Корепанов, Полина Георгиевна Волосникова. Передачи на хантыйском языке готовил Владимир Семёнович Волдин, писавший стихи на родном языке, а на мансийском — старый педагог, бывший школьный директор Владимира Ивановича Алексей Васильевич Голошубин, не работавший в редакции. Сам Плесовских тоже в недавнем прошлом редактировал районную газету. И всем им предстояло возможно быстрее стать единым коллективом, овладеть радийной спецификой и поставить работу на достойный уровень.

В том, что это удалось, много значил редакторский стиль руководства. Обладая трезвым аналитическим умом, Владимир Иванович находил верные решения, выбирал оптимальные варианты, умел достаточно оперативно выправлять ошибки. Предоставление журналистам максимальной свободы стимулировало творческий рост и, благодаря такому «попустительству», в редакции второй половины 60-х годов жил дух раскованности, дружелюбия и каждодневного радостного ожидания чего-то неожиданного и волнующего. Если кого-то заносило и происходила грубая, с точки зрения партийного комитета, ошибка, Владимир Иванович брал на себя роль «громоотвода», оберегая журналиста от лишних волнений.

Здоровью редакционной атмосферы очень помогало то, что и сам Плесовских был человеком одарённым, ориентированным на творчество.

Спустя годы после смерти Владимира Ивановича, я спросил у его супруги В. Г. Плесовских, не осталось ли его неопубликованных работ. Вера Григорьевна передала мне стопку листов недописанной автобиографической повести, приоткрывшей духовные истоки личности нашего редактора. Часть её была напечатана в 4-м и 11-м номерах журнала «Югра» в 1993 году под заголовками «Счастливое плавание» и «Земля в наследство».

В «Счастливом плавании» рассказ идёт о том, как мальчик Серёжа на катерке-тихоходе с паузком на буксире добирался со своей семьёй из Берёзова до посёлка Сосьва, построенного недавно для размещения мансийской культурной базы. Его отца послали туда открывать новое лесничество.

В тексте много живописных и точных подробностей, врезавшихся в память с детства. Река и её берега. Пацаны-ровесники, их игры, озорство, рыбалки, завязавшаяся в пути дружба. Наблюдение жизни взрослых. Уже тогда, впервые поднимаясь по Северной Сосьве, мальчик Серёжа заметил, как различны могут быть мерки, прилагаемые к одному и тому же явлению. «Взять, к примеру, — подмечает автор, — расстояние от Берёзова до Сосьвинской культбазы. Мать считала дорогу сутками, отец — пристанями, где бывала выгрузка (он «для разминки» таскал сразу по два мешка муки

или сахару, за что его уважали даже настоящие грузчики), капитан — перекатами..., матрос Лёнька Кугин — вахтами, а весёлый моторист Федя Мальчиков — баками топлива...».¹ Понимание этой многомерности жизни — одна из отличавших Владимира Ивановича черт, многие явления текущего дня он оценивал по-своему, не как другие.

О Сосьвинской семилетней школе, сильно повлиявшей на становление В. И. Плесовских, надо сказать особо. Его соученик и друг Г. Н. Тимофеев вспоминает о ней с благодарностью. Кроме упомянутого А. В. Голошубина, в ней работали учителя М. Б. Боровиков, П. И. Власов, Д. К. Гилёв, А. С. Мостовских — каждый из них был замечателен по-своему. Боровиков, бывший корреспондент «Комсомольской правды», поэт, рассказывал ребятам, собиравшимся на его квартире, о творчестве Эдуарда Багрицкого, Иосифа Уткина, Сергея Есенина. В 40-е годы его призвали на фронт, где он погиб. Математик Пётр Иванович Власов руководил школьным оркестром и кружком изобразительного творчества, писал диссертацию. Анастасия Семеновна Мостовских была учёным-биологом. Географ Даниил Кириллович Гилёв позднее преподавал в Ишимском педагогическом институте.²

Геннадий Николаевич вспоминал: «В школе и Доме народов Севера были большие по тем временам библиотеки, и всё свободное время мы отдавали чтению. [...] Владимир, обладая превосходной памятью, поражал нас не только знанием содержания прочитанных книг. Он всегда имел собственные суждения, восхищая нас нестандартными оценками прочитанного.»³

Обращаясь к разделу повести, озаглавленному «Земля в наследство», легко заметить, что в нём отразилась авторская журналистская биография. Герой его повести Сергей Николаевич, ветеран округа, не раз вступал в противоречие с теми, кто ошибочные решения оправдывал словом «надо».

Как-то Сергея Николаевича позвал в Сосьву его школьный друг, знаменитый рыбак Прокопий Кириллов: «Приезжай, посмотри, что делается с нашим Ляпином». В одной из горных речек начали промывку золотосодержащих русловых отложений, но об отстойниках, где бы оседала муть, никто

¹ Плесовских В. Счастливые плаванья // Югра. — 1993. — № 4. — С. 32–33.

² Тимофеев Г. Учителя, которых не забыть // Новости Югры. — 1995. — 31 авг. Прил.: С. 4. (Краевед. № 6).

³ Тимофеев Г. Первый философ Югорского края // Югра. — 1997. — № 11. — С. 12.

не позаботился. Результат: нерестовые ямы стали заиливаться, и рыба не пошла в Ляпин. Унаследовавший эту землю от родителей и земляков, герой повести протестует: «Конечно, надо добывать много нефти, ловить рыбу, заготавливать древесину, но весь вопрос в том, как это делать по-хозяйски, — спорил этот человек, любящий землю, на которой вырос. — Стройкам не хватает леса, а отличная древесина гниёт по обочинам расчищенных трасс, потому что её вывозка никакими проектами не предусмотрена. Нужна рыба, но она почему-то отказывается жить в реке, куда «случайно» сброшены сотни тонн нефти. И побеждать приходилось не всегда, мешало всеильное «надо», подкреплённое планами, графиками, проектами...».⁴

Очевидно, что здесь отразилась позиция самого автора. Журналист говорит от первого лица, а не «от имени и по поручению». И такая позиция ныне ещё актуальнее, чем тогда. Становится понятно, почему Владимир Иванович при всеобщем уважении не снискал больших государственных наград. Видимо, он умел сохранять независимость и не укладывался в прокрустово ложе.

Живший на мансийской культбазе, в центре культурной жизни Сосьвинского края, имея таких замечательных учителей, Владимир Плесовских естественным образом проникся интересом к материальной и духовной культуре аборигенов, её философскому и художественному осмыслению. К исследованию он приступил в начале 50-х годов, когда после окончания филологического факультета Тобольского учительского института приехал в райцентр Октябрьское. Здесь в качестве педагога, работника комсомольского и партийного комитетов, редактора районной газеты, постоянно разъезжая по району, он имел широкое общение с самими носителями этой культуры. И был у него достаточно эрудированный собеседник, а нередко и оппонент — соученик по Сосьвинской школе и институту, педагог-историк и художник-любитель Геннадий Николаевич Тимофеев. В очерке Тимофеева «Первый философ Югорского края» читатель найдёт много интересных подробностей жизни Владимира Ивановича и Веры Григорьевны Плесовских в Октябрьском, где они были в центре культурной жизни села.

Свой многолетний труд Владимир Иванович озаглавил так: «Динамика духовной культуры коренного населения Обского Севера». В первой половине 60-х годов он лёг в основу защищённой им с отличием дипломной работы на философском факультете МГУ. В последующие годы он продолжал работу. В 1992 г. часть этого исследования удалось, благодаря В. Г. Плесовских, опубликовать в журнале «Югра».

⁴ Плесовских В. Земля в наследство // Югра. — 1993. — № 11. — С. 45–46.

Своему труду, библиография которого насчитывает две сотни источников, автор предпослал такое лирико-философское вступление:

«К избранной теме мне удалось прикоснуться случайно. В далёком теперь 1944 году мы с другом забрели в урман Люлимвор. Заменяя ушедших на фронт, мы, подростки, старались делать всё: рыбачили, зимой белковали.

Урман вздымался синей загадкой над Сосьвинской поймой, казался таинственным и романтичным. Едва дождавшись осенних каникул, по мелкоснежью отправились мы промышлять, но силы свои не рассчитали... И вот, когда, вконец измотанные, присматривали место, где развести костёр и устроиться на ночлег, случайно натолкнулись на избушку.

Столик в одну плаху, сиденья-чурбаки, нары, железная печка, дрова, спички, сухая растопка, крупа, соль, сушёная рыба... Дворец!

Кто-то неведомый позаботился о нас или о ком-то другом, кто так же мог попасть в критическую ситуацию. И только значительно позднее я узнал, что мне посчастливилось на себе испытать одну из добрых традиций таёжников-сибиряков — оставлять запас в охотничьей избушке...

...Я взялся за перо для того, чтобы в сущности продолжить эту традицию, оставить «запас» тем, кто придёт вместо меня. «Урман», в который я приглашаю, не менее сложен, чем Люлимвор. Он уводит в дебри истории, в сложный мир духовной жизни коренного населения Обского Севера».⁵

Любовь к земле, на которой вырос, побуждала Владимира Ивановича не только к её познанию, но и к художественному отражению. В газетах он публиковал свои стихотворения под псевдонимом В. Крюков. Привожу несколько характерных для его поэзии строчек.

Я родины себе не выбирал...

Она пришла, как гимн, с сосновым звоном.

А дед Нер-ойка — мой седой Урал

Катил стекляшки Ляпина по склонам,

Поил водой, чтоб я сильнее стал,

Прямей и чище, чем любой кристалл.

С годами Владимира Ивановича всё сильнее тянули к себе река, луг — водный простор. В цветной фотографии, техникой которой он хорошо владел, его особенно привлекал пейзаж. Просматриваешь десятки слайдов и

⁵ Плесовских В. Система религиозных представлений ханты и манси // Югра. — 1992. — № 7. — С. 29–36; № 8. — С. 29–36.

кажется, что автор не мог насытиться созерцанием картин изменчивости родной северной природы. Не удовлетворившись этими пробами «остановить мгновение», в конце жизни он обратился к пейзажной живописи.

Не могу не сказать ещё об одном счастливом даре Владимира Ивановича — даре дружелюбия. Он был личностью большой притягательной силы. Ему не особо требовалось заряжаться от кого-то, он был не столько аккумулятором, сколько генератором доброй энергии. Исходящее от него ощущение цельности природы и нравственного здоровья привлекало людей, многие становились друзьями. Свет друженности исходил и от семейного дома Плесовских.

Г. И. Макарова, знавшая Плесовских и в Октябрьском, и в Ханты-Мансийске, так отзывалась о Владимире Ивановиче: «... главные его качества — искренность и человечность. Он любил, ценил и уважал людей».⁶ Летом 1972 года, когда я собирался в длительную командировку в Берёзовский район, Владимир Иванович попросил: «Будешь в Сосьве — передай от меня привет Шишигиным и Михаилу Гигину». С этими приветами я был принят почти как родной человек.

Г. Н. Тимофеев вспоминает о существовавшем в Октябрьском в 1950-е годы небольшом «клубе любомудров», в котором, помимо Геннадия Николаевича, состояли Ю. С. Ахмадшин, С. П. Загваздин, Г. С. Мачехин — люди почти все мне знакомые и под стать Владимиру Ивановичу: добрые, умные, не заносчивые. Этот кружок часто собирался в доме Плесовских, а летом и осенью перемещался на левобережье Оби, в места рыбалки и охоты. «Рядом с нашей палаткой, которую мы называли «литературным салоном», — пишет автор очерка, — у самой воды, разгуливали турухтаны и веретенники, над тальниками и вдоль протоки пролетали с шумом чирки. Где-то далеко на озёрах слышались крики гусей, собиравшихся в табуны для осеннего перелёта».⁷

В 60-е гг., при Владимире Ивановиче и, по установившейся традиции, позже мы так же выбирались по выходным по двое-трое, а то и группами на рыбалку, и эти выезды остались по сей день радостным воспоминанием.

Когда я просился на работу в редакцию, то прямо сказал Владимиру Ивановичу, что не намерен оставаться надолго, как только достаточно вос-

⁶ Макарова Г. Его земная философия // Обские дали: сб. очерков и рассказов. — Екатеринбург: Баско, 2007. — Вып. 1. — С. 36.

⁷ Тимофеев Г. Первый философ Югорского края // Югра. — 1997. — № 11. — С. 13.

становлюсь — вернусь к своей профессии. Позднее он время от времени пошучивал: «Сколько геолога ни корми, он всё в лес смотрит». Но он же и оказался главным «виновником» того, что в конце концов я не смог оставить журналистику — «увяз» в ней с её командировками, знакомствами, ритмом существования...

Учил Владимир Иванович, не уча — своим каждодневным присутствием в редакции, манерой общения, немногословными репликами, открытостью, доверием, умением поддержать, своим отношением к тем или иным вещам и чем-то ещё и ещё... Сближало нас и то, что меня избирали председателем профсоюзного комитета, секретарём первичной парторганизации, и в силу этого приходилось совещаться, обдумывать вместе и перспективные, и спонтанно возникшие дела, иногда и у него дома. Порой просто хотелось выговориться. Встречи были нечастыми, но никогда не были душевно пустыми. Говорили о разном, иногда слушали произведения музыкальной классики. Для членов семьи Плесовских общими были любовь к литературе, музыке, театру, симпатии, друзья. От приветливой, дружной, счастливой семьи в меня переливалось чувство душевного комфорта, и теперь эта семья вспоминается как явление высокой культуры.

Вера Григорьевна при наших редких встречах 90-х годов говорила: «Володя тебя любил». Свет и тепло этой любви (хочется так думать) были, наверное, решающим фактором моего журналистского становления.

Весной 1967 года по редакции пополз слух о том, будто Владимира Ивановича от нас куда-то забирают. Мы очень не хотели расставаться со своим главным редактором, понимая, что таким умением без применения силы сплотить людей и настроить работу редко кто обладает. Владимир Иванович и сам не хотел уходить, говоря: «Такого коллектива мне уже не создать». Весной 1968 года мы всё-таки расстались, но, как впоследствии оказалось, не навсегда. Мне пришлось ещё поработать с ним в отделе пропаганды и агитации окружкома партии, к сожалению, очень недолго, а в октябре 1983 года, когда Владимир Иванович стал председателем телерадиокомитета, я ещё около полутора лет проработал вместе с ним в должности собственного корреспондента в Урае. И, наконец, весной 1985 года Владимир Иванович, уже пенсионер и инструктор окружкома партии, благословил меня на тяжкий труд в должности редактора нижевартовской городской газеты. На пути из Урая в Нижневартовск я остановился в Ханты-Мансийске и забегал попроведать его в терапевтическое отделение окружной больницы. Это была наша последняя встреча.

Так сложилось, что творческая деятельность Владимира Ивановича выпадала чаще всего на внеслужебное время, часто — поздневечернее или ночное. Он сознательно шёл на разлад со своим больным сердцем, которое хотело отдыха, но служба оставляла для творчества только эти часы — и он трудился. И я пишу об этом почти без горечи, потому что служба не была для него лишь местом заработка. Он верил в возможность построения справедливого и счастливого общественного строя и тратил на это много своих сил. Плесовских был одной из тех не часто встречающихся цельных натур, принадлежавших своему времени, чьи биографии не нуждаются в редактировании при смене одной системы ценностей на другую.

Владимир Иванович до сих пор приходит иногда во сне — живой, находящийся где-то близко, но недоступный.

Сан Саныч

Зная о намерениях окружкома партии перевести его на другую работу, Владимир Иванович был озабочен вопросом: кто заменит? Вопрос этот заблаговременно разрешился в 1967 году, когда в редакцию пришёл на должность старшего редактора опытный журналист Александр Александрович Кельберг. До этого он работал собственным корреспондентом «Тюменской правды» на бойком месте — в Кондинском районе, где уже началась добыча нефти. Кельберг и стал главным редактором после Плесовских. Замена оказалась удачной, при нём ничего хорошего из того, что было при Владимире Ивановиче, на мой взгляд, не потерялось.

Александр Александрович Кельберг

Сан Саныч, как звали Кельберга в редакции, был намного старше Владимира Ивановича (родился в 1911 г. в Петербурге) и, можно сказать, годился ему в отцы, но отношения между ними сразу же сложились взаимно уважительные, товарищеские и тёплые. Сохранились они и после ухода от нас Владимира Ивановича.

Журналистский опыт Кельберг имел солидный: в 1940–1941 гг. редактировал в г. Нарва уездную газету «Советская деревня», выходящую на русском и эстонском языках, в 1949 г. — республиканский журнал «Эстонский большевик», в 1958–1965 гг. был заместителем редактора газеты «Адыгейская правда» (г. Майкоп), корреспондентом ТАСС по г. Туапсе и Черноморскому побережью, сотрудничал в газетах «Огни Кавказа» и «Рассвет» в Краснодарском крае. Бывший сотрудник Кельберга по нарвской газете С. В. Рацевич так характеризовал его в воспоминаниях: «Состав редакции «Советская деревня» небольшой. Редактор — энергичный, способный Александр Александрович Кельберг, воспитанник Нарвской гимназии, как говорили, в буржуазной Эстонии действовавший в подполье».⁸

Каким запомнился Сан Саныч как руководитель? Человеком умным, образованным, многое на своём веку повидавшим, способным на быстрые нестандартные решения, открытым и доступным, с чувством юмора. Отличался стойкостью, умел постоять за себя и за другого. Не раз слышал от него фразу: «Лучше пять минут страха, чем всю жизнь быть покойником». Бывали обстоятельства, когда мог взорваться, но ненадолго. Бывал и сентиментальным.

Удивительно, как он решал кадровые вопросы — спонтанно и при этом удачно. Тут, видимо, сочетались опыт и интуиция. Так, однажды услышав выступление секретаря комсомольской организации из Нефтеюганска Вячеслава Аскерова, он немедленно пригласил его в редакцию диктором. С лёгкой руки Сан Саныча Слава из слесаря-ремонтника с годами превратился в отличного диктора, любимца слушателей наших передач. До конца жизни Аскеров считал Кельберга едва ли не главным своим учителем и написал о нём превосходный очерк.⁹

⁸ Рацевич С. В. Глазами журналиста и актёра: из виденного и пережитого. — Т. 2. — Ч. 1. — 58-я статья. — Нарва, 2005.

⁹ Аскеров В. Не память напрягаю я сейчас — перо... // Вы слушаете радио «Югория»: История Ханты-Мансийского радио в документах, воспоминаниях, фототрафиях и радийных материалах. — Екатеринбург, 2002. — С. 97–102.

Однажды мы поместили в журнале «Журналист» объявление о том, что требуются на вакантные должности корреспонденты. Летом стали приходиться письма от желающих поступить к нам на работу. Одно из них — от Николая Алипова из Ялты — особенно заинтересовало меня. Пошёл к главному домой с письмом (Сан Саныч был в отпуске). Он прочёл и вынес односложное решение: «Вызывай». Николай вскоре приехал, он оказался человеком литературно одарённым, готовил запоминающиеся передачи. Кельберг с интересом наблюдал за его работой и поддерживал с ним связи и после того, как вышел на пенсию и уехал в Ленинград. «Было письмо от Коли, — писал он оттуда, — сделал телеспектакль о каком-то крымском художнике. Собирается в Ленинград... Интересно будет повидать».

Вкус к воспитательной работе у Сан Саныча вполне определённо был, и, как мне казалось, иногда он даже «экспериментировал», вводя сотрудника в ту или иную ситуацию и наблюдая за его поведением. При всём при том он не был отстранённым от подчинённых чиновником, не демонстрировал своего превосходства. Не помню случая, чтобы на летучке или собрании он выступал с позиции силы, подолгу. Как воспитатель не был назойлив и нуден, не морализировал. Никаких общих рассуждений, всё по делу. Однажды, помню, он на партийном собрании заметил, что я имею склонность к формализму. Для меня это было неожиданным, но, поразмыслив, внутренне с ним согласился.

В некоторых случаях Сан Саныч мог высказаться в резкой, но не оскорбительной форме. Случались и ссоры. Например, однажды, ещё когда Кельберг был старшим редактором, мне как секретарю парторганизации пришлось разбираться в его конфликте с Валерием Поливановым. Вспышки были кратковременными и не имели последствий, затяжные конфликты, злопамятность были не в его сильной натуре. Симпатии и даже привязанности у Сан Саныча, конечно, были, но он старался их не выпячивать, не делил коллектив на «элиту» и «прочих».

В общении Кельберг был прост, ни от кого не отмахивался: мол, не до тебя, занят. Зачастую вечером с работы он уходил с кем-нибудь из нас. Разговор шёл простой, обоюдоинтересный — на равных. Даже жаргонные словечки были естественными в его речи. По озорству молодости кто-то из нас внедрил в обиход несловарное значение слова «мистика» — как нечто пустое, завирательное. Попутчик в увлечении спором говорит: «Сан Саныч, это же мистика!» — «Мистика, конечно, — тут же на полном серьёзе подхватывает Сан Саныч, — но...». Временами он вдруг останавливался, брал под язык таблетку нитроглицерина и, постояв немного, шагал дальше, включаясь в разговор с прежним оживлением.

Нить разговора часто наводила его на воспоминания. Тут мы имели возможность соприкоснуться с его сложным жизненным опытом, слышали много любопытного, необычного. Например, если я говорил Сан Санычу, что редакторская работа не для меня, он тут же отвечал: «Каждый редактор мечтает уйти в корреспонденты, а партийный работник — в преподаватели». Это было чем-то вроде утешения: мол, тяни свою ляжку и не сетуй. В другой раз он мог со смесью иронии и скепсиса заметить к слову, что искусство руководства сводится к двум простым правилам: распределяй работу между всеми и не решай сложных вопросов. Если разговор касался семейной жизни, от него можно было услышать такую заповедь: «Не говори о жене плохо и другим не позволяй говорить». Или: «Никогда не ссорься с женой, всё равно придётся мириться». Наверное, мы считали неудобным пользоваться открытостью Сан Саныча и поэтому не задавали ему вопросов об его прошлой жизни. Теперь приходится об этом жалеть.

Ежедневно общаясь с Кельбергом, я не раз имел возможность убедиться в его доброте, замечательным качеством которой была её действенность. Простым сочувствием Сан Саныч не ограничивался. В начале лета 1968 года он уходил в отпуск и оставлял исполнять редакторские обязанности меня, а я в тот момент оказался перед необходимостью срочно искать квартиру. Выход из этого затруднения оказался внешне простым: Сан Саныч предложил нам с женой пожить в его квартире. А когда он вернулся из отпуска, я неожиданно сразу получил ордер на комнатку в общежитии. При дефиците жилья всё это выглядело чудом.

Три года спустя от Сан Саныча я получил не менее ценный подарок: зная о моём нежелании отвлекаться от журналистики на исполнение разных управленческих дел и общественных обязанностей, он не стал препятствовать моему уходу на собкоровскую работу на областном радио.

Осенью 1971 года Кельберг вышел на пенсию и уехал в Ленинград. В подобных случаях чаще всего старые связи быстро слабеют и обрываются, но тут всё оказалось совсем по-другому. Благо, что тогда люди ещё посылали друг другу по почте письма. Сан Саныч переписывался с В. И. Плесовских, Н. П. Губиной, Ф. С. Корепановым, М. В. Мусиенко, В. П. Поливановым, Р. В. Приваловой, Николаем Алиповым, автором этих строк. Разделённые большим расстоянием, мы не только не расходились, но даже в чём-то и сближались. Оживлённая переписка открыла нам, чем в действительности были для Сан Саныча наша редакция, Ханты-Мансийск и весь округ. В письмах он задавал много вопросов, продолжая участвовать в наших делах.

«Какое у тебя мнение о новом радиодоме? Получилось, что надо, или всё-таки не так? Ну хоть такой есть, можно как-то жить, а думать надо сразу о следующем, каменном и четырёхэтажном. И не только думать, но и действовать».

«Что с Поливановым? Выздоровел ли? Вообще напиши подробно, как у нас там в редакции, расстановка «классовых» сил, качество передач...».

«Что это за новый нефтепровод на Куйбышев и будет ли ещё один по северу округа и вдоль дороги Ивдель — Обь?».

Меня он спрашивал: «Как живёшь-то, собкор? Доволен ли своей журналистской судьбой, какие перспективы тебя сейчас увлекают, что пишешь? Я тебе завидую, по-хорошему, конечно, потому что ты на главной орбите, в гуще событий, да ещё каких».

Содержание писем Кельберга говорило нам, что четыре года, прожитых в Ханты-Мансийске, были каким-то очень значительным этапом его биографии. Однажды, спустя два года после отъезда в Ленинград, отвечая на письмо одного из бывших коллег, он написал: «Теплом повеяло из холодного Ханты-Мансийска, настоящим человеческим теплом. И за это я благодарен всем сердцем этому северному городку и его людям, с которыми свела и сдружила в те годы меня жизнь».

Человек деятельный, сразу после приезда в Питер Сан Саныч взялся за дела: писал в «Ленинградскую правду» о Севере, а о том, что делают для округа предприятия и исследовательские институты города на Неве — в нашу редакцию радио и «Тюменскую правду». Просил посылать ему книги и вырезки из газет на нефтяные темы. Тогда же стал читать лекции на тему «Нефть и политика» на крупных заводах, в общежитиях, воинских частях, школах. «В общем эта новая жизнь мне нравится, — писал он. — Живу, расту». Да и в материальном плане это кое-что даёт. В сентябре прочёл 22 лекции и мне выписали 102 рубля... Вот тебе и вторая пенсия».

Сан Саныч уже подыскивал себе постоянную работу, но планы нарушило нездоровье: опять гипертония, сердце, нарушилось мозговое кровообращение. Угнетало и состояние здоровья жены, Галины Фоминичны. В это мрачное время он не бросал переписки («Пиши почаще, письма сейчас — моя отдушина»), приглашал в гости к себе, собирался даже приехать в Ханты-Мансийск. Тяжелейшим ударом стала смерть в 1976 году жены, с которой жизнь свела ещё в гимназические годы. «Счастье моё ушло, здоровье тоже», — писал он с горечью. Через два года ушёл за любимой женой и он.

Дядя Боря

Борис Пантелеймонович Прибыльский был первым радиожурналистом, с которым я познакомился в редакции. Мы встретились в маленьком холле «радиосарая» перед тем, как меня пригласил для знакомства Владимир Иванович, и сразу обнаружилась связавшая нас ниточка: я в совсем недавнем прошлом геолог, и он ещё до войны, в юности бродил с геологами экспедиции видного ученого Александра Васильевича Хабарова по Полярному Уралу — побывал на хребте Пай Хой, островах Новой Земли. В первые месяцы моей работы на радио, когда мало что получалось и мучили сомнения в способности к журналистике, он сочувствовал и подбадривал, вселяя веру в то, что со временем «поднатаскаюсь».

Борис Пантелеймонович Прибыльский

Сам «дядя Боря», как звали его молодые сотрудники, был старым газетным волком, но на радио пришёл всего лишь тремя месяцами раньше меня и тоже в этом деле был новичком, однако большой опыт газетчика помог ему быстро освоиться. Работая на Ямале, а потом в Ханты-Мансийске, он привык к большим расстояниям, длительным командировкам, хорошо знал экономику округа и имел многочисленные знакомства с рыбаками, лесозаготовителями, животноводами, геологами.

Журналистской хватке Прибыльского можно было позавидовать, а в способности оперативного поиска информации в редакции ему не было

равных. При скверной телефонной связи 60-х годов подготовка дневных выпусков новостей нередко проходила в авральном режиме, и тут много раз выручало виртуозное владение Борисом Пантелеймоновичем источниками информации. Дымя дешёвой крепкой папиросой излюбленной марки «Красная звезда» («звёздочку» на случай дефицита он запасал по несколько пачек), он снимал трубку и принимался названивать по разным адресам. Вскоре 2–3 недостававших «информашки» отправлялись на перепечатку.

Валерий Зарубин, бывший наш диктор конца 60-х годов, в очерке «Журналист — это боец» приводит такой отзыв о Борисе Пантелеймоновиче Владимира Ивановича Плесовских: «Он первым среди нас понял специфику радио, первым в совершенстве овладел репортажным магнитофоном, часто ранним утром уходил в лес и записывал на плёнку голоса птиц, шум ветра, журчание ручья. Одним словом, создавал настоящую живую фонотеку. Всё это в течение многих лет помогало при оформлении различных передач. Не скрою, я учился у него работать, мы не стеснялись попросить его: «Пантелеймонович, помоги!». И он никогда не отказывал».¹⁰ А работавшая с ним в одном отделе Надежда Петровна Губина позднее писала: «Я часто вспоминаю «дядю Борю». Его я всегда представляю живым. Стоит он у печки и, улыбаясь, говорит: «Ну вот, Петровна, ты опять тут чепуху напорол...».

«Дядю Борю» журналистика привлекала, по-видимому, не в силу литературного дарования, а потому, что, как и геология, давала возможность повидать жизнь в её многообразии и активно участвовать в ней. Борис Пантелеймонович был человеком своего поколения, прошедшим суровую школу жизни. Война не дала ему получить высшее образование. В послевоенное время по военной привычке (служил в армии с 1939 по 1946 г.) он, как все, зачастую не сам выбирал себе дело, а шёл туда, где остро нуждались в надёжном работнике. Теориями заниматься не было времени, всё постигалось на практике, в том числе и журналистика. Коньком его были острые критические корреспонденции и фельетоны.

Один из самых старших среди нас, Борис Пантелеймонович был скромным и молчаливым. Имея два ордена Славы, о своих подвигах никогда не распространялся, орденов и колодок не носил. На летучках и собраниях высказывался кратко и определённо, не рассусоливал и туману не напускал. В отношениях с редакционной молодёжью менторского тона себе не позволял. Это была не нарочитая, а естественная скромность.

¹⁰ Зарубин В. Журналист — это боец // Вы слушаете радио «Югория». — Екатеринбург, 2002. — С. 112.

В моей памяти Борис Пантелеймонович остался не только авторитетным и уважаемым журналистом, но и близким товарищем. Влекла к нему его глубокая привязанность к лесу и воде. Как и во всём другом, своей любви к природе он не декларировал. Раным-ранёхонько поднимался и шёл в одиночку или с компаньоном в лес, на бережок. Шёл не столько за добычей, сколько, по-видимому, за ни с чем не сравнимым ощущением своей растворённости в естественной среде. О том, насколько действенной может быть такая тихая любовь, говорят строки его дочери Людмилы, в то время студентки факультета журналистики МГУ: «Мы часто ходили в лес с целью и без цели. Отец учил меня, ещё совсем маленькую, ориентироваться в чаще, куда не пробивается порой ни один луч солнца. Зато как приятно, выйдя на пригорок, с которого в синей дымке виден город, присесть на траву, достать из необъятного охотничьего рюкзака хлеб и молоко и долго-долго смотреть на солнце, остроконечные верхушки деревьев, игрушечные домики окраин... Наши таёжные прогулки не были похожи на ставшие сегодня притчей во языцех «походы на природу». Так уж заведено у сибиряков — беречь красоту, не уродовать, а украшать».¹¹

В первый же год моей работы в редакции Борис Пантелеймонович позناкомил меня с ханты-мансийским лесом. Выход назначался на четыре часа утра. С улицы Калинина мы сразу попадали в лес, где дядя Боря учил искать здешние белые грибы — совсем не такие, как с детства знакомые мне белые сургутских сосновых боров. Иногда мы брали с собой «Репортёр». Ранним утром в лесу до нас доносились то мычание коровы где-то вдальке, то гудок самоходной баржи с Иртыша, то щебетание лесной пташки. Количество грибов было для нас не так важно, как погружение в лесную среду. (Однажды с удочками мы забрели на Учхоз. Рыбы не поймали, зато побывали в гостях у знакомого Бориса Пантелеймоновича — Ивана Анастасиевича Летова, интереснейшего, много повидавшего старика.)

Впитанный с юности бродяжий дух жил в дяде Боре всю жизнь. Уже тяжело больной, он не оставлял чтения книг о путешествиях и приключениях. У меня больше 40 лет хранится подаренная им на день рождения книга Д. Колдуэлла «Отчаянное путешествие» с надписью: «Надеюсь, что на 31-м году твоей жизни мы совершим, может быть, не столь отчаянное, но неоднократное путешествие».

К тому времени первое из путешествий у нас уже состоялось. В середине 60-х годов в продаже появились лодочные моторы «Ветерок». Борис

¹¹ Прибыльская Л. Родина // Ленинская правда. — 1978. — 23 апреля.

Пантелеймонович купил в 1966 г. шлюпку и мотор и обновить свои приобретения позвал меня. Путь наш был на одно из таёжных окупёвых озёр в Полудённой горе. Была большая вода, и мы пересекали пойму напрямик, лишь иногда царапая мотором дно сора. На этом озере дядя Боря никогда не бывал, какой-то рыбак рассказал ему, как добираться, и мы поплутали среди заливчиков у коренного берега, пока не нашли ориентир — мыс с висящим на суку старым чайником. До озера добрались уже в сумерках, сразу закинули удочки и быстро надёргали окуней, перемещаясь вдоль качающегося торфяного берега. На той же торфяной перине и заночевали. Путешествие это живо помнится и сегодня. Позднее на этом озере я побывал ещё несколько раз с другим постоянным спутником — Валерием Поливановым.

Как-то в конце сентября того же года Борис Пантелеймонович пригласил меня в поездку, рассчитанную на несколько дней (мы оба были тогда в отпуске). И опять мы держали путь в незнакомое нам обоим место — по протокам Неулевой, Трениной, Ондырю на обской Сафьяновский песок. Соорудили на берегу шалаш, в Комлинской курье на противоположной стороне Оби поставили сети, а возле нашей стоянки закинули донки. Забылись редакционные дела, всё наше время занимали простые заботы праздных отшельников. До того было хорошо, что я начал задумывать летнее путешествие с братом Колей. Четыре дня провели мы здесь, как Робинзоны, умиротворённые тишиной, безлюдьем и неожиданным осенним теплом, накопили в ведре пойманных на донные удочки чебаков, подъязков и окуней, выпутали из сетей щук и нехотя вернулись домой. На следующий день Борис Пантелеймонович угощал всю редакцию рыбой собственного копчения.

Не часто, но бывал я у Прибыльских и дома. Этот старый двухэтажный деревянный дом до сего времени стоит на Комсомольской в полуквартале от окружной больницы. На столе гостеприимных хозяев появлялось коронное блюдо — маринованные грибы. К нашим разговорам с Борисом Пантелеймоновичем присоединялась Зинаида Алексеевна, тоже несколько лет отдавшая журналистике. С маленькими Манечкой и Люсей мы читали про Винни Пуха и ещё каких-то литературных героев. Иногда я приносил грампластинки, и вместе слушали произведения композиторов-классиков. У Прибыльских было пианино, учился музыке кто-то из девочек и немного играла Зинаида Алексеевна. Помню, однажды прослушали 4-й Бранденбургский концерт Баха, и Люся спросила: «А когда музыка играла, дяденьку хоронили, да?».

От родителей интересом к журналистике заразилась младшая из дочерей, Людмила Борисовна. После окончания журфака МГУ она уже много лет плодотворно трудится в Риге. Её сестра Мария Борисовна Светличная окончила медицинский институт и вернулась в Ханты-Мансийск, где по сей день лечит больных. А старший сын Юрий, работавший в нашей редакции оператором, выучился в Рижском институте гражданской авиации на инженера-конструктора.

В нашем маленьком «радиосарае» каждый был на виду, и мы знали о нездоровье Бориса Пантелеймоновича. Как писал младший брат его, Юрий Пантелеймонович, живя в 50-е годы в Заполярье, Борис стал одной из жертв ядерных испытаний на полигоне Новая Земля.¹² Лимфосаркоматоз не поддавался лечению, но наш «дядя Боря» ни разу не пожаловался ни на боли, ни на слабость. Летом 1972 г., перед отъездом в долгую командировку, я в последний раз застал его дома за чтением какой-то книги. Он сказал тогда, что анализы плохие, но борется и надеется на благополучный исход. По возвращении я вместе с сыном Бориса Пантелеймоновича Юрой проведаль его уже в больнице. Видно было, как он слаб и как ему тяжело, но и при этом встреча не была ему безразлична. 23 августа нашего «дяди Бори» не стало.

В день похорон во второй раз мы встретились с его братом Юрием Пантелеймоновичем, приехавшим из Тобольска. А памятная первая встреча произошла шестью годами раньше. С дядей Борей мы ехали каждый своим путём, но до Тобольска оказались попутчиками, и он привёл меня к брату. Юрий Пантелеймонович с того дня запомнился мне как человек гостеприимный, темпераментный и с чувством юмора. Тогда он работал в горкоме партии, а потом перешёл в педагогический институт, где преподавал историю.

Позднее, с начала 90-х годов, мне много раз пришлось ездить в Тобольск в командировки и быть его гостем. Сблизил нас общий интерес к краеведению. Ю. П. Прибыльский был уже профессором педагогического института, доктором исторических наук и главой местной исторической школы. Узнавая о моем приезде, он каждый раз приглашал к себе, и со временем эти встречи стали обязательной частью моих командировок. Юрий Пантелеймонович сначала расспрашивал о новостях Крайнего Севера, моих краеведческих делах, потом рассказывал о своих. Обменивались опубликованными работами.

¹² Прибыльский Ю. Мой брат Борис // Югра. — 1999. — № 9. — С. 40–41.

Встречал он просто, без «профессорства», так же приветливы были его жена Тамара Григорьевна и пёсик Ямал. Выглядел молодцом, без малейших признаков седины, здоровье поддерживал ежедневной зарядкой. Вот только видеть стал плохо, и зрение быстро слабело. В середине 90-х годов он совсем ослеп, но ничуть не ослабил деятельности — как ни в чём не бывало продолжал работать с аспирантами, доводил их до защиты диссертаций и, больше того, — писал и издавал собственные книги по истории Тобольска и Тюменской области. И при этом ни на что не жаловался. Видимо, стойкость была семейной чертой Прибыльских.

Осенью 2002 года Юрий Пантелеймонович рассказал мне, что пишет автобиографическую книгу. («Оказывается, труднее всего писать о себе», — заметил он.) Этот авторский труд очень напоминал описанное в книге «Как закалялась сталь». Работа продолжалась всего лишь два часа в день — таковы были возможности Тамары Григорьевны: из-за болезни ног она не могла сидеть и писала лёжа. Обнаружилась и специфическая трудность: автор был настолько правдив и откровенен, что в некоторых местах Тамара Григорьевна наотрез отказывалась записывать, неожиданно становясь цензором. Книга всё-таки была написана и выпущена в нескольких экземплярах — только для близких. Всё это вызывало глубокое уважение и восхищение.

Мысленно я много раз благодарил Бориса Пантелеймоновича за это знакомство, равно как и за всё, о чём сказано выше и что обогатило меня драгоценными воспоминаниями.

Надежда Петровна

Журналистика как профессия обрекает сотрудника редакции на жизнь сегодняшним днём. В тесной комнатке радиодома мы сидели, как помнится, вчетвером: Надежда Петровна Губина, Володя Волдин, я и, кажется, Борис Пантелеймонович. Мы не могли, конечно, не отрываться от своих бумаг и не вовлекаться в разговоры, но довольно скоро вспоминали о деле и умолкали. На пространные беседы, воспоминания времени не было, о прошлом мы если и расспрашивали, то изредка, между делом, вполне довольствуясь тем, что знали друг друга по ежедневному общению в маленьком коллективе.

Что я тогда знал наверняка о Надежде Петровне Губиной? Что она ни за что не бросит работу, какой бы она трудной ни была, и обязательно за-

кончит её — такой уж её воспитала жизнь. Что не останется равнодушной, если кто-то рядом нуждается в помощи. Не промолчит, когда нельзя не высказаться. Трудлюбивый, надёжный, высокопорядочный человек. Тяжёлый крест добытчика информации для ежедневных выпусков новостей она несла безропотно, не прося перевести на более лёгкую работу. Сверх того на ней в первые годы лежали ещё и заботы секретаря партийной организации. Только после выхода в 1970 году на пенсию Надежда Петровна почувствовала, какой тяжкий груз спал с её плеч. И когда мы через год, летом, пригласили её помочь в подготовке информационных программ, она согласилась, но через несколько дней ушла. Уже не в силах была впрячься снова в прежний хомут.

Надежда Петровна Губина и В. К. Белобородов

В начале 1970-х годов Губины уехали в украинский город Конотоп, где был построен на кооперативных началах многоквартирный дом для ханты-мансийцев, в большинстве своём пенсионеров. Связи наши не разорвались, и я в продолжении многих лет имел возможность общения с Надеждой Петровной через переписку и постепенно узнавал историю её жизни.

Родилась и выросла она недалеко от того места при устье Иртыша, где десять лет спустя начал строиться центр новообразованного национального округа Остяко-Вогульск — на берегу Конды, в маленькой деревушке Зимняя Чекатка близ райцентра Нахрачи (ныне посёлок Кондинский), в мансийской семье. Ко времени окончания школы у девочки вполне проявились способности и интерес к знаниям, и её послали учиться в Ленинград — в педагогическое училище при Институте народов Севера.

Произошёл поворот в судьбе с труднообразимой перспективой: Надежда Васкакова стала горожанкой, да ещё столичной. Училась у хороших педагогов и вполне успешно, занималась спортом: лыжами, гимнастикой и даже альпинизмом. Значок «Альпинист СССР» получила за восхождение в 1938 году на Эльбрус и Кочубай-Баши. Окончив техникум, была сразу принята в институт и после первого курса поехала домой с поручением вербовать для института абитуриентов. Это было лето 1941 года, начало войны, и в Ленинград Надежда уже не вернулась. В районе ей дали место учителя начальных классов в селе Болчары.

Военный тыл испытывал острый дефицит кадров, и в 1944 году Губина потребовалась уже на должности секретаря райкома комсомола и вскоре вступила в партию. Теперь она уже принадлежала не столько себе, сколько партии, таким было время. В 1948 году снова была послана в Болчары — на этот раз директором школы и учителем истории.

Следующая перемена была совершенно неожиданной, но вполне в духе времени. Осенью 1950 года умерла при родах редактор районной газеты А. В. Жилина. А о Губиной уже знали: чувство ответственности таково, что справится с любым делом. Её и призвали в редакторское кресло. Этот вынужденный экспромт партийного руководства определил всю последующую жизнь Надежды Петровны. Первую половину 50-х годов она редактировала районную газету «Сталинский путь».

Жизнь «ответственного работника» (был такой термин) теперь мало кто помнит. О некоторых её подробностях я узнавал из писем Надежды Петровны. В 2002 году, в последний год её жизни, послал ей книгу О. А. Кошмановой «Вот моя деревня...» — о Кондинском районе. Чтение разбудило дремавшие воспоминания о сороковых — пятидесятых годах.

«Кондинский район не только я изъездила на лошадях и лодках, но и исходила пешком, — писала мне Надежда Петровна. — Там я тонула, блудила не раз, а однажды зимой чуть не замёрзла до смерти. Был и такой случай. Когда я была в командировке, у меня украли хлебную карточку. В отчаянии ночью я отправилась в другую деревню. Хоть волки где-то вблизи сильно выли, но не съели меня. Видно, не судьба... Когда я читала книгу, то вспомнила один эпизод. Работала я тогда инспектором РОНО по начальным классам... И вот однажды послали меня в командировку в Шаим. Река Конда обмелела. Пароход обстановочный с трудом дотянул до деревни Урай, а дальше нам, 10 пассажирам, пришлось добираться на лодке-кедровке. В корме сидела я как опытная лодчица, другие посменно работали на грехах... К тому же ещё две пассажирки были старенькие и немощные.

С трудом мы добрались до Шаима. Правда, погода была тёплая, солнечная. В этом нам повезло».

В 1979-м, на первом году моей работы в редакции газеты «Знамя» теперь уже не деревни, а города Урая, я писал Надежде Петровне о своих редакторских заботах. В ответ она вспоминала:

«Много бессонных ночей приходилось за долгие годы работы в районной газете проводить в редакции. Теперь тебе понятно: то наборщик заболел, а их всего два, то печатник по какой-то причине не пришёл. А поначалу печатная машина была ручная. Вот мы посменно и крутили всю ночь это большое колесо. А машина, когда отпечатывали лист, вздрагивала, и мы при каждом оттиске боялись, как бы не выпала рама. [...] Потом эту машину списали. Я такую видела в Берлине в музее, на ней будто бы печатали ленинскую «Искру». [...] Теперь даже смешно вспоминать, как мы работали. А тогда было горе. Помню, было это тоже в кондинской районной газете. Давали отклики на смерть Сталина. В заголовке «Тяжёлая утрата» в слове «утрата» выпала буква «р», валиком её обломило. Обнаружили тогда, когда больше тысячи экземпляров были отпечатаны. Сели мы с секретарём (нас в редакции было только двое) да наборщики и так до утра вручную ставили букву «р».

В 1955 г. окружком партии направил Н. П. Губину из Кондинского в Березово ответственным секретарём районной газеты «Путь к коммунизму». «Теперь, я думаю, что только безумные люди могли работать в районных газетах, — со всей откровенностью вспоминала Надежда Петровна в 1984 г. — Сам пиши, сам печатай, сам читай полосы — всё один. Газета была двухполосная и в штате двое — редактор и секретарь. Ни корректора, ни машинистки не было. Да иногда самому приходилось и набирать газету. Кроме того, в 4 часа утра надо было ходить в редакцию принимать материалы ТАСС, а к 8 утра приходиться на работу, чтобы сдать материал в набор. Это был ад, а не работа. Глаза не видели букв, голова совершенно не работала, а надо полосы читать. Подчас сутками спали и ели в редакции».

По этим фрагментам жизнеописания газетчика можно себе представить, с каким «багажом» пришла Надежда Петровна в 1962 году в Ханты-Мансийскую редакцию радиовещания, помещавшуюся тогда на улице Мира в маленьком двухэтажном домике вместе со сберкассой, а в 1964-м — в «радиосарай» на улице Ленина.

В начале 70-х годов Губины переехали из Ханты-Мансийска в украинский город Конотоп — в стоквартирный пятиэтажный дом, построенный на кооперативных началах для ветеранов войны и труда Ханты-Мансийско-

го округа. Открывалась перспектива частной жизни «для себя» в тёплом крае, где лето занимает половину года, где можно было надеяться на поправку здоровья, растроченного за годы работы в северных условиях. А о том, что здоровье человека в годы построения коммунизма было далеко не первостепенной ценностью, свидетельствуют некоторые реплики Надежды Петровны, рассеянные по письмам с Украины.

«Нам некогда было лечиться. Мы считали, что дело превыше здоровья, о себе не думали», «... не привыкла стонать и роптать... Никола [муж Надежды Петровны Николай Иванович] всегда удивлялся моему терпению. Да и я никогда не жаловалась ему и вообще не говорила о своих болезнях, а просто жила да и всё, превозмогая боли».

«Всегда дел было невпроворот, забот и горя хватало. И кажется: ты не жил, как человек, а как загнанная лошадь, на последнем дыхании всё ещё бежал вперёд, спешил. А к чему, зачем? Никто в этом не нуждался, порой никто этого и не требовал с нас, а сами просто привыкли к себе подходить с такой меркой».

И вот ещё красноречивая фраза: «За свою жизнь нас хорошо обкатали и сделали послушными».

Письма 70-х годов наполнены духом свободы и восхищения красотой природы и плодородием земли северной Украины. Губины много ходили и этим поддерживали здоровье. «Живём воспоминаниями о лете, — писала Надежда Петровна в декабре 1978 года. — Здесь очень красивые места, особенно лес. Я никогда в Ханты-Мансийске так не любовалась природой. Очарованию ею мешали всегда мошки, комары, пауты. Из лесу возвращались всегда уставшие, измученные. Здесь мы в лесу отдыхаем...». «Когда я одеваю на плечи рюкзак и беру корзину, — душа поёт».

В другой раз: «Много бываем в лесу. Места здесь очаровательные. Всё лето ездила то за черникой, то за малиной, земляникой, потом за грибами. Только опять принесла ведер 30. Насушила и послала детям и друзьям... Разнесла по дому тем, кто не может ходить в лес. Имеем участок земли. На нём — малина, клубника, вишня, картофель, огурцы, помидоры, морковь, крыжовник и др.... Словом, находим себе дело».

«Сняли абрикосов 18 ведер десятилитровых, вишни 12 ведер. На 220 р. продали, часть отдала за услуги кое-какие, а остальное законсервировали. Продаём дешевле, чем на рынке, поэтому у нас берут охотно и прямо с огорода или дома... Всё это мы выращиваем на трёх сотках. Вот и весь наш огород, который обеспечивает нас ягодами на весь год». «Отбери у нас огороды, — прибавляла Надежда Петровна, имея в виду весь «сибир-

ский» дом, — и мы будем половинчатые люди, неполноценные. Наше дело, пенсионеров — только и рыться в земле. Тут и отдых, и здоровье».

В 70-е годы Губины много ездили — в Трускавец, Юрмалу, Ригу, Севастополь — подлечиться, посмотреть незнакомые места. Зимами Надежда Петровна вязала, вышивала, читала. Однако себя не переделаешь, и праздная жизнь в своё удовольствие наскучила. Вот несколько строчек в подтверждение. «Я постоянно в деле. Из того хомута, в котором всю жизнь жила, стараюсь не вылезать». «Стараюсь оказывать посильную помощь больным, которые не в состоянии ухаживать за собой. К этому подключается и Никола. Ведь в нашем доме много стариков, есть и одинокие». Забота о ближнем была в натуре Губиных, как и многих других северян-членов кооператива.

Как-то я попросил Надежду Петровну подготовить для окружного радио передачу о жизни конотопской колонии бывших земляков. Просьбу она исполнила, и очерк «Так мы живём-поживаем» был прочитан Славой Аскеровым. К тому времени дому исполнилось 17 лет. Посаженные новосёлами берёзы и рябины выросли уже до пятого этажа, рядом с ними зеленели вишни, сливы, яблони, сирень, белая акация. Пустили глубокие корни и обитатели дома.

Вскоре после устройства на новом месте в доме образовались правление кооператива и первичная парторганизация из 36 членов, вместе им предстояло заботиться о житейском благополучии жильцов и одновременно о том, чтобы люди не превратились в «спящих с открытыми глазами», оставались активными гражданами. Секретарём партбюро избрали Анатолия Николаевича Гречанина, прежде работавшего секретарём Ханты-Мансийского окрисполкома, председателем правления — Петра Давыдовича Агеенко, под началом которого строился дом.

Заняться и здесь нашлось чем. В доме утвердилось золотое правило: содержать жильё в образцовом порядке. В подъезды стали заходить люди из других домов, чтобы полюбоваться чистотой и порядком. Однажды на партийное собрание пришёл редактор городской газеты и вскоре опубликовал статью, поставив дом сибиряков в пример другим. Вскоре кооператив заслужил звание «Лучшее домовладение».

В первые годы, когда были помоложе и поздоровее, часто выезжали в колхозы на уборку урожая овощей. Увидев, как овощи в открытую разворовываются местными жителями, послали своего представителя на сессию городского совета, и после его выступления был наведён порядок. Выступили против захламления территорий дачных участков и тоже добились

результата. По общему согласию в доме выделили помещение для общественных собраний, где отмечали праздники, устраивали различные встречи, выставки «Дары садов и огородов».

Члены кооператива постановили, что в случае освобождения квартир на втором и третьем этажах в них будут переселять пожилых людей с пятого этажа. Однажды этот закон внутренней жизни был бесцеремонно нарушен, и правлению пришлось семь месяцев вести судебную тяжбу, которая стоила больших нервных затрат, но увенчалась победой.

В этот дружный ансамбль вплетался и голос Надежды Петровны: «Всё нахожу себе дело. Во все стороны жизни дома стараюсь вникать, совать свой нос, хотя и не просят. Вот такая уж есть». К празднованию 40-летия Победы как радиожурналист она подготовила литературно-музыкальную композицию «Этих дней не смолкнет слава». Иногда писала заметки в городскую газету. Но, пожалуй, важнее участия в мероприятиях было её повседневное и не бросающееся в глаза участие в судьбах соседей по дому. Тем, у кого не было огорода, кто не мог уже далеко выходить из дому, она приносила долю собственного урожая или собранные грибы. «Конечно, дефицит общения — проблема из проблем. Но в нашем подъезде живут в основном порядочные люди, и поэтому мы не страдаем от безысходности. Да и сами, особенно я, стараемся находить общий язык с людьми».

Оживление в жизнь конотопской колонии хантымансийцев внесла вторая половина 80-х годов — время перестройки. Нахлынула лавина публикаций о закрытых в прошлом страницах советской истории. Верить? Не верить? Как всё это понять? С тяжким грузом прошлого за плечами осмыслить всё это было трудно, тем более принять.

В те годы Надежда Петровна много читала: «... хотелось бы прочесть «Белые одежды» Дудинцева и «Зубр» Даниила Гранина, записки К. Симонова к биографии Жукова, но где всё это взять? За ними погоня и очередь. Даже газеты с этими историческими материалами приходится доставать на несколько часов. Интерес людей огромный». «На днях в «Дружбе народов» прочла рассказ Раппопорта о деле врачей. Мы об этом детально ничего не знали. Только было постановление о том, что они враги народа — и всё. Только что закончила читать «Белые одежды»... Сейчас буду читать Андрея Платонова...». «Читаю Набокова «Чужие берега». Сколько, оказывается, великих людей России прозябало и прозябает за пределами Родины».

Последовавшие за 80-ми смутные 90-е годы принесли немало горечи, и письма тех лет читаются как репортаж длиной в десятилетие о том, как

спокойная и благополучная жизнь на Украине с распадом СССР становилась всё хуже и хуже. Частыми стали перебои в снабжении водой, теплом, электричеством, газом, трудности в приобретении продовольствия. Северянам стало почти невозможно прожить без помощи родственников из России. Вот некоторые строки этого «репортажа в письмах»:

«Как же мы дожили до такой жизни? Всё было и жили хорошо на 120 рублей. Нужды ни в чём не испытывали. А сейчас — денег дают много, но ничего не купишь. Да и товаров очень мало».

«В деревне ничего не купишь. Деревню всю жизнь обкрадывали и убаюкивали обещаниями. Теперь деревню не возродить. Некому. Все уехали в город. А старики последние уходят из жизни».

«Живёт Украина очень тяжело. Народ нищает и бедствует. Общество разделилось на малоимущих и многоберущих, первых — абсолютное большинство. Много нищих, бродячих, особенно детей. Закрываются школы, медпункты, сокращается медперсонал, количество койко-мест. Множество безработных. И это в стране, где столько богатых земель и такая природа! Удивительно!».

«Письма приходят редко, часть из них вообще не доходит — выбрасываются. Ответственности никто не несёт... Что говорить о письмах, коли людей убивают запросто среди белого дня. Невольно напрашивается вопрос: в каком государстве мы живём и какую жизнь готовят правители для народа? Чем дальше, тем хуже. Экономика развалилась. В газетах пишут, что мелеют реки, озёра. Ещё страшнее то, что мелеют души».

«Писем ниоткуда не получаем. Все связи разорваны. Да и при такой жизни рука не поднимается писать. Все, даже самые немощные, занялись огородами».

«Теперь уже не приехать и не уехать, посылки и переводы тоже невозможно послать. Кругом обман, спекуляция, коррупция, разврат... Мы оба оптимисты, и то всего этого не можем перенести. Неужели, чтобы ввести рынок, нужно было всё старое поломать и осквернить? [...] Украина находится не на краю пропасти, а в самой пропасти. Но зато «самостийные» и «незалежные».

«... всё, что происходит, — выше моего понимания. Я — дитя своего времени».

Очерк Н. П. Губиной для окружного радио «Так мы живём-поживаем» заканчивался темой, актуальной для всех без исключения конотопских сибирияков: «Не грызёт ли нас ностальгия? Этот вопрос вправе задать нам каждый, кто слушает эту передачу. Я отвечу на него так: мы, коренные се-

веряне, приживались на новом месте так, как старое пересаженное дерево. А чувство ностальгии осталось у тех, у кого дети живут на Севере».

Однако в 80-е и 90-е годы жизнь чем дальше, тем больше отягощалась, и те, у кого было пристанище на родине, возвращались. Другие уходили в мир иной. Письма начинали приобретать черты мартиролога: «Умер Николай Антонович Шаламов, был главным ветеринарным врачом в Ханты-Мансийске. Год исполнился со дня смерти Е. Е. Кеушковой». «Недавно похоронили мы Соловьёва Сергея Георгиевича. Вы его должны знать, у него дом в Хантах был напротив нашей редакции». «... у нас в подьезде умер Юрий Алексеевич Первов. В Хантах он работал последние годы бухгалтером книготорга, инвалид войны второй группы». «Пока я писала вам письмо, умер Шатов».

В 90-е годы отток хантымансийцев из Конотопа усилился. В Ханты-Мансийск вернулись Пашины, в Красноярск перебрались Недоспасовы, в Тюмень — Гордеевы... С уходом из жизни и отъездом «коренных» членов кооператива квартиры стали охотно покупать местные жители, некоторые — с расчётом на лучшие времена, когда они подорожают и можно будет с выгодой перепродать. Дом омолаживался, не стало в кооперативе прежней сплочённости и взаимопомощи. Созданное годами быстро утрачивалось, настал день, когда по решению горсовета дом потерял звание «Лучшее домовладение города».

«Что касается нас, бывших хантымансийцев, то скажу — осталось нас совсем мало... Оставшихся нас всех роднит и объединяет одиночество. Живём сладкой болью воспоминаний о своём прошлом, несём груз раскаяния за то, что вовремя не уехали на свою родину. Время немилосердно. Смотрю я на деревья, которые мы когда-то посадили. Они выросли и шелестят своими могучими кронами. И навевают порой мрачные мысли, особенно о тех, кто посадил их и ушёл в мир иной. А таких немало. Ушло в прошлое то время, когда мы, старики-пенсионеры, старались украшать землю, свой дом делами и любовью. Теперь понятия добра, чистоты и справедливости размыты».

Кооперативный дом, построенный для заслуженных северян на далёкой Украине, стал для них ловушкой.

Все годы жизни в Конотопе Надежда Петровна не теряла связи с бывшими коллегами. Многолетняя традиция общения через почту, к сожалению, отошла ныне в прошлое. Только старые бумажные листки с их душевной открытостью и неповторимой графикой авторского почерка и доносят до дня нынешнего живое дыхание давнего времени, помеченного датой в

начале или конце письма. Телефонные разговоры через большие расстояния были тогда роскошью, всё сокровенное выговаривалось именно в письмах.

О том, сколько значила наша редакция в жизни Надежды Петровны, говорят её письма. Она переписывалась с В. И. Плесовских, А. А. Кельбергом, А. К. Нестеровой, В. Ф. Мотошиной, в письмах ко мне просила передавать приветы Галине Слинкиной, Владиславу Сургутскову, В. С. Матвеевой. Эти строчки, как ниточки, поддерживали общность того незримого редакционного коллектива, который существовал уже только в памяти людей. Когда я звонил и передавал приветы тому или другому адресату, разговоры бывали обычно долгими и полными воспоминаний.

В письмах я находил краткие, но очень здравые, точные и сочувственные суждения о коллегах, по ним видно было, что в редакции Надежда Петровна была очень зрячим человеком.

Об А. К. Нестеровой: «Она, судя по её письмам, очень больна. Она не пишет, что с ней, но говорит, что её мучают не столько физические боли, сколько угнетает одиночество. Но думаю, что и то, и другое, ибо в здоровом теле — здоровый дух. Порой ей приходят страшные мысли... Это она, которая, имея инвалидность, ездила по командировкам и никогда не жаловалась. Что-то неладное с нами творится».

О Г. И. Слинкиной: «Если увидите Галю Слинкину, передавайте этому нежному и очаровательному существу большой привет. Она в моей памяти оставила особый след. Не знаю, как сложилась её жизнь, но была она очень добрым человеком. Но таким людям, как правило, не везёт в жизни».

О ней же: «Большой привет обаятельной, женственной и неунывающей Гале Слинкиной. Я её уважала за добродушие и сердечность. Только жаль — почему она в церковь стала ходить? Что сломало эту милую женщину? У неё крепкое природное дарование и магия притяжения к себе».

На стихотворное поздравление из редакции по случаю 60-летия Надежда Петровна отозвалась так: «Приятно всё мне было. Раньше я как-то на это не обращала внимания. А теперь всё это мне очень дорого. Даже слезу прошибло. Это всё, что осталось у меня от многолюдья и многоделья, каким была завалена поверх головы во время работы. И дорожу этим».

В марте 2002 года, менее чем за полгода до смерти, Надежда Петровна писала из больницы: «Мне очень хотелось бы увидеть всех тех, кого я особенно уважала: вас, Тамару Зороастрову, Женю Куликову, Валю Мотошину, Галю Слинкину, Владика Сургутскова. Хотелось бы помянуть добрым словом Владимира Ивановича Плесовских — человека незаурядного ума, Сан Саныча Кельберга, Бориса Пантелеймоновича Прибыльского и других».

«Наполивановские» планы

Валерий Павлович Поливанов начал работать на радио раньше большинства из нас. Н. П. Губина в одном из писем вспоминала: «Я его знала ещё юношей. После 10-го класса он работал в местном колхозе и приходил к нам читать передачи. Тогда было городское вещание. Он быстро вписался в наш коллектив. Помню, даже в самые холодные дни он приходил без шапки, но тщательно укутывал тёплым шарфом шею. Берёт голос. Его красивая пышная шевелюра, простая улыбка придавали лицу особое обаяние. Он никогда не пел никому аллилуйю, но всегда принимал людей такими, какие они есть, со всеми их недостатками, и они платили ему тем же. Он был прост в общении и быстро находил контакт с людьми. Таким я его запомнила на всю жизнь».

Валерий Павлович Поливанов

Моя встреча и быстрое сближение с Валерием произошли в 1965 году. В марте я вышел из отпуска и познакомился с новым коллегой — открытым и дружелюбным, лёгким на подъём, готовым к сотрудничеству и отзывчивым на всякое творческое дело. Его качества надёжного редакционного работника особенно ценны были в летнее время, когда половина коллектива находилась в отпусках, и наполнение ежедневных программ ложилось зачастую на плечи четверых, а то и троих сотрудников, включая главного редактора или того, кто его временно замещал. Такая темповая, авральная работа не тяготила, а, кажется, наоборот бодрила его, давая возможность проверить себя на прочность и вновь убедиться, что «могём». За один день он, постоянно в весёлом настроении, мог сделать десяток звонков, собрать несколько сообщений для выпуска новостей, сбегать куда-то с «Репор-тёром», тут же отпечатать на машинке текст, в аппаратной смонтировать

запись, выбрать в фонотеке нужную катушку для музыкального оформления и в студии прочесть собственную передачу. А завтра выехать в короткую командировку, так как длительные в летнее время были непозволительной роскошью.

В радиожурналистике Валерий, будучи вполне сложившимся человеком с житейским опытом, никому не подражал, искал свои темы и формы их воплощения. Да у нас и не было наставников, «мэтров», опытные и начинающие — мы были почти на равных, никто не возносился и никто никому не завидовал.

Валерий хорошо знал деревню и часто делал передачи на сельскохозяйственные темы. До сих пор мне помнится как эталонный цикл корреспонденций из Сытомино и давно уже исчезнувшего с карты округа Кушниково, прошедших по радио летом 1969 или 1970 года и основательно, без умолчаний высветивших проблемы северной деревни. Этими публикациями он вызвал недовольство окружных руководителей, в чьём ведении находилось сельское хозяйство.

В командировки мы ездили часто, и постепенно у каждого определились свои точки на карте округа, куда тянуло поехать ещё и ещё, и постепенно складывалась отраслевая и, пожалуй, в ещё большей степени географическая специализация журналиста. Ехали туда, где чего-то не успели раньше, где ждало общение с теми, с кем сблизился в прежних поездках. Такими манящими точками были у Валерия село (помню интересные передачи из рыбацкого посёлка Горнореченска, из Саранпауля), железная дорога Тавда — Сотник, места строительства нефтепроводных переходов через крупные реки.

Имел он интерес и к личностям знаменитых нефтяников, участников Гражданской и Великой Отечественной войн, установления советской власти, лидеров социалистического соревнования. Вёл обширную переписку, среди его корреспондентов были фронтовики, специалисты разных отраслей хозяйства, председатели сельских и поселковых советов, директора музеев, школьники... Письмами Валерий располагал к себе и получал столь же откровенные, неформальные ответы. Как-то раз он забраковал заметку активного нашего корреспондента пенсионерки Т. С. Куклиной из Ханты-Мансийского района. В ответ она написала: «В. П., я старушка не обидчивая, ну что же, если мой писательский талант чуть-чуть похуже Бажова, согласна. Погорела со своим Калистратушкой, а писать буду, можете сеять через ваше решето». А наш норильский корреспондент журналист Г. Р. Кродерс, передавая привет Поливанову, сделал такую приписку: «Если судить по его письму, он очень славный человек».

Работал Валерий больше в жанре корреспонденции. Читая его текст в микрофонной папке, легко было ошибиться в оценке передачи, её надо было слушать, потому что очень ценная часть информации заключалась в эмоциональном наполнении разговора. Беседу Валерий любил и даже молчаливого и замкнутого человека мог превратить в интересного собеседника. У нас он был одним из лидеров «бестекстовой» записи.

На редакционных летучках пальму первенства в творческом соревновании нередко отдавали ему. Со временем он стал одним из ведущих радиожурналистов округа, имел награды. 2 апреля 1980 г. в благодарственном письме В. П. Поливанову по случаю 15-летия его работы коллеги писали: «Нет такой работы у нас, которой Вы бы не владели: корреспондент, редактор, диктор, режиссёр, оператор и кто угодно! А сколько полезного и доброго переняли у Вас младшие коллеги, которые с гордостью называют себя учениками Поливанова!».

При всём при том Валерий не был смиренным и чересчур покладистым, нередко он открыто высказывал своё несогласие с общепринятым мнением. Так, в октябре 1967 года он единственный возражал против моего избрания секретарём парторганизации, мотивируя своё мнение нецелесообразностью отвлечения от корреспондентской и редакторской работы. Случались и конфликты. Помнится, той же осенью была у него ссора с ближайшим его руководителем А. А. Кельбергом из-за редакторской правки. Иногда конфликты провоцировались его склонностью к поспешным суждениям: что называется, заносило. Злости, мелочности, корыстолюбия в нём не было, и от подобных столкновений страдал больше он, чем «обидчик». Натура ранимая и вместе с тем, мятежная, героическая, Валерий никогда не опускался до мелочного скандала, его протесты чаще всего выражались в том, что он, не говоря худого слова, куда-нибудь уходил, как бы говоря этим: «Пусть будет хуже мне, а не обидчику, я-то достаточно силён, вытерплю». По-цыгански решительно снимался с места и подавался то в рыбаки, то в овощеводы, а то и вообще в никуда. Он рвал связи, но, когда буря в душе утихала, возвращался, примирялся и опять становился для редакции тем же, кем был раньше.

Надо сказать, Поливанов был максималистом. Он многого хотел от жизни, его переполняли планы, часто несбыточные — «наполивановские», как мы в шутку окрестили их в редакции. Помню, ещё не закончив заочную учёбу в Тюменском сельскохозяйственном институте, он принялся агитировать меня поступать на заочное отделение факультета журналистики.

В конце концов мы рассудили, что и на текущую редакционную работу у нас времени в обрез — куда уж тут до заочного образования. Будем учиться в повседневной практике и обойдёмся тем образованием, которое имеем.

Широкая душа Валерия вмещала многое, но в быту непритязательность его граничила с аскетизмом. Этот максималист обходился минимумом вещного окружения, не думал об уюте, на новом месте легко обживался, мог посадить картошку на пустующем клочке земли и вырастить хороший урожай, из какого-то оказавшегося под рукой хлама быстро сколотить каркас теплицы. Он мало заботился о личном архиве и имел скромнейшую домашнюю библиотеку.

Наша общая редакционная жизнь, благодаря счастливому дару В. И. Плесовских объединять сотрудников и присутствия в редакционном кругу таких людей, как Н. П. Губина, Б. П. Прибыльский, А. А. Кельберг, была полнокровной и не сводилась к одной службе. Валерий был одним из тех, кто поддерживал общественный тонус своим хорошим настроением, постоянными песенками себе под нос, а то и на весь «радиосарай», шутиливо-высокопарными обращениями («милорд», «дорогуша» и т.п.), непрременным участием в авральном и тайном от коллектива сочинении и записи «радиоохм» к праздникам, надолго вошедших в редакционную жизнь по инициативе неистощимого на шутки Юрия Кибардина, и, конечно, в наших коллективных рыбалках. С ним никогда не было скучно.

Валерия принимали и любили целиком, каким его знали — работающим, всегда готовым помочь и не ждущим, когда позовут, открытым, крупным во всём — от комплекции до почерка, близоруким, лохматым и неизысканно одетым. В своём архиве он сохранил открытку, помеченную 2 сентября 1980 года с поздравлением от редакции ко дню рождения, слова которого так удивительно точно рисуют его портрет и очерчивают занимаемую им в коллективе «нишу», что хочется привести их здесь:

*Ну, с днём рождения, медведь!
Рождение предполагает схватку.
Коли живёшь, давай реветь
На микрофоны без устатку.
Всегда для нас ты быть изволь
Такой, как есть — весь несуразный.
Ты стих, строка, в которой боль...
А прозой пишутся приказы.*

Особенно помнятся многие наши поездки на лодке, костры на берегу, ночёвки в стогу сена, в палатке под проливным дождём, хождения по лесам за ягодами, грибами, орехами и очень часто «ни за чем» — просто за радостью. Они ещё больше сближали нас. О чём только мы не переговорили, сидя на берегу или шагая по речной пойме... И хочется рассказывать и рассказывать о ярких впечатлениях от наших «путешествий» тех лет.

Он радовался препятствиям, любил риск: взбирался на мощные кедровые сучья, длиной в 20-30 см, которые начинались в трёх метрах от земли; подходя к озеру по торфяному качающемуся берегу, выбирал самые опасные участки, где не было ни чахлой сосенки, ни кочки. Несколько раз мы проходили пешком всю иртышскую пойму от Затона до Берёзовки и обратно. Был случай, когда он вёл лодку сквозь туман при видимости не больше пяти метров, и было ощущение, будто не по реке плывёшь, а по Вселенной. Однажды в ветреную погоду, под проливным грозовым ливнем с молниями, отблески которых отражались на мокрой щеке Валерия, как только мы выехали из Щучьей протоки на Иртыш, он выключил мотор и сел за вёсла. Бурную реку мы перевалили на гребях и как только приблизились к высокому правому берегу под защиту от ветра, он, как ни в чём не бывало, снова включил мотор в какой-нибудь сотне метров от причала.

Неудачи мало нас огорчали, мы их обращали в шутку. Когда на Моршечном острове совсем почти не нашли клюквы, то присваивали кочкам собственные имена: «Урожайная» (7 ягод), «Изобильная» (11 ягод) и т.п. Но бывали и запоминающиеся удачи. Однажды, быстро наловив в озере окуней, мы тут же на болотистом берегу набрали по ведру переспевавшей морошки, а на пути к реке — ещё и черники. Приехали домой с богатой по нашим меркам добычей. Помнится и день, в который, набродившись по пустому лесу, вышли на небольшой островок среди болота где-то близ теперешнего посёлка СУ-967 и неожиданно-негаданно собрали на нём по ведру брусники.

Душа у Валерия была поэтическая, хотя стихов он, сколько я знаю, не писал. Зато в рассказах о разных случаях на реке, сору, в лесу всегда было у него много восторгов и преувеличений: «Провалился в няшу — по пояс! Земляники набрал — целое ведро! Ночь — в двух шагах ничего не видно! Грибов — хоть коси, и совсем нет червивых!»

А каких только чудес мы не нагляделись. Как-то в середине апреля наша рыбацкая тропа проходила через озеро, ледяная поверхность которого была сплошь покрыта талой водой, и мы шли «по воде, аки посуху».

Со всех сторон слышался тихий не то шелест, не то плеск или журчание, но никакого движения не было заметно. Природа, ни добрая, ни жестокая, а равнодушная к нам, подтачивала, рыхлила ещё достаточно крепкий лёд, и, окажись мы тут неделей позже, могла бы похоронить в какой-нибудь предательской промоине.

Видели мы и осеннее луговое пространство, на котором трава сплошь была опутана серебристой от росы паутиной, и плодоносящие рябинки ростом в полметра, и изумительной красоты березовую рошу, белые в чёрных пятнах стволы которой были похожи на трубы органа, наблюдали, как росянка пожирает комара, и много ещё чего. Впоследствии мне не раз наши походы приходили во сне.

Последнее десятилетие его жизни было полно крутых перемен, метаний и неудовлетворённости, каким-то чудом крепко спаянной с верой в лучшее будущее. В начале 80-х годов Валерий вдруг бросил родную редакцию и переехал в Салехард. Работал там тоже на радио. Писал, что очень занят и жизнью в общем доволен. Восторгался близостью океана, полярными сияниями, обилием рыбы, грибов, часто ходил в тундру, поднимался на вершину Рай-Иза. Но затем из-за какого-то крупного конфликта редакцию оставил. Устроился рабочим жестяно-баночного цеха рыбокомбината, потом был плотником, штукатуром и каменщиком в строительной бригаде, продолжая испытывать себя на разрыв.

При этом рождались новые и новые «наполивановские» планы: организовать на радио передачу по социальным аспектам перестройки с выходом в эфир. Доставить в Ханты-Мансийск для этнографического музея две каменные скульптуры из дд. Согом и Богданы, пройти всеми возможными перевалами через Урал, при этом отыскать и описать священные места, посвятить остаток дней чистой литературе.

В начале 1990 г. Валерий вернулся на Ханты-Мансийское радио, где снова работал с 1988 г. и я. Но вскоре наши пути опять разошлись: я ушёл создавать журнал «Югра», а он — собкором в новую газету «Северный дом». Тогда же занялся он и политикой: был избран в окружной совет движения «Демократическая Россия», участвовал в создании местного отделения социал-демократической партии. Моей идеей организации журнала Валерий увлёкся ещё в начале 1990 года и некоторое время мне помогал. В конце 1991 г. мы вместе привезли из Шадринска первый номер журнала.

И, наконец, он стал фермером, арендовав участок земли на левом берегу Иртыша, где в марте 1992 г. подрядился выращивать капусту для Ля-

минской ремонтно-эксплуатационной базы флота в обмен на обязательство базы отдать ему под снос жилой дом на Красноармейской.

Последний раз мы виделись в марте 1992 года на похоронах моей матери. В июне того же года, возвратившись из командировки, я узнал, что жизненный путь Валерия внезапно оборвался на 50-м году — гораздо раньше, чем прервутся душевные струны, связывавшие его со многими из нас. А журналистскую тропу его ведёт дальше его дочь Светлана Валерьевна, ныне — сотрудник редакции журнала «Югра».

Ездаков

Незадолго до своего ухода из редакции Владимир Иванович принял на только что появившуюся должность собственного корреспондента опытного сургутского журналиста Николая Ивановича Ездакова — тоже, как и Кельберг, и Прибыльский, человека воевавшего поколения.

Мы знали его по мастерски написанным газетным очеркам. Раньше он работал редактором уватской районной газеты «Коммуна», потом — заместителем редактора сургутской «К победе коммунизма», собкором «Тюменской правды». Сургутяне старшего поколения хорошо помнят этого человека — быстро сходящегося с людьми, по-журналистски вездесущего, любопытного, увлечённого, несколько чудаковатого. Помнят его газетные материалы, стихи, но больше всего — встречи с ним. Случайные или заранее согласованные, они запоминались простотой, живостью и остроумием собеседника.

К журналистскому труду Николай Иванович относился строго: не соблазнялся эффектными, но пустыми домыслами, без колебаний отвергал сомнительные версии. Каждый новый очерк был для Ездакова кропотливым исследованием. На поиск какого-нибудь важного для него факта он мог потратить массу времени: обращался в библиотеки, архивы, расспрашивал знающих людей, вёл обширную переписку. Как-то однажды ему потребовалось уточнить одну дату, и для этого он просмотрел несколько томов метрических книг Сургутской Троицкой церкви. С окончанием работы он обычно медлил. «Надо переписать и сдать в печать, а я всё ещё черкаю эти штуки», — писал он. Или: «Готовы несколько очерков, но, черт возьми, их надо подпилить, подшабрить». Работы его имели облик классически строгий и законченный и несли в себе убеждающую силу документа. Для нас, молодых и малоопытных журналистов, он был примером. За высокую культуру работы, а также и за неторопливость, столь несвойствен-

ную сотрудникам редакций, особенно районных и окружных, мы прозвали Ездакова «Академиком».

Характерной чертой журналистского почерка Н. И. Ездакова было то, что как в настоящем, так и в прошлом его внимание привлекали не столько события, сколько люди. Здесь ярко проявилась одна замечательная сторона его личности — дар общения. Оно было особым родом творчества и той роскошью, в которой Николай Иванович никак не мог себе отказать и купался ежедневно с великим удовольствием. Чтобы пройти с Ездаковым из одного конца старого Сургута в другой, требовалось иной раз полдня, потому что ему то позарез нужно было поговорить со встреченным знакомым, то куда-то забежать по пути. У него была огромная, далеко не для каждого посильная масса контактов, он легко вступал в разговор, мог войти в каждую сургутскую избу, умел увидеть нечто интересное в любом человеке. В летучих тетрадных заметках Николая Ивановича, помеченных итальянским словом «Diario» (Дневник), то и дело мелькают имена и фамилии: «Видел сегодня многих: Ю. А. Плетенёва, Н. Ив. Рязанова... Видел Уженцева. Видел Л. Ивановну Золотухину». Просто увидел — и это уже было событие, достойное упоминания в дневнике. «Приехал Клавдий Панкин. Приехала Маковецкая. Писем опять не было». «Умерли Иван Осипович Рогозкин и Михаил Кузьмич Шишкин. Оба были интереснейшие старики».

В канун праздников Николай Иванович рассылал помногу поздравительных открыток, а по существу писем. Своим чётким убористым почерком он заполнял всю площадь маленького листка, иногда ещё что-то приписывая на обороте. Пользоваться стандартным набором поздравлений и пожеланий, какой на нынешних открытках заранее напечатан в типографии, он считал для себя недостойным, называл их «заклинаниями». Отсутствие ответных писем тяжело переживал.

Можно не сомневаться, что Ездаков отлично знал, «кто есть кто» и выбирал героев своих очерков из людей достойнейших, с безупречной репутацией. Выбирал сам, не нуждаясь в редакторских подсказках. В этом он был чрезвычайно щепетилен. Из-под его пера вышли немногословные, но плотно насыщенные материалом газетные жизнеописания учителя А. С. Знаменского, врача Ю. А. Плетенёва, геолога Р. Ф. Гуголя, учёного-востоковеда П. А. Грязневича, участницы войны Л. И. Золотухиной, многих других сургутян. Очерк был почти единственным его жанром.

Одной из особенно успешных работ был очерк об экономисте потребительской кооперации В. Ф. Щепёткине «Филаретович». «Филаретыч продолжил свой марш по редакциям, — писал Николай Иванович в декабре

1977 года. — На этот раз он всплыл в журнале «Советская потребительская кооперация». Я бы воспротивился той интерпретации, в которой он появился, но публикация была нужна герою очерка, которого я уважаю, иначе не дал бы согласия на публикацию, пропади они пропадом 100 рублей, кои они мне заплатили за этот опус».

Своё время Ездаков делил между настоящим и прошлым; и здесь, и там его внимание привлекали люди. Исторический поиск обострил внимание к документу, а в работе с документом с неизбежностью когда-то наступает момент «оживания» людей, они встают с пожелтевших бумажных страниц, обретают индивидуальности, появляется собственное отношение к ним. Тогда, как и в живом общении, возникает множество неожиданных деталей, отвлекающих движение мысли от заданного направления, порождающих разные оттенки чувств. Может быть, именно в такие моменты и наполняется смыслом поиск следов исторической преемственности и осознаётся связь всего со всем.

Такое истинно человеческое отношение к истории и творящим её людям целиком овладело Ездаковым, когда он подошёл к теме восстания 1921 года.

В Сургуте непосредственных участников тех событий к тому времени уже не осталось, но удалось найти их в других городах. Завязалась переписка с бывшим уездным комиссаром М. В. Хорохориным, участником освобождения Сургута от повстанцев А. К. Вейсом, братом одного из первых комсомольцев Сургута Ивана Кайдалова Александром Матвеевичем, племянницей погибшего в бою секретаря сургутской большевистской организации А. П. Зырянова Лорой Николаевной и другими, кто мог что-то засвидетельствовать с той или иной степенью объективности.

Благодаря своему эпистолярному дару, Ездаков только посредством писем, не встречаясь с людьми, умел вовлечь ветеранов в исторический поиск, побудил к работе памяти, к сближению между собой и обсуждению деталей прошлых событий. С некоторыми из них у Николая Ивановича завязывались отнюдь не формально-вежливые, а более близкие отношения. Особенно это чувствуется по переписке с А. М. Кайдаловым. Последний очень близко к сердцу принимал сообщения не только о новых находках, но о личных оценках и житейских заботах своего сургутского корреспондента, в которые тот его подробно посвящал.

«Ну, что же, бывает, что и зашиваешься, — сочувственно отзывался Кайдалов, — а при Ваших широких связях и почти необъятном фронте

работ просто немудрено зашиться. Значит нужна пауза, разрядка, отвлечение».

Процесс сбора материалов для задуманного, очевидно, обширного исследования становится жизненной доминантой, пронизывает повседневность, о чём дают представление некоторые фразы из «Diagio» и писем.

«Порадовали несколько писем, очень нужных и долгожданных, касаемых судьбы Неборака и т.д.»

«Сидел занимался восстанием по материалам, собранным Показаньевым... Сейчас трудно уточнить и поход «Алтая». А если написать Тетюцкому в Москву, может быть, он что-нибудь знает?»

С накоплением знания расширилась и область неизвестного. Собранные свидетельства разных информаторов порой противоречили одно другому. «Окончательно запутался с материалами насчёт Вейса и его блистательного похода против кулацкого мятежа на бронепароходе. Выпросил у Флегонта Яковлевича несколько папок домой, а там масса противоречий. Как писать? Черт его знает». Ездаков ищет литературные источники, обращается в тюменский и тобольский архивы. Из письма к одному из своих корреспондентов: «... посоветуй мне, как добыть березовскую книжицу 1924 г. о мятеже 1921 г. В Ленинской библиотеке её нет. Может быть, как-нибудь спецсвязью можно было бы переслать её в Сургутский горком КПСС на самый минимальный срок?».

Вкус и талант исторического поиска, исследовательская жадность ярко проявились в натуре Николая Ивановича, но они же, как мне кажется, помешали вовремя остановиться, осмыслить и литературно обработать собранное и завершить большой труд, дело нескольких лет жизни. В дневнике и письмах Николай Иванович нередко сетовал по поводу этой разбросанности, тяготился невыполнением намеченного. Вот грустно-иронические строки, написанные в сентябре 1982 года: «За лето я ничего не написал для души. Нахожусь в том неловком положении, которое описано у Прутков:

*Года за годами
Бароны пируют,
Бароны воют,
Барон фон Грюнвальдус,
Сей доблестный рыцарь
Всё в той же позидци
На камне сидит.*

Пытался слезть с этого камня, но пока ничего не получилось».

Слишком много было помех чисто житейского свойства и побочных отвлекающих дел. Помимо истории и литературы, его интересовали итальянский язык (ещё с того военного года, когда его зенитная батарея стояла на участке фронта, занятом с противоположной стороны итальянцами), цветоводство.

Мешали и нездоровье (к тяжёлым фронтовым ранениям в мирные годы прибавились перелом ноги, затяжная пневмония, проблемы со зрением и пр.), и бытовая неустроенность. Сломала ногу и могла лишь кое-как передвигаться по квартире Мария Ивановна — все заботы по дому легли на него. «Хочется выскочить в Тобольск, Тюмень, Москву, может быть, в Томск, но «грехи» не пускают. Надо отремонтировать квартиру, и здесь препятствие. Ведь я сейчас и судомойка, и поломойка, и шеф-повар, и прачка, и снабженец, и лекарь, и аптекарь», — грустно констатировал Николай Иванович. На последнем году жизни обнаружилось тяжёлое заболевание, врачи потребовали немедленной госпитализации. «Но где уж там немедленная, — писал он, — если надо было всё подготовить к уходу из дома. Кинулся в поход по магазинам, включая хлеб, папиросы, отоваривание талонов, в поход по соседям, дабы снабжали Марию Ивановну хлебом и молоком и выносили ведро с мусором...».

В нашей редакции радиовещания Николай Иванович работал недолго. Собкоровскую жизнь очень осложняли специфические радийные трудности, а в отрыве от редакции они были вдвое тягостнее: часто выходил из строя «Репортёр» и некому было починить, не хватало плёнки, батареек. Редакции же трудно было мириться с медлительностью Ездакова, которую он объяснял невозможностью для него посылать не до конца выверенную работу. Когда его торопили, он отвечал: «Извините за медлительность, пока я не поставлю точки над всеми «j» — посылать не могу».

Из редакции он ушёл, но мы не отдалились друг от друга. Я продолжал ездить в командировки по округу, нередко бывал в Сургуте, где мы встречались. Каждый раз я чувствовал гостеприимство и дружеское расположение Николая Ивановича и Марии Ивановны. С моим переездом осенью 1978 года в Урай для общения осталась только переписка, которая нас по необъяснимой причине продолжала сближать. Благодаря его редкой способности открыться в диалоге, хотя бы и письменном, я всё лучше и лучше узнавал «Хоттабыча», как он стал подписываться в письмах последних лет.

В каких-то мелком обронённых словах приоткрывалась его причастность к литературному миру: прислала сборник своих стихов Людмила Татьяничева, в связи со смертью Мариэтты Сергеевны Шагинян воспом-

нилась встреча с ней в 48-м или 49-м году во время декады белорусской литературы, получил заказ на фельетон от сотрудников «Крокодила» Бориса Егорова и Яна Полищука, с которыми работал на заводе имени Лихачева. Очень тепло об Ездакове как своём литературном наставнике вспоминал поэт и писатель Виктор Козлов, в 1960-е гг. — молодой геолог Сургутской нефтеразведочной экспедиции.

Об его начитанности и отменном литературном вкусе говорят и некоторые беглые замечания в письмах. «Если можешь, достань Андрея Платонова. У него очень хорош «Город Градов». «Насчёт моего совета прочесть Фильдинга — не пренебрегай этим. Это лучший английский роман, какой я знаю. Недаром Шеридан, взяв одну идейку у Фильдинга, написал свою знаменитую комедию «Школа злословия». «Мне хотелось бы, чтобы ты прочитал статью Тынянова «Как мы пишем» в книжке «Тынянов» (серия «ЖЗЛ»). На меня произвела она громадное впечатление. Мне хочется узнать твоё мнение об этой статье».

Надо сказать ещё об одной черте Николая Ивановича: он жил в настоящем моменте, не выключался из него, был внимателен к происходящему, не терялся в неожиданной ситуации и мог мгновенно ответить и в случае необходимости достойно защититься или защитить другого. Махать кулаками после драки было не в его натуре. Поэтоуму и суждения, и поступки его были свободными, не рассчитанными.

Сохранились некоторые его отзывы о современной прессе. «...печатать газетная у нас сейчас такая, что читать не стоит. Возьми жалкую «Л[итературную] Г[азету]» за 17 марта... Это настолько убого и примитивно, что вызывает тошноту всё, включая заголовки. Да и вся газета пусто-порожняя». В другой раз — ещё резче: «В газетах мне не нравится многое: убогий язык — вряд ли лексикон нашего газетчика превышает 500 слов, попытки очень грубые в каждой заметке под плюшеву жакетку ... подвести марксистский базис, резкое отличие писанины от действительности, куча беспардонного вранья... Страшно, что мы на каждом шагу врём сами себе, врём и знаем, что врём, хотя и в душе смеёмся над собой. Мне очень не нравится растерянность нашей печати в последнее время, боязнь критики..., страшные просчёты во многих делах страны».

Был он убеждённым коммунистом, но то и дело замечал черты порочности общественной жизни. Ряд таких письменных констатаций сохранился в письмах. Болезненно кольнуло то, что упомянутое письмо из «Крокодила» получил в распечатанном конверте («Видимо, начальство усмотрело в конверте крамолу»). Безрезультатно потолкавшись по личному вопросу

по разным кабинетам, он записал: «В городе и районе у нас безвластие — мнение многих горожан. Жаль, нет Бахилова, тот — или «за», или «против». Что сделаешь, времена меняются. Даже птицы и то — не те».

После получения в 1975 году юбилейной медали записал: «... нацепили на пузо ещё одну железку. Черт знает что получается: раньше мы по пальцам могли пересчитать Героев Советского Союза, и слово «орденоносец» звучало совсем не так, как теперь. А сейчас скоро все будут залеплены медалями и орденами! Какая-то странная эпоха».

«... затеяли в печати черт знает что — 52-недельную ударную вахту. Таковой клич могут кинуть никогда не стоявшие у станка идиоты-троглодиты... Это обычная инфляция понятия, как во всём у нас... Тошнит от подобных лозунгов, скороспелых и необдуманных».

Ещё об одном душевном качестве Ездакова нельзя не сказать — об его даре внимания к людям и участия в судьбе как ближнего, так и дальнего. Это проявлялось и в гостеприимстве, и в готовности прийти на помощь без мысли о благодарности. В 1968 году редакция радио посылала в Сургут для технической помощи оператора Эдуарда Жуланова. После его отъезда Николай Иванович извещал: «С Эдиком жили дружно. Моя квартира была казармой — на моей кровати больной Грязневич, на раскладушке Эдик, на другой кровати — Мария Ивановна (шлёт тебе привет), ну, а я за столом». Был и такой случай: ковылял он домой с тяжёлым кочаном капусты, и пробежавшая мимо девушка помогла его дотащить. Узнав, что она выпускница одного из томских вузов и только что приехала, Николай Иванович с Марией Ивановной пригласили её пожить недельку, пока не устроится в общежитии.

Живя с 1978 года в отдалении от родного Сургута, я из каждого письма Николая Ивановича узнавал что-нибудь о близких мне людях — школьных учителях М. А. Кушниковой, А. С. Знаменском, Е. И. Калентьевой, М. А. Кайдаловой, о семье М. Ф. Калашниковой. Из года в год слал он приветы В. И. Плесовских, Б. П. Прибыльскому и другим бывшим коллегам-радийщикам.

О замечательных душевных качествах Ездакова очень тепло сказала хорошо знавшая его Н. Н. Распопова: «Это был человек удивительной судьбы, простой и доступный. Он никогда не проходил мимо чужой судьбы, очень много знал, многое испытал, пройдя ужасы войны, госпитали. В нём был какой-то особенный стержень: держаться достойно, быть оптимистом, никогда не сдаваться и не поддаваться никаким слабостям и не предавать. Он был честен, открыт, прямолинеен... Николаю Ивановичу я благодар-

на до бесконечности, что он многому научил меня. Он мог делать замечания в такой безобидной форме, что после этого хотелось видеть в каждом человеке только хорошее, а всё остальное было чушью, как он частенько выражался».¹³

А Надежда Петровна Губина писала мне в декабре 1982 года: «Николая Ивановича Ездакова мне очень и очень жаль. Хороший он человек, умница большой... Жаль, что вместе с телом всё уходит в мир иной. А ведь он как хорошо писал и мог бы издавать свои книги».

Щедро одарил Николай Иванович своей душевной добротой и меня: часто, помногу и откровенно писал. Случалось, что и поддерживал своим участием («... плюнь на всю свою мировую скорбь по поводу недовольства собой на посту редактора» и пр.), неизменно звал в Сургут («Может нагрнешь в Сургут, а?»). Замечательно проявлялась его добрая натура в той непринуждённости и достоинстве, с которыми он высказывал просьбы. Исполнять их никогда не было трудно.

Написать повесть о «мятеже» ему так и не удалось; может быть для того времени это было ещё неподъёмной задачей. Но живы в фонде Сургутского краеведческого музея его тетради, которые сами по себе — памятник культуры и богатый источник исторической информации. Во всяком случае, несколько тем моих работ, в частности очерк об архимандрите В. А. Баталине, прямо вытекают из его тетрадей. Да и вообще своим интересом к краеведческому поиску я во многом обязан ему.

Прошёл 31 год со дня смерти Н. И. Ездакова. Кажется, всё уже сказано, что ещё можно добавить? Но вот год назад журнал «Югра» опубликовал прекрасный очерк об Ездакове Татьяны Лысенко со столь же замечательным заголовком «Право на правду», в котором обнародованы многие прежде неизвестные нам факты. Значит, тема «Ездаков» всё ещё не исчерпана.

К сожалению, я не успел рассказать здесь о Ф. С. Корепанове, В. С. Волдине, А. К. Нестеровой, М. Д. Загайнове, Г. И. Слинкиной, А. Т. Куликове, Н. Л. Алипове и других, с кем обитал в 1964—1971 гг. под одной крышей и кого запомнил навсегда. Может быть, это удастся в другой раз.

Валерий Белобородов

¹³ Распопова Н. Как молоды мы были, как искренне любили... // Сургут день за днём: публицистический рассказ о времени, о сургутянах и газете «Сургутская трибуна». — Сургут, 1999. — С. 244—245.

Источник

**Коллекция журналов
второй половины XIX — начала XX вв.
в Государственном архиве Югры**

История Государственного архива Югры началась 1 октября 1934 г. с организации при Остяко-Вогульском окрисполкоме окружного архивного бюро. За истекшие без малого 80 лет, благодаря стараниям сотрудников, в фонде архива собраны уникальные документы. И среди них — коллекция российских журналов образовательного и просветительского направления за 1845–1915 гг., насчитывающая 145 единиц хранения. В 1930-е гг. эти периодические издания попали сначала в окружной краеведческий музей, а впоследствии переданы окружному архиву [1. Л. 218]. Об этом свидетельствуют отпечатки штампов на журналах.

В Остяко-Вогульск журналы, если не все, то большая их часть, попали из Берёзова, где прежде принадлежали библиотеке Березовского уездного училища, открытого в 1818 г. для детей казаков и других сословий. На некоторых из них на внутренней стороне обложки приклеены ярлыки с надписями: «Фундаментальной библиотеки Березовского уездного училища», «Березовское уездное училище» (1899), «Березовского городского училища» (1910 г.), «Школьный отдел¹. Во второе смешанное училище г. Березов» (1914).

Н. А. Миненко в монографии «Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв.» пишет, что в период службы в Березовском училище Николая Алексеевича Абрамова (1842–1849) «его стараниями при училище была организована библиотека. В 1845 г. в ней содержалось 378 сочинений в 586 томах. К 1849 году в библиотеке насчитывалось уже 1200 томов «разных полезных и большею частью новейших сочинений», а к 60-м годам XIX в. — до 1500 томов». [2. Л. 84].

Прежнее географическое местонахождение журналов подтверждается и тремя надписями, карандашом: «Я. Д. Новиц.», «И. Нов.» и «З. Коп»,

¹ Приложение к неофициальной части газеты «Тобольские губернские ведомости», первой печатной газеты Тобольской губернии (1857-1919).

на шмуцтителе² подшивки «Церковного вестника» за 1893 год, издававшегося при Санкт-Петербургской духовной академии [3]. Относительно первых двух можно предположить, что это сокращения известной в Березовском уезде фамилии Новицких. Согласно «Справочной книге Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г.», Новицкий Яков Диомидович служил псаломщиком в с. Мало-Атлымском Березовского уезда [4. Л. 37].

В коллекцию входят общероссийские журналы, но моей целью было прежде всего выявить сведения, касающиеся истории Тобольской губернии.

Интересно было обнаруживать пути, по которым журналы попадали на Тобольский Север. Так, в фонде нашего архива отложился следующий документ 1897 г., который в 1933 г. был использован как черновик чиновником Березовского отдела народного образования:

«Получено 21 января 1897 г. Причту село Чемашевской церкви.

На основании бумаги Училищного Совета при Святейшем Синоде за № 1193, препровождается к Вам 1 экземпляр — объявление об издании в 1897 году журнала «Народное образование» с предложением Вам как ревнующему о просвещении народа выписать сказанный журнал. Январь 17 дня 1897 года. Благочинный П. Е. Паникаровский³» [5. Л. 47 об.].

А вот список экземпляров журнала «Учитель», разосланных в 1861 и 1862 гг.: в Березов — 1, Тобольск — 11, Тюмень — 3. Журнал высылался также и за границу — в Бухарест, Дрезден, Измаил, Тегеран, и 73 губернии и области Российской империи.

Начну обзор с журнала, который был исторически первым (1886) в Томской губернии — «Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу» [6]. Циркуляры издавались ежемесячно и включали: 1) Высочайшие повеления, 2) Распоряжения Министерства Народного Просвещения, 3) Распоряжения Попечителя учебного округа, 4) Постановления Попечительского Совета и 5) Разные известия.

Западно-Сибирский учебный округ был учрежден 1 июля 1885 г. На громадной его территории к этому времени насчитывалось 690 учебных заведений при 24945 учащихся с общим штатом учебно-воспитательного

² В старопечатных книгах шмуцтителом называли страницу, размещенную перед титульным листом для защиты последнего от грязи и порчи. Отсюда происходит название шмуцтитела: «Schmutz» по-немецки означает «грязь».

³ Паникаровский Петр Евгеньевич — благочинный церковей Березовского округа Тобольской губернии.

персонала 2053 человека. Первым попечителем округа (1885–1898) стал Василий Маркович Флоринский (1834–1899), врач, писатель, археолог, профессор Казанского университета, действительный и почетный член многих российских и зарубежных обществ, почетный гражданин Томска. В следующее десятилетие во главе управления стоял Л. И. Лаврентьев (1837–1914) – деятель народного образования, юрист, писатель.

Свыше 70 единиц хранения коллекции составляет «Журнал Министерства Народного Просвещения» (1848–1915 гг.). Журнал публиковал Высочайшие повеления, министерские распоряжения и отчеты по министерству. Неофициальная часть его была представлена рубриками «Словесность и науки», «Известия об ученых и учебных заведениях в России», «История просвещения и гражданского образования». Это был первый и долгое время единственный научно-популярный журнал России. Среди сотрудников и авторов – философ и переводчик Э. Л. Радлов, основоположник научной педагогики К. Д. Ушинский (1824–1870).

Особо нужно сказать о деятельности редактора журнала академика Василия Григорьевича Васильевского (1838–1899). В некрологе, помещенном в журнале, которому Васильевский посвятил 35 лет жизни (1864–1899), отмечается: «Духовные качества покойного делали его идеальным редактором: будучи глубоким знатоком избранной им научной специальности и основателем школы русских византистов, он в то же время обладал широким общим образованием и был тонким ценителем литературы, которую любил...» [7]. Менее заметная и блестящая, но не менее важная сторона деятельности В. Г. Васильевского состояла в выборе статей для журнала и в приготовлении их для публикации. О статьях, присылаемых для печатания, он заботился как о своих собственных. С именем Васильевского связана была и жизнь летописца истории села Самарово Х. М. Лопарева, который был его учеником в Санкт-Петербургском университете и последователем в области византиноведения.

Большая часть статей представляла тему народного образования, в частности, женского. До 1854 г. в Тобольской губернии не было ни одного женского учебного заведения. Журнал рассказывает о том, как тобольское купечество, руководимое наставлениями проводившего ревизию Западной Сибири генерала-адъютанта Анненкова, создало капитал в 7,500 руб. серебром на учреждение в Тобольске девичьей школы. 30 августа 1852 г. было открыто временно одно отделение школы на правах приходского женского училища, в котором уже через три дня обучалось 72 ученицы. Официальное открытие девичьей школы, получившей название Маринин-

ской, состоялось 22 июля 1854 г. Об этом знаменательном событии «Журнал Министерства Народного просвещения» сообщил в подробной статье «Открытие Марининской девичьей школы в г. Тобольске» [8]. Школа существовала до 1919 г., после чего на ее базе была сформирована советская школа № 1.

Особый интерес представляют статьи, посвященные истории Югры. Одна из них помещена в журнале в 1883 г. под заголовком «По поводу сибирского юбилея» [9] и отражает взгляды некоторых ученых на празднование трехсотлетней годовщины присоединения Сибири к Русской державе. Во главу статьи был поставлен вопрос: «Какое именно событие из истории присоединения должно быть принято за исходную точку для исчисления трехсотлетия и возможно ли вполне точным образом определить время этого события?». В статье утверждалось, что годовщину трехсотлетия всего уместнее считать с того момента, когда царь Иван Васильевич, получив известие о разрушении Кучумова царства, изъявил согласие принять ново-завоеванную Сибирь в свое подданство, но в какой день – не определено. Признано было возможным приурочить празднование сибирского юбилея к 6 декабря 1882 г. В статье затронуты вопросы первых сношений русских с Сибирью того времени, когда новгородцы еще в конце XII и в начале XIV веков пытались овладеть Сибирью. Упоминаются памятники сибирской истории, в том числе Семена Ремезова, его «Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)», изданная впервые в 1880 г. и «более важная в научном отношении, – как считает неизвестный автор статьи, – чем его «Чертежная книга Сибири».

Югорскую тему продолжает статья А. Оксенова «Политические отношения Московского государства к югорской земле» [10].

На страницах «Журнала министерства народного просвещения» впервые появились статьи о введении христианства в Сибири Николая Абрамова, который был уже упомянут в этой статье как создатель библиотеки Березовского уездного училища. Служа смотрителем в Берёзове, Абрамов занимался в архиве Кондинского монастыря и воеводском архиве, а при разъездах входил в сношения с инородцами, результатом чего и стали статьи «О введении христианства у березовских остяков» [11], «Проповедь Евангелия сибирским вогулам» [12], «Материалы для истории христианского просвещения Сибири, со времени покорения ее, в 1581 г. до начала XIX столетия» [13].

Помимо этих статей им было написано более двадцати биографий тобольских архипастырей. Все они, за исключением двух, были опубликованы в «Журнале Министерства Народного Просвещения» и частью – в

духовном журнале «Странник», некоторые номера которого также хранятся в фонде госархива Югры.

Продолжением «инородческой» темы может служить статья П. Е. Кулакова «Инородцы и инородческий вопрос на Нижегородской Всероссийской выставке», опубликованная в журнале «Русское богатство» в 1896 г. [15]. Основной целью выставки было «изображение возможно правдивой картины современного состояния различных видов народной производительности в обширном значении этого слова». На выставке были и отделы, посвященные окраинам России. П.Е. Кулаков на основе богатого материала, сосредоточенного в сибирском отделе, а также в отделе Крайнего Север сделал попытку охарактеризовать положение инородческого населения Сибири и дальнего севера Европейской России.

Почему инородцы при соприкосновении с более сильной расой теряют свои самобытные черты или вымирают и что нужно делать, чтобы им продолжать развиваться и совершенствоваться? С этой точки зрения наибольший интерес представляют северные инородцы, в том числе и остяки, самоеды, вогулы. Отвечая на вопрос, какие же условия отрицательно влияют на жизнь инородцев, автор останавливается в первую очередь на влиянии пришедшего в Западную Сибирь русского населения. Надо отметить, что критика царизма в статьях, посвященных инородческому вопросу, прослеживалась до 1930-х г., пока не стали обязательными новые идеологические установки.

Среди журналов педагогической направленности в коллекции хранится ежемесячный журнал «Известия по народному образованию» (выходил в 1834—1917 гг.), помещавший на своих страницах правительственные распоряжения, Высочайшие приказы по ведомству Министерства Народного Просвещения, а также статьи по народному образованию, классической филологии, истории, литературе и т.д. Бесплатным приложением к журналу была ежегодная «Справочная книга по низшему образованию», два экземпляра которой за 1909-1911 гг. отложились в фонде архива.

Свои работы в журнале часто публиковал Григорий Яковлевич Маляревский (1867—1932), который в течение 10 лет был директором народных училищ Тобольской губернии (1907—1917 гг.). Его педагогическая, научная и общественная деятельность имела важное значение для развития просвещения в Западной Сибири. Одна из статей была посвящена созданию передвижных школ в Тобольской губернии [16].

Основным препятствием к открытию стационарных школ являлось малое число детей школьного возраста, а также дальнейшее расстояние между селениями, не позволявшее пользоваться одной школой нескольким селе-

ниям. И на основании разрешения от 10 сентября 1907 г. Маляревский приступил к открытию передвижных училищ. Большая их часть действовала в Тобольском уезде и была рассчитана на обучение детей в небольших селениях с числом жителей от 100 до 300 душ. Прием в передвижные школы производился только один раз в 2 года при одной группе учеников, что давало возможность в двухгодичный срок обучить детей основам школьных знаний.

И в заключение — о приложении к неофициальной части газеты «Тобольские губернские ведомости» «Школьный отдел», начавшей выходить в 1907 г. и прекратившей свое существование в 1917 г. Журнал был адресован педагогам начальных училищ. На его страницах публиковались постановления Тобольского уездного училищного совета, материалы о состоянии начальных училищ, факты из школьной жизни. Он содержал сведения о новых учебниках, методике преподавания.

Так, из отчета о состоянии начальных училищ тобольской дирекции за 1911 г. можно узнать, что помимо основных предметов ученики Тобольского и Сургутского уездов занимались кузнечно-слесарными и столярными работами, башмачным ремеслом, кроме того, в училищах этих, а также Березовского уездов девочки учились искусству вышивания, вязания, шитья [17].

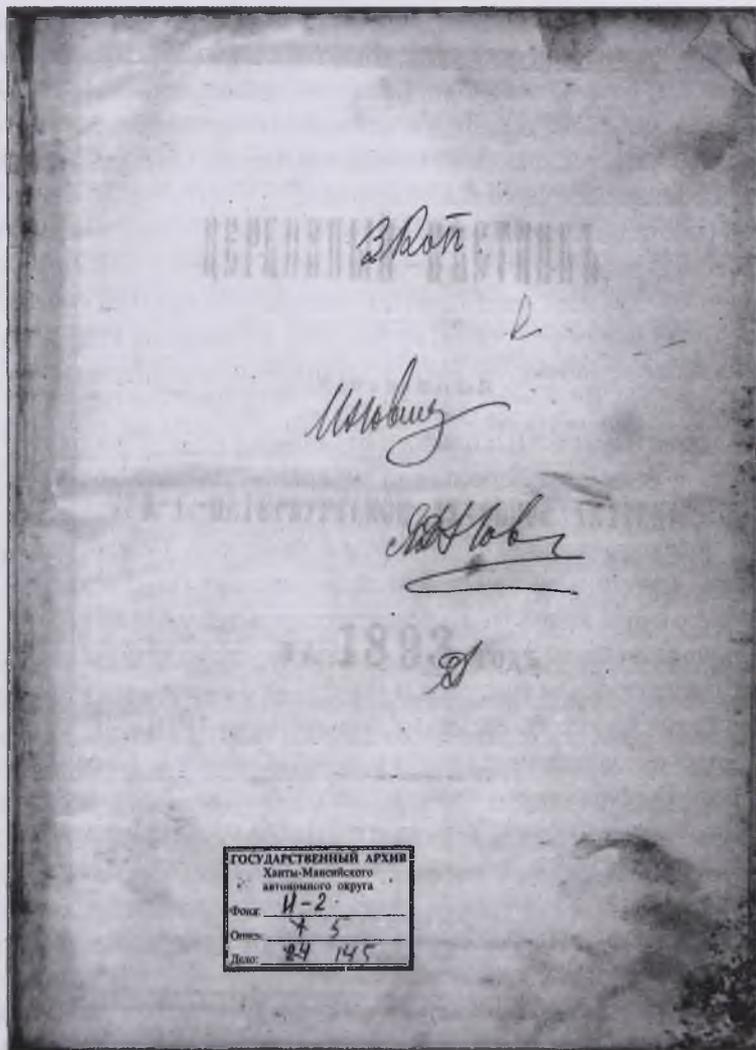
В январском номере «Школьного отдела» за 1908 г. инспектор народных училищ 1-го района Тобольской губернии Е. Соколов сообщает, что «почетный блюститель Мало-Атлымского сельского одноклассного училища Березовского уезда А. П. Андреев к празднику Рождества Христова пожертвовал для приюта при означенном училище (призреваются остяцкие дети) пять пудов крупчатки, голову сахара и тушу мяса» [17].

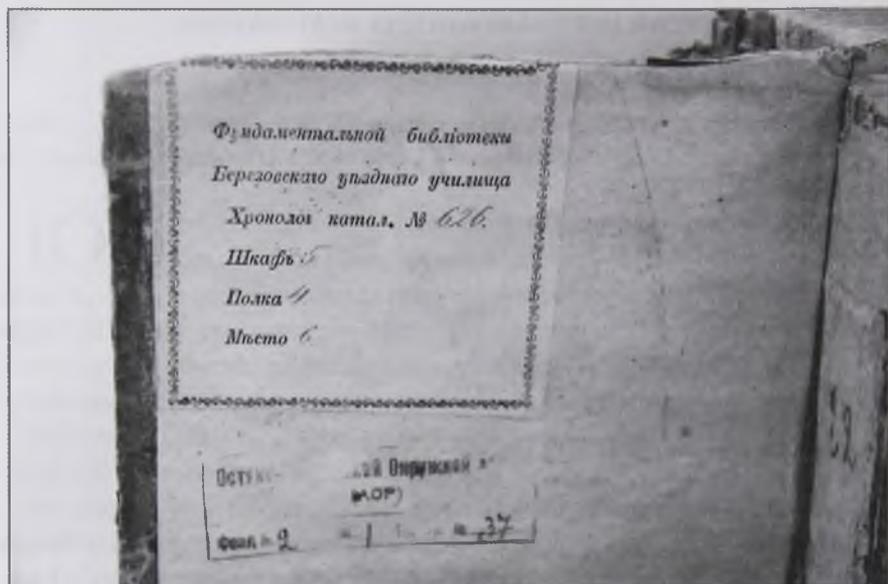
Регулярно помещались отчеты о курсах сельского хозяйства, огородничества и садоводства для учителей и учительниц начальных училищ. Так, в числе слушателей курсов, организованных летом 1910 г. при Тобольской низшей сельскохозяйственной школе по инициативе Г. Я. Маляревского, были учителя Реполовского одноклассного училища Самаровской волости Степан Григорьевич Соскин, Константин Лосев из Демьянского двухклассного училища, до 1908 г. служивший в Самаровском сельском двухклассном училище [17].

Помимо вышеперечисленных журналов, в Государственном архиве Югры находятся на постоянном хранении «Вестник воспитания», «Вестник Европы», «Вестник иностранной литературы», «Исторический вестник», «Мир божий», «Маяк», «Народная школа», «Натуралист», «Рус-

ская мысль», «Русская старина», «Русская школа», «Русский вестник», «Учитель», «Филологические записки».

Находящиеся на постоянном хранении в Государственном архиве Югры, эти журналы позволяют соприкоснуться с материалами, свидетельствующими об общественно-политической и культурной жизни России во второй половине XIX — начала XX вв.

Список использованных источников:

1. ГА ХМАО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 215.
2. Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв. — Тюмень, 2001. — 256 с.
3. Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск: Тип. Епарх. Братства, 1913. — 66 с.
4. ГА ХМАО. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 145.
5. Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 6.
6. Там же. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 110.
7. Там же. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 79.
8. Там же. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 8.
9. Там же. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 128.
10. Там же. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 58.
11. Там же. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 5.
12. Там же. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 8.
13. Там же. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 10.
14. Абрамов Н. А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. — Тюмень: СофтДизайн, 1998. — 576 с.
15. ГА ХМАО. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 73а.
16. Там же. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 113.
17. Там же. Церковный фонд. Оп. 5. Д. 123.

Лидия Завьялова

В предыдущем выпуске «Подорожника» под заголовком «Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...» была опубликована часть переписки Ариадны Васильевны и Анны Николаевны Скалозубовых, разысканная в Государственном архиве Новосибирской области и подготовленная к публикации Л. В. Завьяловой. По редакционной оплошности имя публикатора не было указано. Приносим нашему уважаемому постоянному автору извинение.

Краевед Т. П. Воробьева

Югорская полевая музейная биеннале, которую проводит Музей Природы и Человека, каждый раз не только обогащает новым знанием, но и преподносит приятные неожиданности. Так случилось и в декабре 2012 года: среди гостей была приехавшая из Екатеринбурга Татьяна Петровна Воробьева, работавшая в музее во второй половине 1950-х гг. Музейщики настойчиво разыскивали ее и, разузнав адрес, пригласили.

Изучая историю местного краеведения и работая в 1990-е гг. над библиографическим словарем «Ученые и краеведы Югры», мы включили в него и краткую статью о Т. П. Воробьевой. Материалом для нее были сведения, полученные из документов фонда окружного краеведческого музея в Государственном архиве Югры. На их основе сложилось представление, что во второй половине 1950-х гг. музей был явно на подъеме, прямо связанном с деятельностью Воробьевой. И нельзя было упустить возможность с ней побеседовать. Разговор получился скоротечный, т.к. состоялся часа за два до вылета почетной гостьи музея обратно в Екатеринбург, и вот что удалось узнать.

Татьяна Петровна — коренная екатеринбурженка, выросшая в интеллигентной семье врачей. Отец в 1918 или в 1919 г. окончил Петроградский медицинский институт, много лет работал в Свердловске и своих детей, а их было 10, сумел заразить медициной. Семеро стали врачами, вместе с ними — их мужья (жены), а затем и дети. И у Татьяны Петровны двое детей имеют медицинское образование и уже учится на врача один из внуков. А вот сама она отошла от семейной линии.

Дело в том, что еще в школе девочка Таня, вполне в духе уральской традиции, увлеклась историей края, участвовала в походах, позднее стала инструктором по туризму. Школу окончила одновременно со старшим братом, так как начала учебу с шести лет. Брат, как и ожидалось, подал заявление в медицинский, а Татьяне мать, зная об ее увлечении, сказала: «Ты знаешь о моем желании, чтобы ты пошла по папиным стопам, но поступай куда хочешь». И дочь тут же побежала в университет.

Учеба шла успешно, студенткой четвертого курса Татьяна по рекомендации профессора Сальникова уже сама вела курс археологии на истори-

ческом факультете педагогического института. В 1955 году университетский курс был пройден, и на обозрение выпускников вывесили список мест, куда требовались молодые специалисты. В те годы новоиспеченным историкам нередко случалось получать направления в редакции газет и даже в партийные комитеты, например, соученик Воробьевой Мелентьев был определен в редакцию «Комсомольской правды» и впоследствии сделал административную карьеру, став министром культуры РСФСР. Татьяна же выбрала работу в краеведческом музее маленького северного городка Ханты-Мансийска, в начале 30-х годов входившего в состав Уральской области.

— В ханты-мансийский музей я ехала с желанием и хотела заняться там археологией, — вспоминает Татьяна Петровна, — но с первых дней работы пришлось заняться совсем другим — включиться в политическую кампанию подготовки к 25-летию округа. Мне предложили разработать тему «Борьба за советскую власть на севере». Такова была линия отдела пропаганды и агитации окружкома партии, который курировал наш музей. И вот я отыскивала участников тех событий, записывала их воспоминания. В музее нас было всего двое: директор Ю. С. Липчинская, занимавшаяся в основном хозяйственными работами, и я, научный сотрудник. Охватить весь круг музейных вопросов одной мне было не под силу, и порой приходилось выслушивать замечания: и это не сделано, и то...

Музейщик в советские годы безо всяких оговорок считался идеологическим работником, и это определяло содержание его деятельности. В силу такой специфики Воробьеву посылали в Березово, где всего двумя годами раньше прогремел на всю страну фонтан природного газа, обещавший округу большие перспективы. Оттуда она привезла в музей макет буровой установки, фотографии оборудования, станков. Попутно собирала хантыйские и мансийские народные костюмы.

Ей и самой все это было интересно, новизна и перспектива увлекли. Вскоре после приезда ее избрали секретарем комсомольской организации учреждений культуры Ханты-Мансийска. Людей с высшим образованием в окружной столице тогда было не так много, и партийная власть старалась каждого привлечь к себе в помощники. Приезжая из командировок, Воробьева писала в «Сталинскую трибуну» (с 1956 г. — «Ленинская правда»), «Тюменский комсомолец» заметки о молодежи, о своих наблюдениях и впечатлениях, подписывая их псевдонимом «Т. Петрова». Так, в одной из них она описала подробности первого рейса каравана судов сплавной конторы, с которым добиралась до Ханты-Мансийска, возвращаясь из Ленин-

града со съезда археологов. Караван двигался вслед за льдом и временами вынужденно останавливался из-за заторов.

После командировки в поселок Луговое Воробьева написала, казалось бы, совсем безобидную корреспонденцию о наиболее квалифицированных и трудолюбивых рабочих Белогорского деревоперерабатывающего завода и получила за нее выговор: названные ею люди оказались людьми «второго сорта» — ссыльными российскими немцами. Пришлось дополнить список русскими фамилиями.

В 1956 г. «Сталинская трибуна» опубликовала первую ее большую статью о музее. Позднее Татьяна Петровна подала и осуществила идею издания музейного краеведческого сборника, став его составителем. В 1958 г. он вышел в свет, но, к сожалению, не имел продолжения.

При всей занятости выполнением поручений и фиксацией текущих событий Татьяна Петровна, уважая в себе специалиста, не отказалась от намерения вести в музее научную работу.

— Так как душа моя все-таки лежала к изучению прошлого, — продолжала она, — я убеждала членов нашего музейного совета, что надо заниматься и историей, и археологией округа. А я, имея право на ведение раскопок, открытый лист, могла бы провести обследование памятников.

Открытый лист Воробьева получила весной 1956 года в Ленинграде, куда ездила на археологический съезд, помог ей в этом В. И. Чернецов, знаток археологии и этнографии севера Западной Сибири. С ним ее познакомили свердловчане. И в июне-августе того же года под ее руководством на р. Казым работала экспедиция краеведческого музея. В ней участвовали аспирантка Института этнографии АН СССР З. П. Соколова и трое студентов. Экспедиция дала музею интересные материалы, но на их научную обработку у Татьяны Петровны не хватило времени.

Следующий год был особенно насыщен исследовательскими поездками: в начале года Воробьева собрала фольклорный материал у хантов р. Назым, приобрела новые предметы для пополнения музейных коллекций, организовала выставку прикладного искусства, весной такую же работу провела в Березове, а в июле обследовала археологический памятник, обнаруженный колхозниками с. Селярова. И каждый раз фотографировала.

— На первую свою нищенскую зарплату, — сообщает Татьяна Петровна еще одну подробность своей музейной биографии, — купила фотоаппарат, поскольку в музее такового не было. Попросила Липчинскую выделить в фондохранилище (обыкновенном сарае) уголок под лабораторию. Было там страшно холодно, но только там я имела возможность проявлять плен-

ку и печатать фотографии. На них запечатлены Казымская культбаза, хантыйский поселок Новый Назым, тайга... Мои снимки печатались и в газете «Ленин пант хуват». Сейчас я их привезла и отдала музею.

«Вся моя научная работа уложилась в эти три года», — подытоживает Татьяна Петровна.

Положенный для молодого специалиста срок работы по направлению в 1958 году истек, она уехала в отпуск в Свердловск, а там вышла замуж и осталась, уволившись из музея. Искала, конечно, работу по своей профессии, но не повезло. Не оказалось вакансий в областном краеведческом музее. Были в городе еще филиал музея-картинная галерея и мемориальные музеи П. П. Бажова и Д. Н. Мамина-Сибиряка, но там требовались либо искусствовед, либо литературовед. Не нашлось даже места учителя истории ни в одной из школ, и предлагали идти воспитателем в детский сад. И тогда муж, инженер-электроэнергетик, начальник подстанции, предложил идти к нему.

Так повернувшаяся судьба заставила Татьяну Петровну приобрести новую специальность. Она заочно окончила Уральский политехнический институт по специальности «электрические подстанции, сети и системы» и в новом деле тоже нашла творческую составляющую, так что утрата родной специальности не стала тяжелой драмой, тем более, что связь с бывшими однокурсниками не прервалась. Бывала в областном краеведческом музее, помогала комплектовать фонды. В археологическом кабинете музея хранится копия ее отчета о проведенных на севере раскопках с планом селища и рисунками керамики. Как дочь известного в Свердловске врача много сотрудничала с областным музеем истории медицины, составила родословную своей семьи.

В этот приезд в Ханты-Мансийск Т. П. Воробьева передала Музею Природы и Человека старые газеты и собственные фотоснимки, сделанные более полувека назад. Коллеги показали ей экспозиции, фонды музея, где до сих пор хранятся собранные ею предметы.

Валерий Белобородов

Вампиры уральских дорог

Кровососы в истории и географии Уральского Припечорья

*Насекомые дикие и домашние,
летающие и ползающие,
жужжащие и немые, мучили нас;
одно имя их мне страшно теперь,
поэтому их не называю.
Э. К. Гофман, 1856 г.*

«Ужасные бичи севера». Введение в тему

*И над всей тундрой, порой затмевая свет,
облаками носится бич севера —
мириады мошек и комаров,
так называемый «гну»¹.*

Каждой местности полагаются свои чудовища — выдуманные или реальные. Гигантская собака лорда Баскервиля, подводное чудище озера Лох-Несс, вампиры графства Дракулы... Печорское Приуралье, как и вообще весь российский Север, издавна славилось летающими кровососами, — более чем реальными, свидетельством чему — строки путевых заметок, красочные, а порой и драматические.

Припечорье во все времена слыло местом диким и недоступным. «Отсутствие путей сообщения — настоящее проклятие Печорского края... Чтобы проехать на Ухту или Цыльму, не говоря уже об отдаленной Усе, нужно предпринять такую же экспедицию, как в центр Африки во времена Ливингстона»², — так писалось про этот край в 1917 (!!!) году. Что уж тогда говорить о первой половине XIX века, когда здесь стали появляться первые исследователи...

Бездорожье, удаленность от цивилизации, ненаселённка, сложный горный рельеф, опасные горные реки; климат — сырость болот, морозы и

¹ Каптерев Л. М. Урал // Природа Урала. Сборник статей / под ред. Качиони С. С. — Свердловское гос. изд-во, 1936.

² Доброхотов Ф. П. Урал Северный, Средний, Южный. Справочная книга / Ф. П. Доброхотов, В. С. Зыбин, В. А. Весновский. — Петроград: Изд. Б. А. Суворина, 1917. — С. 382.

ветра... Жить и работать в таких условиях могли только люди с железной волей и здоровьем. И всё же: если провести сравнительный анализ жалоб путешествовавших по этому дикому краю на условия Уральского Севера, то на первое место с большим отрывом выйдут кровососы. Ни один не обошёл эту тему, и именно ей достались самые яркие эпитеты.

«Сколько трудностей и лишений испытывает путник, закинутый судьбою в эту горную и необитаемую страну! ... приходится в дикой лесной чаще прорубать себе дорогу или расчищать прогалины. Иногда болотистые долины, глубокие и быстрые притоки рек заставляют отыскивать переходы через них. Ко всему этому прибавьте: сильные дожди в горах, порывистые ветры, холодные и густые туманы, одним словом — все быстрые перемены и непостоянства погоды, свойственные суровому климату.

Но все это тускнеет, все это ничто пред тем, что доставляют путешественнику слепни, комары и мошки — эти ужасные бичи севера! Целыми роями носятся они в воздухе, соблюдая известную очередь, и с жадностью накидываются на всякое животное. Количество их до такой степени велико, что белая лошадь, на которой поместится рой этих насекомых, представляется пегою, даже серою,— так густо покрывают они тело! Можно судить, что чувствует при этом человек непривычный! Ужаление комара не ограничивается только неприятным зудом, но вся нервная система потрясается до некоторой степени и «мороз подирает по коже», по верному выражению простолюдинов. Подобные ощущения являются в момент укула одного комара; но так как обыкновенно кусают в одно время в разных местах, то все, вместе взятое, может довести человека до отчаяния»³.

Таков портрет Припечорья в книге серии «Живописная Россия» Семёнова-Тянь-Шанского, одного из самых дорогих и «пафосных» изданий во всей истории российского книгопечатания.

Обилие гнуса, наряду с прочими факторами, служило объяснением «цивилизационной неразвитости» края: *«Понятны при таких условиях жизни причины, почему врачи, как, впрочем, и другие служащие, смотрят на свою жизнь на Печоре как на временную ссылку, почему всегда живут, как бы находясь в вечном путешествии с постоянной мыслью и надеждой на новое, с большими удобствами жизни, место»⁴.*

³ Малахов М. В. Уральский хребет // Живописная Россия. — 1901. — Т. 8. — Ч. 2. — С. 15.

⁴ Мартынов С. В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. — С.-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28. 1905. — С. 253.

«Летающие и ползающие, жужжащие и немые...».
Уральские вампиры – кто они?

Весь уральский гнус можно условно разделить на комаров, слепней, мошкУ (официально – мОшек) и мокрецов.

Комары появляются первыми, обычно в первой декаде июня. Их максимальная активность приходится на конец июня – июль. Самки должны насосаться крови для образования жирового тела на время зимовки. По наступлению осенних холодов самцы, оплодотворив самок, погибают, а самки, перезимовав, весной вылетают – и снова ищут крови, для созревания яиц⁵.

Слепни вылетают обычно в конце июня, их вылет длится пару недель. Самый крупный среди слепней – олений, длиной до 3 см.

Специфика Урала – здесь особенно много мошек, которым для выведения очень подходят быстрые холодные воды горных рек и ручьев.⁶ Лёт мошки на Уральском Севере длится более двух месяцев, период их массового нападения на людей и животных – до полутора. У мокрецов Урала

⁵ Селявка А. А. Общая паразитология. – Мн.: Знание, 2007. – 250 с.

⁶ Гнус – кровососущие двукрылые и оводы Урала. <http://www.ecology-portal.ru/publ/zhivotnye/500791-gnus-krovososushhie-dvukrylye-i-ovody-urala.html>

массовый лёг происходит в разное время, в результате чего период массового нападения на человека и животных у них велик — с июня до конца августа. Как и у комаров и мошек, у мокрецов кровью питаются только самки.

Слюна всех кровососов токсична, поэтому их укусы вызывают боль и зуд. Все они могут быть переносчиками возбудителей туляремии, а слепни — еще и сибирской язвы.

В жизни Севера кровососущие — комар, овод, мошка, именуемые скопом словом «гнос» — всегда играли, безусловно, первостепенную роль, представляя, наряду с климатом и погодой, стихию, не считаться с которой невозможно, и регулируя ритм жизни всего теплокровного.

Дикие животные, спасаясь от гноса, в разгар лета целыми днями отсиживаются в воде. «...овод недаром считается бичом человека, и здесь не только страдает от него человек, но и сплошь и рядом ревет медведь, прячется рогатый лось в воду, заходит туда же стадом олень, а остальные животные уже неизвестно куда скрываются, вероятно, скорее прячась куда в глубокие норы»⁷.

Из одного северного оленя комары способны выпить до полутора литров крови. Нередки случаи гибели от кровососов домашних животных: коров, оленей, лошадей; в первую очередь, конечно, ослабленных, но часто и вполне здоровых. «Животные приходят в бешенство от мошкары. Одна корова, бросаясь из стороны в сторону от мошкары, точно обезумела и бросилась в ручей с обрыва в 13 сажен»⁸.

Один из самых драматических рассказов на эту тему приведён у К. Д. Носилова. «Но ещё ужаснее нашего — положение наших собак: их воркотня не дает мне забыть; несколько раз уже они выбегали и выли глухо в лесу, и как они ни забиваются далеко в траву и кустарники, их донимают так там комары и мошки, что они снова лают, кусаются, выбегают и воют, не зная, как скоротать эту короткую светлую, летнюю ночь.

На рассвете, промучившись ночь, мы буквально бежали вперед с этой ужасной ночёвки от насекомых, даже не думая выпить чаю; мой пёс вышел из кустов с кровавыми пятнами около глаз и весь в комарах и мошках, словно он где в них, как в муравьице, вывалялся; но пара белых псов вогулов так и не вышла

⁷ Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. — Издание А. С. Суворина, 1904. — С. 227.

⁸ Круглов А. В. Лесные люди // В дебрях Севера. Русские писатели XVIII—XIX веков о земле Коми. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.

из места своей ночевки: они ослепли в одну ночь от укусов мошки кругом глаз, и когда мы воротились было к ним, чтобы вызвать и посмотреть, что с ними сделалось, то страшно было на них смотреть, потому что они буквально были покрыты кровью. И в редкой шерсти их столько было насекомых, словно уже они начали разлагаться. Это было ужасное, новое еще для меня зрелище; я на самом деле видел ослепших перед собой собак, и сердце разрывалось при виде того, как они лизали наши руки, прося помощи, но мы были сами искусаны до безумия и так и оставили их на произвол судьбы, почти бегом убегая от этой ужасной картины.

Помню, я был страшно возмущён, видя эту сцену, но вогулы были к ней, по-видимому, равнодушны, и не потому, что они черствые люди, напротив, — они страстно любят собак и считают их воплощением даже одного божества, почему никогда не убивают это животное, предоставляя ему умереть собственной смертью, а просто потому, что это самое обыкновенное явление в это время в ихней местности, и они уже видели много на своем веку получше сцен, когда вот так же слепли и оставались на месте олени, когда вот так же ложился и умирал и другой зверь.

...Случается, здесь гибнет от насекомых и самый человек, и среди вогулов, зырян, даже у меня в партии бывали случаи, когда заблудившаяся женщина делается жертвой комара, а дети, те просто съедаются чуть не живьем насекомыми, которые первым делом ослепляют человека, а потом уже укусами и щекотаньем доводят его до обморока, из которого уже нет возврата»⁹.

С реальными историями о крылатых кровопийцах не может сравниться даже самый страшный триллер из жизни вампиров: не случайно одной из самых страшных казней у хантов считалось, когда человека оставляли в лесу, привязанным к дереву на съедение комарам¹⁰; практиковалось такое и в годы гражданской войны — как у красных, так и у белых.

⁹ Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. — Издание А. С. Суворина, 1904. — С. 228.

¹⁰ Адаев В.Н. Насекомые в традиционных представлениях ненцев и хантов // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2001. — Тюмень: ИПП «Тюмень», 2002.

«Олени в комарное время дуреют...».
Кровососы и оленеводы

У северных народов гнус имеет огромное влияние на всю хозяйственную деятельность, в первую очередь оленеводство: его сезонная и суточная активность определяет всю жизнь оленевода, в т.ч. и стратегию выпаса — места стоянок, пастбищ, пути каллания, график движения, отдыха и т.д.

«Наскомых в тундре много, но они мало заметны, кроме, конечно, комаров и оленьих оводов, которые отравляют существование в тундре в немногие теплые дни и делают вполне понятными мольбы оленеводов: «Если бы Бог дал северный ветер». После 3-4 теплых дней в тундре разводится такое множество комаров, что, по картинному выражению оленеводов, платок, брошенный в воздух, не падает. Конечно, это преувеличение, по преувеличению, дающее понятие о количестве этих кровопийц. Известны случаи гибели усталых оленей от комаров, которые буквально высасывают всю кровь из животных»¹¹.

Именно из-за гнуса уральские оленеводы на летнее комариное время всегда перегоняли стада из тайги на летовки — в горы, на морское побережье, под защиту ветра. К. Д. Носилов, описывая образ жизни мансивогулов, объясняет причины их отхода в горные районы: *«Здесь, на горах, прохладно, по ущельям еще видны не вытаявшие заносы зимнего снега, на самых вершинах гуляет ветер, бродят облака, кутается туман; но ниже, в долине, изменности, теперь жара, мириады комаров, душно, — вот почему вогул и вышел со стадами в горы и живет там все лето, спасаясь от бича Севера — комариного царства.*

Комары есть и на горах, но они ютятся в мелкой зелени, прячутся за каждую ползучую иву, березу, лиственницу и, боясь быть оторванными от родного места ветром, даже не смеют петь свою докучливую песню, даже, кажется, выродились в безголосых и некроважидных»¹².

«Места пастыбы оленей оленехозяева приблизительно определяют так: в течение всей зимы, с ноября месяца, стада пасутся на недалеком расстоянии от деревень, верстах в 15—100 от различных Печорских селений, затем в марте их угоняют к Уральскому хребту, по большей части, на верховья реки Усы, от-

¹¹ Керцелли С. В. По большеземельской тундре с кочевниками. — Архангельск: Губ. тип., 1911. — С. 52.

¹² Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. — Издание А. С. Суворина, 1904. — С. 38.

куда постепенно подвигаются тундрами на север к ледовитому океану, и уже летом, в самый разгар жизни жалящих насекомых — комаров и оводов — пасут вдоль берегов океана, где олени, благодаря отсутствию лесов на далеком расстоянии и ветрам, имеющим свободный простор, обеспечены от мук, причиняемых им этими насекомыми.

Муки эти настолько значительны, что олени, находящиеся в лесах, при нападении на них комаров и оводов, теряют совершенно аппетит, становятся беспокойными, худеют и даже умирают; единственное спасение они находят в воде; забравшись в неё по голову, олень проводит большую часть дня.

По миновании комарного времени, с исчезновением комаров, оводов и различных жалящих насекомых, олени стада прогоняются обратно к верховьям Усы и на зиму снова ближе к обитаемым местностям»¹³.

Борьба с гнусом определяет не только сезонный, но и суточный график жизни оленя и оленевода. Так, в сезон комаров и оленьего овода, особенно в жаркие безветренную погоду, стадо всегда движется против ветра¹⁴. Гнус заставляет стадо кружиться на месте, вытаптывая площадку до глины («стадо кружит»); при этом уничтожается не только растительность, но и гнезда и выводки птиц и гризунов. У ижемцев существует специальный термин — *кõрыс номъясьё-лõдзясьё* (дословно «стадо комарует — оводуется», т.е. страдает от гнуса)¹⁵.

«Олени в комарное время дуреют, сбиваются в плотную кучу и топчутся на одном месте по целым часам, не слушаясь человека. Даже собаки, которых олени очень боятся, ничего не могут поделать в такие дни со стадом. Оленеводы говорят в этих случаях про стадо: «олени кружатся». Гнать в это время оленей невозможно, в упряжке олени также не идут, они падают на землю, бьются, спутывают упряжь — езда делается страшно затруднительной, только жестоким, я бы сказал зверским, употреблением «хорья» можно заставить двигаться упряжных быков. Телят при подобном кружении часто давят насмерть; важенки отбиваются от телят и последние, обессиленные, заеденные комарами, гибнут. Если в такое время на несчастье подует еще теплый южный ветер, то все стадо пускается иногда бежать против ветра и уходит

¹³ Голицын Н. Д. Записка Архангельского губернатора действительного статского советника князя Н. Д. Голицына по Обозрению Печорского края летом 1887 г. — Архангельск : Типография Губернского Правления, 1888.

¹⁴ Истомин К. В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. — Сыктывкар, 2004. — С. 108.

¹⁵ Там же. — С. 112.

за десятки верст. Я знаю несколько случаев потери целых стад при таких обстоятельствах. Если теплая погода без северного ветра тянется несколько дней, то оленеводы от бессонницы и адской беготни и крика совершенно выбиваются из сил, собаки доходят до такого изнеможения, что забиваются в кусты и никакими силами нельзя их заставить работать»¹⁶.

Для улучшения присмотра и облегчения положения животных оленеводы применяют объединение стад, опрыскивание оленей, дымокуры, используя для окуливания, как правило, красный (бурый) мох-сфагнум.

«Нельзя себе представить того множества комаров, которое бывает в летнее время. В тундре, в особенности в лесистой её части, жители волостей для предохранения себя от этих злых насекомых надевают на голову во время страдной поры, — как на Севере называют время уборки сена, — род капишона из холста с волосною сеткою на лице (куколь или комарник); даже в этой покрыве бывает от комаров нестерпимо — можно себе представить, как они должны беспокоить нежного оленя, особенно же во время жаров, и еще вместе с оводами. Тогда все стадо с хрипом бежит вокруг чума и вскоре превращает моховое место в грязь; в предупреждение этого, на лето отгоняют стада к морю, ибо чем далее от лесов, тем становится прохладнее и начинают мало-помалу исчезать несносные комары и оводы, но если оставаться на лето в лесах, как это делают собственно лесовые Самоседы, никогда не выходящие в тундру, или не в дальнем от лесов расстоянии, то остается одно средство — окуливать оленя вереском или красным болотным мхом...

Вот какое влияние незначительные, по-видимому, насекомые имеют на целый край...»¹⁷.

Гнус определяет режим не только стада, но и чума. На открытом пространстве, в тундре и в горах, активность гнуса снижается за счет ветра. У ненцев и манси на «ветряные дни» планируются праздники и важные дела; для таких дней есть свои приметы (например, красное солнце накануне вечером).

¹⁶ Керцелли С. В. По большеземельской тундре с кочевниками. — Архангельск: Губ. тип., 1911. — С. 52.

¹⁷ Иславин В. А. Самоседы в домашнем и общественном быту. — СПб., 1847. — С. 51.

**«В летнюю пору носят одежду из бобровых шкур».
Кровососы в культуре народов Уральского Севера**

В мифах народов Приуралья, как и многих других, вредоносные насекомые рассматриваются как наказание людям и животным и сопоставляются с нижним миром и его духами. Существуют мифы о происхождении гнуса (комаров, мошки) из искр костра (или пепла, или вшей) при сжигании людоеда-менква или ведьмы-парнэ (её можно сжечь на семи кострах, принеся в жертву семь оленей, но из её пепла рождаются комары).

В образе овода, по поверью ненцев, к человеку может явиться смерть. В одном из ненецких сказаний старик обманывает овода-смерть, заманив его в табакерку и велев затем старухе обшить её в два ряда рыбьей шкурой.

Насекомые часто выступают героями фольклора — сказок, песен, загадок. В ненецкой сказке мальчик, попав в Нижний мир, видит комара, вылетающего вверх и поющего:

*Пан-панриц-пани-пац,
В Верхнем мире люди живут.
В Верхний мир я лечу,
Земных людей кровь пить буду*¹⁸.

Впрочем, относиться и к комарам, и к оводам принято благожелательно — «не то тебя и твоих оленей закусуют». Аборигены всегда старались не убивать кровососов; эта традиция сохранилась и до наших дней. Образы насекомых использовались в качестве тотемных предков: так, имя одного из родов ямальских ненцев — *ненянг* (комар)¹⁹.

Об оводах у ненцев есть уважительно звучащая загадка: «В летнюю пору носят одежду из бобровых шкур».

Люди даже пытаются использовать способность насекомых переносить болезни: личинками овода ненцы иногда протирают больные глаза, чтобы передать засевшее в них «зло» ещё не заражённому зародышу²⁰.

¹⁸ Легенды и мифы Севера: Сборник / Сост., примеч. В. М. Санги; — М.: Современник, 1985. — 400 е.; ил.

¹⁹ Хомич Л. В. Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л. 1976. — С. 29.

²⁰ Головнев А. В. За семью слоями мерзлоты (Смерть в мифологии ненцев). <http://www.norfest.ru/?cat=141>.

Летние месяцы у ненцев называются по именам насекомых: *ненянг ирий* — месяц комара (конец июня — начало июля), *пилю ирий* — месяц оводов (конец июля — август).

«Печорские казни». **Путешественники об уральском гнусе**

«Мучительное комариное время... Комары на Печоре в конце мая, июне и начале июля — это одна из невыносимых казней египетских. Мириады этих кровопийц, каких-то особенных, необыкновенно крупных, рыжеголовых, нападают на человека и на всякое живое существо тучами, мешают есть, нить, работать, думать; от них нет спасения: накомарники (сетки, надеваемые на голову и лицо вроде пчелиных, употребляемых при вынимании меда из ульев) не помогают; они как-то ухитряются залезть и под них; да в знойные дни и душно в накомарниках; смазывание открытых мест тела пахучими веществами не служит ни к чему. Один только ветер несколько прогоняет несносных пискунув»²¹, — таковы впечатления от летней поездки по Печорскому краю писателя Ф. Арсеньева.

Даже знаменитые красоты уральской природы отступали перед ордами крылатых вампиров. Финский этнограф М. Кастрен, путешествовавший по Печоре в середине XIX в., сетовал: *«Величие самой реки, прекрасные лесистые берега, зеленеющие луга и острова, совершеннейшая пустынность, печальный темный цвет, которым на дальнем севере отличаются и луга, и леса, и даже воды, и рядом яркий ослепительный блеск снега, уцелевшего в какой-нибудь глубокой лощине, защищенной возвышенностями от знойных лучей солнца — все это, конечно, прекрасно, но не надолго. Вскоре мириады комарей и мошек, кусающих ежеминутно, лишают вас всякой возможности восхищаться. Только и думаешь, как бы защититься от этого зла, которое справедливо можно причислить к семи Египетским казням. Наденешь ли сетку из конских волос, забьешься ли в парусинную палатку — тут уже не до красот природы, в которых видишь уже главную причину этой напасти»²².*

²¹ Арсеньев Ф. А. Шугор // В делях Севера. — Сыктывкар: Коми кн. изд., 1999. — С. 308.

²² Кастрен М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849) // Магазин землевладения и путешествий. Географический сборник. — М., 1860. — Т. 6. — Ч. 2. — С. 162.

Египетские казни в связи с печорскими кровососами упоминаются неоднократно и не случайно — масштабы «наказания мошками и мухами» в этих краях приводили в ужас даже бывалых путешественников. Самую детальную классификацию «печорских казней» дал в 1886 г. ссыльный вологодский краевед Н. А. Иваницкий, совершивший на Печору две поездки-экспедиции — в 1881 и 1885 гг.; показательно, что из шести «казней» Припечорья на кровососов у него пришлась ровно половина²³.

«Ветер совершенно стих, и комары (третья печорская казнь) появились тучами. ...Проехав 30 верст, остановились ночевать на берегу, развели большой огонь, но, увы, с трудом удалось выпить стакан чаю и поесть ухи, комары просто приводили в отчаяние.

...Весь день 23 июня все мои попытки приблизиться к лесу были напрасны. Появились еще оводы (четвертая печорская казнь), которые мучат не меньше комаров.

Едва взойдет солнце и немного пообогреет, как появляются эти насекомые и к полудню количество их страшно возрастает. Они носятся вокруг лодки с звонким жужжаньем, ударяются в лицо, садятся на руки и на шею и жалят до крови. Вместе с ними появилась и мошка (пятая печорская казнь). От оводов и от мошки не защищает и сетка»²⁴.

Подойдя к теме как «естествознатель», Иваницкий описал не только виды досаждавших насекомых, но и их физиологию: «Комаров здесь два вида: серые — *Culex ripiens* составляют обыкновенно девять десятых окружающего вас комариного облака, а одну десятую полосатые — *Culex annulatus*. Несносны конечно комары-самки, так известно, что комары-самцы жала не имеют»²⁵.

Люди много путешествующие, как правило, хорошие рассказчики. Подробно и живо живописует ощущения от комаров известный исследователь Севера К. Д. Носилов: «В необъятной тайге, где виден только лес и лес и массы всякого овода, который, кажется, слетелся за нами сюда со всех сторон, чтобы не дать нам спокойно забыться. И действительно, над нами, кругом нас что-то ужасное: миллионы комаров, как столб, кружатся в воздухе над нашим становищем, пламя костра сотнями губит их, охватывая клубами дыма и огненными языками, и они валятся в наш котел, падают с обожжен-

²³ Остальными тремя «печорскими казнями», по Иваницкому, являются: северный ветер, земские почтовые станции и раскольники-староверы.

²⁴ Иваницкий Н. А. Вологодская Печора (Из путевых заметок) // Вологодские губернские ведомости. — 1886. — № 21. — С. 5.

²⁵ Там же.

ными крылышками на наши головы и одежды, ползают и жалобно жужжат, и тысячи их ходят по нашим спинам, плечам и кружатся в воздухе, и лезут в рот, уши, нос, всюду, устраивая на нас настоящую атаку.

Мы наскоро съедаем, вместе с комарами, свои порции, наскоро выпиваем по стакану чая с тем же содержимым из комаров и скорее закутываемся в свои плащи и ложимся под дерево, в густой заросли которого как будто меньше этих насекомых.

Ночью, чуть не задохнувшись во сне, я пробуждаюсь и смотрю на наш спящий караван: темные плащи вогулов стали серыми от массы ползающих насекомых, по потухшему костру, котлу, чайнику, нашей пище ползает то же серое войско, и буквально все покрыто этими ужасными насекомыми, которые даже забираются под наши одежды, чтобы и там найти себе кровь, которую они слышат по испарениям, по дыханию человека.

... Вот страшное войско, которого не знали казаки князя Курбского, проходя по этому пути зимой; но я уверен, что они едва ли бы вынесли это мучение насекомых, если бы попали вот в такую ночь в эти леса вогулов!

... Я помню, мы долго бежали еще от облака комаров и мошек, которое гналось за нами целым стадом, словно не желая и нас выпустить живыми из своих хоботков; но нас спасла одна горка, на которой сразу подул нам навстречу такой прохладный, уральский холодок, что насекомые сразу попадали на землю и скрылись.

Этот ветерок дул из одной ближайшей долинки и был таким благодетелем, что мы от радости тут же решили напиться чаю, пользуясь отсутствием насекомых.

И что это был за чай! В стакане ни одного насекомого, уши словно открыты, и только один зуд на лице, ушах, руках, страшный зуд, еще напоминает, в какой мы были бане, от которой только что избавились. И даже наш пес Лыско и тот был рад, что благополучно отделался, катаясь теперь от радости по мху и бросаясь прямо ко мне на шею»²⁶.

Носилов, много лет, в том числе и в одиночку, путешествовавший по этим диким местам, перед насекомыми отступает: «... жаркий день породил столько овода, что он буквально осаждал нас на плоту с самого раннего утра и так кусал, так впивался в измученное тело, так раздражал его, что мы, не зная куда скрыться, как есть в одежде, бросались в воду, чтобы хотя, смочив тело, не чувствовать на несколько времени страшного зуда овода, который заставлял опухать руки, который покрывал тело опухолью, кровью.

²⁶ Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. — Издание А. С. Суворина, 1904. — С. 229.

Это что-то было ужасное, чего я еще не испытывал, даже много лет путешествуя по Уралу; это было что-то невероятное, и даже мой пёс и тот несколько раз садился на берегу в исступлении и выл, так страшно выл, подняв морду к небу, что казалось, — предчувствовал тот же конец, какой постиг и его бедных товарищей на Урале.

В этот день я не узнавал свои опухшие руки; в этот день мои волосы были полны убитых насекомых; в этот день моя спина рубашки, казалось, была вся прокусана, и тело зудилось, ныло, болело так сильно, что я готов был не только лезть в воду, но даже в огонь...

В этот день мой дневник до сих пор представляет из себя грязные, кровавые страницы, и почерк руки — такой странный, что словно я находился в самом нетрезвом состоянии»²⁷.

Отдельной темой проходят кровососы в материалах знаменитой Североуральской экспедиции Э. К. Гофмана — самой первой и, пожалуй, самой известной комплексной научной экспедиции в Приуралье. Впечатления Гофмана были настолько сильны, что он возвращается к «комариной» теме неоднократно.

«Приятно жить в горах, но комары, комары!.. Они уничтожили всю прелесть этой жизни! Только в течение двух суток, когда температура, при резком северном ветре, упала днем до 4°, а ночью ниже точки замерзания, они оставили нас в покое и девались Бог весть куда; но едва снова потеплело, как они возвратились к нам с удвоенною жадностью...»²⁸.

«Путешествие по Уралу сопряжено со множеством лишений, но они забываются и даже оставляют в воспоминаниях приятное чувство, но... претерпеваемую от комаров муку забыть нельзя!»²⁹.

Гофман не может не упомянуть уральских комаров даже в донесении Русскому географическому обществу: «От кровожадных врагов человека на севере — комаров — нет спасения. Они не находились в столь огромном количестве ни в камышах Каспийского моря, ни в тайге Восточной Сибири и Камчатки, ни в Бразилии, ни в бамбуковых рощах на острове Лусон...»³⁰.

²⁷ Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. — Издание А. С. Суворина, 1904. — С. 147.

²⁸ Гофман Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции Русск. геогр. об-ва в 1847, 1848 и 1850 гг. — СПб., 1856. — Т. 2. — С. 55.

²⁹ Там же. — С. 202.

³⁰ Матвеева Т. Н. — 1972. — С. 51.

Слова руководителя экспедиции подтверждает другой её участник, поручик Д. Юрьев: «Упомянув о трудностях и лишениях нашего странствования, не могу не заметить о постоянном и мучительном беспокойстве, разнообразном нашему образу жизни и средствам, для изображения которого привожу слова из отчета Полковника Гофмана: «Насекомые дикие и домашние, летающие и ползающие, жужжащие и немые, мучили нас; одно имя их мне страшно теперь, поэтому их не называю»³¹.

«Комары представляют летом на Печоре нечто ужасающее: днём жалит мошкара, а вечером и ночью комары, способные свести с ума; в будку, стоящую на лодке, залезть нельзя, потому что там душно, а выйти на воздух невозможно из-за несметных туч комаров, которые «кусаются, как собаки». Надевают накомарник, но долго пробыть в нём нельзя, потому что дышать опять становится очень тяжело. Одно спасение, когда подует ветер, а иначе дорога становится мучительной»³², — так описывает печорскую действительность в начале XX в. сосланный сюда врач С. В. Мартынов.

Вопреки общепринятому мнению, «комариный» сезон в здешних краях не заканчивается с июльской жарой, и даже с первыми заморозками; особенно это характерно для болотистых предгорий. «Так как работы производились в дальнем расстоянии от деревни Аранец, в котором мы имели ночлеги лишь в первые трое суток, то вскоре началась настоящая кочевая жизнь, со всеми ее лишениями. Бесчисленные рои комаров и мошек буквально залепляли глаза и в течение целого дня не давали минуты покоя, несмотря на все предохранительные средства: сетки и комарники. Чтобы избавиться хоть на несколько времени от несносного зуда, приходилось на ночлегах умываться почти горячею водою: это несколько утоляет боль; поверье, что комары исчезают с Ильина дня (20 июля), к Запечорским лесам не применяется: они сопровождали нас во все время пути, несмотря на сильные утренние холода, как, например, с 3 на 4 августа, когда даже вода замерзла в котлах. Чуть проглядывало солнце и обогревало воздух, комары снова появлялись, едва ли не в большем еще количестве; только ветер отгонял их в сторону»³³.

³¹ Юрьев Д. Ф. Топографическое описание Северного Урала, исследованного уральской экспедицией в 1847 и 1848 годах. — СПб., 1852. — С. 137.

³² Мартынов С. В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28. 1905. — С. 252.

³³ Отчет комиссии по исследованию Печорского края. — Архангельск: Губернская типография, 1867. — С. 158.

«...немалый бич и оленя и человека в Печорском крае, и особенно на Усе — комар. Хотя это и «маленькая мелочь» в жизни здешнего населения, но это в тоже время нечто ужасное и страшное, если не для жизни, то для нервов. Эти несметные мириады, эти тучи жужжащих, жалящих, вонзающихся в тело комаров приводят в бешенство и оленя и человека. И оленя угоняют на лето от «египетской моровой казни» к Ледовитому океану, где комара или нет или поменьше, а человеку от этого «аспида» укрыться негде и нечем: ни стенами, ни окнами, ни накомарниками, не спастись ничем: бьешься, дрыгаешь руками и ногами, ругаешься и, наконец, изнеможенный в борьбе с «казнью», с проклятиями, как в кошмаре засыпаешь, просыпаясь «сплошным волдырем». Тут, для работы летом на открытом воздухе нужна тоже особая «закалка» для поселенца, и это тоже не мешает учесть при мысли о заселении Печоры южными землеробами»³⁴. — рассуждал Н. Н. Мамадышский.

«Здесь без сетки никто не выходит из деревни».
Как решали проблему кровососов местные жители

Аборигенные народы всегда относились к кровососам, можно сказать, философски — как к неизбежному злу. Боролись с гнусом чаще с помощью дыма, мазей (дѣгтя), самодельных сеток-накомарников, в домах — тканевых пологов, в поле и в лесу — берестяных шалашей-катагаров, иногда с пологами.

В лесу и на реке обычны были дымокуры. «Комаров в лесах бездна... когда на реке днем дует свежий ветерок, их меньше, но ночью они положительно не дают покоя, ходить пришлось в накомарниках, а спать под пологами. Когда садились закусывать, то приходилось разводить дымокуры — зажигать гнилое дерево, чтобы хоть немного отогнать комаров»³⁵.

«...иногда сидишь в таком густом дыму, что едва можно дышать, но и это отраднее, чем борьба с безчисленной ватагой назойливых насекомых»³⁶.

³⁴ Мамадышский Н. Н. Уссинский край : подворно-экономическое исследование поселений р. Уссы Печорского уезда в 1909 г. / Н. Н. Мамадышский. — Архангельск : Губернская типография, 1910, [2], 73 с. — С. 61.

³⁵ Иловайский Д. И. Поездка в Ляпинский край // Землеведение. — 1903. — Кн. IV. — С. 14.

³⁶ Латкин В. Н. Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. Записки ИРГО. — 1853. — Кн. VII. — С. 114

Помогали дымокуры слабо. Процесс ночлега с дымокурами на Печоре красочно описан у Мартынова:

«Против нападения комаров разводится большой костер. Но никакие костры и сетки, дым и перчатки не помогают, особенно при тихой безветренной погоде, когда дым поднимается прямо столбом к небу. Они тысячами миллионов покрывают все платье сплошным серым налетом, если только человек с полминуты смирно посидит на месте. Если приподнять накомарник, в котором трудно дышать, то в глаза и ноздри, рот и уши набиваются мгновенно массы комаров и, если одни погибают, то прилетают новые тысячи, и снова идет нападение.

С трудом можно себе представить картину, когда в темном, дремучем лесу, окруженный двухаршинною травой, около миниатюрной деревянной полуразвалившейся избушки пылает громадных размеров костёр, и около него, спасаясь от укулов комаров, рисуются какие-то с закоптелыми лицами силуэты, все жадно глядящие на висящий над костром котёл, ожидая, когда можно будет приступить к утолению голода»³⁷.

Из помещений комаров также выкуривали дымом:

«...Кругом ныли комары.

— Сейчас их выгоним, — сказал хозяин, растапливая печь.

Из печи повалил клубами седой дым. Языки красного пламени вырывались вместе с ним из печного хода и бесшумно лизали его черные края. Скоро верхняя половина керки скрылась в мощном пласте дыма, слегка волнующеся основание которого не опускалось ниже определенного уровня. Это позволяло сидеть несколько согнувшись в помещении за столом. В открытую дверь понемногу вылетали комары»³⁸.

«Ночевать надо в избушке, куда уже набились комары, но как ни ест глаза дым, как ни тяжело бывает дышать едкой гарью, из двух мучений приходится выбирать меньшее, и мы ложимся, кто на лавках, кто на полу, спать среди облаков дыма от тлеющих в углу сырых сучьев. Клубы дыма выходят в разбитые стекла избушки, преграждая доступ комарам, которые, однако, на карауле и, при прекращении дыма, опять врываются жужжа в наше помещение. Приходится всю ночь поддерживать спасительный костёр, и наутро путешественники по цивилизованному Российскому государству, в начале XX столетия.

³⁷ Мартынов С. В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28. 1905. — С. 168.

³⁸ Сергель С. И. В Зырянском крае. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. — С. 45.

встают с закоптелыми от дыма лицами, внимательно перекликаясь, не угорели кто-нибудь»³⁹.

«...Была совершенная тишина; около леса, где стояла моя лодка, туча комаров наполнила воздух. Товарищи мои были рады моему приходу, чтоб скорее пуститься в путь; они не заснули ни на минуту; ни курево, ни укрыванье, ничто не помогало: комары тянули свою заунывную немолчную песню и жалили, пробираясь под накомарники. ...Теперь я сижу в лодке, в густом дыму, чтоб спастись от комаров; но и это не совсем помогает — так их много. В нынешнем году долго не было комаров и уже полагали, что их не будет; но неожиданно настала теплая погода с дождями, и они явились вс таком множестве, какое редко бывает. Усинские комары пользуются особенной славой по всей Печоре по величине и назойливости»⁴⁰.

При движении по лесу охотники иногда также использовали дым, приделывая сзади горшок или банку с тлеющими гнилушками. «Местные обитатели-охотники, выходящие куда-нибудь из дома, употребляют от подобных неприятелей так называемые дымокурки. Это есть не что иное, как небольшой железный сосуд, который наполняется сырыми щепками или гнилушками. Поджигая их сухой травой, пешеход имеет постоянно около себя дым, который несколько разгоняет комаров. Подобные дымокурки обыкновенно привязывают за спину»⁴¹.

Припечорский накомарник (комарник, куколь) — «...род мешка, с отверстием для лица, закрытым густой волосяной сеткой»⁴² — не особо отличался от современного. «Как дополнение к летнему костюму, надо назвать накомарник; это — женский капор из холста, только он более опускается на грудь, плечи и спину; отверстие для лица обшивается волосяной сеткой; назначение такого костюма — защита от комаров, паутов и мошек, которым нет числа в зырянских лесах и деревнях... Без накомарника нельзя, буквально нельзя вый-

³⁹ Мартынов С. В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28. 1905. — С. 168.

⁴⁰ Латкин В. Н. Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. Записки ИРГО. — 1853. — Кн. VII. — С. 83.

⁴¹ Малахов М. В. Уральский хребет / Живописная Россия, 1901. — Т. 8. — Ч. 2. — С. 16.

⁴² Мартынов С. В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28. 1905. — С. 113.

ти в лес: мошка заест. Впрочем, некоторые мажутся какой-то мазью, ужасно вонючей, но она помогает лишь на короткий срок, да и то не так хорошо, как накомарник. Еще лучше надеть его после мази»⁴³.

Так как носило комарники всё население («здесь же без сетки никто не выходит из деревни»⁴⁴), шились они разными, и даже с элементами моды: обычно в виде платка или шляпы из легкой материи, с опускающейся на шею сеткой на каркасе из проволоки, и были недешевы. «Выходя в лес за ягодами, грибами, на охоту или по какой-нибудь другой надобности, все обоюго пола и возраста надевают на голову разноцветные «комарники», смотря по возрасту и вкусу каждого. Без «комарника», который здесь шьется в виде низкой шляпы из разноцветной хорошей материи — черной, синей, красной, голубой (стоит около рубля), с опускающейся ниже шеи белой или черною марлёю или кисеёю, ни днем, ни вечером невозможно не только идти в лес, но даже выйти поработать в свой огород или на рыбную ловлю на удочку: иначе эти насекомые, при поддержке их еще паутами, совсем закусуют и залепят глаза, почему без «комарника», без сильного ветра, разгоняющего этих насекомых, невозможно никакая работа на улице; при ветре и отсутствии насекомых марля или кисея с проволокой приподнимаются и «комарник» принимает вид приличной шляпы»⁴⁵.

Накомарниками пользовались не все, особенно мужчины: «летом от комаров они повязывают голову ситцевым женским платком, так как в накомарниках дышать трудно»⁴⁶, «...в накомарнике скоро становится очень трудно дышать, и большинство предпочитает повязывать просто голову платком, оставляя лицо и руки открытыми для комаров, которые жалят без милосердия»⁴⁷.

⁴³ Круглов А. В. Лесные люди / В делях Севера. Русские писатели XVIII—XIX веков о земле Коми. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.

⁴⁴ Латкин В. Н. Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. Записки ИРГО. — 1853. — Кн. VII. — С. 88.

⁴⁵ Попов Андрей, священник. Печорский край, что в Усть-Сысольском уезде, Вологодской епархии, и его природные богатства. — Вологда, 1914. — С. 8.

⁴⁶ Мартынов С. В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28. 1905. — С. 168.

⁴⁷ Мартынов С. В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28. 1905. — С. 113.

Для лучшего эффекта накомарники иногда пропитывали репеллентами. «...волосяные сетки, надеваемые на голову в виде башлыка, смазывают ... дёгтем или скипидаром, но все это служит весьма плохой защитой от комаров, и в особенности от мелкой, всюду проникающей мошки»⁴⁸.

Ноги защищали толстыми вязаными чулками: «В шерстяных чулках зыряне (и мужчины, и женщины) ходят даже летом, так как через них не прокусывают комары»⁴⁹.

В домах, балаганах-кандагарах на сенокосе для защиты от комаров на ночь вешали матерчатые полога: «полог — необходимая принадлежность здешних спален для защиты от комаров»⁵⁰. «В домах ... в ночное время защищает от насекомых полог, сшитый или из фабричного белого полотна или ситца, за неимением домотканного холста, так как лён здесь не сеется и толстый, узкий холст в лавках стоит 15 коп. аршин»⁵¹.

«Ночью комары также не дают уснуть, и спастись от них можно, только залезая под особо устроенные пологи, куда, однако, при малейшем неосторожном движении, немедленно врываются целые полчища этих инквизиторов-мушкетеров, уберечься от которых нет возможности»⁵².

⁴⁸ Малахов М. В. Уральский хребет / Живописная Россия, 1901. — Т. 8. — Ч. 2. — С. 16.

⁴⁹ Первухина А. Е. По реке Косью в Северном крае // Советское краеведение. — 1936. — № 9. — С. 102.

⁵⁰ Латкин В. Н. Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. Записки ИРГО. — 1853. — Кн. VII. — С. 92.

⁵¹ Попов Андрей, священник. Печорский край, что в Усть-Сысольском уезде, Вологодской епархии, и его природные богатства. — Вологда, 1914. — С. 8.

⁵² Мартынов С. В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28. 1905. — С. 113.

Чом — сенокосный балаган, спят под пологами (справа), защищающими от комаров. Фото С. И. Сергеля, 1906 г.⁵³

**«Щугорских комаров мы, вероятно,
никогда не забудем».
«Комариная география» Припечорья**

Особое место среди припечорских деревень в «комариной географии» занимает почему-то село Усть-Щугор.

В 1909 г. путешествовавший по Печорскому краю Борис Безсонов, художник и чиновник Вологодской губернской управы, описывает «*тахитит комаров во всю поездку*» на горе возле Усть-Щугора, где стояла церковь (местные жители называли это место «Поп-гора»⁵⁴):

⁵³ Сергель С. И. В Зырянском крае. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. — С. 27.

⁵⁴ Шубницина Е. И. Щугор. Путеводитель. — Сыктывкар: Коми Респ. тип., 2009. — 72 с., ил. — С. 58.

«Мы ... втроём отправились в село с фотографическими целями, и нам почему-то показалось, что комаров не особенно много, так что мы имели неосторожность пойти без накомарников и перчаток и, хотя нас и предупреждали собравшиеся на берегу Щугорцы, чтобы мы не ходили к церкви, будто даже и по-ихнему там комаров много, но мы не обратили должного внимания на их предупреждение и направились именно к церкви.

Столько комаров нам еще не приводилось видеть: пока мы шли, куртки наши и шапки от массы насеивших на них комаров обратились из черных в серые. Стоило провести рукой по шапке, чтобы с неё сыпался целый дождь комариных трупов, но через мгновение она опять становилась серою: все, не закрытое одеждой, горело, как на углях, от укусов, над головой с гудением стояла сетка из них. Никакое отмахивание не уменьшало количества их жал, впивающихся в тело. Мои спутники бежали, бросившись вниз под гору к реке, я, вооружившись терпением, снял два вида, все время истязаемый комарами, и, не сложивши даже аппарата, пустился самым настоящим образом бежать от этого маленького, но ужасного врага и насилу добежал до парохода: все мое лицо, шея, руки горели, как обожженные, и долго еще нестерпимый зуд не давал опомниться от полученной бани. Щугорских комаров мы трое, вероятно, никогда не забудем; и на пароходе-то они не давали никому покоя, так что приходилось в каютах натягивать полога, хотя на ночевку пароход даже нарочно отошёл от берега и стал посреди реки»⁵⁵.

Спустя пять лет на усть-щугорских комаров жалуется уже священник Усть-Щугорской церкви: «...сторожа-то совсем не было при церкви, а то постоянно отсутствовал, не приходя даже на ночь в очень хорошую квартиру для церковного сторожа из двух комнат, объясняя мне свое отсутствие невозможностью спать ночью в церковной караулке из-за присутствия в квартире множества крупных комаров (которые здесь большей величины, чем в других местах Вологодской губернии) и мошек, которые не дают ему спать по ночам».

⁵⁵ Безсонов Б. В. Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим путям на Сибирь. — СПб, 1909. — С. 99.

Часовня на высоком берегу Печоры возле Усть-Шугора.

Рисунок сделан, по всей вероятности, именно с фотографии Безсонова, полученной при описанных выше «героических обстоятельствах»⁵⁶.

***«Глядя на красоту, забываешь даже комаров».
Геологи, туристы...***

В 1920-х, когда началось геологическое освоение Припечорья, геологи пользовались уже «заводскими» накомарниками. Для местного населения сетки для накомарников оставались в дефиците, как и вообще любая мануфактура. Геолог Т. Добролюбова пишет в дневнике про свой «шёлковый тюлевый накомарник — легкий, свободный и надежный, совсем незаметный для глаз. Местные жители глаз не могут отвести, просят прислать им такой же»⁵⁷.

⁵⁶ Живописная Россия. — 1901. — Т. 8. — Ч. 2. — С. 6.

⁵⁷ Калашников Н. В. Геологические исследования Т. А. Добролюбовой в Печорском крае (1921—1931 гг.). — Екатеринбург: УрО РАН, 2002. — С. 49, 50, 83.

Не теряли актуальности и дымокуры. «Дымокур — лучшее средство от комаров. С него начинался день, он был постоянным спутником в работе (впоследствии я приноровился делать дымокур в ведре и ходил с ним по тундре). В безопасности чувствуешь себя лишь тогда, когда вокруг горят несколько костров с плещущими сырыми зелеными ветками. И пока у тебя текут слезы от дыма, комары тебе не страшны. В какой-то момент даже покажется, что комары лучше дыма. Выходишь из дымовой завесы на свежий воздух — и... тоже невозможно дышать»⁵⁸.

Нужно отметить, что геологи, много бывающие на Урале, относились к комарам гораздо спокойнее, чем их предшественники из XIX века. Г. А. Чернов вспоминает, что его отец, А. А. Чернов, вообще никогда не носил накомарника — «местные жители даже считали, что он знает «волшебное слово»⁵⁹. Напротив, его жена, Мария Ивановна Шульга-Нестеренко, «невыразимо боялась комаров»: «Работать было трудно, но более всего доставалось Марии Ивановне. Она и потому укутала голову какой-то невероятной чалмой. Поверх чалмы натянула накомарник. Свою довольно полную фигуру она облачила в несметное количество одежды. Поверх сапог красовались необыкновенной ширины шаровары, как у кубанских казаков, а на руках блестели лайковые перчатки. Тучи комаров вились вокруг. Мария Ивановна задышалась в своей непроницаемой одежде»⁶⁰.

⁵⁸ Чернов Г. А. Из истории открытия Печорского угольного бассейна / Г. А. Чернов, 2-е изд. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. — С. 18.

⁵⁹ Чернов Г. А. Из истории открытия Печорского угольного бассейна / Г. А. Чернов, 2-е изд. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. — С. 100.

⁶⁰ Иевлев А. А. Вторая жена. <http://komikz.ru/news/history/?id=11430>

Экспедиция А. А. Чернова на волоке с Аранца на Большую Сыню (Приполярный Урал). «...труднее всего было идти Марии Ивановне. Она больше всех боялась комаров, а потому надела лишнюю одежду. На руки натянула лайковые перчатки, голову обвязала платком, а поверх платка надела накомарник.

Она очень уж напоминала неповоротливого водолаза».⁶¹

«Дама с комарами». М. И. Шульга-Нестеренко.⁶²

⁶¹ Чернов Г. А. Из истории открытия Печорского угольного бассейна / Г. А. Чернов, 2-е изд., испр. и доп. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. — С. 42.

⁶² Там же. — С. 100.

Геолог М. Фишман самых страшных комаров описывает в верховьях Подчерья: «...Выше Орловки река становится уже, мельче и быстрее, бечевник хуже, а комары злее. Я ни в одной другой экспедиции больше не встречался с таким обилием этих кровопийц...»⁶³ И тут же: «А всё же река — красавица... А скалы Емель-Кырта в районе ручья Малый Емель! Где еще увидишь подобную красоту? Глядя на них, забываешь все трудности подъёма и даже комаров»⁶⁴.

К середине XX в. для защиты от гнуса стали использовать диметилфталат — диметиловый эфир ортофталевой кислоты, который и сегодня остается лучшим антикомариным средством в этих местах. Конечно, полностью решить проблему это не могло, но частично помогало.

Теми же средствами пользовались и туристы, начавшие с середины 1950-х осваивать Уральский Север. Вот впечатления свердловских туристов — участников одного из первых походов на Приполярный Урал в 1954 г.

«Едва вылезли из палатки, как откуда-то из леса показались полчища комаров и мошек. Мы быстро приготовились к встрече: у каждого в руках по накомарнику, а Лева даже потрясает бутылкой с маслянистой жидкостью — диметилфталатом. Однако через полчаса настроение изменилось. Комары и мошки сплошной тучей висели над нами, используя любую возможность забраться под одежду. Рьяно отмахиваясь от комарья руками, как от ос, специалист по северной фауне Дима Воробьев бросается в речку с криком:

— Лучшее спасение — в воде!

Действительно, ни накомарники, ни дым от костра, ни даже хваленый диметилфталат не принесли нам такого облегчения, как прохладная горная вода»⁶⁵.

Путешествующим «по цивилизованному Российскому государству». Вместо заключения

И сегодня путешествующие «по цивилизованному Российскому государству» — начала уже не XX, а XXI столетия, приезжая в Печорский край, сталкиваются с его свирепыми крошечными стражами. Ни современные репелленты, ни сетки в палатках и полога не снизили накала

⁶³ Фишман М. В. Каменный пояс. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. — С. 61.

⁶⁴ Там же. — С. 62.

⁶⁵ Масленников Е. П. По Уралу Приполярному / Зовут дороги дальние. — Свердловск, 1961. — С. 10.

впечатлений от контактов с полчищами крылатых вампиров: душераздирающими подробностями пестрят интернетные отчеты, да и просто устные рассказы о невзгодах и опасностях уральских дорог.

Гнусные, в прямом смысле слова, вылазки злой мелочи портят картину и чиновникам, пытающимся продвигать коммерческий туризм в местах «нетронутой природы». Часты истории о приключениях иностранцев на Урале, готовящихся к опасностям горных рек, нападениям медведей, разбойников — и раскисающих на второй день от обычной мошки... На Щугоре однажды у иностранного туриста аллергия на мошку самым трагичным образом совпала во времени с негативной реакцией желудка на местную кухню. Учитывая отсутствие в лесу оборудованных туалетов, он каждые пятнадцать минут стремглав бросался в кусты, откуда тут же вылетал пулей, с безумным выражением на заплывшем лице.

И всё-таки: какие же выводы можно сделать из всей истории сосуществования человека и комара в Припечорье? Получается, что перенести встречу с гнусом помогают: знание местности, умение ходить по ней и хорошее (не дорогое — соответствующее!) снаряжение. А ещё — умение видеть и ценить красоту природы и ... чувство юмора.

И напоследок — несколько выдержек из записок современных «покорителей Урала»:

«...комаров и мошек всё равно было чуть более чем дохрена — в этом плане Карелия по сравнению с Уралом просто рай. Летящие гады бывают трёх видов: обычные комары (почему-то бесшумные), мелкие мошки и сверхмелкие мошки. Количественно доминируют мелкие мошки: они облепляют клиента с головы до ног, но сразу не кусают, а лезят в поисках тонких мест на коже, чем немало докучают»⁶⁶.

«Буквально пару минут, пару минут тишины и спокойствия, это то время, которое нам дали гнус и комары, чтобы подышать свободно воздухом. Налетели стаи, тучи, на свежее мясо, свежую кровь. Первое время просто шок! Такого количества никто еще не видел. Я думал в прошлом году, что на Кольском полуострове гнуса и комаров тучи — да их там просто НЕТ! и кусаться они там слабо умеют! Так встретила нас тайга»⁶⁷.

«Полное безветрие, в тайге воздух влажный. И все бы ничего, но комаров — море. Мы мечтали идти в белых шортиках и в кроссовках с белыми же носочками. Но это мечты. Шли мы при такой жаре в непроницаемых анораках, в шерстяных носках, в накомарниках и в неопреновых перчатках. Никогда в жизни я так не потел, даже в бане... Концентрация внимания на ходьбу была максимальная, именно поэтому раздражающее влияние комаров при ходьбе и на отдыхе пришлось уменьшить, надев полное «глубоководное» снаряжение. Впер-

⁶⁶ <http://waterslonique.livejournal.com/14081.html>

⁶⁷ Отчет туристов из г. Харькова. <http://yavova.org.ua/blog/index.php?blog=2&p=225&more=1&c=1&tb=1&pb=1>

вые в нашей практике на стоянке была устроена холодная баня. Чтобы просто омыться холодной водой и не быть сожранным комарами и мошкой, мы натянули банный тент, принесли в гермаках воду и только под тентом разделись. Иначе — никак. На коротких передышках, останавливаясь у реки, я омывался прямо в костюме»⁶⁸.

«Влажно, жарит солнце. Слепни звереют, сидят на нас в невообразимых количествах, кусают через плотно прилегающие на затылке накомарники. По этой же причине привалы и обед становятся короткими. До 40 комаров убитыми за удар ладони, т.е. 40 к/у — комаро-ударов (англ. — *tps*), важная характеристика плотности насекомых в воздухе. Знаменитое уравнение норвежского математика Нильса Хенрика Абеля связывает среднее количество

⁶⁸ Как я провёл лето на Маньпупунёре. Сочинение ученика школы № 715 г. Москвы Корыстова Серёжи с картинками. http://www.skitalets.ru/foot/2005/man_korist/

к/у с количеством комаров на кубометр воздуха приповерхностного слоя атмосферы, а также с относительной площадью поверхности водоемов в данной местности.

В то же время мы насчитали до 15 с/у (слепне-ударов). Приведенные выше числа подтверждают факт, что нам сильно повезло в этом году, т.к. комарья, а особенно мошки, очень мало. Уральские рекорды — 230-250 к/у остались не побитыми»⁶⁹.

*Елена Шубница,
заместитель директора
национального парка «Югыд ва»,
г. Сыктывкар*

⁶⁹ Отчет о комбинированном (пеше-водном) походе 4-й категории сложности по Приполярному Уралу в июле 2003 года http://www.skitalets.ru/foot/2004/pripolar_shapov/

СОДЕРЖАНИЕ

IV Лопаревские чтения	3
<i>Х. Лопарев</i> . Мои первые шаги в Обществе	6
Письма Ф. Н. Завадовской (Анисимовой) к Х. М. Лопареву	13
<i>О. Приступа</i> . О работе Краеведческого общества г. Ханты-Мансийска. 2011—2013 гг.	45
<i>Н. Корицова (Корнеева)</i> . История в сердце	47
Священник-хлебороб. Письма И. Я. Тверитина в Русское географическое общество	52
Учитель Ф. К. Зобнин	66
<i>Каэм</i> . Внутренние известия	71
<i>Ф. К. Зобнин</i> . Краткие заметки относительно домашнего быта жителей Сургута	73
Сургутская история на страницах «Подорожника»	79
<i>А. Федулов</i> . Четыре странички былого	85
«Тропинки к дому». Недосказанное	96
<i>Т. Старчак</i> . Мои дед Ефим и дядя Анатолий Оболтины	104
<i>Я. Яковлев</i> . По березовскому мосту из прошлого в будущее	130
<i>Е. Веденяпина</i> . Сибирский корень	137
<i>Ф. Зиньковский</i> . «Правда, правда, иди наружу...»	166
<i>О. Дергачёва</i> . «Перековка» — газета для спецпереселенцев	175
Записка Н. Козлова о нуждах рыбной промышленности р. Оби	177
<i>О. Кривошеева, М. Мадырова</i> . 80 лет по пути к профессиональному признанию	190
<i>В. Белобородов</i> . Большой мир маленького дома	203
<i>Л. Завьялова</i> . Коллекция журналов второй половины XIX — начала XX вв. в Государственном архиве Югры	256
Краевед Т. П. Воробьева	265
<i>Е. Шубница</i> . Вампиры уральских дорог	269

ПОДРОЖНИК

Краеведческий альманах
Выпуск 14

Редактор-составитель
Белобородов Валерий Константинович

Издание осуществлено по заказу и при участии
Государственной библиотеки Югры
(г. Ханты-Мансийск)

Выпускающий редактор Т.Ю. Усманова
Оператор компьютерной вёрстки И.В. Булатов
Корректор Т.Ю. Шарыгина
Дизайн обложки Н.А. Переверзевой

Дизайн, вёрстка и печать
выполнены ООО «Принт-Класс».

Подписано в печать 19.05.2014 г. Формат 60×84/16. Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Гарнитура LiteraturnayaC. Усл. печ. л. 17,32.
Тираж 250 экз. Заказ № 0131.

ООО «Принт-Класс».
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 68. Тел. 30-00-34.

